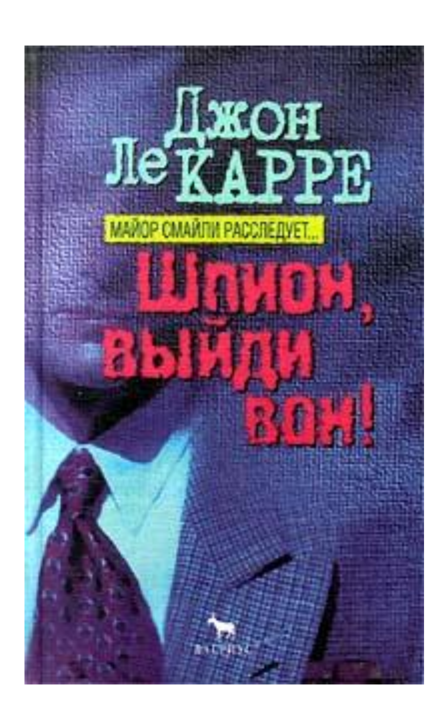
ЛЕ КАРРЕ Джон

Шпион, выйди вон

Памяти Джеймса Беннетта и Дасти Родоса

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

По правде говоря, если бы старина майор Довер не разбился насмерть на скачках в Тонтоне, Джим вообще никогда не появился бы у Тэрсгуда. Он приехал в середине семестра, в конце мая – хотя по погоде это было незаметно. Его наняли через одно из этих агентств, специализирующихся на поиске учителей для подготовительных школ, и взяли только для того, чтобы заменить старину Довера, пока не найдется кто-нибудь более подходящий. «Филолог, – сказал Тэрсгуд общему собранию. – Временная мера. – Он словно оправдывался, убирая со лба прядь волос. – Придо. – Он продиктовал по буквам: P-R-I-D, французский не был специальностью Тэрсгуда, и он на всякий случай сверился с бумажкой. – E-A-U-X, зовут Джеймс. Я думаю, он вполне подойдет нам до июля».

Персонал без труда понял намек: в сообществе учителей Джим Придо – словно бедный родственник. Он принадлежал к той же жалкой касте, что и миссис Лавдэй – та самая, что носила каракулевый жакет и на которую разве что не молились, пока банк не опротестовал ее чеки. Или мистер Молтби, пианист, которого часто вызывали прямо с уроков хорового пения, чтобы он помог полиции в ее расследованиях. Все были уверены, что он продолжает «помогать» им и по сей день: его чемодан до сих пор лежал в подвале. Некоторые из учителей, и главным образом Марджорибэнкс, настаивали на том, чтобы открыть этот чемодан. Они уверяли, что там хранятся пресловутые пропавшие вещи: например, портрет мамы-ливанки Апрахамяна, обрамленный серебром, или швейцарской работы армейский складной ножичек Бест-Ингрэма, или часы Воспитательницы. Но несмотря на их настойчивые просьбы, лицо Тэрсгуда оставалось невозмутимым. Всего пять лет прошло с тех пор, как он унаследовал

школу от своего отца, но за это время он уже успел понять, что некоторые вещи лучше держать под замком.

Джим Придо прибыл в пятницу во время сильного ливня. Дождь скатывался с бурых гребней Куонтокса и, пронесшись через пустые крикетные площадки, врезался в песчаник осыпающихся фасадов. Джим приехал как раз после обеда на старом красном «алвисе» с подержанным фургоном-прицепом, который когда-то был синим. Ранний полдень в школе Тэрсгуда – это что-то вроде тихого часа, кратковременная передышка в постоянной борьбе, сопровождающей каждый школьный день. Мальчишек отправляют отдыхать в спальни, учителя сидят в общей комнате и пьют кофе, просматривая газеты или проверяя тетради. Тэрсгуд читает своей матушке какой-нибудь роман. Так что из всей школы лишь маленький Билл Роуч видел, как приехал Джим. Он один видел, как пар вырывался из-под капота «алвиса», когда тот, пыхтя, подъезжал по разбитой дороге, как работали на полном ходу его «дворники» и как, проваливаясь в лужи, волочился следом прицеп. Роуч был новеньким в этой школе и слыл туповатым, если не сказать неполноценным. Тэрсгуд был его второй школой за два семестра. Упитанный круглолицый мальчишка, страдающий астмой, Билл проводил большую часть своего свободного времени стоя на коленях на краю кровати и глазея в окно. Его мать роскошествовала в Бате; отец, по общему мнению, был самым богатым из родителей, и это дорого стоило сыну. Ребенок из распавшейся семьи был наблюдателен от природы. Как заметил Роуч, Джим не остановился возле школьных корпусов, а продолжал двигаться в направлении конюшни, срезая угол. Это место было ему явно знакомо. Роуч потом решил, что он, должно быть, либо заранее провел рекогносцировку, либо изучал карты. Не остановился он и тогда, когда поравнялся с конюшней, а так и ехал прямо по сырой траве, даже не сбрасывая скорости. Затем перемахнул через бугор в Яму и скрылся из виду. Все это он проделал так быстро, что Роучу показалось, будто фургон вот-вот развалится пополам на краю обрыва, но вместо этого он дернулся и исчез, как гигантский кролик в своей норе.

Яма – это предмет местного фольклора. Она находится на клочке неухоженной земли между фруктовым садом, оранжереей и конным двором. На первый взгляд это обыкновенная ложбина, поросшая травой, с бугорками на северной стороне в мальчишеский рост высотой, покрытыми густыми зарослями, которые летом становятся ноздреватыми от влаги. Эти самые бугорки делают Яму просто бесценным местом для игр, и именно им Яма обязана той особой славой, которая меняется в зависимости от фантазии каждого нового поколения учеников. Это следы бывших серебряных копей, говорят в одном году и с энтузиазмом копают в надежде разбогатеть. Это крепость римских завоевателей, говорят в другом и устраивают баталии с копьями и глиняными метательными снарядами. Для третьих Яма – это бомбовая воронка, оставшаяся от войны, а бугорки – сидящие мертвецы, погребенные взрывом. Правда же куда прозаичнее.

Шесть лет назад, незадолго до своего тайного бегства с секретаршей из отеля «Замок», отец Тэрсгуда бросил клич о сооружении плавательного бассейна и подвигнул мальчишек на рытье большой ямы. Но вот только денег на удовлетворение этого плана все время не хватало, он постоянно разбазаривал их на разные другие замыслы, как-то: покупка нового проектора для художественной школы или идея выращивать шампиньоны в школьных подвалах.

Злые языки даже уверяют, что тайные любовники неплохо поживились на школьные деньги, пока в конце концов не сбежали в Германию, на родину девицы.

Джиму все это было совершенно неизвестно. Но факт остается фактом; по счастливой случайности он выбрал именно тот уголок из всей территории школы Тэрсгуда, который, по мнению Роуча, был наделен сверхъестественными свойствами.

Роуч продолжал ждать у окна, но больше ничего так и не увидел. «Алвис» с фургоном как сквозь землю провалились, и если бы не мокрые рыжие следы на траве, можно было подумать, что ему вообще все это померещилось. Но следы были настоящие, поэтому, когда раздался звонок об окончании тихого часа, он надел свои резиновые сапоги и поплелся по дождю к Яме

и стал пристально туда всматриваться. Там сидел Джим, одетый в армейский непромокаемый плащ, с довольно необычной шляпой на голове, широкополой, типа «сафари», только ворсистой, один край которой был пришпилен на щегольской пиратский манер, вода стекала по нему, как по водосточному желобу.

«Алвис» стоял на конном дворе (Роуч так никогда и не узнал, как Джим умудрился вытащить его из Ямы), а вот фургон остался как раз-таки там, внизу, где должно было быть глубокое место бассейна; он был водружен на подставки из закаленного кирпича. Джим сидел на ступеньке, попивая что-то из пластикового стаканчика и потирая правое плечо, как если бы он ударился обо что-нибудь, а дождь тем временем стекал с его шляпы. И вот шляпа приподнялась, и Роуч неожиданно для себя уставился в до крайности свирепое красное лицо, казавшееся еще более свирепым в тени полей шляпы и из-за коричневых усов, намокших и превратившихся в некое подобие клыков. Лицо было сплошь испещрено морщинами, настолько глубокими и извилистыми, что Роуч в момент одного из всплесков воображения пришел к такому заключению: Джим, должно быть, однажды сильно оголодал где-то в тропиках, потом, правда, опять набрал вес. Левая рука Придо все еще лежала поперек груди, правое плечо оставалось приподнятым. Но все его перекрученное тело как-то напряглось, он стал похож на зверя, замершего на фоне леса. «Как олень, – озарило Роуча. – То же величие».

– Кто ты такой, черт бы тебя побрал? – раздался командирский голос.

– Роуч, сэр. Я новенький.

С минуту каменное лицо разглядывало Билла из-под шляпы. Затем, к сильному облегчению мальчика, черты преобразились в волчью ухмылку, левая рука на правом плече снова начала легонько двигаться. Джим тем временем основательно глотнул из пластикового стаканчика.

– Новенький, ну-ну… – повторил Придо, уткнувшись в стаканчик. – Да-а, это неожиданный поворот, прямо как в книжке, скажу я вам.

Поднявшись и повернувшись своей перекошенной спиной к Роучу, Джим приступил к работе, заключавшейся в детальном исследовании подпорок, на которых стоял фургон. Можно даже сказать, критическом исследовании: снова и снова раскачивал подвески, наклонял из стороны в сторону голову в причудливой шляпе, переставлял некоторые кирпичи под другим углом и на другое место. Тем временем весенний дождь заливал все без разбору: плащ, шляпу, крышу фургона. И Роуч заметил, что во время всяческих манипуляций правое плечо Джима не шевелилось, а оставалось все время приподнятым, будто под макинтошем у него лежал булыжник. Поэтому он подумал: а не горбун ли Джим и болит ли у горбунов горб? И еще он отметил, что люди с больной спиной, как правило, делают широкие шаги, как бы компенсируя этим свой недостаток.

– Новенький, да? Ну а я вот совсем уже не новенький, – продолжал Джим гораздо дружелюбнее, потянув за одну из подставок. – Я уже старенький.

Старый, как Рип ван Винкль, если хочешь знать. Даже старше. Друзья у тебя есть?

– Нет, сэр, – ответил Роуч безразличным тоном, которым школьники обычно отвечают «нет», стараясь вызвать положительную реакцию у тех, кто их спрашивает. Джим, однако, не откликнулся, и Роуч вдруг ощутил странное волнение и надежду, почувствовав родственную душу. – Меня зовут Билл, – сказал он. – Меня окрестили Биллом, но мистер Тэрсгуд зовет меня Уильям.

– Билл, да? Бил, да не добил. Дразнят тебя так?

– Нет, сэр.

– На самом деле хорошее имя.

– Да, сэр.

– Я знал многих Биллов. И все они были хорошими ребятами.

Таким образом, начало знакомству было положено. Джим не прогонял Роуча, и тот продолжал стоять у кромки, вглядываясь вниз через забрызганные дождем очки. Кирпичи, как он успел с ужасом заметить, Джим вытащил из-под парника для огурцов. Некоторые из них, правда, еле держались, поэтому Джиму не составило труда расшатать их так, чтобы вытащить совсем. Роучу показалось замечательным, что человек, только-только приехавший в Тэрсгуд, с таким хладнокровием приспосабливает школьное имущество для своих целей, а вдвойне замечательным было то, что Джим отсоединил шланг от пожарного гидранта и устроил личный водопровод, хотя этот гидрант был предметом особого школьного распоряжения: даже тому, кто просто потрогает его, могло здорово влететь.

Эй, Билл! У тебя, случайно, не найдется такой простой штуки, как стеклянный шарик?

Простите, чего, сэр? – переспросил Роуч, ощупывая карманы.

– Шарика, старик. Круглый стеклянный шарик, маленький такой. Разве мальчишки сейчас не играют в шарики? Мы играли, когда я учился в школе.

У Роуча шарика не было, но вот у Апрахамяна была целая коллекция, привезенная из Бейрута. Роучу потребовалось меньше минуты, чтобы сбегать в школу, получить один шарик под строжайшую ответственность и, запыхавшись, вернуться к Яме. Здесь он замялся: по его представлениям, Яма теперь принадлежала Джиму, и поэтому требовалось разрешение на то, чтобы спуститься туда. Но Джим исчез внутри фургона, и, подождав минуту, Билл с опаской шагнул вниз по склону и протянул шарик через дверной проем. Поначалу Джим его не заметил. Он прихлебывал из стаканчика и глазел в окно на темные тучи, проносящиеся над Куонтоксом. Это прихлебывание, как заметил Роуч, давалось ему довольно нелегко, потому что Джим не мог глотать как следует, стоя прямо; ему приходилось отклонять свое перекореженное туловище назад под некоторым углом. А дождь тем временем снова усилился, грохоча по крыше, как гравий.

– Сэр, – сказал Роуч, но Джим и не шевельнулся.

– Беда с этим «алвисом» – рессор нет ни черта, – произнес наконец Джим, обращаясь скорее к окну, чем к собеседнику. – Никогда не пробовал проехаться задом по разделительной полосе? Покалечишь все на свете. – И он, снова откинувшись назад, выпил.

– Да, сэр, – произнес Роуч, очень удивленный тем, что Джим мог принять его за водителя.

Собеседник Билла снял свою шляпу. Его рыжеватые волосы были коротко острижены, в некоторых местах – клочками. В основном они топорщились с одной стороны, и Роуч догадался, что Джим сам подстригал себе волосы здоровой рукой, что придавало ему еще более перекошенный вид.

– Я принес шарик, – сказал мальчишка.

– Ну и молодец. Спасибо, старик. – Взяв шарик, Придо стал неторопливо перекатывать его в своей тяжелой пыльной ладони, и Роуч сразу понял, что он на «ты» с любым инструментом. – Неровно, видишь ли, Билл, – доверительно сообщил мужчина, всецело поглощенный шариком. – Косо. Как я. Смотри. – И он повернулся к большому окну, по нижнему краю которого проходил алюминиевый бортик для стока воды. Положив на него шарик, Джим посмотрел, как он покатился и упал на пол. – Косо, – повторил он. – Подпорки подгуляли. Так не пойдет, верно? Эй, куда ты покатился, ах ты, зараза…

Фургон не был по-домашнему уютным, заметил Роуч, нагибаясь, чтобы поднять шарик. Здесь мог бы жить кто угодно, хотя тут и было безупречно чисто. Койка, кухонный табурет, корабельная печка, баллон с газом. Нет даже портрета жены, подумал Роуч, который пока еще не встречал холостяков, за исключением мистера Тэрсгуда. Из личных вещей здесь бросался в глаза только плетеный вещмешок, свисающий из-за двери, набор швейных принадлежностей, хранящийся за койкой, и самодельный душ из продырявленной бисквитной банки, аккуратно приваренной к потолку. Да еще бутылка с чем-то бесцветным на столе – наверное, джином или водкой, потому что то же самое пил отец Роуча, когда тот приезжал домой на каникулы.

– С востока на запад все о'кей, а вот с севера на юг, безусловно, косо, – провозгласил Джим, проверив желобок у другого окна. – Что ты умеешь делать, а, Билл?

– Не знаю, сэр, – ответил Роуч деревянным голосом.

Что-нибудь же ты должен уметь. Как насчет футбола? Ты хорошо играешь в футбол?

– Нет, сэр, – сказал Роуч.

– А биту в руках можешь держать? – небрежно спросил Джим, с кряхтением опустившись на кровать и глотнув из стаканчика. – Должен сказать, на подающего ты не похож, – добавил он вежливо. – Хотя, по всему видать, играешь ты больше на себя.

– Не знаю, – промямлил Роуч и сделал полшага в направлении открытой двери.

– Что у тебя получается лучше всего? – Он сделал очередной глоток. – Надо быть хоть в чем-то лучшим, Билл. Я, к примеру, когда-то хорошо пускал камешки по воде. Твое здоровье.

Это был больной вопрос для Роуча, хотя бы потому, что он занимал его мысли большую часть времени. Действительно, с недавних пор его обуревали сомнения насчет своего предназначения на земле и все такое. И в работе, и в игре он считал себя несостоятельным, и даже такие повседневные школьные мелочи, как уборка постели или приведение в порядок одежды, казалось, были ему недоступны. Также ему недоставало набожности, старая миссис Тэрсгуд часто выговаривала ему за то, что в церкви он слишком кривляется. Он корил себя за недостатки, но больше всего за разлад между родителями, наступление которого он должен был заметить и предотвратить. Он даже задумывался, не несет ли он большую ответственность за это, не был ли он чересчур злым или ленивым, не он ли настраивал родителей друг против друга и не его ли дурной характер привел к разрыву. В прошлой своей школе Билл пытался обратить на себя их внимание, закатывая истерики и симулируя припадки церебрального паралича, которым страдала его тетка. Родители посовещались, как это часто уже бывало, и в соответствии со здравым смыслом решили перевести его в другую школу. Вот потому-то этот случайный вопрос, обращенный к нему в тесном фургоне существом почти божественным, единственным в своем роде, едва не привел к катастрофе. Мальчик уже почувствовал, как у него запылало лицо, затуманились очки и фургон начал погружаться в море печали. Заметил ли это Джим, Роуч так никогда и не узнал, потому что тот вдруг повернулся к нему своей изогнутой спиной" наклонился к столу и в очередной раз подкрепился из пластикового стаканчика, бросая мимоходом спасительные фразы.

– Так или иначе, но ты хороший наблюдатель. Я тебе просто так это говорю, старина. Мы, холостяки, все такие, не на кого положиться, так? Никто больше не заметил меня. А тут неожиданная удача появилась на горизонте. Я подумал, ты чародей какой-то. Лучший наблюдатель во всей школе – это Билл Роуч, готов поспорить. Это так же верно, как и то, что у него на носу очки.

Да?

– Да, – промолвил Роуч с благодарностью. – Да, это точно.

– Ну так вот, ты оставайся здесь и наблюдай, – скомандовал Джим, снова нахлобучивая шляпу, – а я вылезу наружу и приведу в порядок подставки.

Поможешь?

– Да, сэр.

– Где этот чертов шарик?

– Здесь, сэр.

– Крикни, если он начнет двигаться, ладно? На север, на юг – куда бы ни покатился. Понятно?

– Да, сэр.

– Знаешь, где север?

– Там, – сказал Роуч с готовностью и махнул рукой.

– Правильно. Ладно, крикнешь, когда покатится, – повторил Джим и скрылся в дожде.

Минуту спустя Роуч почувствовал, что пол колеблется у него под ногами, и услышал, как Джим зарычал то ли от боли, то ли от злости, сражаясь с наружной подпоркой.

* * *

В ходе летнего семестра мальчишки облагодетельствовали Джима прозвищем.

Они перебрали несколько, пока не остались довольны. Попробовали Солдафон – в нем действительно было что-то военное: его нечастые и довольно-таки безобидные ругательства, его прогулки в одиночестве по Куонтоксу. Но так или иначе, Солдафон не приклеилось. Тогда они попробовали Пират, а затем Гуляш.

Гуляш – за его пристрастие к горячей пище, за аромат карри, лука и стручкового перца, который обдавал их теплыми клубами, когда они гуськом проходили мимо Ямы по пути на вечернюю службу. Гуляш – за его прекрасный французский, который многим был совершенно непонятен. Спайкли из пятого "Б" мог копировать его точь-в-точь: «Ты слышал вопрос, Бергер. На что смотрит Эмиль? – конвульсивное подергивание правой рукой. – Не надо пялиться на меня, приятель. Я вам здесь не фокусы показываю. Q u ' e s t – c e q u ' i l r e g a r d e , E m i l e , d a n s l e t a b l e a u q u e t u a s s o u s l e n e z ? M o n c h e r B e r g e r , если ты мне сейчас же не построишь простейшего французского предложения, j e t e m e t t r a i t o u t d e s u i t e a l a p o r t e , t u c o m p r e n d s , гадкий ты лягушонок?»

На самом деле эти ужасные угрозы никогда не приводились в исполнение, произносил ли их учитель на французском или на английском. Причудливым образом они лишь усиливали ореол доброты, который сразу возник вокруг него, той доброты, которую только мальчишки могут разглядеть во взрослых людях.

И все-таки кличка Гуляш их не совсем устраивала. Вряд ли можно было сказать, что это прозвище попадает в самую точку. Оно никак не отражало его страстной любви ко всему английскому – единственная тема, коснувшись которой наверняка удастся потянуть время на уроке. Стоило как-то гадкому Спайкли только попробовать пренебрежительно отозваться о своей стране, восторженно превознося какую-то другую, желательно теплую, как Джим тут же завелся и добрых три минуты расписывал им преимущества быть англичанами от рождения.

Он знал, что они дразнят его, и все равно не мог сдержаться. Свои нотации он часто заканчивал с жалкой ухмылкой на лице, бормоча что-то о хитрецах, которые пытаются сбить его с толку, и о хитрых красных отметках за прилежание в классном журнале, и о том, кто кого перехитрит, когда кое-кому придется отрабатывать дополнительно, вместо того чтобы играть в футбол. Но Англия была его любовью; когда речь заходила об Англии, никому не грозило пострадать из-за этого.

– Лучшее место во всем этом чертовом мире! – выкрикнул он как-то раз. – Знаешь почему? Знаешь или нет, лягушонок?

Спайкли не знал, и Джим схватил цветной мелок и нарисовал земной шар.

– На западе – Америка, – сказал он, – полная алчных идиотов, растлевающих свое потомство. На востоке – Китай-Россия (он изобразил их как одно целое): рабочие комбинезоны, лагеря и долгий путь в никуда. В середине…

В конце концов они нашли то, что надо – Бегемот.

Отчасти это была игра слов с его французской фамилией Prideaux, отчасти они воздали должное его привычке кормиться овощами с земли и его увлечению физическими упражнениями, что они наблюдали постоянно. Дрожа от холода в очереди в душ по утрам,

первое, что они видели, был Бегемот, с трудом шагающий из Комб-Лейна с рюкзаком на горбатой спине: он возвращался с утренней прогулки. Ложась в постель по вечерам, они видели через плексигласовый козырек игровой площадки его одинокую тень, когда он без устали стучал мячом о бетонную стенку. А иногда теплыми вечерами они тайком наблюдали из окон спален, как он играл в гольф старой корявой кочергой, зигзагами передвигаясь по полю; часто это происходило после того, как он читал им типично английскую приключенческую книгу: какого-нибудь Бигглса, Перси Уэстермана или Джеффри Фарнола, схваченную наугад в захудалой библиотеке. Перед каждым ударом, когда он замахивался кочергой, они ждали, что он крякнет, и редко не бывали вознаграждены. Они придирчиво следили за счетом. Во время крикетного матча между учителями школы он набрал 75 очков и затем вышел из игры, послав мяч высоко по дуге в квадрат, где стоял Спайкли.

– Держи, лягушонок, держи его, вот так, молодец Спайкли, ты стоишь там, где надо.

Несмотря на свою терпимость, он также прославился удивительной проницательностью в отношении ловкачей. Тому было несколько примеров, но самым примечательным стал случай, происшедший незадолго до окончания семестра, когда Спайкли нашел в его мусорной корзине черновик контрольной работы, которую им предстояло писать на следующий день, и за пять новых пенсов (В 1971 году в Великобритании прошла денежная реформа, после которой I пенс стал составлять 1/100 фунта стерлингов (до реформы в фунте было 240 пенсов). – З д е с ь и д а л е е п р и м е ч . п е р .) стал предлагать ее всем желающим. Нашлось несколько мальчишек, которые заплатили ему по шиллингу и провели потом ужасную ночь зазубривая ответы при свете карманного фонарика. А когда настал день, Джим предложил им совершенно другой вариант.

– Это вы можете посмотреть бесплатно, – промычал он, усаживаясь за стол. Вытащив и открыв свою неизменную «Дейли телеграф», он безмолвно погрузился в последние новости о решениях «мудрецов» – слово, которое, как они поняли, в его устах означало любого человека с претензией на интеллект, даже если он и писал в защиту королевской власти.

Наконец, был случай с совой, который занял особое место в их представлении о Джиме, потому что речь шла о смерти, а ее загадку дети воспринимают совершенно по-разному. Холода затянулись, Джим принес в класс ведро угля и как-то в среду затопил камин и сел читать диктант, повернувшись к теплу спиной. Сначала посыпалась сажа, на что он не обратил никакого внимания; но затем сверху свалилась огромная сова, гнездо которой располагалось там, без всякого сомнения, не первый год – при Довере дымоход ни разу не прочищали. Совершенно обалдевшая птица, черная от копоти, выбилась из сил. Она упала на угли с шумом и хлопаньем крыльев, вывалилась бесформенным комком на деревянный пол, затем замерла и стала похожа на посланца дьявола, сгорбившись, но все еще дыша, распластав крылья и уставившись на детей сквозь сажу, облепившую ее глаза. Не было никого, кто бы не испугался, даже смельчак Спайкли и тот был напуган. Кроме, разумеется, Джима, который в мгновение ока схватил пернатое существо двумя руками и вынес за дверь, не произнеся ни слова. Они ничего не слышали, хотя и застыли без звука, пока наконец не раздался плеск воды в конце коридора: Джим, очевидно, мыл руки. «Пописать пошел», – бросил Спайкли, что вызвало нервный смешок. Но когда после урока они вышли из класса, то обнаружили, что околевшая сова преспокойно лежит в ожидании погребения на верхушке компостной кучи рядом с Ямой. Ее шея, как могли убедиться те, кто отважился близко подойти, была свернута. Только егерь мог убить сову так профессионально, заявил Сьюдли, у которого был свой егерь.

Среди других обитателей Тэрсгуда о Джиме сложилось неоднозначное мнение. Призрак мистера Молтби-пианиста все еще словно маячил перед ними.

Воспитательница, разделяя, точку зрения Билла Роуча, провозгласила его героем, нуждающимся в заботе: мол, совершенно непостижимо, как он умудряется управляться со своей спиной. Марджорибэнкс утверждал, что Джим в пьяном виде попал под автобус. Тот же

самый Марджорибэнкс во время матча, в котором так отличился Джим, обратил внимание на его свитер. Сам он в крикет не играл, но пришел посмотреть на игру вместе с Тэрсгудом.

– Что вы думаете о происхождении этого свитера? – спросил он высоким шутливым голосом. – Вам не кажется, что он его где-нибудь слямзил?

– Леонард, вы слишком несправедливы, – пожурил его Тэрсгуд, похлопывая по бокам своего Лабрадора. – Укуси его, Джинни, укуси этого нехорошего дядю.

Однако после того, как Тэрсгуд попытался кое-что разузнать о Джиме, у него пропало всякое желание смеяться и он занервничал. Липовые выпускники Оксфорда уже не раз попадались ему наряду с преподавателями античной литературы, не знающими греческого" или священниками, не знакомыми с богословием. В подобных случаях эти люди, припертые к стенке доказательством своего мошенничества, либо теряли самообладание и уходили, либо оставались работать за половину жалованья. Но порода людей, утаивающих свои истинные достоинства, ему пока не встречалась, хотя теперь ему было ясно, что они ему тоже не нравятся. Заглянув в университетский справочник, Тэрсгуд позвонил мистеру Строллу из агентства «Стролл и Мэдлей».

– Что конкретно вы хотите знать? – спросил мистер Стролл, громко зевая в телефонную трубку.

– Ну, трудно сказать, что к о н к р е т н о . – Мать Тэрсгуда вышивала по канве и, казалось, не слышала разговора. – Просто обычно если кто-то просит предоставить краткую биографию, хорошо бы, чтобы она была полной. Для того, кто платит за это гонорар, желательно, чтобы там не было белых пятен.

В этот момент Тэрсгуду пришла в голову нелепая мысль: не разбудил ли он Стролла своим звонком и не заснул ли тот опять.

– Этот тип – большой патриот, – выдал наконец мистер Стролл.

– Я не для этого его нанимал.

– Он работал в доке. – Мистер Стролл продолжал бормотать, делая длинные паузы, будто бы сильно затягиваясь сигаретой. – Был списан из-за позвоночника.

– Все это хорошо. Но я предполагаю, что он не был в больнице уже лет двадцать пять. T o u c h e , – прошептал он своей матери, закрыв трубку рукой, и снова ему показалось, будто мистер Стролл уснул.

– Вы взяли его только до конца семестра, – вздохнул собеседник. – Если он вам не нравится, увольте. Вы просили на время – что просили, то и имеете.

Вы хотели подешевле – подешевле и взяли.

– Возможно, все это так, – резко ответил Тэрсгуд. – Но я заплатил вам двадцать гиней, мой отец пользовался вашими услугами много лет, и я вправе рассчитывать на определенные гарантии. Вы написали здесь – можно, я прочитаю вам? – вы написали:"До травмы различные загранкомандировки исследовательского и коммерческого характера". Едва ли это проливает свет на то, чем конкретно занимался этот человек, не правда ли?

Не отрываясь от своей работы, мать кивнула.

– Ни в коем случае, – отозвалась она. Это первое. А теперь разрешите мне перейти…

– Не увлекайся, дорогой, – предупредила мать.

– Мне довелось узнать, что он поступил в Оксфорд в тридцать восьмом.

Почему не закончил? Что там произошло?

– Я вроде бы упоминал, что тогда у него наступил некоторый перерыв, – спустя целую вечность сказал мистер Стролл. – Но мне кажется, вы слишком молоды, чтобы это помнить.

– . Он не мог сидеть в тюрьме все это время, – сказала его мать после продолжительного молчания, так и не оторвавшись от шитья.

– Но где-то же он был, – угрюмо сказал Тэрсгуд, уставившись через гнущиеся под напором ветра деревья в сторону Ямы.

Все летние каникулы, без конца переезжая из одной семьи в другую, устав от бесконечных встреч и расставаний, Билл Роуч не переставал беспокоиться о Джиме, не переставал думать, болит ли у него спина, где он подрабатывает сейчас – ведь половины жалованья, что ему платят во время каникул, явно не хватает. Но больше всего его тревожило, останется ли Джим на следующий семестр: у Билла было какое-то безотчетное чувство, что Джим так плохо приспособлен к жизни, что в один прекрасный день может просто кануть в небытие; он боялся, что у Джима, как и у него самого, отсутствует какой-то внутренний стержень, который помогает выдержать любые невзгоды. Он снова и снова вспоминал обстоятельства их первой встречи, особенно вопрос, касающийся дружбы, и приходил в ужас при мысли о том, что, как он не смог удержать от развода родителей, так и Джиму он окажется не нужен, большей частью из-за несоответствия в возрасте. И поэтому новый учитель конечно же съехал и теперь ищет товарища в других школах, высматривая его в толпе своими тусклыми глазами. Еще Билл вообразил, что Джим, опять же подобно ему самому, был когда-то к кому-то сильно привязан, а потом потерял этого человека и теперь мучается в поисках замены. Но на этом домыслы Билла заходили в тупик: он не имел представления о том, как взрослые любят друг Друга.

Практически он мало что мог сделать для Джима. Он справился в медицинской книге, а затем стал донимать свою мать расспросами о горбунах. А еще он ужасно хотел, но никак не мог отважиться украсть бутылку водки у своего отца и привезти ее в Тэрсгуд в качестве небольшого подхалимажа. И когда наконец шофер матери высадил его у осточертевшего школьного крыльца, Роуч, не задержавшись даже, чтобы попрощаться, ринулся во весь опор к Яме, и там, к его невыразимой радости, на том же месте, на самом дне, стоял Джимов фургон. Он был чуть грязнее, чем раньше, с клочком вскопанной земли рядом, наверное для овощей на зиму. И Джим, сидя на ступеньке, улыбался ему во весь рот, будто заранее знал, что Билл сейчас появится у края Ямы, и приготовился поприветствовать его этой улыбкой.

В этом семестре Придо придумал прозвище для Роуча. Он стал звать его Слоном вместо Билла, хотя не мог этого никак мотивировать. Роуч, как это обычно бывает с детьми при крещении, был неспособен что-либо возразить.

Взамен этого Билл утвердил себя в роли опекуна Джима. Регент-опекун – так он определил для себя эту должность; что-то вроде замены усопшему другу Джима, если таковой вообще существовал когда-либо.

Глава 2

В отличие от Джима Придо, мистер Джордж Смайли не был должным образом экипирован для прогулок под дождем, тем более в глухую ночь. Это был натуральный Билл Роуч, только взрослый. Маленький и толстый, в лучшем случае средних лет, он выглядел как один из тех лондонских кротких, которые явно не наследуют землю (Намек на изречение из Евангелия). Несмотря на короткие ноги, его походка была весьма проворной; платье дорогое, но сидело плохо, и к тому же насквозь промокло. Его пальто, напоминавшее пальто неухоженного вдовца, было сшито из той рыхлой черной ткани, которая словно специально создана для того, чтобы впитывать побольше влаги. То ли рукава были слишком длинны, а может, руки слишком коротки, но, как и у Роуча, когда он надевал свой макинтош, пальцы Смайли едва выглядывали из-под манжет. Чтобы выглядеть солиднее, он не носил шляпу, справедливо полагая, что шляпы придают нелепый вид. «Как стеганый чехольчик для вареного яйца», – заметила его красавица жена незадолго перед тем, как в очередной раз уйти от него, и ее критика, как это часто бывало, возымела действие. Вот почему дождь сейчас оставлял обильные потеки на стеклах его очков, заставляя то наклонять, то, наоборот, откидывать назад голову, когда он скорым шагом пробирался по мостовой вдоль почерневших арок вокзала Виктория. Смайли ехал на запад, в свой укромный уголок в Челси, где он жил. Его походка почему-то была не совсем уверенной, и если бы Джим Придо вдруг возник из тени и стал допытываться, почему

его не подвез кто-нибудь из друзей, он, скорее всего, ответил бы, что предпочитает сам расплачиваться за такси…

«Что за трепло этот Родди, – пробормотал Смайли, в то время как новая порция воды хлынула на его полные щеки и затем стекла струйками за ворот промокшей рубашки, – Почему я не поднялся и не ушел?»

Джордж еще раз с сожалением вспомнил о причинах своих страданий и с бесстрастием, являющимся неотъемлемой частью его смиренной натуры, пришел к выводу, что он сам во всем виноват.

День выдался тяжелым с самого начала. Смайли встал слишком поздно, из-за того что накануне слишком долго работал. Эта привычка как-то укоренилась в нем с тех пор, как в прошлом году он вышел на пенсию.

Обнаружив утром, что запас кофе у него иссяк, он зашел в бакалейную лавку и стоял в очереди до тех пор, пока у него не иссяк всякий запас терпения.

Затем он решил не унижаться стоянием в хвосте и приступил к улаживанию собственных дел. Уведомление из банка, которое он получил вместе с утренней почтой, ставило его в известность о том, что жена оттяпала у него львиную долю пенсии за этот месяц: ну и ладно, решил он, надо что-нибудь продать.

Такая реакция была не совсем разумной, потому что он был достаточно обеспечен, и скромный городской банк, ответственный за его пенсию, выплачивал деньги без задержек. Тем не менее он завернул раннее издание Гриммельсхаузена – небольшое сокровище, оставшееся у него со времен Оксфорда, – и, надувшись, отправился в книжный магазин Хейвуд-Хилл на Керзон-стрит, где он время от времени заключал дружеские сделки с хозяином. По пути его раздражение еще больше усилилось, и он позвонил из телефона-автомата своему адвокату, чтобы договориться о встрече.

– Джордж, разве можно так грубо поступать? Никто не разводится с Энн.

Пошли ей цветы и приходи на обед.

Этот совет приободрил его. В слегка приподнятом настроении он зашагал к Хейвуд-Хиллу, чтобы попасть прямо в объятия Родди Мартиндейла, вышедшего от Трампера, где он привык стричься каждую неделю.

У Мартиндейла не было никаких оснований рассчитывать на то, что Смайли станет вести с ним задушевные беседы на профессиональные или житейские темы.

Он занимал удобную должность в Министерстве иностранных дел, и вся его работа состояла в организации обедов для высоких гостей, которых, кроме Родди, больше никто не стал бы принимать. Это был неугомонный холостяк с гривой седеющих волос, обладающий особой подвижностью, характерной для полных людей. Он любил носить неброские костюмы с цветком в петлице и, по некоторым слухам, был вхож в те кабинеты Уайтхолла, где делается большая политика. Несколько лет назад он был видным деятелем рабочей группы по координации разведки, пока эту структуру не упразднили. Во время войны ему, как имеющему определенные математические способности, часто приходилось касаться секретных сфер, а один раз он даже работал с самим Джоном Лэнсбери в одной кодовой операции Цирка и теперь любил напоминать об этом при каждом удобном случае. Но война, о чем время от времени приходилось вспоминать Смайли, закончилась тридцать лет назад.

– Привет, Родди, – сказал Смайли. – Рад тебя видеть.

Мартиндейл разговаривал не иначе как в доверительной великосветской манере, причем довольно громко, привлекая внимание окружающих, и это часто заставляло Смайли при случайной встрече с ним за границей срочно выписываться из отеля и переезжать в другой.

– Мой дорогой мальчик, неужели я вижу самого маэстро! Я слышал, тебя упрятали к монахам в Сент-Галлен или еще куда-то и ты корпел там над манускриптами! Ну-ну, не отпирайся. Я хочу знать все, чем ты занимаешься, все, до последней капли. У тебя все в порядке? Ты по-прежнему любишь Англию?

Как поживает прелестная Энн? – Он беспрестанно стрелял глазами направо и налево, пока его взгляд не упал на обернутый том Гриммельсхаузена под мышкой у Смайли. – Ставлю сто к одному, что это подарок для нее. Говорят, ты чрезмерно ее балуешь, – Голос понизился почти до шепота. – Слушай, а не вернулся ли ты к своей работе? Нет, правда, неужели все это для прикрытия, Джордж, ну скажи, правда? – Острый язык Родди прошелся по влажным уголкам губ, затем исчез в складках рта, как у змеи.

И вот Смайли, как последний дурак, смог заплатить за избавление лишь ценой того, что согласился поужинать с ним в клубе на Манчестер-сквер, в котором они оба состояли, но посещений которого Смайли избегал, как чумы, не в последнюю очередь потому, что Родди Мартиндейл был его членом. И вот наступил вечер, а Джордж все еще не отошел от обеда в «Белой башне»: его адвокат, большой сибарит, решил, что только хорошая еда может избавить Джорджа от хандры. Мартиндейл, со своей стороны, тоже пришел к такому же заключению, и четыре долгих часа Смайли пришлось через силу глотать куски, слушая, как они вспоминают старых знакомых, будто при встрече каких-нибудь футболистов-ветеранов. Речь зашла о Джебеди, первом наставнике Смайли.

– Какая потеря для всех нас, благослови его, Господи! – пробормотал Мартиндейл, который, насколько было известно Смайли, никогда и в глаза не видел Джебедн. – И какой тонкий игрок! Один из немногих действительно великих, я всегда это говорил.

Затем о Филдинге, специалисте по французскому средневековью из Кембриджа:

– О, какое восхитительное чувство юмора. Остроумен, ничего не скажешь!

Затем о Спарке из Института восточных языков и, наконец, о Стид-Эспри, который когда-то учредил этот самый клуб именно для того, чтобы избегать зануд, подобных Родди Мартиндейлу.

– Я был знаком с его бедным братом, знаете ли. Сила есть, ума не надо, благослови его Бог. Мозги его ушли на другое.

И Смайли. окутанный винными парами, слушал всю эту чепуху, говорил «да», и «нет», и «какая жалость», и «нет, они его так и не нашли», и один раз, к своему вящему стыду, «о, полно, вы мне льстите», и так до тех пор, пока с неумолимой неизбежностью Мартиндейл не перешел к более близким по времени событиям: смене руководства и уходу Смайли со службы.

Как и следовало ожидать, он начал с последних дней Хозяина:

– Твой старый босс, Джордж, благослови его Господи, единственный из всех, кто сохранил свое имя в секрете. Но от тебя, разумеется, у него никогда не было никаких секретов, не так ли, Джордж? Смайли и Хозяин всегда были как пальцы одной руки, так говорят до сих пор.

– Спасибо за комплимент.

– Не кокетничай, Джордж, я старый волк, не забывай это. Ты и Хозяин были всегда вот так. – Он сжал свои пухлые руки, изображая символ единения.

– Именно поэтому тебя и выкинули, да, меня не проведешь, именно поэтому Биллу Хейдону отдали твою работу. Именно поэтому он – доверенное лицо Перси Аллелайна, а не ты.

– Да что ты говоришь, Родди.

– Я даже больше тебе скажу. Намного больше.

Мартиндейл придвинулся ближе, и Смайли почуял благоухание одного из самых нежных творений Трампера.

– Я тебе еще кое-что скажу: Хозяин и не думал умирать. Его недавно видели. – Быстрым жестом Родди предупредил протесты Смайли:

– Дай мне договорить. Вилли Эндрюорта столкнулся с ним нос к носу в аэропорту Йоханнесбурга, в зале ожидания. Не с призраком – с живым Хозяином. Было жарко, и Вилли покупал в баре содовую. Ты давно не видел Вилли. Он растолстел, как воздушный шар. Так вот, поворачивается он, а рядом стоит Хозяин, одетый как какой-нибудь мерзкий бур. Как только увидел Вилли, сразу бежать. Ну, как тебе? Итак, теперь мы знаем: Хозяин и не думал умирать.

Просто Перси Аллелайн со своими ребятами потеснил его, и ему пришлось осесть в Южной Африке, благослови его Бог. Ну да ты ведь не осудишь его за это, правда? Нельзя осуждать человека за то, что он хочет спокойно прожить остаток жизни. Я, по крайней мере, не смог бы.

Когда до Смайли сквозь обволакивающую его пелену усталости дошла наконец вся чудовищность сказанного, он едва не лишился дара речи.

– Да это просто смешно! Это самая идиотская история, которую я когда-нибудь слышал. Хозяин мертв. Он умер от сердечного приступа, после долгой болезни. Кстати, он ненавидел Южную Африку. Он ненавидел вообще все, кроме Суррея, Цирка и крикетного стадиона «Лорда». Право, Родди, не стоит тебе рассказывать подобные истории.

Он мог бы еще добавить: я лично его похоронил, в этом мерзком крематории в Ист-Энде, в канун прошлого Рождества, сам. Там еще священник все время заикался.

– Ну, Вилли Эндрюорта всегда был самым отъявленным вруном, – невозмутимо размышлял Мартиндейл. – Я ведь ему то же самое говорил:

«Полнейшая ерунда, Вилли, как тебе не стыдно». – Родди продолжил, как будто у него и в мыслях не было хоть на секунду поверить в эту глупость. – Я думаю, тот скандал в Чехословакии – вот что загнало последний гвоздь в гроб Хозяина. Тот бедный парень, которого подстрелили в спину и о котором потом писали во всех газетах, тот самый, что, говорят, всегда был не разлей вода с Биллом Хейдоном. Эллис, так мы привыкли его звать, и до сих пор так зовем, разве нет? При всем том, что знаем его настоящее имя не хуже, чем свое собственное. Мартиндейл расчетливо подождал секунду, надеясь, что Смайли как-то отреагирует, но тот явно не собирался ничего отвечать, и Родди попробовал сделать новый заход.

– Не знаю, как ты, а я почему-то никак не научусь воспринимать Перси Аллелайна в качестве шефа. Возраст это, Джордж, или мой природный цинизм? Ну скажи же мне, ты ведь так хорошо разбираешься в людях. Мне кажется, трудно быть подчиненным у того, с кем вместе рос. Не в этом ли все дело? Мало сегодня таких, кто способен это выдержать, а бедный Перси ведь такой непредсказуемый, не то что этот змей, Хозяин. Это его назойливое дружелюбие, ну как можно воспринимать его всерьез? Сразу вспомнишь, как он когда-то сидел развалившись в баре «Травеллерз», посасывая свою трубку грубой работы и угощая сильных мира сего; ну, действительно, люди ведь любят, когда их обманывают изящно, разве нет? Или тебе наплевать, что ему это удается? Чем он берет, Джордж, в чем секрет его успеха? – Родди заговорил настойчивее, наклонившись вперед, и в его взволнованных глазах промелькнул жадный интерес. Только еда могла вызвать у него похожие чувства. – Выезжать исключительно на мозгах своих подчиненных; что ж, может быть" теперь это называется руководством.

– Ты знаешь, Родди, я ничем не могу тебе помочь, – нерешительно сказал Смайли. – Видишь ли, я никогда не считал Перси большим авторитетом, так, скорее… – Он не мог подобрать нужное слово.

– Пробивным, – подсказал Мартиндейл, и глаза его снова блеснули. – Спал и видел себя на троне Хозяина. Теперь он своего добился, и этот сброд его любит. Так кто же стоит за ним? Кому он обязан своим авторитетом? Так и твердят все кругом, как замечательно у него идут дела. Маленькие читальни в Адмиралтействе, маленькие комиссии с какими-то странными

названиями, красные ковровые дорожки" расстилаемые перед Перси в коридорах Уайтхолла, заместители министров, получающие особые поздравления сверху, а ведь их никогда не награждают просто так. Знаешь, я все это уже когда-то видел.

– Родди, я ничем не могу тебе помочь, – еще раз повторил Смайли, попытавшись встать. – Я слишком далек от всего этого, честное слово.

Но Мартиндейл не выпускал его из-за стола, придерживая потной рукой и продолжая говорить все быстрее:

– Так кто же этот ловкач? Не Перси, это уж точно. Только не говори мне, что американцы стали снова нам доверять. – Он сильнее сжал руку Смайли.

Красавчик Билл Хейдон, наш новый полковник Лоуренс Аравийский, благослови его Бог, да-да, не смотри так, это Билл, твой старый соперник. – Мартиндейл снова облизал уголки рта своим змеиным языком и спрятал его, оставив лишь тонкую улыбку. – Я слышал, у вас с Биллом когда-то было все общее, – сказал он. – Только никогда не был ортодоксом, так ведь? Впрочем, как и все гении.

– Что-нибудь еще желаете, мистер Смайли? – спросил официант.

– Затем этот Бланд; вечно подающий надежды «краснокирпичник»

(«Краснокирпичные» университеты – все университеты так называемого «второго разряда», то есть все, кроме Лондонского, Оксфордского и Кембриджского.). – Родди продолжал удерживать Смайли. – А если эти двое не справляются, то ведь есть кое-кто на пенсии, не так ли? Или делает вид, что он на пенсии? И если Хозяин мертв, кто остается? Кто, кроме тебя?

Они стали одеваться. Швейцары уже ушли домой, и им пришлось самим снимать пальто с опустевших коричневых вешалок.

– Рой Бланд не «краснокирпичник» – громко сказал Смайли. – Если хочешь знать, он учился в колледже Св.Антония, в Оксфорде.

«Помоги мне, Господи, это лучшее из того, что я мог сделать», – подумал Смайли.

– Не будь глупым, дорогой, – оборвал его Мартиндейл. Джордж чертовски устал от него и выглядел обиженным и обманутым. Щеки его обвисли, что придавало лицу довольно унылое выражение. – «Св.Антоний», безусловно, не первоклассный колледж, пусть он и находится на той же улице, что и отличные университеты. Бланд был твоим протеже, но это теперь не имеет никакого значения. Я думаю, сейчас он – протеже Билла Хейдона, и не защищай его, я и сам его могу защитить. Билл им всем теперь как отец родной. Они к нему тянутся, как пчелы на мед. Ну, есть в нем какое-то обаяние, что ни говори, не то что у некоторых из нас. Я бы сказал даже, звездность – а это не многим дано. Говорят, женщины буквально падают ниц перед ним, если они вообще способны на это.

– Спокойной ночи, Родди.

– Поцелуй Энн от меня, не забудешь?

– Непременно.

– Не забудь.

И вот теперь лил дождь, Смайли промок до костей, а Бог, будто в наказание, не оставил в Лондоне ни одного такси.

Глава 3

Полное безволие, – заговорил он сам с собой, учтиво отклонив недвусмысленное предложение уличной женщины, спрятавшейся в дверном проеме.

– Некоторые называют это вежливостью, а на самом деле это не что иное, как слабость. Ты болван набитый, Мартиндейл. Ты ??????? ??????????, ???? ???????????…

Джордж широко шагнул, переступая невидимое препятствие.

– Слабость, – повторил он, – и неспособность жить в свое удовольствие, не обращая внимания на установленные законы (содержимое очередной лужи аккуратно перекочевало к нему в башмак), и эмоциональные привычки, давно потерявшие всякую целесообразность. Что моя жена, что Цирк, что Лондон…

Такси!

Смайли ринулся было вперед, но опоздал. Две девицы, накрывшись одним зонтом, хихикая, уже залезали в машину, только руки и ноги мелькнули. Подняв воротник своего черного пальто, хотя это и было бесполезно, пришлось продолжать одинокую прогулку.

– Вечно подающий надежды, – яростно пробормотал он. – И другие университеты не хуже… Ты напыщенный, нахальный тип, сующий свой…

И тут Джордж, как нельзя кстати, вспомнил, что оставил в клубе своего Гриммельсхаузена.

– Ах ты, черт! – возопил он, остановившись, чтобы с большим чувством выразить свое состояние. – Ах ты черт, ч е р т ! черт!

Он продаст свой дом в Лондоне, решил он. Отступив под навес, прислонившись к сигаретному автомату и пережидая ливень, он принял это важное решение. Все кругом только и говорят, что недвижимость в Лондоне бешено подскочила в цене. Вот и хорошо. Он продаст, а на часть вырученных денег купит коттедж в Котсуолдсе. Бэрфорд? Там слишком большое движение.

Стипл Астон – вот подходящее место. Он создал о себе впечатление как о слегка чудаковатом, непоследовательном, углубленном в себя человеке, но были у него одна-две забавные привычки, например, он любил бормотать себе под нос, когда брел пешком. Пожалуй, несовременно, но кто теперь живет в ногу со временем? Пусть несовременно, лучше быть верным самому себе. В конце концов, в определенный момент каждый человек выбирает, вперед ему идти или назад.

Ничего зазорного нет в том, чтобы не гоняться за каждым модным поветрием.

Нужно просто знать себе цену, придерживаться определенных принципов, быть достойным своего поколения, И если Энн захочет вернуться, что ж, он даст ей от ворот поворот.

А может, и не даст, все будет зависеть от того, насколько сильно она захочет вернуться.

Теша себя подобными иллюзиями, Смайли добрался наконец до Кингс-роуд, где он замешкался у перекрестка, будто пережидая транспорт. По обе стороны улицы нарядные магазинчики. Прямо перед ним его привычная Байуотер-стрит, глухой переулочек, ровно в сто семнадцать шагов. Когда он только поселился здесь, эти домики эпохи короля Георга еще хранили скромное очарование старинной ветхости; там жили молодые пары, которым хватало пятнадцати фунтов в неделю, а в цокольном этаже селили жильца, чтобы не платить за него налогов. Сейчас окна нижних этажей закрыты стальными ставнями, а тротуары заставлены машинами – по три у каждого дома. По старой привычке Смайли рассмотрел каждую в отдельности, выделяя знакомые и незнакомые. У незнакомых он обращал внимание на дополнительные зеркала и антенны, отмечал про себя закрытые фургоны, которыми любят пользоваться наблюдатели. Отчасти это была тренировка памяти, как в детской игре, помогающая уберечь мозги от атрофии.

Так в свое время он заучивал названия магазинов вдоль автобусного маршрута к Британскому музею. Или, к примеру, он знал, сколько ступенек было в каждом пролете его дома и в какую сторону открывается каждая из двенадцати дверей.

Но была и другая причина для этого – страх, тайный страх, который сопровождает каждого профессионала всю жизнь, вплоть до самой смерти. Боязнь того, что в один прекрасный день из прошлого, которое было столь запутанным, что он сам не в состоянии

помнить всех нажитых за это время врагов, вдруг появится один из них, найдет его и потребует расплаты.

В глубине улицы соседка прогуливала собаку. Увидев Джорджа, она подняла голову, чтобы что-то сказать, но он якобы не заметил ее, зная, что разговор пойдет об Энн. Он перешел дорогу. В его окнах свет не горел; занавески задернуты так, как он их оставил. Он поднялся на крыльцо из шести ступенек.

С тех пор, как ушла жена, приходящая домработница тоже больше не появлялась.

Ни у кого, кроме Энн, ключей не было. Дверь запиралась на два замка; врезной «Банэм» и трубчатый «Чабб», но, кроме этого, Смайли выстругал две дубовые цепочки толщиной в ноготь, он вставлял их в щель между дверью и косяком над и под «Банэмом». Это был пережиток с тех времен, когда он работал действующим агентом. Недавно, сам не зная почему, он снова стал пользоваться этим приемом; возможно, он не хотел, чтобы она застала его врасплох.

Кончиками пальцев Смайли нащупал сначала одну, а затем другую деревяшку.

Исполнив этот ритуал, он отпер дверь, толкнул ее и почувствовал, как по ковру заскользила дневная почта.

Что там должно прийти? «Жизнь и литература Германии»? Или «Филология»?

Он решил, что «Филология», – ее уже давно не присылали. Включив свет в прихожей, он нагнулся и стал просматривать почту. Счет от портного за костюм, которого он не заказывал, но в котором, подозревал он, сейчас щеголяет очередной любовник Энн; счет из гаража в Хенли за бензин (бог ты мой, что они делали в Хенли без гроша в кармане девятого октября?); одно письмо из банка, касающееся предоставления денежных льгот госпоже Энн Смайли в отделении Мидлэнд-банка в Иммингеме.

Какого черта, вопрошал он у этого документа, они делают в Иммингеме?

Кто, ради всего святого, заводит любовные связи в Иммингеме? И где вообще находится этот Иммингем?

Он все еще размышлял над этим вопросом, когда его взгляд вдруг упал на незнакомый зонтик в подставке: шелковый, с кожаной ручкой и золотым кольцом, без инициалов. В ту же секунду в мозгу пронеслась мысль о том, что, поскольку зонт сухой, он стоит тут, как минимум, с шести пятнадцати – именно тогда начался дождь, – потому что и на подставке но было никаких следов влаги. Еще он отметил, что зонт довольно изящный, хотя и не новый, а наконечник едва поцарапан. И поэтому зонтик принадлежит явно подвижному человеку, можно даже сказать молодому, вроде последнего из обожателей Энн.

Но поскольку владелец зонта знает о клинышках и знает, как установить их, находясь внутри дома, и у него хватило сообразительности положить почту перед дверью, после того как он потревожил ее и, без сомнения, прочитал, более чем вероятно" что он знает и самого Смайли и никакой это не любовник, а такой же профессионал, как и он сам, с которым они в свое время тесно работали, поэтому-то он и знает его почерк, как говорят на их жаргоне.

Дверь в гостиную была чуть приоткрыта. Он мягко толкнул ее.

– Питер? – спросил он.

Через дверной проем в свете уличных фонарей он увидел пару замшевых туфель, лениво скрещенных и выглядывающих из-за угла дивана.

– На твоем месте я бы не снимал пальто, Джордж, старина, – раздался дружелюбный голос. – Ехать нам далеко.

Пять минут спустя, одетый в широченную коричневую дорожную куртку – подарок Энн и единственное, что осталось у него сухим, – недовольный Джордж Смайли сидел в продуваемом насквозь спортивном автомобиле Питера Гиллема, который тот припарковал на соседней площади. Целью их поездки был Аскот, славящийся женщинами и лошадьми. Пожалуй, менее

известен он был в качестве резиденции мистера Оливера Лейкона, чиновника министерства, старшего советника различных сборных комиссий и наблюдателя по делам разведки. Или, как менее церемонно называл его Гиллем, главного префекта Уайтхолла.

А тем временем в тэрсгудской школе Билл Роуч, пытаясь заснуть, размышлял над последними диковинными событиями, с которыми он столкнулся за несколько последних дней, продолжая следить за благополучием Джима. Вчера Джим сильно удивил Латци. А в четверг он украл почту мисс Ааронсон, учительницы по классу скрипки и чистописания. Роуч относился к ней с почтением за ее мягкий характер. Латци, помощник садовника, был ПЛ, так говорила Воспитательница, а эти люди не говорят по-английски или говорят совсем плохо. ПЛ означает «приезжее лицо», пояснила Воспитательница: так, мол, называется иностранец, оставшийся в Англии со времен войны ("Имеются в виду «перемещенные лица» – люди, спасенные из фашистского плена армиями союзников.). Но вот вчера Джим разговаривал с Латци, прося его помочь с организацией автоклуба, и он разговаривал с ним на их «птичьем» языке, на таком, на котором говорят все ПЛ, и Латци тут же словно вырос в своих собственных глазах.

История с письмом мисс Ааронсон была еще загадочнее. В четверг утром, когда Билл Роуч после церкви зашел в учительскую за тетрадями своего класса, на конторке лежали два письма: одно было адресовано Джиму, другое – мисс Ааронсон. Конверт Джима был надписан на машинке, мисс Ааронсон – от руки, причем почерком, очень похожим на почерк самого Джима. В учительской никого не было. Только Роуч взял тетради и направился к выходу, как вдруг в другую дверь ворвался Джим, красный и запыхавшийся после своей утренней прогулки:

– Ну, ты идешь, Слоник? Звонок уже был, – и нагнулся над конторкой.

– Да, сэр.

– Так себе погодка, да, Слоник?

– Да, сэр.

– Ну, ступай скорее.

В дверях Роуч оглянулся. Джим снова стоял прямо, облокотившись спиной о конторку, открывая утреннюю «Дейли телеграф». Конторка опустела. Оба конверта исчезли.

Джим написал письмо мисс Ааронсон, а затем передумал? Может, он делал ей предложение? Потом в голову Билла Роуча пришла другая мысль. Недавно Джим приобрел старую пишущую машинку – сломанный «Ремингтон», – которую и починил своими руками. Неужели он напечатал на ней письмо самому себе? Неужели он так одинок, что пишет сам себе письма и вдобавок ворует чужие?

Роуч уснул.

Глава 4

Гиллем выглядел вялым, но ехал довольно быстро. Машину наполняли осенние запахи, светила полная луна, над голыми полями повисли клочья тумана, и холод стоял невыносимый. Смайли задумался, сколько лет Гиллему, и мысленно дал ему около сорока, хотя при свете луны тот казался студентом, плывущим на лодке: он манипулировал рычагом коробки передач так плавно, будто преодолевал сопротивление воды. Как бы то ни было, злорадно подумал Смайли, машина намного моложе Гиллема. Они проскочили Раннимид и начали подниматься к Игэм-Хиллу. Ехали уже минут двадцать, Смайли задал дюжину вопросов и ни на один из них не получил стоящего ответа, и теперь в нем стала просыпаться какая-то навязчивая неосознанная тревога.

– Удивительно, что они не выгнали тебя вместе с нами со всеми, – сказал Джордж не очень-то любезным тоном, запахиваясь поплотнее. – Ты обладаешь для этого всеми качествами: хорошо знаешь свою работу, лоялен, неболтлив.

– Мне поручили курировать «головорезов».

– О Господи! – промолвил Смайли с содроганием и, упрятав свои пышные подбородки в поднятый воротник, предался этому воспоминанию вместо других, еще более неприятных: Брикстон, зловещее каменное здание школы, которое служило «головорезам» штаб-квартирой. Официально они назывались «Отделом путешествий».

Это подразделение было сформировано Хозяином по предложению Билла Хейдона еще на заре «холодной войны», когда убийство, похищение людей и жестокий шантаж использовались повсеместно. Первым командиром «головорезов» тогда назначили человека, рекомендованного Хейдоном. Это была маленькая команда – около дюжины человек, и занимались они диверсионными набегами – работой слишком грязной и рискованной для резидентов за границей. «Хороший разведчик, – любил поучать Хозяин, – должен действовать последовательно и неспешно и обладать некой мягкостью». «Головорезы» были исключением из этого правила. Они действовали отнюдь не неспешно и вряд ли были мягкими по натуре, и скорее воплощали темперамент Хейдона, чем Хозяина. Работали они поодиночке и именно поэтому располагались подальше от чужих глаз, за каменной стеной с битым стеклом и колючей проволокой по верхней кромке.

– Слушай, тебе что-нибудь говорит слово «латерализм»?

– Скорее всего, нет.

– Это "доктрина узкого круга посвященных ( ). Мы привыкли к вертикальной, ступенчатой структуре управления. Сейчас она горизонтальная.

– И что?

– В твое время управление Цирка делилось по регионам: Африка, Восточная Европа, Россия, Китай, так называемая Юго-Восточная Азия, у каждого региона был собственный мудрец-руководитель. Хозяин же сидел в поднебесье и держал в руках бразды правления. Помнишь?

– Отдаленно припоминаю.

– Так вот, сейчас все операции разрабатываются в одном мозговом центре.

Он называется Лондонское Управление. Региональные управления – в прошлом, на смену им пришел латерализм. Билл Хейдон руководит в Лондоне, Рой Бланд его правая рука, Тоби Эстерхейзи бегает между ними, как собачонка. Это отдельная служба в целом Цирке. У них свои секреты, и они не делятся ими с простыми работягами. Этим достигается большая безопасность.

– На первый взгляд идея очень хороша, – сказал Смайли, старательно делая вид, что не понимает намека.

В его мозгу всколыхнулась новая волна воспоминаний, и он проникся странным чувством, будто он прожил этот день дважды: первый раз в клубе с Мартиндейлом, а теперь – с Гиллемом, во сне. Они миновали молодой сосняк.

Лунный свет полосками замелькал между деревьями.

– Есть ли что-нибудь новенькое?.. – начал Смайли, затем переспросил менее решительно:

– Какие новости об Эллисе?

– В карантине, – лаконично ответил Гиллем.

– Ах, ну да. Конечно. Не подумай, что я вынюхиваю. Просто интересно, может ли он двигаться, ходить? Он поправляется? Я слышал, спина ужасно коварная штука.

– Говорят, он справляется вполне прилично. Я забыл спросить, как Энн?

– Хорошо. Все хорошо.

В машине стало темно, хоть глаз выколи. Они свернули с шоссе на дорогу, посыпанную гравием. По обе стороны ее чернела живая изгородь; появились огни, затем высокое крыльцо, и, наконец, из-за верхушек деревьев показался треугольный контур здания. Дождь

прекратился, но, когда Смайли вышел на свежий воздух, с мокрых листьев не переставая капало.

Да, – подумал он, – когда я приехал сюда в первый раз, вскоре после того как имя Джима Эллиса попало в заголовки всех газет, тоже шел дождь".

* * *

Они вымыли руки и задержались на минуту в прихожей с высокими стенами, с любопытством оглядывая альпинистское снаряжение Лейкона, бесформенной кучей сваленное на старинном комоде. Затем прошли в гостиную и сели полукругом, лицом к пустому стулу. Это был самый уродливый дом на несколько километров вокруг, Лейкон купил его буквально за бесценок. «Беркширский Камелот», назвал он его как-то, словно оправдываясь перед Смайли, построен одним миллионером-трезвенником. Гостиная представляла собой большой зал с витражными окнами метров шести высотой и балюстрадой из сосны над входом.

Смайли отметил про себя знакомые вещи: пианино, заваленное музыкальными партитурами, старинные портреты каких-то духовных лиц в церковном облачении, стопка отпечатанных приглашений. Он поискал глазами весло Кембриджского университета и обнаружил его висящим над камином. Горел все тот же огонь, слишком слабенький для такой огромной решетки. Во всем скорее чувствовалась нужда, чем богатство.

– Ну как, хорошо вам на пенсии, Джордж? – весело выпалил Лейкон, будто обращаясь к слуховой трубке старой глухой тетушки. – Не скучаете по теплым человеческим отношениям? Думаю, я бы скучал по работе, по старым приятелям.

Он был высокий и худой, как жердь, ребячливый и неуклюжий. В нем было намешано и от церкви, и от разведки, сказал как-то Хейдон, известный в Цирке остряк. Отец Лейкона был видным деятелем шотландской церкви, да и мать благородных кровей. Время от времени воскресные газеты, из тех, что по влиятельнее, называли его «руководителем нового стиля» за его молодость.

Кожа у него на лице была поцарапана от торопливого бритья.

– О, спасибо, у меня все хорошо, – вежливо ответил Смайли. И добавил:

– Да-да, правда. А вы?У вас все в порядке?

– Больших перемен нет. Все гладко и спокойно.

Шарлотта получила стипендию в Роудине, и это очень здорово.

– Ну, замечательно.

– А ваша жена? Все цветет и прочее? Выражался Лейкон тоже по-мальчишески.

– Спасибо. Лучше не бывает, – сказал Смайли, любезно стараясь ответить в тон.

Они сидели и смотрели на двойные двери. Откуда-то издалека послышался звук шагов по кафельному полу. Два человека, определил Смайли, оба мужчины.

Дверь отворилась, и в проеме возник высокий силуэт. На долю секунды Смайли увидел позади него вторую фигуру, темного маленького и предупредительного человека; но в комнату шагнул только первый, и двери у него за спиной закрыли невидимые руки.

– Заприте нас, пожалуйста, – распорядился Лейкон, и они услышали, как щелкнул ключ. – Вы знаете Смайли, не правда ли?

– Да, кажется, знаю, – ответил вошедший и стал приближаться к ним из мрака дальнего конца комнаты. – Он, кажется, когда-то дал мне работу, не так ли, мистер Смайли? – Голос был мягким и протяжным, как у южанина, но это был, без сомнения, колониальный акцент.

– Тарр, сэр. Рикки Тарр из Пенонга.

Блик света из камина выхватил часть застывшей улыбки, образовав на месте глаза черную впадину.

– Сын адвоката, помните? Ну же, мистер Смайли, я же у вас начинал.

Все четверо встали, представляя собой довольно нелепую картину: Гиллем и Лейкон были похожи на крестных родителей, в то время как Тарр пожимал Смайли руку, затем еще раз и еще раз, будто их фотографировала пресса.

– Как поживаете, мистер Смайли? Действительно, очень рад вас видеть, сэр.

Отпустив наконец руку, он повернулся и направился к предназначенному для него стулу, а Смайли подумал: «Да, с Рикки Тарром это могло произойти. С Рикки все могло произойти. Боже мой, – пришло ему в голову, – два часа назад я говорил себе, что придется вернуться к прошлому». Он почувствовал жажду и догадался, что это от страха.

* * *

Десять? Двенадцать лет назад? В эту ночь ему с трудом удавалось правильно определить время. В круг обязанностей Смайли тогда входила проверка новобранцев: ни один не мог быть принят без его одобрительного кивка, ни одного не стали бы обучать без его подписи в плане приема.

«Холодная война» набирала обороты, «головорезы» были в цене, резиденты Цирка за границей получили приказ Хейдона подыскивать подходящий материал.

Тогда-то Стив Макелвор из Джакарты и прибыл вместе с Тарром. Макелвор был опытным профи, работавшим под «крышей» судового экспедитора. Как-то раз он наткнулся на пьяного и злого Тарра, шатающегося по доку в поисках какой-то своей подружки по имени Роза, которая от него сбежала.

Тарр рассказал ему, как он связался с шайкой бельгийцев, занимающихся контрабандой оружия между островами и побережьем. Он не любил бельгийцев, ему наскучило заниматься контрабандой, к тому же он был зол на них за то, что они украли у него Розу. Макелвор посчитал, что он способен соблюдать дисциплину и достаточно молод для подготовки к участию в специальных операциях, которые «головорезы» разрабатывали за стенами своей мрачной школы в Брикстоне. После обычных проверок Тарра переправили в Сингапур, чтобы убедиться, что он подходит, а затем в «ясли» в Саррате – для третьей проверки. На этом этапе Смайли выступил в роли основного экзаменатора в ряде следовавших одно за другим собеседований, не всегда дружелюбных. «Детские ясли» в Саррате были учебным центром, но использовались и для других целей.

Отец Тарра был адвокатом из Австралии и жил, кажется, в Пенонге. Мать – актриса на выходах из Брэдфорда. Она приехала на Восток вместе с английской драматической труппой перед самой войной. Отец, вспоминал Смайли, слегка двинулся на религиозной почве и проповедовал в местных молельных домах. У матери были какие-то нелады с законом, но отец Тарра либо не знал об этом, либо ему было попросту наплевать. Когда началась война, семейная пара ради своего маленького сына уехала в Сингапур. Несколько месяцев спустя Сингапур пал, и Рикки Тарр начал свое образование под японским надзором в тюрьме Шанчжи. Там его отец проповедовал Божье милосердие каждому, кто попадался ему на глаза, и если бы япошки не преследовали его, то сокамерники делали бы это вместо них. После освобождения все трое вернулись в Пенонг. Рикки пытался готовиться к экзамену по праву, но чаще всего бросал это занятие, и отец, чтобы выбить из его души все грехи, натравил на него каких-то священников. В конце концов Тарр удрал на Борнео. В восемнадцать лет он стал полноправным членом шайки контрабандистов, постоянно стравливая друг с другом все конкурирующие стороны на островах Индонезии. Примерно тогда-то Макелвор и набрел на него.

К тому времени, как Тарр закончил обучение в «яслях», случились известные события в Малайе. Тарра снова внедрили к контрабандистам. Едва ли не первыми, на кого он вышел, стали его бельгийские друзья. Они были слишком заняты поставкой оружия коммунистам, чтобы выяснять, где он пропадал все это время, к тому же им не хватало рабочих рук. Тарр провернул для них несколько операций по отправке оружия, чтобы нащупать связи, а затем однажды ночью, напоив, застрелил четверых, в том числе и Розу, и поджег их лодку. Он

мотался по Малайе еще какое-то время, успел выполнить еще два-три поручения перед тем, как его отозвали обратно в Брикстон на переподготовку для специальных операций в Кении – или, говоря простым языком, для охоты за вознаграждение на мау-мау.

После Кении Смайли надолго потерял его из виду" но несколько случаев запали ему в память, потому что они могли закончиться скандалом, и Хозяина следовало поставить в известность. В шестьдесят четвертом Тарра послали в Бразилию для подкупа тамошнего министра по вооружению, который, по некоторым сведениям, попал в переплет. Тарр действовал слишком нахраписто, министр запаниковал и выложил все прессе. У Тарра была голландская «крыша», и никто ни о чем не пронюхал, кроме разведки Нидерландов – эти прямо-таки взбесились от ярости. В Испании год спустя, действуя по сценарию, разработанному Биллом Хейдоном, Тарр шантажировал – или, как выражаются «головорезы», «поджарил» одного польского дипломата, который влюбился в танцовщицу. Первый улов был богатым, Тарр заслужил благодарность и премию. Но когда он явился по второму разу, поляк написал покаянное письмо послу и то ли сам, то ли с чьей-то помощью выбросился из окна.

В Брикстоне Тарра стали называть невезучим. Когда они уселись полукругом возле слабенького огня, Гиллем, судя по выражению его простодушно-юношеского лица, которое, однако, при более пристальном разглядывании обнаруживало печать прожитых лет, мог бы выразиться куда крепче.

– Итак, я полагаю, можно приступать к делу? – любезно произнес Тарр, непринужденно усаживаясь на стул.

Глава 5

Это случилось около шести месяцев назад, – начал Тарр. – В апреле, – тут же оборвал его Гиллем. – Будем точны с самого начала, ладно?

– Значит, в апреле, – невозмутимо сказал Тарр. – В Брикстоне все было довольно спокойно. По-моему, нас тогда дежурило человек шесть. Пит Сембрини как раз прибыл из Рима, Сай Ванхофер только что отличился в Будапеште. – Он криво ухмыльнулся. – Пинг-понг и бильярд в брикстонской комнате отдыха.

Правильно я говорю, мистер Гиллем?

– Это был мертвый сезон.

И вот, нежданно-негаданно, как сказал Тарр, из гонконгской резидентуры приходит срочный запрос.

– К ним в город в поисках электротоваров для советского рынка из Москвы приехала какая-то мелкая торговая делегация. Один из делегатов чересчур увлекся ночными клубами. Звали его Борис, мистер Гиллем знает подробности.

Безупречное прошлое. Они наблюдали за ним уже пять дней, русские должны были пробыть там еще двенадцать. По всем прикидкам местным ребятам довольно опасно было самим играть в эту игру, но они посчитали, что решительный «наезд» может принести успех. На какой-то особо богатый улов расчета не было, но что из этого? Может, мы выставили бы его на торги, правильно я говорю, мистер Гиллем?

«Выставить на торги» означало продажу или обмен с чьей-нибудь другой разведкой: «головорезы» занимались и торговлей мелкими перебежчиками.

Не обращая внимания на Тарра, Гиллем сказал:

– Юго-Восточная Азия была вотчиной Рикки. Он сидел без дела, вот я и приказал ему сделать проверку на месте и доложить по телеграфу.

Каждый раз, когда говорил кто-то другой, Тарра одолевала сонливость. Он пялил глаза на говорящего, они будто подергивались туманом, и приходилось делать паузу, будто возвращаясь назад, перед тем как начать говорить снова.

– Итак, я сделал все, как приказал мистер Гиллем, – продолжил он. – Я всегда выполняю приказы, не так ли, мистер Гиллем? Я ведь на самом деле неплохой парень, хотя и немного вспыльчивый. Он улетел следующей ночью, тридцать первого марта, в субботу, с австралийским паспортом, подвидом торговца автомобилями, с двумя чистыми бланками швейцарских паспортов на случай провала, спрятанными за подкладкой чемодана. Эти документы в случае непредвиденных обстоятельств следовало заполнить – один для Бориса, другой для него самого. Он встретился с гонконгским резидентом в автомобиле неподалеку от своего отеля «Голден Гейт» на Коулуне.

В этом месте Гиллем наклонился к Смайли и тихо обронил:

– Тафти Тесинджер, этот шут гороховый. Бывший майор, стрелок Африканского королевского полка. Назначен Перси Аллелайном.

Тесинджер доложил Тарру обо всех передвижениях Бориса за неделю, сведения о чем были получены на основе постоянной слежки.

– Борис оказался настоящим чудаком, – сказал Тарр. – Я никак не мог его раскусить. Он пьянствовал каждую ночь без перерыва. Он не спал всю неделю, и у наблюдателей Тесинджера ноги подкашивались от усталости. Целый день он следовал за своей делегацией, осматривал фабрики, принимал участие в дискуссиях – словом, вел себя как типичный молодой советский чиновник.

– Насколько молодой, кстати? – спросил Смайли.

Гиллем вставил:

– В его анкете указано: «Родился в Минске в тысяча девятьсот сорок шестом году».

– С наступлением вечера он возвращался в"Александра Лодж", старое обшарпанное строение на окраине Норт-Пойнта, где поселилась вся делегация.

Он ужинал вместе со всеми, затем около девяти часов выходил через боковой ход, ловил такси и несся по направлению к ночным ресторанам в центре, на Коулуне. Его любимым местом была «Колыбель кошки» на Куинс-роуд, где он угощал выпивкой местных бизнесменов и всячески изображал из себя мистера Личность. Он мог проторчать там до полуночи. Из «Колыбели» он возвращался через туннель в Ванчай, в местечко под названием «У Анжелики», где выпивка стоила дешевле. Один. «У Анжелики» – это кафе с притоном в подвальном этаже, куда ходят матросы и туристы. Борис, кажется, любил это место. Он выпивал там три или четыре коктейля и сохранял чеки. Обычно он пил бренди, но здесь для разнообразия заказывал водку. Все это время у него была связь с одной девушкой из Европы, наблюдатели Тесинджера выследили ее и заплатили за рассказ. Она поведала, что он ужасно одинок, и в постели только и делал, что ныл о своей жене, не сумевшей оценить такую личность. Это было уже настоящее достижение, – саркастически добавил Тарр, в то время как Лейкон занялся угасающим огнем, вороша угли и возвращая пламя к жизни. – В ту же ночь я двинулся в «Колыбель», чтобы взглянуть на него. Наблюдателей Тесинджера отправили в постель со стаканом молока. Их совершенно не интересовало, что будет дальше.

Рассказывая, Тарр ненадолго замирал время от времени, будто прислушивался к магнитофонному воспроизведению собственного голоса.

– Он приехал через десять минут после меня в компании высокого светловолосого шведа с какой-то девицей из Китая. Там было темно, и я пересел за столик поближе. Они заказали виски, платил Борис. Я был метрах в двух от этой паршивой троицы и слушал весь их разговор. Китайская крошка предпочитала помалкивать, тон разговору в основном задавал швед. Они говорили по-английски. Швед спросил Бориса, где тот остановился, он ответил:

«В Эксцельсиоре», что было чудовищной ложью, потому что он жил в «Александра Лодж» вместе с остальными членами делегации. Ну, понятное дело, «Александра» на задворках, «Эксцельсиор» звучит гораздо лучше. Около полуночи вечеринка подходит к концу. Борис

говорит, что он должен идти домой: завтра у него напряженный рабочий день. Вторая ложь, потому что он и не собирался идти домой, – прямо как этот, как его, из истории о Джекиле и Хайде – ну тот самый, обыкновенный доктор, который переодевается и идет кутить. Кем у нас был Борис?

С минуту все молчали, никто не хотел ему помочь.

– Хайд, – вымолвил наконец Лейкон, уткнувшись взглядом в красивые ухоженные руки. Он снова сел и сложил ладони на коленях.

– Хайд, – повторил Тарр. – Спасибо, мистер Лейкон, я всегда знал, что вы начитанны. Итак, они оплатили счет, а я потащился в Ванчай, чтобы приехать туда прежде, чем он доберется до «Анжелики». Но в это время я был уже почти уверен, что ввязался не в свое дело.

Загибая длинные сухие пальцы, Тарр старательно перечислил все соображения. Во-первых, он никогда еще не встречал советской делегации, в которой бы не было пары горилл из службы безопасности, в чью обязанность входит удерживать ребят подальше от злачных мест. Как в таком случае Борису удавалось улизнуть из этого ошейника каждую ночь? Во-вторых, ему не понравилось, как русский направо и налево сорит валютой. Для советского чиновника это противоестественно, утверждал Тарр.

– У них просто-напросто никогда не бывает этой чертовой валюты. А если и бывает, то они скорее купят какую-нибудь побрякушку для своей благоверной.

И, в-третьих, мне не понравилось, как он врет. Уж слишком бойко он это делал, желая прилично выглядеть.

Итак, Тарр ждал в «Анжелике», и, конечно же, через полчаса его мистер Хайд был тут как тут.

– Он садится и заказывает выпивку. И все. Сидит и пьет, как проститутка в ожидании клиента.

Тут Тарр решил в очередной раз продемонстрировать свою учтивость и обратился непосредственно к Смайли:

– Стало быть, о чем это л, мистер Смайли? Чувствуете, что я имею в виду? Эти маленькие детали, которые я подчеркиваю, – доверительно продолжал он, по-прежнему обращаясь к одному Смайли. – Взять хотя бы то, как он сел.

Поверьте мне, сэр, если бы мы с вами там оказались, мы не моглибы найти места лучше, чем Борис. Он видел одновременно все выходы и лестницу, в поле зрения попадали и главный вход, и все, что происходит в зале, он правша, а с левой стороны его прикрывала стена. Он профессионал, мистер Смайли, в этом нет абсолютно никаких сомнений. Он ждал выхода на связь, может быть работая «почтовым ящиком», или просто вел себя вызывающе, провоцируя на какую-нибудь выходку лопуха вроде меня. Так что, знаете ли, одно дело «поджечь» какую-то мелкую сошку. И совсем другое – обломать зубы о громилу, натасканного в Центре. Правильно я говорю, мистер Гиллем?

Питер ответил:

– После реорганизации «головорезы» получили распоряжение «пасти» двойных агентов. Следует сразу же возвращаться в Лондонское Управление.

Ребята получили приказ-инструкцию за подписью самого Билла Хейдона. Если есть хоть какой-то намек на противника – отступай. – Он добавил специально для Смайли:

– При латерализме нашей автономии пришел конец.

– И я уже бывал в этих двойных-тройных играх, – признался Тарр тоном оскорбленной добродетели. – Поверьте мне, мистер Смайли, там сам черт ногу сломит.

– Это уж точно, – согласился Смайли, напустив на себя строгий вид и поправив очки.

Тарр телеграфировал Гиллему: «Сделка не состоялась», забронировал обратный билет на самолет и отправился за покупками. Однако, поскольку ближайший рейс ожидался только в четверг, он решил перед вылетом хорошенько обчистить комнату Бориса, хотя бы для того, чтобы окупить билет.

– «Александра» – это настоящая лачуга, мистер Смайли, в стороне от Марбл-роуд, с множеством деревянных балконов. Что касается замков, право, сэр, они открываются еще при твоем приближении.

Поэтому спустя очень короткое время Тарр уже стоял в комнате Бориса, прислонившись спиной к двери в ожидании, когда же глаза привыкнут к темноте.

Он все еще не двинулся с места, когда вдруг какая-то женщина заговорила с ним спросонья по-русски.

– Это была жена Бориса, – объяснил Тарр. – Она плакала. Я буду называть ее Ирина, хорошо? Мистер Гиллем знает подробности.

Смайли сразу стал возражать: мол, это невозможно. Центр никогда бы не выпустил их обоих из России одновременно, они всегда кого-то оставляют дома…

– Гражданский брак, – сухо сказал Гиллем. – Неофициальный, но постоянный.

– В наши дни у некоторых все наоборот, – заметил с язвительной ухмылкой Тарр, не обращаясь ни к кому конкретно и меньше всего к Смайли, но Гиллем снова бросил в его сторону уничтожающий взгляд.

Глава 6

С самого начала этой встречи Смайли словно надел на себя равнодушно-непроницаемую маску Будды, делая вид, что ни рассказ Тарра, ни редкие замечания Лейкона и Гиллема нисколько его не трогают. Он откинулся назад и подогнул свои короткие ноги, наклонив голову и скрестив пухлые руки на вызывающем уважение животе. Его глаза все время оставались прикрытыми за толстыми стеклами очков. Главной заботой было иногда протирать стекла шелковой подкладкой галстука, и, когда он это делал, взгляд становился влажным и беззащитным, что приводило в замешательство того, кто заставал его за этим занятием. Однако его внезапное вмешательство и пустая, бессодержательная реплика Тарра, которая последовала за объяснением Гиллема, будто послужили сигналом для передышки собравшимся, которые задвигали стульями и стали прочищать глотки.

Лейкон заговорил первым:

– Джордж, что вы предпочитаете? Могу я предложить вам виски или что-нибудь еще? – Он спрашивал таким заботливым тоном, будто предлагал аспирин от головной боли. – Я забыл поинтересоваться раньше, – извиняясь, пояснил он. – Джордж, давайте по рюмочке. Зима, в конце концов. Глоточек чего-нибудь.

– Все в порядке, не беспокойтесь, ради Бога, – ответил Смайли.

* * *

Он предпочел бы чашечку горячего кофе, но что-то мешало ему попросить.

К тому же он помнил по прошлому разу, что кофе здесь готовят отвратительно.

– Гиллем? – обратился Лейкон.

Нет, Гиллем также посчитал невозможным выпить вместе с Лейконом.

Тарру ничего предлагать не стали, и он продолжил свой рассказ.

По его словам, он спокойно воспринял присутствие Ирины. Он подготовил пути к отступлению еще до того, как вошел в дом, и теперь, ничуть не смутившись, начал действовать. Он не стал выхватывать пистолет, или зажимать ей рот рукой, или, как он выразился, делать еще какую-нибудь глупость вроде этого, а сказал, что пришел поговорить с Борисом по личному делу. Он жутко извиняется, но он останется здесь, пока не явится Борис. С хорошим

австралийским акцентом, изображая тамошнего оскорбленного продавца автомобилей, он объяснил, что никогда не опускается до того, чтобы встревать в чужой бизнес, и поэтому будет трижды проклят, если позволит какому-то паршивому русскому, который не в состоянии платить за свои удовольствия, в одну ночь увести у себя девчонку и украсть деньги. Хоть он и разыгрывал смертельное оскорбление, но старался не повышать голоса, все время гадая, как она поступит.

И вот так, сказал Тарр, это все и началось.

Когда он вошел в комнату Бориса, было 11.30. А ушел он в 13.30, договорившись о встрече на следующий вечер. За эти два часа ситуация коренным образом изменилась.

– Заметьте, мы не сделали ничего предосудительного, просто стали хорошими знакомыми, верите ли, мистер Смайли?

На мгновение Джорджу показалось, что эта вкрадчивая усмешка претендует на его самые сокровенные тайны.

– Без сомнения, – вяло согласился он.

В присутствии Ирины в Гонконге не было ничего необычного, и Тесинджер не нашел оснований проявлять к ней особый интерес, объяснил Тарр. Ирина и сама была членом делегации, она хорошо разбиралась в тканях.

– Если уж на то пошло, то она была гораздо квалифицированнее, чем ее приятель, если можно его так назвать. Сущий ребенок и, по-моему, слегка синий чулок, но зато молода, и, когда она перестала плакать, у нее появилась чертовски приятная улыбка, – причудливо живописал Тарр. – Она была приятным собеседником, – еще раз подчеркнул он, будто бросая кому-то вызов. – Когда в ее жизнь вошел мистер Томас из Аделаиды, она уже дошла до края, терзаясь мыслью о том, как жить дальше с этим чертовым Борисом. Ей казалось, что я сам архангел Гавриил. С кем еще она могла поговорить о своем муже без опаски? У нее не было приятелей в составе делегации, у нее вообще не было никого, кому бы она доверяла; даже дома, в Москве. Тот, кто через все это не прошел, тот не поймет, что это такое – поддерживать разваливающиеся отношения, постоянно находясь в разъездах. – Смайли снова впал в глубокий транс, – Отель за отелем, город за городом, нельзя даже непринужденно поговорить с соотечественниками или ответить на улыбку незнакомца,так она описывала свою жизнь. Она считала, что такое положение вещей отравляет ей жизнь, мистер Смайли, и все эти ее страстные признания и пустая бутылка из-под водки возле кровати говорили сами за себя. Почему она не может жить, как все нормальные люди? – повторяла она. Почему она не может наслаждаться божественным сиянием солнца, как все остальные? Она любит осматривать достопримечательности, она любит детей. Почему у нее не может быть своего собственного? Ребенка, рожденного на свободе, не в рабстве. Она продолжала повторять: рожденного в рабстве, рожденного на свободе. « Я жизнерадостный человек, Томас. Я нормальная общительная девушка. Я люблю людей. Почему я должна обманывать тех, кого люблю?» Затем она обмолвилась, что вся беда в том, что когда-то, давным-давно, ее отобрали для работы, которая сделала ее холодной, как старуха, и лишила общения с Богом. Вот почему она постоянно пьет и плачет не переставая. К этому времени она слегка подзабыла о своем муже, более того, стала извиняться за свою хандру. – Тарр снова запнулся. – Я чуял, мистер Смайли, у нее золотое сердце. Я всегда чую это с самого начала. Знание – сила, говорят они, сэр, и в Ирине была э т а сила; в ней была какая-то неподдельность. Может быть, это называется безрассудством, но она была готова отдать всю себя без остатка. Я очень тонко чувствую душевную щедрость в женщине, когда сталкиваюсь с этим, мистер Смайли. У меня талант.

Господи, как описать это чутье? Ну вот, например, некоторые люди способны ощущать воду под землей".

Он, казалось, ожидал сострадания, и Смайли сказал: «Я понимаю» – и дернул себя за мочку уха.

Увидев такую странную реакцию на свои слова, Тарр молчал дольше обычного.

– Первое, что я сделал следующим утром, – это отменил свой вылет и переехал в другой отель, – произнес он наконец.

Внезапно Смайли широко открыл глаза:

– Что ты передал в Лондон?

– Ничего.

– Почему?

– Потому что он хоть и дурак, но хитрый, – вставил Гиллем, – Наверное, я боялся, что мистер Гиллем скажет: "Возвращайся домой.

Тарр", – Он бросил на Гиллема многозначительный взгляд, но не удостоился ответного. Видите ли, как-то раз, еще будучи сопляком, я ошибся и попался в ловушку.

– Он как идиот вляпался в историю с польской девкой, – сказал Гиллем. – Тогда он тоже почувствовал щедрость ее души.

– Я знал, что Ирина не приманка, но как я мог рассчитывать, что мистер Гиллем поверит мне? Никоим образом.

– Вы сообщили Тесинджеру?

– Черт побери, конечно нет.

– Как же ты объяснил Лондону, что отложил свой полет?

– Я должен был лететь в четверг. Я посчитал,что дома меня никто не хватится до вторника. Особенно после того, как оказалось, что Борис яйца выеденного не стоит.

– Он не дал никакого объяснения, и административно-хозяйственный отдел с понедельника начал считать его находящимся в самовольной отлучке, – пояснил Гиллем. – Он нарушил все писаные правила. А также некоторые неписаные. К середине недели даже Билл Хейдон забил во все колокола. И я был вынужден все это выслушивать, – добавил он едко.

Как бы то ни было, Тарр и Ирина встретились на следующий вечер. А через день они встретились опять. Первое свидание состоялось в кафе, и оно не заладилось. Они слишком заботились о том, чтобы их не увидели, потому что Ирина была напугана до смерти, не столько из-за своего мужа, сколько из-за охранников, приставленных к делегации, горилл, как называл их Тарр. Женщина вся дрожала и отказалась от выпивки. Во второй вечер Тарр продолжал ухаживать за ней, рассчитывал на проявления душевной щедрости. Они сели в трамвай до Виктория-Пик, затесавшись между двумя раскрашенными американскими матронами в белых носках. На третий день Рикки взял напрокат автомобиль и повез ее вокруг Новых территорий, пока она вдруг не начала дергаться из-за близости китайской границы, так что они вынуждены были повернуть к пристани.

Но как бы то ни было, ей эта поездка понравилась, она то и дело восхищалась опрятной красотой всех этих рыбных прудиков и рисовых плантаций. Тарр тоже остался доволен поездкой, потому что они оба удостоверились, что за ними не следят. Но Ирина, как он выразился, так и не раскололась.

– А теперь я вам расскажу чертовски странную вещь. В самом начале я из кожи вон лез, изображая Томаса-австралийца. Я навешал ей много лапши об овечьей ферме неподалеку от Аделаиды и большом особняке со стеклянным фасадом и светящейся надписью «Томас», что стоит на главной улице. Она мне не поверила. Она кивала, дурачилась, ждала, пока я закончу очередной пассаж, затем говорила: „Да, Томас", «Нет, Томас» – и переводила разговор на другую тему.

На четвертый вечер он повез ее на холмы, возвышающиеся над северным побережьем, и Ирина призналась Тарру, что она влюбилась в него, и что она работает на Московский Центр,

и ее муж тоже, и что она знает: Тарр такой же фермер, как она – торговец. Женщина определила это по его настороженности и по тому, как он умеет слушать глазами.

– Она решила, что я – полковник английской разведки, – выпалил Тарр без тени улыбки. – Она то плакала, то через минуту смеялась и, по-моему, была близка к тому, чтобы двинуться окончательно. То она вела себя как чокнутая героиня дешевого романа, то как красивый, резвящийся, неиспорченный ребенок.

Англичане были ее любимой нацией.

«Джентльмены», – все повторяла она. Я принес ей бутылку водки, и она выпила половину за полминуты. Ура, за английских джентльменов. Борис был ведущим, а Ирина его дублером. Это их совместная работа, а в один прекрасный день она будет разговаривать с Перси Аллелайном и расскажет ему о себе большой секрет. Борис «пас» гонконгских бизнесменов и попутно работал «почтовым ящиком» для местной советской резидентуры. Ирина была его связной, изготавливала микроснимки, зашифровывала донесения и «выстреливала» радиограммы в «спрессованном» режиме за доли секунды, чтобы исключить подслушивание. Все как в романе, понимаете? Два ночных клуба были местом свиданий и запасным пунктом для связников. Но на самом деле Борису больше нравилось пить, волочиться за танцовщицами и впадать в депрессии, и еще уходить гулять часов на пять, потому что он не мог долго оставаться в комнате со своей женой. Все, что оставалось Ирине, это торчать дома, плакать или надираться вдрызг и фантазировать, как она сидит вместе с Перси у камина и рассказывает все, что знает. Я дал ей выговориться там, на верху холма, в машине. Я даже старался не двигаться, чтобы не перебивать ее. Мы смотрели, как сумерки опускаются на гавань, и восходит чудная луна, и крестьяне снуют мимо со своими длинными шестами и керосиновыми лампами. Для полной идиллии не хватало только Хамфри Богарта в смокинге. Я придерживал ногой бутылку с водкой и не двигал ни единым мускулом. Правда, мистер Смайли, честное слово! – воскликнул он с беззащитностью человека, который страстно хочет, чтобы ему поверили. Но глаза Смайли оставались закрытыми, он был глух ко всем мольбам.

– Она разошлась не на шутку, – объяснил Тарр, как будто это произошло вдруг и он не имел к этому никакого отношения. – Она рассказала мне историю всей своей жизни, от рождения до встречи с полковником Томасом, то бишь со мной.

Мама, папа, юношеские увлечения, вербовка, обучение, дурацкое полузамужество – все. Как она сошлась с Борисом во время учебы и с тех самых пор они не расставались: одна из великих нерушимых связей. Она назвала мне свое настоящее имя, свой оперативный псевдоним и все имена, под которыми ее отправляли в поездки; затем вытащила свою сумочку и, как фокусник, стала показывать мне свой «магический набор»; авторучку с тайником, кодовую таблицу внутри, скрытую микрофотокамеру, все, что было нужно для разведывательной работы. «Подожди, пусть все это увидит Перси», – сказал я ей, будто подыгрывая. Это все было серийным хламом, заметьте, ничего примечательного, хотя материал довольно качественный. В довершение ко всему она начинает выкладывать мне все о советской агентурной сети в Гонконге: агенты, явки, «почтовые ящики» – все. Я чуть с ума не спятил, запоминая это.

– Так ты таки спятил, – бросил Гиллем.

Да, согласился Тарр, почти спятил. Он знал, что она говорит не всю правду, но знал и то, что правда трудно давалась девушке, которая с юных лет стала шпионкой, и для новичка у нес явно получалось неплохо.

– Я вроде бы стал ей даже сочувствовать, – сказал он при очередной вспышке притворной откровенности. – Я почувствовал, что мы понимаем друг друга с полуслова и нам ничего не мешает.

– Ну, ясно, – вставил Лейкон одно из своих редких замечаний. Он был очень бледен, но то ли охвативший его гнев, то ли серый свет дальнего утра, вползающий через жалюзи, производил этот эффект, различить было трудно.

Глава 7

Итак, я оказался в дурацкой ситуации. Я встречался с ней на следующий день и через день и подумал, что если она еще не окончательно шизанулась, то до этого совсем недалеко. То говорит о том, что Перси поручит ей самую ответственную работу в Цирке под руководством полковника Томаса, и спорит со мной до хрипоты на предмет того, присвоят ей лейтенанта или майора. То через минуту заявляет, что никогда не будет больше ни на кого работать, а будет выращивать цветы и трахаться без передышки на сеновале с Томасом. А еще у нее был бзик на почве монашества: баптистские монахини, мол, непременно очистят ее душу. Я чуть не сдох. Кто, черт их дери, когда-нибудь что-нибудь слышал о баптистских монахинях, спрашиваю я ее? Не имеет значения, говорит она. Баптисты лучше всех, ее мать была крестьянкой, уж она-то знает. Это будет вторая величайшая тайна, которую она мне поведает. «А первая-то какая?» – спросил я. Будто и не слышит. Только знай себе повторяет: мы в смертельной опасности, с большей мне еще и сталкиваться не приходилось, для нас нет никакой надежды, если только она не переговорит с братцем Перси.

«Что За опасность, ради Бога? Что ты знаешь такого, чего не знаю я?» Она была самолюбивой, как кошка, но, когда я попытался надавить, она будто воды в рот набрала, и я перепугался до смерти, что она удерет домой и выложит все Борису. К тому же и время поджимало. Уже среда, а делегация должна была вылететь в Москву в пятницу.

Как профессионал, она чего-то стоила, но как можно было доверять такой психопатке? Вы знаете, что творится с женщиной, когда она влюблена, мистер Смайли. Она едва… Тут Гиллем оборвал его.

– Оставь-ка это при себе, понял? – приказал он, Тарр слегка помрачнел.

– Знал я только то, что Ирина хочет перебежать, поговорить с Перси, как она это называла. У нее оставалось три дня, и я понимал, что, чем быстрее она убежит, тем лучше для всех. Если бы я стал ждать, она могла бы что-нибудь выкинуть ненароком. Так что я наконец решился и пошел к Тесинджеру, как только он открыл свою контору.

– Среда, одиннадцатое число, – пробормотал Смайли, – в Лондоне раннее утро.

– По-моему, Тесинджер принял меня за привидение. «Мне нужно говорить с Лондоном, лично с руководителем Лондонского Управления». Тафти упирался до посинения, но в конце концов разрешил. Я сел за его стол и сам зашифровал послание, используя одноразовый код, пока Тесинджер наблюдал за мной, вздыхая и причитая. Нужно было составить начало и концовку торговым шифром, потому что у Тесинджера была «крыша» экспортера. Это заняло у меня больше получаса. Я так нервничал,просто кошмар. Затем сжег дотла этот чертов листок из шифроблокнота и отстучал послание. В этот момент ни единая душа на целом свете не знала, что обозначали эти цифры на клочке бумаги, ни Тесинджер, никто, только я. Я запрашивал для Ирины предоставление в срочном порядке статуса перебежчика. Я потребовал все те приятные вещи, о которых она даже не заикалась: деньги, гражданство, новый паспорт, никакой огласки и жилье. В конце концов, образно выражаясь, я был ее деловым представителем, вы согласны со мной, мистер Смайли?

Смайли поднял глаза, будто удивившись, что обращаются к нему.

– Да, – сказал он довольно доброжелательно, – да, я полагаю, образно выражаясь, именно им ты и был.

– Насколько я его знаю, он не должен был этим ограничиться, – буркнул Гиллем себе под нос.

Догадавшись, что он имел в виду, Тарр вспыхнул.

– Это ложь, черт возьми! – вскрикнул он, густо покраснев. – Это… – Но, встретившись злобным взглядом с Питером, он тут же умолк, а затем вернулся к своей истории. – Я вкратце обрисовал ее карьеру за последнее время и допуск, включая поручения, которые ей давал Центр. Я просил прислать следователей и самолет ВВС. Она думала, что я буду просить о личной встрече с Перси Аллелайном на нейтральной территории, но я посчитал, что всему свое время. Я предложил им прислать пару «фонарщиков» Эстерхейзи, чтобы они о ней позаботились, и, может быть, еще психиатра.

– Почему «фонарщиков»? – резко перебил Смайли. – Они же не имеют права заниматься перебежчиками.

«Фонарщики» – команда Тоби Эстерхейзи – базировались не в Брикстоне, а в Эктоне. Их работой было обеспечивать поддержку основных операций: наблюдение, прослушивание, транспорт и явочные квартиры.

– Ах да, мистер Смайли, вы, может, не знаете,но Тоби очень преуспел с тех пор, как вы ушли, – объяснил Тарр. – Говорят, даже его «уличные художники» («Уличные художники» – на сленге Секретных служб означает людей, осуществляющих наружное наблюдение, слежку) разъезжают на «кадиллаках», а еще отбивают хлеб у «головорезов», когда им это удастся. Правда, мистер Гиллем?

– Они стали основной рабочей силой Лондонского Управления, – коротко сказал Гиллем. – Издержки латерализма.

– Я посчитал, что у следователей полгода уйдет на то, чтобы вытянуть из нее все возможное, а она почему-то помешалась на Шотландии. Более того,у нее было заветное желание провести там остаток жизни. С Томасом. Растить наших деток среди зарослей вереска. Я передал это в экспедицию Лондонского Управления с пометкой «молния» с просьбой переправить только с нарочным офицером.

Гиллем вставил:

– Это новая формула для максимального ограничения количества причастных к информации. Этим предполагается исключить обработку у шифровальщиков.

– Но не в Лондонском Управлении? – спросил Смайли.

– Это их дело.

– Вы, я думаю, слышали, что эта работа лежит на Билле Хейдоне? – поинтересовался Лейкон, внезапно повернувшись к Смайли. – Он фактически шефствует над всеми операциями, точно так же, как Перси во времена Хозяина.

Они поменяли названия,в этом все дело. Вы же знаете, какое значение ваши старые приятели придают названиям. Вы должны ввести его в курс дела, Гиллем, познакомить с положением вещей.

– О, я думаю, представление у меня есть, спасибо, – вежливо сказал Смайли. Тарра же он спросилс напускной задумчивостью; – Говоришь, она упоминала о большой тайне?

– Да, сэр.

– Ты намекнул как-то об этом в своем донесении в Лондон?

Он что-то затронул, в этом не было никакого сомнения; он нащупал болевую точку, потому что Тарр вздрогнул и метнул недоверчивый взгляд на Лейкона, а затем на Гиллема.

Поняв, в чем дело, Лейкон поспешил оговориться.

– Смайли ничего не знает, кроме того, что вы ему рассказали сегодня в этой комнате, – пояснил он. – Правильно, Гиллем?

Тот утвердительно кивнул, наблюдая за Джорджем.

– Я передал Лондону только то, что она мне рассказала, – сердито признал Тарр таким тоном, будто у него украли хорошую историю.

– Какими словами, точнее? – не унимался Смайли. – Мне интересно, помнишь ли ты.

– «Утверждает, что имеет дополнительные сведения, важные для благополучия Цирка, но пока не раскрывает их», что-то вроде этого.

– Спасибо. Большое спасибо. Они ждали от Тарра продолжения.

– Я также просил руководителя Лондонского Управления проинформировать мистера Гиллема, что я выпутывался из неприятного положения, а не просто прогуливал все это время.

– Ну и как? – спросил Смайли.

– Никто мне ничего не передал, – сухо отозвался Гиллем.

– Я околачивался там весь день в ожидании ответа, но до вечера он так и не пришел. Ирина делала свою обычную работу. Видите ли, я настаивал на этом.

Она хотела изобразить легкое недомогание,чтобы остаться в постели, но я и слышать не хотел об этом. Делегация должна была посетить несколько фабрик на Коулуне, и я попросил ее не отставать от остальных и вообще выглядеть умницей. Я заставил ее пообещать мне не притрагиваться к бутылке. Я не хотел, чтобы она в последний момент начала заниматься самодеятельностью и наломала дров. Я хотел, чтобы, пока она не сбежит, все шло нормально. Подождал до вечера, затем отправил повторную «молнию».

Ничего не выражающий взгляд Смайли застыл на побледневшем лице Тарра.

– Вы, конечно, получили подтверждение? – спросил он.

– «Мы ознакомились с вашим сообщением». Это все. Меня бросало в пот всю ночь. К рассвету ответ так и не пришел. Я думал: может быть, этот самолет королевских ВВС уже где-то на подходе? Лондон всегда тянет, считал я, пока не согласованы все детали, чтобы дать подробные указания. Я имею ввиду, когда вы так далеко, вы должны верить, что у них все в порядке. Что бы вы ни думали, вы должны в это верить. И я очень часто думаю, что так оно и есть, правда, мистер Гиллем?

Никто ему не ответил.

– Я беспокоился об Ирине, понимаете. Черт возьми, я понял совершенно точно, что, если ей придется ждать еще день, она двинется. В конце концов ответ-таки пришел. Но это был вовсе даже и не ответ, если разобраться. Это была обыкновенная увертка: «Сообщите, где именно она работала, имена тех, с кем была знакома и контактировала в Московском Центре, имя ее нынешнего начальника, дату принятия в Центр». Господи, не знаю, что еще. Я быстро составил ответ, потому что в три часа у меня было с ней свидание в городе у церкви…

– У какой церкви? – снова вмешался Смайли.

– У Английской баптистской. – Ко всеобщему изумлению, Тарр снова покраснел. – Она любила туда ходить не на службу, а так, поглазеть. Я покрутился возле входа, стараясь не вызывать подозрений, но она так и не показалась. Первый раз она не пришла, как договорились. У нас был запасной вариант: встреча через три часа на вершине холма. Оттуда по уводящим вниз ступеням можно за две минуты добраться снова до церкви, и так, пока мы не встретимся. В случае, если что-нибудь не так, она должна была оставить купальник на подоконнике. Она была помешана на плавании, плавала каждый день. Я вернулся к «Александре»: нет купальника. Предстояло убить два с половиной часа. Кроме как ждать, больше ничего не оставалось. Смайли спросил:

– С какими пометками приходили телеграммы из Управления?

– Срочные.

– А ты свои отправлял «молнией»?

– Да, оба раза.

– Телеграмма из Лондона была кем-нибудь подписана?

Пришлось вмешаться Гиллему:

– Сейчас они никогда не подписываются. Периферия общается с Управлением как с единым целым.

– Там стояла пометка «расшифровать лично»?

– Нет, – сказал Гиллем.

От Тарра ждали продолжения.

– Я покрутился возле офиса Тесинджера, но там меня почти никто не знал, а он не очень-то жаловал «головорезов»; он затевал какую-то аферу на материке, в Китае, и, кажется, боялся, что я могу ненароком испортить все дело. Так что я решил лучше посидеть в кафе, и тут вдруг мне в голову пришла мысль: я ведь могу съездить в аэропорт. Знаете, как иногда бывает, приходит внезапно идея: «А не сходить ли мне в кино?» Я поймал такси и попросил гнать что есть мочи. Даже торговаться не стал. Какая-то паника меня охватила. Я растолкал очередь в справочную и попросил назвать мне все рейсы в Россию – и прямые, и с пересадкой. Я как полоумный раз за разом просматривал расписание и орал на китайских дежурных, но они все отвечали, что со вчрашнего дня до сегодняшних шести часов вечера рейсов нет. Но у меня было предчувствие. Я должен был выяснить все до конца. Как насчет чартерных рейсов, спросил я, не указанных в расписании, грузовых, случайных транзитных? Ничего, точно ничего, не было отправлено на Москву начиная с сегодняшнего утра? И тут эта молоденькая девушка – китайская стюардесса – наконец признается. Видно, я ей чем-то приглянулся, и она сделала мне одолжение. Советский самолет вне расписания отбыл два часа назад. Всего четыре пассажира на борту. Самым примечательным из них была большая женщина. Дама. Без сознания. Они вынуждены были подвезти ее к самолету на каталке, голова и лицо были полностью перевязаны бинтами. Ее сопровождали два санитара и доктор. Я позвонил в «Александру» в надежде на чудо. Ни Ирина, ни ее так называемый муж не выписались из гостиницы, сказали мне там, но в комнате никто не отвечает. В этом вшивом отеле даже но знали, что они уже уехали.

Наверное, музыка звучала уже давно, но Смайли заметил это только сейчас. Он слышал какие-то разрозненные фрагменты, доносящиеся из разных уголков дома: гамма на флейте, детская мелодия в проигрывателе, более уверенно звучала скрипичная пьеса. Просыпались многочисленные дочки Лейкона.

Глава 8

Возможно, она д е й с т в и т е л ь н о заболела, – флегматично произнес Смайли, обращаясь больше к Гиллему, чем к кому-нибудь другому. – Возможно, она действительно была без сознания. Возможно, ее увозили настоящие санитары. Впечатление такое, что она, мягко говоря, была немного взбалмошной. – Он добавил, мельком взглянув на Тарра:

– В конце концов, между вашей первой телеграммой и отлетом Ирины прошли только сутки. Вряд ли можно обвинять Лондон.

– Т е о р е т и ч е с к и можно, – сказал Гиллем, уставившись в пол. – Это невероятно быстро, но в принципе возможно, если кое-кто в Лондоне… – Они все напряглись. – Если кое-кто в Лондоне хорошо побегал. И в Москве тоже, разумеется.

– Это как раз то, что я сам себе говорил, сэр, – с гордостью сказал Тарр, присоединившись к точке зрения Смайли и игнорируя Гиллема. – Это прямо-таки мои слова, мистер Смайли. Расслабься, Рикки, сказал я, а то ты скоро будешь шарахаться от собственной тени, если не поостынешь.

– Или все-таки русские вычислили, – подчеркнул Смайли. – Скажем, охранники пронюхали о ваших контактах и убрали ее. Было бы чудом, если бы они н е пронюхали, судя по тому, как вы оба себя вели.

– Или она рассказала мужу, – предположил Тарр. – Я разбираюсь в психологии не хуже любого другого, сэр. Я знаю, что может произойти между мужем и женой, когда они

поссорятся. Она хочет досадить ему. Разозлить, вызвать гнев, пожалуй. «Хочешь знать, что я тут делала, пока ты там пьянствовал и отплясывал?» – что-то вроде этого. Борис бежит к гориллам и все им выкладывает, они шарахают ее чем-нибудь тяжелым по голове и увозят домой. Я мысленно прокрутил все эти варианты, мистер Смайли, поверьте. Я долго думал об этом, правда. Как и любой мужчина, когда от него уходит женщина.

– Давай не будем отвлекаться, ладно? – прошипел Гиллем, взбесившись окончательно.

Теперь-то, сказал Тарр, он, пожалуй, готов признать, что за те двадцать четыре часа он слегка вышел из себя.

– Но сейчас это со мной бывает не слишком часто, правда, мистер Гиллем?

– Достаточно часто.

– Я чувствовал это почти физически. Можно сказать, был подавлен.

Мысль о том, что лакомую добычу грубо вырвали у него из рук, вызвала у Рикки Тарра бессильную ярость, которая нашла выход в безумном хождении по местам, как-то связанным с ней. Он пошел к «Колыбели кошки», затем к «Анжелике» и до рассвета посетил еще полдюжины мест, не говоря о том, что по пути успел пообщаться с несколькими девушками. В какой-то момент он решил отправиться на другой конец города и учинить небольшой скандал в «Александре»: он надеялся перекинуться парой слов с этими гориллами из охраны. Когда он немного остыл, продолжая думать об Ирине и о том, как они были вместе, он вознамерился перед возвращением в Лондон обойти тайники, дабы проверить, не оставила ли она ему чего случайно.

Отчасти он это сделал просто для того, чтобы отвлечься.

– Отчасти, я думаю, мне была невыносима мысль, что ее письмо валяется в какой-нибудь дыре. А ведь писала она его, что называется, обливаясь кровавыми слезами, пытаясь, как это частенько бывало, оправдать себя.

У них было два условленных места для писем. Первое – недалеко от гостиницы, на стройплощадке.

– Знаете эти строительные леса из бамбука, которые используют китайцы?

Потрясающе. Я видел, как чернорабочие с железобетонными плитами карабкались по ним на двадцатый этаж.

Там торчит кусок бракованной трубы, сказал он, высотой по плечо, очень удобный. Казалось наиболее вероятным, что Ирина впопыхах должна была воспользоваться именно этим тайником, но там оказалось пусто. Второй тайник был в задних рядах церкви «под тем местом, где они кладут брошюрки», как объяснил Рикки.

– Там есть подставка, сделанная из старого гардероба, понимаете ли.

Если опуститься на колени перед задней скамейкой и пошарить кругом, можно нащупать шатающуюся доску. За этой доской есть углубление, где полно мусора и крысиного помета. Уверяю вас, это замечательный тайничок, лучше не бывает.

Наступила короткая пауза, и перед ними словно предстали образы Рикки Тарра и его возлюбленной из Московского Центра, преклонивших колени бок о бок в заднем ряду баптистской церкви в Гонконге.

И вот в этом втором тайнике, продолжал Тарр, он нашел не просто письмо, а целый дневник. Написано было четко и на обеих сторонах бумаги, так, что кое-где проступали черные чернила. Написано было очень торопливо, почти без исправлений. С первого взгляда он понял, что она писала в минуты просветления.

Это не оригинал, учтите. Это только моя копия.

Засунув свою длинную руку за пазуху, он вытащил оттуда кожаную сумочку, пристегнутую к широкому ремешку. Из нее он достал замусоленную стопку бумажных листов.

– Я думаю, она спрятала этот дневник буквально перед тем, как они ударили ее, – заметил он. – Может быть, она в это самое время в последний размолилась. Я сам сделал перевод.

– Надо же, я и не знал, что вы говорите по-русски, – удивился Смайли.

Это замечание все пропустили мимо ушей, кроме Тарра, который тут же ухмыльнулся.

– А-а, так ведь для нашей профессии нужна определенная подготовленность, мистер Смайли, – объяснил он, раскладывая страницы по порядку. – Я, может быть, не так силен в юриспруденции, но знание чужого языка иногда имеет решающее значение. Я надеюсь, вы слышали, что говорят поэты? – Он оторвался от дела и усмехнулся еще шире. – «Познать другой язык – значит познать другую душу». Великий король написал это, сэр, Карл V. Мой отец не упускал случая процитировать кого-нибудь, надо отдать ему должное, хотя – это, наверное, забавно, но сам он, кроме английского, ни черта больше не знал. Если не возражаете, я буду читать вслух.

– Да он ни одного слова не знает по-русски, – сказал Гиллем. – Они все время разговаривали на английском. Ирина закончила трехгодичные курсы английского языка. – На этот раз объектом своего пристального внимания Гиллем выбрал потолок, а Лейкон – свои руки. И только Смайли наблюдал за Тарром, который втихомолку посмеивался над своей собственной шуткой.

– Готовы? – спросил он. – Ну, ладно, начнем. «Слышишь ли ты меня, Томас, я обращаюсь к тебе». Она звала меня по фамилии, – объяснил он. –. Я сказал, что меня зовут Тони, но она все равно называла меня Томасом, это понятно? «Это дневник – мой подарок для тебя в случае, если они заберут меня, прежде чем я успею поговорить с Аллелайном. Я бы с радостью отдала тебе свою жизнь, Томас, и, конечно, свое тело» но боюсь, эта жалкая тайна станет единственным, чем я смогу тебя осчастливить. Распорядись ею как следует. – Тарр поднял взгляд. – Помечено понедельником. Она писала этот дневник четыре дня. – Его голос стал монотонным, даже скучным. – "В Московском Центре больше болтают, чем бы этого хотелось нашему начальству.

Особенно всякие мелкие сошки любят возвышаться в собственных глазах, давая понять, что они осведомлены кое о чем. Перед тем как меня устроили в Министерство торговли, я два года работала инспектором в Архиве нашего Главного Управления на площади Дзержинского. Это была такая скучная работа, Томас, и атмосфера не из приятных, а я ведь была не замужем. У нас поощрялась подозрительность по отношению друг к другу, это такое напряжение – никогда не раскрывать своего сердца, ни разу. У меня в подчинении был чиновник по фамилии Ивлев. Хотя он ни в социальном плане, ни по чину не был мне ровней, гнетущая атмосфера сблизила нас. Прости, но иногда плоть говорит вместо сердца, ну почему ты не появился раньше! Несколько раз у нас с Ивлевым совпадали ночные дежурства, и в конце концов мы решили пренебречь условностями и встретиться за пределами этого здания. Он был блондином, Томас, как и ты, и меня тянуло к нему. Мы встретились в кафе в одном из бедных московских кварталов. Нас в России учат, что в Москве нет бедных кварталов, но это ложь. Ивлев сказал мне, что на самом деле его зовут Брод, но он не еврей. Он как-то принес мне немного кофе и несколько пар чулок, присланных ему полулегально товарищем из Тегерана. Он был очень милым. Говорил, что глубоко восхищен мною, а однажды сказал, что работал в отделе, связанном с учетом донесений всех зарубежных агентов, завербованных Центром. Я рассмеялась и сказала: мол, таких записей не существует, и только безнадежный мечтатель мог бы рассчитывать, что такое большое количество секретов будет сосредоточено в одном месте. Хотя, наверное, мы оба были мечтателями".

Тарр снова прервался.

– Здесь переход к следующему дню, – пояснил он. – Повествование открывается множеством «Доброе утро, Томас», и молитвами с вкраплениями признаний в любви. Женщина

не может обращаться в пространство, говорит она, поэтому она пишет Томасу. Ее благоверный ушел рано, и у нее есть свободный час. О'кей?

Смайли хмыкнул что-то нечленораздельное.

– "Во второй раз я встретилась с Ивлевым в комнате двоюродного брата его жены, преподавателя Московского государственного университета. Мы были одни. Во время этого свидания, хранившегося в глубокой тайне, произошло то, что мы в донесениях называем деянием, порочащим работника. Думаю, Томас, ты и сам не раз совершал подобные поступки!Во время этого свидания Ивлев также рассказал мне следующую историю, которая сделала нас еще ближе. Томас, ты должен быть осторожен. Слышал литы когда-нибудь о человеке по имени Карла?

Это старая лиса, самая коварная в Центре, самая таинственная, даже имя его непривычно для русского уха. Ивлев был до крайности напуган, рассказывая мне об этих событиях, которые, по его словам, сопряжены с величайшей конспирацией, возможно, с большей мы еще никогда не сталкивались. История Ивлева заключается в следующем. Тебе следует рассказывать ее только л ю д я м , з а с л у ж и в а ю щ и м а б с о л ю т н о г о д о в е р и я , Томас, по причине ее чрезвычайной секретности. Ты не должен рассказывать ее в Цирке, потому что никому нельзя доверять, пока загадка не раскроется. Ивлев сказал, что это не правда, что он когда-то занимался учетом агентов. Он придумал это только для того, чтобы показать мне, как глубоки его познания в делах Центра, и убедить меня, что я влюбилась не в кого попало. Правда состояла в том, что он помогал Карле в одной из его крупных операций и даже однажды был направлен в Англию с конфиденциальным поручением «под крышей» водителя и помощника шифровальщика в посольстве. Эту задачу он выполнял под рабочим псевдонимом Лапин. Таким образом, Брод стал Ивлевым, а Ивлев – Лапиным: бедняга чрезвычайно гордился этим. Я не стала говорить ему, что означает «Лапин» по-французски (Lapin (ф р .) – кролик). Если бы ценность человека определялась количеством его имен! Задачей Ивлева было обслуживать «крота». «Крот» – это внедрившийся агент, названный так потому, что глубоко укореняется в империалистической почве Запада, в данном случае это был англичанин. «Кроты» очень ценны для Центра, потому что для их внедрения требуется много лет, зачастую пятнадцать или двадцать. Большинство таких английских агентов были завербованы Карлой еще до войны и происходили из высших слоев буржуазии, некоторые даже считались аристократами, людьми знатными, испытывающими отвращение к своим предкам и превратившимися в скрытых фанатиков коммунизма, гораздо больших фанатиков, чем их пассивные английские товарищи-рабочие. Некоторые из них умудрились даже подать заявления о вступлении в партию, но Карла вовремя успел их остановить и поручить какую-то специальную работу. Другие сражались в Испании против режима Франко; там их и отыскивали вербовщики и направляли к Карле. Третьи попались в сети на войне во время вынужденного сотрудничества Советского Союза и Великобритании. Кое-кто впоследствии, разочарованный тем, что война не привнесла социализм на Запад…" Здесь она вроде как прерывается, – пояснил Тарр, не отрываясь от рукописи. – У меня здесь написано «прерывается». По-моему, ее «старикан» вернулся раньше, чем она ожидала.

Чернила все размазались. Бог знает, куда она засунула эту писанину. Может быть, под матрас.

Если подразумевалось, что это шутка, то она не удалась.

– «Крот», которого Лапин обслуживал в Лондоне, был известен под кодовым именем Джералд. Этот очень засекреченный человек был завербован самим Карлой. Обслуживание «кротов» доверяют только высококвалифицированным товарищам, говорит Ивлев. Поэтому, в то время как на первый взгляд Ивлев-Лапин был в посольстве едва ли – непустым местом, подверженным всяческим унижениям из-за своей кажущейся незначительности (например, его ставили за стойку бара вместе с женщинами во время протокольных мероприятий), на самом

деле он был человеком большим, секретным помощником полковника Григория Викторова, который работал в посольстве под фамилией «Поляков».

Здесь вмешался Смайли, попросив произнести фамилию по буквам. Тарр отреагировал как актер, которого прервали во время монолога, и поэтому ответил довольно грубо:

– П-о-л-я-к-о-в, запомнили?

– Спасибо, – ответил Смайли с непоколебимой учтивостью, всем своим видом показывая, что это имя ему решительно ни о чем не говорит.

Тарр продолжил:

– "Викторов и сам опытный и очень хитрый профессионал, сказал Ивлев.

Его «крыша» – работа атташе по культуре, и, таким образом, он мог связываться с Карлой по официальным каналам. Как работник посольства Поляков организует лекции в британских университетах и обществах по культурным связям с Советским Союзом, но теневой работой полковника было получение донесений от «крота» Джеральда и передача инструкций в соответствии с указаниями Карлы из Центра. Для этой цели Викторову-Полякову постоянно нужны связные и курьеры, и бедняга Ивлев временно стал одним из них. Но так или иначе, настоящим куратором Джеральда является Карла в Москве". Здесь какой-то резкий переход, – объявил Тарр. – Она пишет ночью, то ли пьяная вдрызг, то ли до смерти перепуганная, и шурует через всю страницу без знаков препинания. Тут и про чьи-то шаги в коридоре, и про сальные взгляды этих горилл. Пропустим, ладно, мистер Смай-ли? – И, получив маленький одобрительный кивок, он продолжил:

– «Меры для обеспечения безопасности „крота" – это нечто из ряда вон выходящее. Письменные доклады из Лондона в Московский Центр Карле даже после шифровки разделяли на две части и отправляли с разными курьерами, в других случаях писали симпатическими чернилами под традиционной дипломатической корреспонденцией. Ивлев рассказывал мне, что Джеральд выдавал иногда больше секретного материала, чем Викторов-Поляков успевал обработать. Основное было на непроявленной пленке, часто до тридцати катушек в неделю. Если кто-то вскроет контейнер, не соблюдая необходимых мер, он тотчас засветит пленку. Другие материалы передавались „кротом" в виде звукозаписи с глубоко законспирированных встреч на специальной пленке, которую можно воспроизводить только на особой, сложной аппаратуре. Аудиозапись стирается начисто, если засветишь пленку или попытаешься прокрутить ее на обычном магнитофоне. Эти встречи были срочными, всегда в разных местах, всегда внезапными, это все, что я знаю, кроме того, это было в то время, когда фашистская агрессия во Вьетнаме потерпела поражение, а в Англии к власти снова пришли крайние реакционеры. Также, по словам Ивлева-Лапина, Джеральд занимал высокую должность в Цирке. Томас, я рассказываю это потому, что с тех пор, как я тебя полюбила, я без ума от всего английского, и прежде всего от тебя. И не желаю мириться с тем, что английский джентльмен может повести себя как предатель, хотя, конечно, видимо, он был прав, присоединившись к борьбе за рабочее дело. Еще я забочусь о безопасности тех, кто был тайно завербован Цирком. Томас, я люблю тебя, будь осторожен теперь, когда ты столько знаешь. Это может тебе повредить. Ивлев был похож на тебя, несмотря на то что они звали его Лапин…» – Тарр неуверенно запнулся. – Тут в конце есть немного такого…

– Читай, – тихо бросил Гиллем.

Чуть сдвинув стопку бумаги, Тарр снова стал монотонно читать, растягивая слова:

– «Томас, я рассказываю тебе это еще и потому, что боюсь. Сегодня утром, когда я проснулась, он сидел на кровати, уставившись на меня, как безумный. Когда я спустилась вниз выпить кофе, наши охранники Трепов и Новиков смотрели на меня животным взглядом, не обращая внимания на еду. Я уверена, они сидели здесь уже не первый час, а потом к ним подсел еще Авилов из местной резидентуры… Не поступил ли ты опрометчиво, Томас? Не рассказал ли больше, чем позволил мне думать? Теперь ты видишь, что помочь может только

Аллелайн. Тебе не стоит себя обвинять, я могу догадаться, что ты им сказал. В душе я свободна. Во мне ты видел только плохое: пьянство, страх, ложь, в которых мы живем. Но глубоко внутри меня горит новый благородный свет. Я привыкла думать, что тайный мир – это какое-то отдельное место, а я навсегда обречена жить среди неполноценных. Но, Томас, теперь я знаю, что это не отдельное место. Бог указал мне, что оно здесь, прямо посреди настоящего мира, вокруг всех нас, и нам нужно только открыть дверь и выйти наружу, чтобы быть свободными. Томас, ты должен всегда стремиться к свету, который я обнаружила. Этот свет зовется любовью. И теперь я отнесу это письмо в наше тайное место и оставлю там, пока еще есть время. Боже всемилостивый, я надеюсь, что оно еще есть. Бог дал мне прибежище в Его Церкви. Помни: я и там любила тебя». – Тарр сильно побледнел, руки его, когда он принялся расстегивать рубашку, чтобы положить дневник обратно в сумочку, задрожали и стали липкими. – Тут есть еще кусок, – произнес он, – там говорится: "Томас, почему ты помнишь так мало молитв из своего детства?

Твой отец был великим и добрым человеком". Как я вам и говорил, – пояснил он, – она сошла с ума.

Лейкон повернул жалюзи, и яркий дневной свет залил комнату. Окна выходили на маленький загон, где Джекки Лейкон, толстенькая девочка с косичками и в шлеме, не без опаски каталась на своем пони.

Глава 9

Перед тем как Тарр ушел, Смайли задал ему ряд вопросов. Близорукий взгляд Джорджа был сосредоточен не на Рикки, а где-то перед ним, обрюзгшее лицо выражало трагическую подавленность.

– Где оригинал этого дневника?

– Я положил его туда же, в тайник. Судите сами, мистер Смайли: когда я нашел дневник, Ирина уже находилась в Москве двадцать четыре часа. Я думаю, ей даже не дали передохнуть, когда дело дошло до дознания. Скорее всего, показания начали выколачивать еще в самолете, потом при приземлении отдубасили, потом первый допрос, после того как ребята закончат завтракать.

Такой у них подход к не очень стойким: сначала рукоприкладство, затем вопросы, ведь так? Поэтому, скорее всего, это дело одного или двух дней, пока Центр не вышлет разбойничка пошарить вокруг церкви, о'кей? – Его тон стал снова каким-то официальным. – И еще мне не мешало бы подумать о собственном благополучии.

– Он имеет в виду, что Московский Центр не будет так сильно заинтересован в том, чтобы перерезать ему глотку, если они подумают, что он не успел прочитать дневник, – сказал Гиллем.

– Ты его переснял?

Я не ношу с собой фотокамеру. Я купил блокнот за доллар и переписал дневник. Оригинал я положил обратно. Вся работа заняла ровно четыре часа. – Он взглянул на Гиллема, затем отвел взгляд. При дневном свете глубинный внутренний страх вдруг явно обозначился у него на лице. – Когда я вернулся в отель, в моей комнате царил полный разгром; они даже обои со стен посдирали.

Управляющий сказал мне, чтоб я убирался к черту. Он и слышать ничего не хотел.

– Теперь он носит с собой пистолет, – заметилГиллем. – И вряд ли с ним расстанется.

– Вы правы, черт возьми, не расстанусь. Смайли подавленно хмыкнул, пытаясь изобразить понимание.

– Эти ваши встречи с Ириной: тайники, условные сигналы и запасные варианты… Кто предлагал конкретные детали: ты или она?

– Она.

– Какие были условные сигналы о том, что все в порядке?

– Внешний вид. Если у меня воротник расстегнут, она знала, что я хорошо посмотрел по сторонами считаю, что на горизонте все спокойно. Если он застегнут – свидание отменяется, работает запасной вариант.

– А Ирина?

– Сумочка. В левой руке, в правой руке. Я приходил первым и ждал где-нибудь, где она могла видеть меня издалека. Это предоставляло ей выбор: идти смело или смываться.

– Все это случилось больше шести месяцев назад. Что ты делал все это время?

– Отдыхал, – грубо сказал Тарр.

– Он запаниковал и прикинулся одним из местных, – продолжил за него Гиллем. – Удрал в Куала-Лумпур, затем залег на дно в одной из деревень на холмах. Так он рассказывает, во всяком случае. У него там есть дочка, которую зовут Дэнни.

– Дэнни – это моя малышка.

– Он перебивался у Дэнни и ее матери" – объяснил Гиллем, привычно не обращая внимания нато, что говорит Тарр. – У него жены разбросаныпо всему свету, но эта сейчас, кажется, самая главная.

– А почему ты приехал именно сейчас? Тарр ничего не ответил.

– Ты не хочешь провести Рождество вместе сДэнни?

– Конечно хочу.

– Так что случилось? Что-то тебя испугало?

– Пошли какие-то сплетни, – угрюмо сказалТарр.

– Сплетни какого рода?

– В Куала-Лумпур объявился какой-то француз и стал всем говорить, что я должен ему деньги. Хотел натравить на меня адвоката. А я никому ничего не должен.

Смайли повернулся к Гиллему:

– В Цирке он все еще считается перебежчиком?

– Предполагаемым.

– Что они предприняли с тех пор?

– Я этого не касаюсь. Ходили слухи, что в Лондонском Управлении какое-то время назад устраивали совещания по этому поводу, но меня они не пригласили, и я понятия не имею, что у них получилось. Я думаю, как всегда ничего дельного.

– Каким паспортом он воспользовался?

У Тарра был готов ответ, и он поспешил вмешаться:

– Я расстался с Томасом в тот же самый день, как только перебрался в Малайю. Я посчитал, что Москва не будет особо церемониться с ним, и мне лучше самому его уничтожить как можно скорее. – В Куала-Лумпур мне смастерили британский паспорт на имя некоего Пула. – Он передал паспорт Смайли. – По-моему, за такие деньги неплохо сделано.

– А почему ты не воспользовался одной из своих швейцарских заготовок?

Снова нерешительная пауза.

– Или ты потерял их, когда твою комнату в отеле обыскали?

– Он их припрятал, как только появился в Гонконге. Обычное дело, – произнес Гиллем.

– Ну так почему же ты ими не воспользовался?

– Они были пронумерованы, мистер Смайли. Хоть они и были незаполнены, но ведь они были пронумерованы. Честно говоря, я слегка сдрейфил. Если в Лондоне знали номера, почему бы и Москве их не знать, понимаете, о чем я?

– Ну так что же ты все-таки сделал со своими швейцарскими паспортами? – вежливо повторил Смайли.

– Он говорит, что он их выбросил, – сказал Гиллем. – Скорее всего, он их просто продал. Или поменял на этот.

– Как именно выбросил? Ты сжег их?

– Да, верно, сжег их, – ответил Тарр с ноткой нервозности в голосе, отчасти угрожающей, отчасти боязливой.

– Итак, когда ты сказал, что этот француз интересовался тобой…

– Он искал Пула.

– Интересно, кто еще мог знать о Пуле, кроме того, кто подделал этот паспорт? – спросил Смайли, листая страницы. Тарр ничего не отвечал. – Ну ладно, расскажи, как ты добрался до Англии, – предложил Смайли.

– Из Дублина по безопасному коридору. Без всяких проблем. – У Тарра плохо получалось врать, когда на него нажимали. Наверное, его родители были в этом виноваты: он слишком торопился" когда не было готового ответа, и вел себя слишком агрессивно, когда таковой у него имелся.

– А как ты добрался до Дублина? – спросил Смайли, проверяя штампы пограничного контроля на средней странице.

– Как по маслу. – Рикки снова обрел уверенность. – С самого начала как по маслу. У меня есть знакомая девчонка – стюардесса из Южно-Африканской авиакомпании. Мой приятель взял меня грузовым рейсом до Кейпа, на Кейпе девчонка позаботилась обо мне и затем бесплатно подбросила до Дублина вместе с одним из пилотов. Так что там, на Востоке, они думают, что я никуда не уезжал с полуострова.

– Уж я сделаю все, чтобы это проверить, – бросил Гиллем, глядя в потолок.

– Черт возьми, только уж делайте это поосторожнее, дорогой. – Тарр в конце концов не выдержал и сорвался. – Потому что я не хочу, чтобы ко мне на хвост сел кто-нибудь не тот.

– Почему ты пришел к мистеру Гиллему? – поинтересовался Смайли, по-прежнему поглощенный разглядыванием паспорта Пула. Он был потрепанным, замусоленным, штампов было не слишком много, но и не слишком мало – в самый раз. – Не считая того, конечно, что ты был напуган.

– Мистер Гиллем – мой босс, – смиренно ответил Тарр.

– А тебе не приходило в голову, что он может переправить тебя прямиком к Аллелайну? В конце концов, для начальства Цирка ты что-то вроде одного из тех, кого давно разыскивают, не так ли?

– Конечно. Но я рассудил, что мистер Гиллем не больше вашего приветствует наши новые порядки, мистер Смайли.

– А еще он любит Англию, – пояснил Гиллем с убийственным сарказмом.

– Конечно. Я просто весь истосковался по родине.

– А ты ни разу не задумывался, что можно было прийти к кому-нибудь другому, кроме мистера Гиллема? Почему не к одному из резидентов заграницей, например, там, где ты был бы в меньшей опасности? Макелвор по-прежнему главный в Париже? – Гиллем кивнул. – Ну вот, ты же мог пойти к мистеру Макелвору? Он тебя вербовал, ты можешь доверять ему: он в Цирке с незапамятных времен. Ты мог сидеть себе спокойно в Париже, вместо того чтобы рисковать головой здесь. О Господи, Лейкон, быстрее!

Смайли вскочил и, прижав ко рту тыльную сторону ладони, уставился в окно. Джекки Лейкон лежала на животе в загончике и ревела, в то время как пони, освободившийся от всадницы, весело носился между деревьями. Они продолжали наблюдать, как жена Лейкона,

симпатичная женщина с длинными волосами и в толстых зимних чулках, перепрыгнула через ограду и сгребла ребенка в охапку.

– Они часто шлепаются, – заметил Лейкон довольно сердито. – Они не ушибаются в таком возрасте, – и добавил чуть более снисходительно:

– Знаете ли, Джордж, за всем не уследишь.

Они не торопясь снова расселись по местам.

– И если бы ты направился в Париж, – продолжал Смайли, – то какой маршрут выбрал бы?

– Такой же, до Ирландии, затем, я думаю, Дублин – Орли. Черт возьми, вы что, считаете, я могу пешком по воде ходить?

Услышав это, Лейкон побагровел, а Гиллем, сердито вскрикнув, приподнялся. Но Смайли это, кажется, нисколько не задело. Снова взяв паспорт, он не торопясь пролистал страницы в обратном порядке.

– А как ты установил контакт с мистером Гиллемом?

Гиллем опередил его, торопливо заговорив:

– Он знал, где я ставлю свою машину. Он оставил на ней записку, что хочет ее купить, и подписался своим рабочим псевдонимом – Тренч. Он предложил место встречи и ненавязчиво попросил не афишировать сделку до времени, чтобы покупку не перехватили. Я прихватил с собой Фона в качестве няньки…

Смайли перебил:

– Так это Фон был в дверях, когда он вошел?

– Он прикрывал меня, пока мы разговаривали. – сказал Гиллем. – С тех пор я держу его у нас. Как только я услышал историю Тарра, я позвонил Лейкону из телефонной будки и попросил принять меня. Джордж, может, поговорим об этом потом между собой?

– Позвонил Лейкону прямо сюда или в Лондон?

– Прямо сюда, – сказал Лейкон. После некоторой паузы Гиллем объяснил:

– Мне удалось вспомнить имя секретарши из офиса Лейкона. Я упомянул ее имя и сказал, что она попросила меня поговорить с ним немедленно по личному вопросу. Конечно, не идеально, но на ходу я не смог придумать ничего лучшего. – Не выдержав молчания, он добавил:

– Черт возьми, у меня не было никаких оснований подозревать, что телефон могут прослушивать.

– Оснований было больше чем достаточно. Смайли закрыл паспорт и теперь изучал его переплет при свете видавшей виды настольной лампы.

– Весьма хорош, не правда ли? – заметил он беспечно. – В самом деле, очень даже хорош. Я бы сказал, профессиональная работа. Не нахожу никаких проколов.

– Не беспокойтесь, мистер Смайли, – парировал Тарр, забирая паспорт обратно. – Он сделан не в России. – Когда Рикки подошел к двери, к нему вернулась его улыбка. – Знаете что? – сказал он, обращаясь ко всем троим через комнату. – Если Ирина права, вам скоро потребуется новый Цирк. Так что если мы будем держаться вместе, я думаю, мы не останемся в накладе. – Он легонько стукнул в дверь. – Ну, давай, дорогой, это я, Рикки.

– Спасибо! Все в порядке! Откройте, пожалуйста! – крикнул Лейкон, и через секунду ключ повернулся, промелькнул темный силуэт Фона-няньки, и звук шагов двух пар ног постепенно растворился в пустотах большого дома под еле уловимый аккомпанемент рыданий Джекки Лейкон.

Глава 10

С другой стороны дома, в отдалении от огороженного загона, располагался травяной теннисный корт, скрытый между деревьев. Корт был не очень хороший, за ним редко ухаживали. Весной трава слишком долго просыхала от талой воды, солнце не помогало; летом мячи терялись в листве. В это утро корт был по щиколотку засыпан замерзшими листьями, слетевшими сюда со всего сада. Но вокруг площадки, приблизительно повторяя очертания проволочного прямоугольника, между буковыми деревьями петляла тропинка, и Смайли с Лейконом тоже приходилось петлять. Смайли догадался надеть свою дорожную куртку, но на Лейконе был лишь его поношенный костюм. Наверное, поэтому его походка очень скоро стала довольно резвой, хотя и плохо скоординированной, так что он постоянно обгонял Смайли, а затем, приподняв плечи и прижав локти к бокам, ждал, притоптывая на месте, пока коротышка не догонит его. Затем Лейкон снова быстро отрывался от Смайли, уходя далеко вперед. Они сделали таким образом два круга, прежде чем Лейкон нарушил молчание:

– Когда вы пришли ко мне год назад с подобным предложением, я, к сожалению, отправил вас. Полагаю, что должен извиниться. Я поступил опрометчиво.

Молчание давало ему возможность поразмышлять над своей оплошностью.

– Я приказал прекратить ваши расследования, – Вы тогда сказали, что они неконституционны, – угрюмо произнес Смайли, будто снова переживая ту же самую досадную ошибку Лейкона, – Я действительно так сказал? Боже мой, неужели я выразился так напыщенно?

Со стороны дома снова донесся плач Джекки.

– У вас никогда их не было, так ведь? – тут же нервно, высоким голосом спросил Лейкон, повернув голову на звук.

– Простите?

– Детей. У вас с Энн.

– Нет.

– А племянников или племянниц?

– Один племянник.

– С вашей стороны?

– С ее.

Я будто и не уезжал отсюда, подумал Смайли, разглядывая заросли розовых кустов вокруг, сломанные качели и промокшие детские песочницы; ободранный красный дом, такой кричаще-безобразный при свете утра. Будто мы все еще здесь с прошлого раза.

Лейкон снова стал извиняться:

– Осмелюсь признаться, я не до конца верил в искренность ваших побуждений. Видите ли, мне пришло в голову, что, скорее, Хозяин подтолкнул вас к этому. Удерживаясь таким образом у власти и не давая ходу Перси Аллелайну… – Разводя руками и снова широко шагая, Оливер ушел вперед.

– О, нет, уверяю вас. Хозяин и близко об этом ничего не знал.

– Сейчас я это понимаю. А тогда… Трудновато определить, когда можно доверять людям, а когда – нет. Вы ведь живете немножко по другим законам, не так ли? Во всяком случае, должны бы.

Я это понимаю. Не мне об этом судить. В конце концов, у нас общие цели, даже если методы немного различаются. – Он перепрыгнул через канаву – По-моему, кто-то из великих сказал, что нравственность есть универсальный метод. Вы согласитесь с этим? Я думаю, не согласитесь. Трудно определить, у кого какие цели в д е й с т в и т е л ь н о с т и , в этом и беда, особенно если ты англичанин. Мы не можем рассчитывать, что вы будете определять за

нас п о л и т и к у , не правда ли? Мы можем только просить вас способствовать этому. Правильно? Мудрено это все.

Устав догонять его, Смайли сел на ржавое сиденье качелей и закутался поплотнее в куртку, пока наконец Лейкон не вернулся и не пристроился рядом с ним. Некоторое время они качались вместе, и им вторил скрип пружин.

– Какого черта она выбрала Тарра? – в конце концов пробормотал Лейкон, поигрывая своими длинными пальцами. – Из всех людей на свете я не смог бы выбрать менее подходящего духовника.

– Я боюсь, этот вопрос следует задавать женщине, а не нам, – ответил Смайли, снова мучаясь вопросом, где находится Иммингем.

– О, разумеется, – согласился Лейкон с готовностью. – Это непостижимая тайна. Я встречаюсь с Министром в одиннадцать, – доверительно сообщил он, понизив голос. – Я должен ввести его в курс дела. Ваш парламентский родственник, – добавил он, провоцируя старую шутку.

– На самом деле родственник Энн, – поправил его Смайли тем же рассеянным тоном. – Очень дальний, надо сказать, но все-таки родственник.

– А Билл Хейдон – он ведь тоже родственник Энн? Наш прославленный руководитель Лондонского Управления?

Они уже как-то играли в эту игру.

– В определенном смысле – да, Билл тоже родственник. – Он помолчал и добавил, хотя в этом не было большой нужды:

– Она родом из старинной семьи с устойчивой политической традицией. Со временем она получила довольно широкое распространение.

– Традиция? – Лейкон всегда старался избегать двусмысленности.

– Семья.

«День и ночь за этими деревьями ездят машины, – подумал Смайли. – За этими деревьями лежит целый мир, но у Лейкона есть этот красный замок и приверженность к христианским ценностям, что не обещает ему никакого вознаграждения, кроме дворянского титула, уважения со стороны ему подобных, солидной пенсии и парочки необременительных руководящих должностей в Сити».

– Так или иначе, я встречаюсь с ним в одиннадцать.

Лейкон вскочил на ноги, и они снова зашагали. При виде листьев, кружащихся в утреннем воздухе, у Смайли в голове снова вспыхнуло имя Эллис.

На мгновение, как в машине у Гиллема, его охватила странная нервозность.

– В конце концов, – заговорил Лейкон, – у каждого из нас была своя позиция, заслуживающая абсолютного уважения. Вам казалось, что Эллиса предали, и вы настаивали на охоте за ведьмами. Моему Министру и мне казалось, что со стороны Хозяина была проявлена грубая некомпетентность, – эту точку зрения, мягко говоря, разделяет и Министерство иностранных дел, – и нам потребовалась новая метла.

– О, я хорошо понимаю, какая это для вас дилемма, – заметил Смайли, больше обращаясь к самому себе, чем к Лейкону.

Я рад. И не забывайте, Джордж: вы были человеком Хозяина. Хозяин предпочитал вас Хейдону, а когда он под конец стал терять власть и затеял эту выходящую за всякие рамки авантюру, это ведь вы заступились за него.

Никто больше, только вы, Джордж. Не каждый день руководитель Секретной службы ввязывается в частную войну против чехов. – Смайли стало ясно, что воспоминания все еще

больно ранят. – При других обстоятельствах, я думаю, карьера Хейдона накрылась бы, но вы попали в переплет и…

– И Перси Аллелайн был своим Человеком для министра, – сказал Смайли достаточно мягко, чтобы Лейкон остановился и прислушался.

– Но вы ведь никого конкретно не подозревали, признайтесь! Вы ни на кого не показали пальцем! А расследование а потемках может вообще все загубить!

– Да-да, в то время как новая метла метет чище.

– Перси Аллелайн? Но он же в общем и целом все делает превосходно.

Добивается хороших результатов вместо скандалов. Досконально придерживается своего устава и тем самым завоевывает доверие клиентов. Он пока еще, насколько я знаю, не вторгался на чехословацкую территорию.

– Если есть Билл Хейдон, который за все отдувается, у кого так не получится?

– У Хозяина, например, – произнес Лейкон с нажимом.

Они остановились у пустого бассейна и теперь стояли, заглядывая через край. Смайли почудилось, будто из грязных глубин бассейна до него снова донеслись вкрадчивые интонации Родди Мартиндейла: «Маленькие читальни в Адмиралтействе, маленькие комиссии с какими-то странными названиями…»

– А что, тот самый особый источник Перси, он все еще работает? – поинтересовался Смайли. –"Черная магия", или как там это у вас сейчас называется?

– Надо же, я не знал, что вы были среди посвященных, – сказал Лейкон недовольно. – Но раз вы спрашиваете – да. Источник Мерлин – наша главная опора, и его продукция по-прежнему называется «Черная магия». В Цирк давно не попадали такие хорошие материалы. По крайней мере, на моей памяти.

– И они по-прежнему подвергаются всей этой специальной обработке?

– А как же! А теперь, после того что произошло, у меня нет сомнений, что мы примем даже более строгие меры предосторожности.

– На вашем месте я бы не стал этого делать. Джералд может почуять запах паленого.

– Вот в этом-то все и дело, не так ли? – заметил Лейкон тут же. («Он невероятно силен, – размышлял Смайли. – Вам кажется, что перед вами тщедушный, жалкий боксер, у которого перчатки еле держатся на худеньких запястьях, а в следующую секунду он вас достает и швыряет на канаты, а затем ощупывает с поистине христианским состраданием»). – Мы и развернуться-то как следует не можем. Не можем провести расследование, потому что все инструменты дознания сосредоточены в руках Цирка, а значит, скорее всего, и в руках «крота» Джералда. Мы не можем ни наблюдать, ни слушать, ни просматривать почту. Чтобы все это проделывать, мы вынуждены обращаться к услугам «фонарщиков» Эстерхейзи, а Эстерхейзи, как и любой другой, должен входить в круг подозреваемых. Мы не можем никого допросить, не можем предпринять никаких шагов для ограничения допуска отдельных людей к информации повышенной секретности. Делая что-нибудь подобное, мы рискуем спугнуть «крота». Эта проблема стара как мир, Джордж. Кто сможет шпионить за шпионом? Кто сможет унюхать лису, не водя с ней дружбу? – Он сделал ужасно неуклюжую попытку сострить. – Разве что «крот», – сказал он куда-то в сторону, будто делясь с кем-то тайной.

В приливе энергии Смайли вырвался вперед и, пыхтя и опережая Лейкона, продвинулся по тропинке в направлении загона.

– Ну обратитесь в конкурсную комиссию! – воскликнул он. – Обратитесь в Службу безопасности. У них там есть специалисты, они смогут это сделать.

– Министр не пойдет на это. Вы прекрасно знаете, как он и Аллелайн относятся к конкурсной комиссии. Совершенно определенным образом, если можно так выразиться.

Сборище бывших администраторов колоний, копающихся в документах Цирка: вы с таким же успехом можете привлечь армию для расследования на флоте.

– Неудачное сравнение, – возразил Смайли. Но у Лейкона, как у любого хорошего чиновника, было наготове другое:

– Очень хорошо, Министр скорее смирится с прохудившейся крышей, чем позволит всяким проходимцам растащить свой замок по кирпичику. Это вас устроит? У него есть железное возражение на этот счет, Джордж. У нас действующие агенты по всему миру, и я не дам за них и ломаного гроша, если господа из Службы безопасности станут влезать в их дела.

Теперь Смайли обернулся и замедлил шаг.

– Сколько?

– Шестьсот плюс-минус пару человек.

– А по ту сторону «железного занавеса»?

– По документам – сто двадцать. – Цифры, факты любого рода Лейкон всегда выдавал без запинки. Они будто были крупинками золота, которые он намывал из серой бюрократической почвы. – Насколько я могу понять из финансовых отчетов, почти все они сейчас активно работают. – Он сделал длинный прыжок. – Так я могу сказать ему, что вы возьметесь, так ведь? – протянул он довольно небрежно, словно этот вопрос был пустой формальностью, разрешив которую можно поставить галочку. – Вы возьмете эту работу, вычистите конюшни? Можете копать в любом направлении, просить все, что вам необходимо. В конце концов, это ваше поколение. Наследство, которое остается после вас.

Смайли толкнул калитку загона и захлопнул ее за собой. Теперь они стояли друг против друга, их разделял шаткий каркас. На порозовевшем лице Лейкона появилась заискивающая улыбка.

– Почему я говорю «Эллис»? – спросил он риторически. – Почему я говорю о деле Эллиса, в то время как беднягу звали Придо?

– Он работал под именем Эллиса.

– Да-да, конечно. Столько скандалов тогда было, забудешь все детали.

Промах. Покачивание правого предплечья. Выпад. – Он ведь был другом Хейдона, не вашим?

– Они вместе учились в Оксфорде до войны.

– Ив Цирке все время в одной упряжке. Знаменитый тандем Хейдон-Придо.

Мой предшественник постоянно это подчеркивал. – Он повторил:

– Но вы никогда с ним не были близки?

– С Придо? Нет.

– Я имею в виду, он вам не родственник?

– Упаси Бог, – выдохнул Смайли.

Лейкон вдруг снова почувствовал нерешительность, но усилием воли заставил себя не отрывать пристального взгляда от Смайли.

– У вас нет каких-нибудь эмоциональных или других причин, которые мешают вам выполнять это поручение? Вы должны высказать все начистоту, Джордж, – подчеркнул он озабоченно, как будто единственное, чего он хотел от Смайли. – это то, чтобы он высказался начистоту. Оливер выждал секунду, а затем довел свою мысль до конца:

– Хотя я не вижу серьезных аргументов для отказа. В нас всегда есть какая-то часть, являющаяся всеобщим достоянием, не так ли? Общественный договор – это палка о двух концах, и я уверен, вы всегда знали об этом. Так же, как и Придо.

– Что это значит?

– Ах ты, Господи, в него стреляли, Джордж. Пуля в спине может считаться чем-то вроде жертвоприношения, не правда ли, даже в вашей сфере?

Смайли стоял в одиночестве у дальнего края загона под деревьями, с которых капало, стараясь привести в порядок свои эмоции и отдышаться. Как застарелый недуг, раздражение застало его врасплох. Со времени своей отставки он постоянно пытался отрицать его существование, избавляясь от всего, что могло вызвать гнев: газет, бывших коллег, сплетен вроде мартиндейловских. После того как он всю жизнь усиленно эксплуатировал свои незаурядные мозги и казавшуюся безграничной способность запоминать, сейчас он всецело посвятил себя профессии забывания. Раньше он насиловал себя в чисто научных интересах, что служило довольно неплохой разрядкой при работе в Цирке. Но сейчас, когда он остался без места, это стало не нужно, абсолютно не нужно. Он готов был закричать: «Не нужно!»

«Сожги все это, – как-то услужливо предложила ему Энн, имея в виду его книги. – Подожги весь этот дом. Но только не занимайся ерундой».

Если под словами «заниматься ерундой» она подразумевала «приспособиться», то она была права, истолковывая его намерения таким образом. Он пытался, действительно пытался, по мере приближения к тому, что в рекламах страховых компаний с удовольствием называют закатом жизни, стать всем, чем должен быть образцовый рантье, хотя никто, и менее всего Энн, не поблагодарил его за эту попытку. Каждое утро, когда он вставал с кровати, каждый вечер, когда он ложился в нее (как правило, в одиночестве), он повторял себе, что никогда не был незаменимым. Он заставил себя признать, что в те последние жалкие месяцы карьеры Хозяина, когда бедствия следовали одно за другим с головокружительной быстротой, он был виноват в том, что не видел истинного положения вещей. И если старый профессионал все-таки восставал в нем и говорил: «Ты з н а е ш ь , что положение ухудшается, т ы з н а е ш ь , что Джима Придо предали, – и что может быть более красноречивым свидетельством, чем пуля, даже две пули, в его спине?» – «Хорошо, – отвечал он, – предположим, его и вправду предали. Думаешь, он был прав?» «Это пустое тщеславие – считать, что один толстый шпион преклонных лет – единственный человек, который в состоянии спасти мир», – говорил он сам себе. Или в другой раз: «Я еще никогда не слышал, чтобы кто-то ушел из Цирка, завершив все свои дела».

Только Энн, хотя она и не могла читать его мысли, отказывалась признавать его открытия. Она была на самом деле довольно страстной, насколько женщины могут быть страстными в деловых вопросах, вынуждая его возвращаться и браться за то, что он уже когда-то бросал, никогда не сворачивать в сторону в угоду легким доводам. Нет, конечно, она не знала всех тонкостей, но какую женщину хоть когда-нибудь останавливал недостаток информации? Она чувствовала. И презирала его, когда он действовал вразрез с ее чувствами.

И теперь, в тот самый момент, когда он уже почти начал верить в свою собственную догму, верить в подвиг, который не стал менее значимым из-за страсти Энн к безработному актеру; как еще можно назвать то, что сборище призраков из его прошлого – Лейкон, Хозяин, Карла, Аллелайн, Эстерхейзи, Бланд и, наконец, сам Билл Хейдон – вломилось в его скорлупу и весело сообщает ему, втягивал его обратно в тот самый сад, что все то, что он называл пустой суетой, есть на самом деле правда?

«Хейдон», – повторил он про себя, не в состоянии больше сдерживать воспоминаний. Даже одно это имя стало для него потрясением. «Я слышал, у вас с Биллом когда-то было в с е общее», – сказал Мартиндейл. Он уставился на свои пухлые руки, наблюдая, как они дрожат. Слишком стар? Бессилен? Боится начать расследование? Или боится того, до чего он докопается в конце концов?

«Всегда есть дюжина причин для того, чтобы ничего не делать, – любила говорить Энн. Это было, конечно, любимое оправдание множества ее сумасбродств. – И только одна причина, чтобы ч т о – т о делать. Это когда ты хочешь». Или должен? Нет, Энн стала бы яростно

отрицать это: принуждение, сказала бы она, совсем неподходящее обозначение того, что ты делаешь, потому что хочешь это делать; или не делаешь, потому что боишься.

Средние дети почему-то обычно плачут дольше, чем их братья и сестры.

Выглядывая из-за плеча своей матери, уняв свои страдания и уязвленную гордость, Джекки Лейкон наблюдала, как компания разъезжается. Сперва двое мужчин, которых она никогда не видела раньше: один высокий, другой низенький и угрюмый. Они укатили в маленьком зеленом фургоне. Никто не помахал им вслед, заметила она, и даже не попрощался. Затем ее папа уехал на своей машине; под конец красивый светловолосый симпатичный мужчина и маленький толстячок в широченной куртке, похожей на попону, направились к спортивному автомобилю, припаркованному под буковыми деревьями. На мгновение она подумала, что с толстым, должно быть, что-то не в порядке: он плелся так медленно и с таким страданием на лице. Затем, увидев, что симпатичный держит открытой дверцу для него, он будто очнулся и поспешил вперед грузными короткими шагами. Непонятно почему, но эта картина снова расстроила девочку, Слезы прорвались бурным потоком, и мама потом еще долго не могла ее утешить.

Глава 11

Питер Гиллем был великодушным малым, чья осознанная благонадежность соответствовала некоторым его наклонностям. Остальные же давным-давно были принесены в жертву Цирку. Отец Питера, французский бизнесмен, работал на Цирк еще с войны, в то время как его мать-англичанка проделывала таинственные штуки с шифрами. Сам Гиллем раньше «под крышей» судового клерка руководил своей собственной агентурой во Французской Северной Африке, что считалось гиблым заданием. Восемь лет назад его раскрыли, агентов перевешали, а он вступил в пору зрелости надолго отстраненным от настоящей работы профи. Он проделывал разную черную работу в Лондоне, иногда для Смайли, руководил несколькими «домашними» операциями с задействованием сети своих подружек, которые не проявляли, как говорят у них на жаргоне, взаимопонимания, и когда Аллелайн со своей компанией принял дела, Гиллема выпихнули в Брикстон на подножный корм, как он подозревал, из-за того, что у него имелись «порочащие связи», в частности, со Смайли. Если бы ему пришлось изложить свою автобиографию вплоть до прошлой пятницы, он бы, несомненно, рассказал ее именно так. На своих отношениях с Джорджем он остановился бы в самом конце.

Гиллем тогда большую часть времени жил в районе лондонских доков, где пытался организовать плохонькую агентурную есть из всяких там польских, русских и китайских моряков, которых он вместе с группой своих вербовщиков время от времени ухитрялся прибрать к рукам. Случалось, он заходил в маленькую комнатку на втором этаже Цирка и утешал хорошенькую секретаршу по имени Мэри и был почти счастлив, если не считать того, что никто из начальства не отвечал на его записки. Когда он пробовал позвонить по телефону, там либо было занято, либо никто не брал трубку. Ему доводилось слышать какие-то намеки, что случилась какая-то неприятность, но ведь неприятности неизбежны. Общеизвестно было, например, что Аллелайн поцапался с Хозяином, но ведь они делали кое-что еще все эти годы. Он так же знал, как и все остальные, что большая операция в Чехословакии была срочно прервана, что Министерство иностранных дел вместе с Министерством обороны устроили скандал и что в Джима Придо, руководителя «головорезов», опытнейшего специалиста по Чехии и неизменную правую руку Билла Хейдона, стреляли и таким образом убрали его со сцены. Отсюда, догадывался он, кричащая тишина и угрюмые лица. Отсюда и приступы маниакальной ярости Билла Хейдона, известия о которых распространялись по зданию, как нервная дрожь; как гнев Божий, говорила Мэри, которая любила выражать свои мысли максимально красочно.

Позже он услышал о катастрофе, получившей название «Свидетель». «Свидетель», как поведал ему Хейдон много позже, стал самой неумелой и кровавой операцией из тех, что

стареющие профессионалы когда-либо организовывали для поддержания своей увядающей славы, и Джим Придо стал платой за это. Кое-что проникло в прессу, делались парламентские запросы, и даже появились слухи, никогда, правда, официально не подтвержденные, что британские войска в Германии были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

В конце концов, послонявшись по кабинетам коллег, Питер начал понимать то, что другие поняли еще за несколько недель до этого. Цирк на самом деле не молчал, он был просто заморожен. Ничто не поступало внутрь, ничто не выходило наружу, по крайней мере, на том уровне, на котором находился Гиллем. Внутри здания люди из руководства спустились с небес на землю, и, когда наступил очередной день зарплаты, никто не обнаружил в своих ящичках привычных желтоватых конвертов, потому что, по словам Мэри, административно-хозяйственный отдел не получил обычной ежемесячной директивы для их выдачи. То один, то другой говорил, что видел Аллелайна, выходящего из своего клуба взбешенным. Или Хозяина, садящегося в свою машину в самом безоблачном настроении. Или, что Билл Хейдон подал в отставку на основании того, что к нему не прислушиваются или ставят подножки, но Билл уже много раз подавал в отставку. В этот раз, по слухам, основания были, однако, несколько иными: Хейдон пришел в ярость из-за того, что Цирк отказался платить запрошенную чехами цену за возвращение на родину Джима Придо; говорили, что это чересчур жирно или чересчур престижно для агента. И что Билл вышел из себя в одном из припадков шовинизма и заявил, что любая цена будет справедливой, чтобы вернуть домой одного преданного англичанина; отдать им все, но заполучить Джима обратно.

Затем однажды вечером Смайли заглянул в кабинет к Гиллему и предложил вместе выпить. Мэри не поняла, кто это был, и просто сказала «хэллоу» в своей стильной протяжной манере, скрывающей принадлежность к определенному классу. Когда они вышли из Цирка бок о бок, Смайли непривычно сухо пожелал вахтерам спокойной ночи, и лишь в пивной на Уордор-стрит он сказал: «Меня вытурили» – и больше ничего.

Оттуда они направились в винный бар рядом с Чаринг-Кросс, в погребок, где звучала музыка и больше никого не было.

– Они дали какое-то объяснение? – поинтересовался Гиллем. – Или это только потому, что ты перестал следить за своей фигурой?

На слове «объяснение» Смайли просто-таки зациклился. К этому времени он уже был порядочно пьян, хотя и держался прилично, но слово «объяснение», пока они неуверенной походкой шли вдоль набережной Темзы, захватило его целиком.

– «Объяснение» в смысле «причина» или «объяснение» в смысле «повод»? – вопрошал он, став еще меньше похожим на самого себя, чем на Билла Хейдона, чей довоенный оксфордский стиль полемики в те дни, кажется, был у всех на слуху. – Или «объяснение» в смысле «образ жизни»? – Они если на скамейку. – Они не должны давать мне объяснений. Я могу изложить им свои собственные объяснения, черт побери. И это не то же самое, – подчеркнул он, пока Гиллем заботливо усаживал его в такси, давал водителю деньги и называл адрес, – это не то же самое, что сформировавшаяся терпимость, которая проистекает из желания плюнуть на все.

– Аминь, – сказал Гиллем, смотря вслед удаляющейся машине и полностью отдавая себе отчет в том, что по правилам Цирка их дружба – такая, какой она была, – в эту минуту прекратилась. Наследующий день Гиллем узнал, что большинство голов полетело, и что Перси Аллелайн вот-вот должен был возглавить Цирк в должности исполняющего обязанности шефа, и что Билл Хейдон, ко всеобщему радостному изумлению, которое, вероятнее всего, проистекало из устойчивого раздражения по поводу Хозяина, будет служить у него в подчинении или, вернее, как говорили наиболее проницательные, подчинит его себе.

К Рождеству Хозяин был мертв. «Скоро они доберутся и до тебя», – сказала Мэри, которая рассматривала все эти события как второй штурм Зимнего дворца. Она заплакала, когда

Гиллем отбывал в брикстонскую ссылку, чтобы, по иронии судьбы, заполнить ячейку Джима Придо.

Поднимаясь по четырем ступенькам к Цирку в тот дождливый полдень в понедельник, всецело поглощенный перспективой тяжкого преступления, которое ему сегодня предстояло совершить, Гиллем прокрутил эти события у себя в мозгу и решил, что сегодняшний день может стать началом его возвращения.

Предыдущую ночь он провел в своей просторной квартире на Итон-Плейс в обществе Камиллы, долговязой студентки консерватории с красивым печальным лицом. Хотя ей было не больше двадцати, ее черные волосы уже успели подернуться сединой, будто она пережила какое-то потрясение, о котором, впрочем, никогда не рассказывала. Другим проявлением все той же скрываемой ею душевной травмы, наверное, было то, что она не ела мяса, не носила кожаных вещей и не пила ничего спиртного; и только в любви, как показалось Гиллему, она освобождалась от этих таинственных оков.

Все утро он просидел в одиночестве в своем чрезвычайно тусклом кабинете в Брикстоне, фотографируя документы Цирка. Перед этим он получил из своего личного оперативного набора миниатюрную фотокамеру; проделывал он это довольно часто, чтобы не потерять сноровки. Кладовщик спросил: «Для дневного света или электрического?» – и они провели дружескую дискуссию о зернистости пленки. Он попросил секретаря, чтобы его не беспокоили, закрыл дверь и принялся за работу, тщательно следуя инструкциям Смайли. Окна располагались довольно высоко. Сидя, он вообще видел только небо и верхушку новой школы в глубине улицы.

Он начал со справочных материалов из своего личного сейфа. Смайли установил очередность. Сначала справочник персонала, предназначенный лишь для старших офицеров, который содержал домашние адреса, номера телефонов, номера и псевдонимы всего «домашнего» персонала Цирка. Затем свод правил и обязанностей сотрудников со вклеенной схемой структуры управления Цирком, реорганизованной под руководством Аллелайна. В центре ее располагалось Лондонское Управление Билла Хейдона, похожее на гигантского паука в собственной паутине. «После провала Придо, – раздраженно заявил во все услышание Билл, – у нас больше не будет этих проклятых частных армий, и так, что левая рука не будет знать, что делает правая». Как заметил Гиллем, Аллелайн значился в списке дважды: один раз в качестве шефа, другой раз в качестве «Директора Службы особых источников информации». По слухам, это были те самые источники, которые поддерживали функционирование Цирка. Ничто больше, по мнению Гиллема, не могло объяснить с такой наглядностью инертность Цирка на рабочем уровне и уважение, которым он пользовался в Уайтхолле. К этим документам, по настоянию Смайли, он добавил измененный устав «головорезов» в форме письма Аллелайна, начинающийся словами «Дорогой Гиллем!» и детально излагающий сокращение его полномочий. В нескольких случаях в выигрыше оказался Тоби Эстсрхейзи, руководитель «фонарщиков» в Эктоне, единственного автономного образования, которое фактически разжирело в условиях латерализма.

Затем Питер переместился к своему столу и, следуя инструкции Смайли, сфотографировал пару-тройку казенных циркуляров, которые могли бы оказаться полезным подручным материалом. Сюда входила кляуза от Эдмина о состоянии явочных квартир в черте Лондона («Аккуратно обращайтесь с ними, как если бы они были вашими собственными») и другая – о злоупотреблении частными звонками по не внесенным в справочник телефонам Цирка. Наконец, он снял очень суровое личное письмо из отдела изготовлений документов, предупреждающее его «в последний раз», что у водительского удостоверения, выписанного на его оперативный псевдоним, истек срок действия и если он не позаботится о егопродлении,"егофамилиюсообщат в административно-хозяйственный отдел для соответствующего дисциплинарного взыскания".

Он отложил фотокамеру и вернулся к сейфу. На нижней полке лежала стопка донесений от «фонарщиков» за подписью Тоби Эстерхейзи с условным штампом «На уничтожение». Они включали в себя имена и должности двухсот или трехсот выявленных офицеров советской разведки, действующих в Лондоне под легальной или полулегальной «крышей»: сотрудники торгпредств, ТАСС, «Аэрофлота», «РадиоМосква», консульских и дипломатических сотрудников. В соответствующих случаях там значились также даты проводимых «фонарщиками» наблюдений и имена «побочных отростков», что на жаргоне обозначало контакты, установленные в ходе слежки, которые можно использовать в перспективе. Донесения подшивались в основном ежегоднике и в ежемесячных приложениях. Он справился сначала по основному ежегоднику, а затем в приложениях. В 11.20 Питер запер сейф, позвонил по прямому телефону в Лондонское Управление и спросил Лодера Стрикленда из Финансового отдела.

– Здравствуйте, Лодер, это Питер из Брикстона, как дела?

– Да, Питер, чем можем вам помочь?

Он проговорил это торопливо и отчужденным тоном. Дескать, у нас, в Лондонском Управлении, есть друзья и поважнее.

Он звонит насчет отмывания некоторой суммы, пояснил Гиллем, насчет субсидирования одной операции с французским дипкурьером, который, кажется, готов кое-что продать. Прикинувшись кроткой овечкой, Гиллем поинтересовался: может быть, Лодер найдет время, чтобы встретиться и обсудить это дело?

– Операция согласована с Управлением? – спросил Лодер.

– Нет. – Но Гиллем уже отослал Биллу документы с «челноком».

Почувствовав, что Стрикленд сбавил тон, Гиллем поспешил этим воспользоваться:

– Здесь есть несколько щекотливых моментов, Лодер, я думаю, мы не обойдемся без ваших мозгов.

Лодер сказал, что, пожалуй, сможет ему уделить полчаса.

По пути в Вест-Энд Гиллем занес свои пленки в неприметную захудалую аптеку под вывеской «Ларк» на Чаринг-Кросс-роуд. Сам Ларк, если это был он, оказался толстяком с огромными кулачищами. Аптека была пустой.

– Это пленки мистера Лэмптона, нужно проявить, – сказал Гиллем.

Ларк унес пакет в подсобку. Через некоторое время вернулся, скрипучим голосом произнес: «Готово» – и выдохнул большую порцию воздуха, как если бы он сейчас курил. Он проводил Гиллема до двери и с грохотом захлопнул ее, когда тот вышел. «Господи, – подумал Питер, – и где только Джордж таких находит?» Перед тем как уйти, он купил упаковку таблеток от ангины. Каждый шаг нужно продумать, предупредил его Смайли: нужно вести себя так, будто ищейки Цирка следят за тобой двадцать четыре часа в сутки. «Ну и что в этом удивительного? – подумал Гиллем. – Тоби Эстерхейзи натравил бы ищеек на собственную мать, если бы мог этим заслужить похвалу Аллелайна».

Свернув с Чаринг-Кросс, он зашел в кафе «У Виктора» пообедать со своим начальником Саем Ванхофером и каким-то бандюгой, который называл себя Лоримером и утверждал, что спит с любовницей посла ГДР в Стокгольме. Лоример сказал, что девчонка готова работать на них, но взамен требует британское подданство и много денег за первый «улов». Она готова делать все, что угодно, сказал он: вскрывать посольскую почту, нашпиговать квартиру посла «жучками» или «насыпать ему в ванну битого стекла» (это, вероятно, была шутка). Гиллем подумал, что Лоример лжет, он допускал, что и Ванхофер может лгать, но он был достаточно разумен, чтобы понять, что вот так с ходу не сможет определить, к чему клонит каждый из них. Вообще ему нравилось бывать «У Виктора», но сейчас он даже не мог вспомнить, что ел, и, входя в вестибюль Цирка, понял, что волнуется.

– Привет, Брайант.

– Рад видеть вас, сэр. Присаживайтесь, сэр, пожалуйста, одну минутку, благодарю вас, – выдал Брайант на одном дыхании, и Гиллем уселся на деревянную скамью, размышляя о дантистах и Камилле. Она была его недавним и в некотором смысле непостоянным приобретением; с некоторых пор подобные обстоятельства его жизни менялись довольно часто. Они познакомились на одной из вечеринок; Камилла была одна и, сидя в уголке за стаканом морковного сока, рассуждала о том, что есть истина. Гиллем, решив воспользоваться удобным случаем, сказал, что не слишком искушен в этикете, поэтому не пойти ли попросту им вместе в постель?Она немного с серьезным видом поразмышляла, а затем пошла и принесла свое пальто. С тех самых пор она часто приходила к нему, готовила ореховые пончики и играла на флейте.

Вестибюль выглядел более мрачно, чем обычно. Три старых лифта, деревянный барьер, рекламный плакат чая «Мазават», остекленная комната дежурного с календарем «Английские пейзажи» и телефонами болотного цвета.

– Мистер Стрикленд уже ждет вас, сэр, – снова появившись, сказал Брайант и неторопливым движением поставил штамп с указанием времени на розовом пропуске: « 14.55. П. Брайант, вахтер». Решетка центрального лифта загремела, как связка сухих палок.

– Давненько вы ее не смазывали, верно? – воскликнул Гиллем, ожидая, когда заработает механизм.

– Мы только и делаем, что просим, – завел Брайант свою любимую песню. – А им все одно, хоть кол на голове теши. Как семья, сэр?

– Все хорошо, – ответил Гиллем, у которого ее не было.

– Ну и правильно, – сказал Брайант.

Гиллем проводил взглядом его напомаженную голову, уплывающую вниз. Он вспомнил, как Мэри называла его «ванильно-клубничное мороженое»: розовое лицо, белые волосы и весь такой мягко-слащавый.

В лифте он рассмотрел как следует свой пропуск. «Разрешение на вход в ЛУ» – гласила крупная надпись. Мельче: "Цель визита: Финансовый отдел.

Документ подлежит возврату при выходе". И незаполненная графа: «Подпись принимающего лица».

– Рад встрече, Питер. Привет. Вы, по-моему, немного опоздали, но ничего страшного.

Лодер в белом воротничке ждал его возле барьера, тайком приподнявшись на цыпочки, чтобы при росте в полтора метра выглядеть хоть чуть-чуть солиднее. Во времена Хозяина этот этаж напоминал оживленную улицу в час пик.

Сейчас вход был перекрыт барьером и вахтер с крысиным лицом тщательно проверил пропуск Гиллема.

– Боже мой, и давно вы обзавелись этим монстром? – спросил Питер, остановившись у сверкающей новой кофеварки. Две девушки, наполнявшие стаканчики, обернулись и сказали: «Привет, Лодер», уставившись на Гиллема.

Высокая напомнила ему Камиллу: те же едва тлеющие глаза, будто живой укор мужской неполноценности.

– О, вы не представляете, сколько человеко-часов это сберегает, – тут же воскликнул Лодер. – Поразительно. Просто поразительно. – И, охваченный энтузиазмом, чуть не сбил с ног Билла Хейдона.

Он как раз выходил из своего кабинета – шестиугольной башенки с окнами на Нью-Комптон-стрит и Чаринг-Кросс-роуд. Он направлялся в ту же сторону, что и они, но двигался со скоростью меньше километра в час, что в помещении было для Билла предельно быстро. На улице – другое дело, Гиллем не раз это замечал: и на учебных сборах в Саррате, и один

раз во время ночного десанта в Греции. На улице Хейдон становился подвижным и энергичным; его выразительное лицо, которое в этом казенном коридоре выглядело сумрачным и задумчивым, на свежем воздухе будто носило отпечаток всех тех заморских краев, где ему приходилось работать. А им не было числа: к непреходящему изумлению Гиллема, он не знал такой оперативной точки, где бы не ступала нога Хейдона. Раз за разом, выполняя собственную работу, он с ужасом натыкался на свидетельства необычных достижений Билла. Год или два назад, все так же работая в морской разведке, Гиллем, одной из задач которого было организовать группу береговых наблюдателей для китайских портов Вэнчжоу и Амой, к своему удивлению, обнаружил, что, как ни странно, в тех же самых городах До сих пор живут агенты, завербованные Биллом Хейдоном еще во время войны, в ходе одной, теперь уже забытой, операции; к тому же у них в тайниках остались радиопередатчики и все необходимое снаряжение, и с ними вполне можно было возобновить контакт. В другой раз, копаясь в документах участников «силовых операций» Цирка времен войны и испытывая скорее ностальгию по прошлому, чем профессиональный оптимизм в отношении будущего, Питер дважды наткнулся на оперативный псевдоним Хейдона в двух разных протоколах: в сорок первом он выводил французские одномачтовые рыбацкие лодки из устья Хелфорда; в том же году, работая в паре с Джимом Придо, он налаживал курьерскую связь через всю Южную Европу от Балкан до Мадрида. В глазах Гиллема Хейдон принадлежал к тому неповторимому, увядающему поколению Цирка, что и его родители, и Джордж Смайли – исключительному, даже аристократическому, как в случае с Хейдоном, – которое неторопливо смогло прожить с десяток разных жизней по сравнению с его суматошной одной, и до сих пор, тридцать лет спустя, эти люди, несмотря ни на что, сумели сохранить в Цирке эту исчезающую атмосферу авантюрности.

Увидев их обоих, Хейдон застыл на месте. Прошел месяц с тех пор, как Гиллем последний раз разговаривал с ним; Билл, вероятно, куда-то уезжал по своим делам. Сейчас, напротив света, падающего из его открытого кабинета, он выглядел неестественно черным и высоким. Он что-то держал в руках. Гиллем не мог разглядеть, что именно: то ли журнал, то ли папку, то ли доклад.

Кабинет, рассеченный надвое его силуэтом, походил на комнатушку в студенческой общаге, захламленную и уединенную, как келья. Доклады, копии счетов, досье кипами лежали повсюду; на стене – обтянутая сукном доска, сплошь утыканная открытками и газетными вырезками; рядом с ней – криво приколоченная одна из ранних картин Билла без рамки: что-то круглое и абстрактное на фоне тяжелых блеклых цветовых сочетаний некой пустыни.

– Привет, Билл, – сказал Гиллем.

Оставив дверь открытой – в нарушение распоряжений администрации, – Хейдон прошел вперед, так и не проронив ни слова. Он был одет, по своему обыкновению, пестро. Кожаные заплатки, пришитые на пиджаке, имели не квадратную, а ромбовидную форму, что делало его сзади похожим на Арлекина.

Очки были приподняты вверх, на манер лыжных, и сидели на его прямой седоватой челке. Гиллем со Стриклендом нерешительно последовали за ним, когда вдруг он развернулся на месте, словно статуя, которую медленно поворачивают вместе с постаментом, и впился взглядом в Гиллема. Затем усмехнулся, так что его серповидные брови подпрыгнули вверх, как у клоуна, и лицо стало симпатичным и до нелепости молодым.

– Какого черта ты здесь делаешь, изгнанник? – весело спросил он.

Восприняв вопрос всерьез, Лодер пустился в объяснения о французе и отмывании денег.

– Да-да, ты уж спрячь подальше свои ложечки, – бесцеремонно перебил его Хейдон. – Эти паршивцы-головорезы когда-нибудь у тебя золотые зубы изо рта уведут. И девочек своих посади под замок, – добавил он, не переставая, однако, смотреть на Гиллема, – если сможешь, конечно. И с каких это пор «головорезы» сами отмывают свои деньги? Это наша работа.

– Отмывать будет Лодер. Мы только тратим… «бабки».

– Бумаги ко мне на стол, – внезапно отрывисто бросил он Стрикленду. – Черта с два что-нибудь подпишу, пока сам не проверю.

– Они уже отправлены, – сказал Гиллем. – Скорее всего, даже уже лежат в корзинке у вас на столе.

Прощальным кивком Хейдон пропустил их вперед, и Гиллем почти физически почувствовал, как взгляд его светло-голубых глаз ввинчивается ему в спину, пока они не свернули за угол.

– Потрясающий парень, – заявил Лодер, будто Гиллем встретил Хейдона впервые. – Надежнее рук для Лондонского Управления просто не найти.

Выдающийся талант. Выдающаяся карьера. Блестящая.

«А ты и рад примазаться, – раздраженно подумал Гиллем. – Чем бы ты мог блеснуть, не будь Билла, или этой твоей кофеварки, или банков?»

Его размышления были прерваны язвительной репликой Роя Бланда, говорившего как кокни. Голос доносился из раскрытой двери впереди по коридору:

– Эй, Лодер, погоди-ка минутку, не видал ли тыгде этого паршивца Билла?

Он срочно нужен.

И сразу вслед за ним из той же двери эхом послышался среднеевропейский выговор верного Тоби Эстерхейзи:

– Немедленно, Лодер, в самом деле, а то мы уже тревогу объявили.

Они шли по последнему пролету узкого коридора. Лодер был шагах в трех впереди и уже начал что-то сочинять в ответ, когда Гиллем подошел к комнате и заглянул внутрь. Бланд всей своей массой развалился за столом, сбросив пиджак и зажав в руке какую-то бумагу. Под мышками у него выступили круги пота. Крошка Тоби Эстерхейзи склонился над ним, как метрдотель, похожий на чопорного маленького дипломата с седыми, отливающими серебром волосами и угрюмо выступающей квадратной челюстью; он протягивал руку к бумаге, будто разъясняя какие-то детали. Они, очевидно, читали один и тот же документ, когда Бланд краем глаза заметил проходящего мимо Лодера Стрикленда.

– Разумеется, я видел Билла Хейдона, – сказал Лодер, который имел привычку перефразировать вопрос, чтобы придать своему ответу больше солидности. – Я подозреваю, Билл сейчас как раз идет сюда. Он там, в коридоре: мы только что переговорили с ним кое о чем.

Взгляд Бланда медленно переполз на Гиллема и застыл; холодным, оценивающим выражением он неприятно напоминал хейдоновский.

– Здорово, Пит, – сказал Бланд. Тут КрошкаТоби выпрямился и тоже перевел взгляд; карие спокойные глаза, как у пойнтера.

– Привет, – сказал Гиллем. – Что за шутки?

Их приветствие было не просто холодным, а открыто неприязненным. Гиллем как-то жил бок о бок с Тоби Эстерхейзи целых три месяца, когда они проводили одну чрезвычайно хитроумную операцию в Швейцарии, и Тоби за все время ни разу не улыбнулся; так что не было ничего удивительного в том, что он сейчас так уставился. Но Рой Бланд был одной из находок Смайли: добросердечный импульсивный малый, рыжеволосый и толстый, интеллектуал-самородок, чье представление о хорошо проведенном вечере заключалось, например, в том, чтобы поболтать о Витгенштейне в какой-нибудь пивнушке в Кентиш-Тауне. Он провел десять лет в Восточной Европе, выполняя разную черновую работу для партии и штудируя гуманитарные дисциплины, а теперь, как и Гиллема, его вернули на родину, что в некотором роде сближало их. Обычной манерой Бланда было широко улыбнуться, хлопнуть по плечу и обдать запахом пива, выпитого накануне; однако сейчас его будто подменили.

– Никаких шуток. Питер, старина, – ответил Рой, собравшись с духом и выдавив наконец улыбку. – Просто чудно тебя здесь видеть, вот и все. Мы-то привыкли, что на этом этаже все свои.

– А вот и Билл, – сказал Лодер, очень довольный тем, что его предсказание так быстро сбылось.

Когда Хейдон появился в полосе света, Гиллем обратил внимание на нездоровый цвет его щек: лихорадочный румянец, как бы грубо измалеванный на скулах, был вызван мелкими разрывами сосудов. И это придавало ему, как заметил нервничающий больше обычного Гиллем, отдаленное сходство с Дорианом Греем.

Разговор с Лодером Стриклендом продлился час и двадцать минут. Гиллем сам затянул его, и все это время он мысленно возвращался к Бланду и Эстерхейзи и не мог понять, какая муха их укусила.

– Ладно, я думаю, мне лучше выяснить все это у Акулы, – сказал он наконец. – Всем известно, что она дока по части швейцарских банков.

Администрация располагалась через две двери от Банковского отдела, – Я оставлю это здесь, – добавил он и бросил свой пропуск на стол Лодеру.

В комнате Дайаны Долфин по прозвищу Акула пахло дезодорантом; ее проволочная сумочка лежала на сейфе рядом с экземпляром «Файнэншл таймс».

Эта женщина была одной из тех вечных невест Цирка, за которой все не прочь поухаживать, но замуж никто не берет. Да, сказал Питер устало, оперативные документы находятся теперь в ведении Лондонского Управления. Да, он понимает, что те времена, когда деньги можно было разбазаривать направо и налево, прошли.

– В общем, мы разберемся и дадим вам знать, – в конце концов объявила Акула, что означало: она пойдет и проконсультируется у Фила Портоса, который сидит в кабинете рядом.

– Я передам Лодеру, – – сказал Гиллем и вышел. «А теперь пошевеливайся», – подумал он.

В мужском туалете он подождал секунд тридцать возле умывальников, наблюдая за дверью через зеркало и прислушиваясь. На всем этаже повисла какая-то странная тишина. Лаван, – подумал он, – ты что-то стареешь, а ну, пошевеливайся. – Он прошел через коридор, смело шагнул в комнату дежурного офицера, с шумом хлопнул дверью и огляделся. Он рассчитал, что у него есть десять минут, и еще подумал, что хлопнувшая дверь в такой тишине произведет меньше шума, чем аккуратно прикрытая. – Пошевеливайся".

Он принес с собой фотокамеру, но освещение было ужасным. Окно, забранное тюлевой занавеской, выходило во внутренний двор, полный почерневших труб. Он не рискнул бы включить лампу, даже если бы она была у него с собой, так что приходилось рассчитывать на свою память. Кажется, ничего здесь особо не изменилось со времен переворота. Раньше этот закуток служил в дневное время комнатой отдыха для девиц, подверженных депрессиям, и, судя по запаху дешевых духов, продолжал сю оставаться и сейчас. Вдоль одной из стен располагался диван, который на ночь раскладывался в плохонькую кровать; рядом стояли ящик-аптечка с облупившимся красным крестом на дверце и отживающий свое телевизор. Стальной шкаф находился на своем прежнем месте, между распределительным щитом и запертыми на замок телефонами, и Гиллем направился прямо туда. Это был старый сейф, который можно было открыть консервным ножом. На этот случай Питер захватил с собой отмычки и пару легких инструментов. Затем он вспомнил, что комбинация всегда была 31-22-11, и решил попробовать: четыре щелчка против, три по часовой стрелке, два против и затем по стрелке, пока не сработает пружина. Наборный диск был таким заезженным, что едва ли не сам поворачивался куда следует. Когда он открыл дверцу, со дна выкатилось облако пыли, затем медленно расползлось по направлению к темному окну. В ту же секунду он услышал отдаленный звук, будто кто-то взял ноту на флейте. Скорее всего, просто где-то на улице

притормозил автомобиль или в здании колесо тележки для документов взвизгнуло, скользнув по линолеуму, но на секунду ему почудилось, будто это одна из тех печальных протяжных нот, которые звучат, когда Камилла играет свои гаммы. Она могла начать музицировать, когда ей в голову взбредет. В полночь, рано утром – когда угодно, наплевать на соседей. Казалось, нервы у нее полностью атрофированы. Он вспомнил их первый вечер: «С какой стороны кровати ты спишь? Где мне положить одежду?» Он втайне гордился тем, что обладает определенным умением в интимных делах, но Камилла в этом совершенно не нуждалась: техника секса, в конце концов, не что иное, как компромисс, компромисс с действительностью, она бы даже сказала, попытка бегства от этой действительности. Так что пусть лучше он избавит ее от всех этих премудростей.

Журналы дежурств лежали на верхней полке, переплетенные в тома, с указанием дат на корешках. Они были похожи на семейные гроссбухи. Он снял с полки том за апрель и стал изучать оглавление на внутренней стороне обложки, не переставая думать о том, видит ли его кто-нибудь из копировальной лаборатории на противоположной стороне двора, и если видит, то что за этим последует. Он начал просматривать записи, отыскивая отчет о дежурстве в ночь с десятого на одиннадцатое – именно тогда якобы имел место обмен радиосообщениями между Тарром и Лондонским Управлением. Смайли просил его обратить внимание: телеграмма из Гонконга должна быть зарегистрирована девятью часами раньше, потому что как запрос Тарра, так и первый ответ из Лондона были отправлены в нерабочие часы.

Из коридора вдруг послышались приближающиеся голоса, и на мгновение Питеру почудилось, что он различил среди них брюзгливый провинциальный акцент Аллелайна, отпустившего какую-то плоскую остроту. Однако сейчас было не до фантазий. У Гиллема на всякий случай было заготовлено кое-какое оправдание, и какая-то часть его естества уже поверила в это. Если его застукают, он поверит в нее полностью, так что, если в Саррате его станут допрашивать, наверняка найдутся пути для отступления. Гиллем никогда ничего не начинал, не придумав заранее алиби. И тем не менее в тот момент его обуял настоящий ужас. Голоса смолкли, призрак Перси Аллелайна исчез вместе с ними.

По груди Гиллема заструился пот. Мимо прошмыгнула какая-то девица, мурлыча под нос песенку из фильма «Волосы». Если Билл услышит, он тебя убьет, подумал он. Вот уж чего не стоит делать в присутствии Билла, так это напевать под нос: «Что ты здесь делаешь, изгнанник?»

Тут, к своему мимолетному изумлению, он и вправду услышал взбешенный рев Билла, донесшийся бог весть откуда: «Прекратите эти завывания! Что это там за идиот?»

Пошевеливайся. Если остановишься, то начать снова уже не сможешь: это что-то сродни страху перед публикой, из-за которого можно забыть роль и уйти ни с чем и из-за которого пальцы горят при прикосновении к тому, что потом может стать уликой, и судорогой сводит живот. Пошевеливайся. Он положил на место апрельский том и вытащил наугад четыре других: за февраль, июнь, сентябрь и октябрь. Он быстро пролистал их, сравнивая некоторые места, вернул на место и сел, сгорбившись, умоляя Бога, чтобы пыль поскорее осела.

Почему никто не жалуется? Вот всегда так, когда куча народу в одном месте: никто ни за что не отвечает, всем на все наплевать. Он начал искать списки присутствующих, которые составляют ночные вахтеры. Нашел он их на самой нижней полке вперемежку с пакетиками чая и сгущенного молока: целые стопки, уложенные в папки в виде конвертов. Вахтеры заполняли их и приносили дежурному офицеру дважды за время его двенадцатичасового дежурства: в полночь, а затем в шесть утра. За их точность можно было ручаться – бог знает как, но в то время как ночной персонал разбросан по всему зданию, они умудрялись всех отметить, сохранить третий экземпляр и неизвестно зачем забросить его в этот шкаф. Эта процедура сохранилась еще с допотопных времен и, кажется, продолжала соблюдаться и поныне.

«Пыль и чайные пакетики на одной полке, – подумал он. – Интересно, когда здесь в последний раз пили чай?»

Он еще раз задержался взглядом на отметке за 10-11 апреля. Рубашка прилипла к ребрам. «Что происходит со мной? Господи, неужели я уже отработал свое?» Он повернул диск вперед, затем назад, снова вперед, два, три раза, затем захлопнул шкаф. Подождал, прислушался, бросил последний озабоченный взгляд на пыль, затем смело шагнул в коридор – назад, в спасительный мужской туалет. Его поразил шум и галдеж, пока он шел туда: треск шифровальных машин, телефонные звонки, женский голос, выкрикнувший: «Где эта чертова пробка, я ведь только что держала ее в руке?» – и снова этот таинственный гудок, но теперь уже не похожий на то, что играет Камилла в предрассветные часы. «В следующий раз я заставлю-таки ее выложить все начистоту, – подумал он с раздражением, – без всяких компромиссов, лицом к лицу, как это должно быть в жизни».

В мужском туалете он застал Спайка Каспара и Ника де Силски, стоящих у умывальников и потихоньку переговаривающихся друг с другом через зеркало: это были связные Хейдона для советских агентурных сетей, они много повидали на своем веку и все их называли не иначе как «русскими». Увидев Гиллема, они тут же замолчали.

– Привет обоим. Господи, да вы и впрямь неразлучны.

Они были оба светловолосые и коренастые и больше походили на русских, чем настоящие русские. Он подождал, пока они уйдут, вымыл руки и затем небрежным шагом вплыл в кабинет Лодера Стрикленда.

– Господи помилуй, как Акула умеет вести беседу! – беззаботно сказал он.

– Очень способный офицер. Из всех, кто здесь работает, ее в первую очередь можно назвать незаменимой. Исключительно компетентна, можете мне поверить на слово, – сказал Лодер.

Он внимательно взглянул на часы, перед тем как подписать пропуск, и проводил Гиллема обратно к лифту. Возле барьера Тоби Эстерхейзи разговаривал с неприветливым молодым вахтером.

– Ты собираешься назад в Брикстон, Питер? – Его голос звучал небрежно, и, как обычно, лицо было непроницаемо, непонятно было, к чему он клонит.

– А что?

– У меня здесь просто есть машина. Я бы мог везти тебя. У нас есть кое-какие дела в том районе.

«Везти тебя». Крошка Тоби и на одном языке не мог говорить как следует, хотя говорил почти на всех. В Швейцарии Гиллем слышал, как он говорит по-французски с немецким акцентом; в его немецком слышалось что-то славянское, а в английском было полно случайных оговорок, ненужных пауз и не правильно произнесенных гласных.

– Спасибо, Тоб, я думаю, мне пора домой. Пока.

– Прямо домой? Я могу везти тебя все равно.

– Благодарю, мне нужно пройтись по магазинам. Все эти чертовы крестники, понимаешь.

– Ну ясно, – сказал Тоби, будто у него их не было и он не понимает подобных забот. Он обиженно поджал свои маленькие губы, снова придав лицу каменное выражение.

«Какого черта ему нужно? – подумал Гиллем. – Крошка Тоби вместе с этим толстяком Роем: чего это они так на меня уставились? То ли вычитали там что-нибудь, то ли что-то раскусили».

Выйдя на улицу, он не спеша побрел вдоль Чаринг-Кросс-роуд, глазея на витрины книжных магазинов, одновременно автоматически просматривая обе стороны улицы. Заметно похолодало, поднимался ветер, и, судя по лицам спешащих прохожих, погода не предвещала ничего хорошего. Питер испытывал воодушевление. «Что-то я слишком отстал от жизни, –

подумал он. – Нужно жить в ногу со временем». В магазине «Цвеммерс» (Крупнейший книжный магазин Лондона (по имени первого владельца)) он детально изучил красивое подарочное издание под названием М у з ы к а л ь н ы е и н с т р у м е н т ы н а п р о т я ж е н и и в е к о в " и вспомнил, что Камилла будет допоздна заниматься с доктором Сандом, ее учителем по флейте. Повернув назад, он дошел до «Фойлз», проглядывая очереди на автобусных остановках. «Все время представляй себе, будто ты за границей», – говорил ему Смайли. Это было нетрудно, если вспомнить дежурную комнату и отрешенно уставившегося на него Роя Бланда. И Билла тоже. Неужели Хейдон разделял их подозрения? Нет. Билл сам по себе, решил Гиллем, не в силах совладать с нахлынувшим на него чувством симпатии к Хейдону. Билл не станет разделять ничье мнение, если оно в первую очередь не принадлежит ему самому. Рядом с Биллом эти двое просто пигмеи.

В Сохо он поймал такси и попросил отвезти его к вокзалу Ватерлоо. На Ватерлоо он зашел в вонючую телефонную будку и набрал код Митчема в Суррее, чтобы поговорить с инспектором Мэнделом, бывшим офицером полиции из Отдела специальных операций, которого Гиллем и Смайли знали по другим делам. Когда Мэндел подошел к телефону, Гиллем попросил позвать Дженни и услышал короткий ответ, что никакая Дженни здесь не живет. Он извинился и повесил трубку.

Затем набрал номер службы точного времени и вежливо поговорил с автоответчиком: снаружи стояла пожилая леди и ждала, когда он закончит. Ну, теперь он, наверное, уже на месте, подумал Гиллем. Он снова повесил трубку и набрал другой номер в Митчеме; на этот раз он звонил в телефонную кабину в конце той улицы, где жил Мэндел.

– Это Вилл, – сказал Гиллем.

– А это Артур" – весело ответил Мэндел. – Как поживает Вилл?

Мэндел был угловатой проворной ищейкой с умным лицом и проницательными глазами, и Гиллем очень живо представлял себе, как он в эту минуту склонился над своим полицейским блокнотом, держа наготове карандаш.

– Я хочу прочитать вам краткую сводку на тот случай, если, не дай Бог, попаду под автобус.

– Это хорошо, Вилл, – утешил его Мэндел. – Осторожность никогда не помешает.

Питер медленно продиктовал свое послание, используя в качестве кода терминологию ученых, которую они разработали для окончательной защиты от случайного подключения: экзамены, студенты, научные доклады, которые кто-то у кого-то передрал. Каждый раз, когда Гиллем делал паузу, он слышал лишь легкое поскрипывание. Он представил себе, как Мэндел пишет, медленно и разборчиво, и не переспрашивает, пока не закончит.

– Кстати, я получил из проявки те фотографии с вечеринки, – сказал наконец Мэндел после того, как проверил все еще раз. – Получились то что надо. Ни одной неудачной.

– Спасибо. Я очень рад.

Но Мэндел уже повесил трубку.

Что я могу сказать про «кротов», подумал Гиллем, так это то, что вся их жизнь от начала до конца – это длинный темный туннель. Придержав открытую дверь для пожилой леди, он увидел, что с телефонной трубки, висящей на рычаге, медленно сползают капли пота. Он вспомнил свое послание Мэнделу и снова подумал о Рое Бланде и Тоби Эстерхейзи, уставившихся на него, когда он стоял в дверях. Ему вдруг нестерпимо захотелось узнать, где сейчас Смайли и соблюдает ли он осторожность. Не совсем уверенный, правильно ли он все понимает, Гиллем вернулся на Итон-Плейс, испытывая жгучую потребность увидеть Камиллу. Неужели его возраст играет теперь против него? Впервые в жизни он почему-то погрешил против собственных представлений о благородстве.

У него было чувство отвращения, даже омерзения к самому себе.

Глава 12

Некоторым пожилым людям, когда они приезжают в Оксфорд, каждый камень словно подмигивает, напоминая о молодости. Смайли к таким людям не относился. Десять лет назад он бы, вероятно, еще мог почувствовать что-то подобное. Но сейчас – нет. Проходя мимо Бодлеанской библиотеки, он рассеянно подумал: а вот здесь я работал. Увидев дом своего старого куратора на Паркс-роуд, он вспомнил, что перед самой войной в этом большом саду Джебоди первым дал понять, что может переговорить кос с кем в Лондоне, «кого он хорошо знает». И, услышав, как Том Тауэр отбивает шесть часов вечера, Джордж неожиданно для себя вспомнил о Билле Хейдоне и Джиме Придо, которые, должно быть, поступили сюда в тот год, когда Смайли заканчивал учебу, и которых война свела вместе; и из праздного любопытства ему стало интересно, как они выглядели рядом: Билл – художник, полемист, сочувствующий социалистам, и Джим – спортсмен, слушающий Билла с открытым ртом. Во время расцвета их карьеры в Цирке, вспоминал он, различия между ними почти сгладились: Джим достиг недюжинной гибкости ума, а Биллу не было равных в оперативной работе.

И только под конец снова возобладала изначальная противоположность: рабочая лошадка вернулась в свою конюшню, а мыслитель – к своему письменному столу.

Моросил дождь, но Смайли не замечал его. Он приехал поездом и пошел пешком от станции, все время кружа, петляя, сворачивая в сторону, все время возвращаясь к магазину «Блэкуэллс», к своему бывшему колледжу, затем еще куда-нибудь, затем опять на север. Из-за высоких деревьев здесь довольно рано стемнело.

Дойдя до переулка, он снова замешкался, еще раз осмотрелся. Какая-то женщина в шали проехала мимо него на велосипеде, плавно скользя в лучах уличных фонарей, пронизывающих клочья тумана. Потом она толкнула калитку и исчезла в темноте. На противоположной стороне улицы какая-то закутанная фигура прогуливала собаку, он не мог разобрать, мужчина это или женщина.

Если не считать этого, и на улице, и в телефонной будке было совершенно пусто. Затем вдруг мимо прошли двое, громко разговаривая о Боге и о войне.

Говорил в основном тот, что помоложе. Услышав, что старший слушал и с чем-то соглашался, Смайли предположил, что это профессор и студент.

Он шел вдоль высокой ограды, сквозь которую там и сям торчали ветки кустов. Ворота под номером «15» еле держались на петлях; они были двойными, но открывалась только одна створка. Толкнув ее, Смайли обнаружил, что щеколда сломана. Дом стоял далеко в глубине сада, в большинстве окон горел свет. В одном из них, на самом верху, молодой человек склонился над столом; в другом, кажется, спорили о чем-то две девушки; в третьем очень бледная женщина играла на альте, но звуки не доходили. Окна на нижнем этаже тоже светились, но здесь были задернуты занавески. Крыльцо было выложено плиткой, а во входную дверь вставлено витражное стекло; к косяку прикреплена выцветшая записка: «После 23.00 пользоваться только боковой дверью». Под звонком – еще бумажки: «Принц – три звонка», «Ламби – два звонка», «Звоните – весь вечер никого нет дома, до встречи, Дженет». Табличка под нижним звонком гласила: «Сейшес». Смайли нажал на кнопку. Тут же залаяли собаки, и раздался женский крик: «Флэш, глупый ты мальчик. Это кто-то из моих оболтусов. Флэш, да заткнись ты, дурачок! флэш!»

Дверь приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и кто-то протиснулся в проем. Пока Смайли изо всех сил пытался разглядеть, кто еще внутри, пронизывающие глаза, влажные, как у ребенка, окинули его оценивающим взглядом, задержавшись на его портфеле и забрызганных туфлях, затем взлетели вверх, вглядываясь через его плечо в глубину аллеи, затем еще раз осмотрели гостя. Наконец белое лицо расплылось в очаровательной улыбке, и мисс Конни Сейшес, некогда первая красавица Аналитического отдела Цирка, обнаружила свою неподдельную радость.

– Джордж Смайли! – воскликнула она, сопроводив свою реплику неуверенным смешком и втаскивая его в дом. – Ба, это ты, мой дорогой и любимый, а я-то думала, это агент по продаже пылесосов, а это, оказывается, Джордж, Господи Боже мой!

Она быстро закрыла за ним дверь.

Конни была крупной женщиной, на голову выше Смайли. Тугой узел седых волос обрамлял ее раздобревшее лицо. На ней был коричневый жакет, похожий на спортивную куртку, и брюки с эластичным поясом, над которым нависало пузо, как у старика. В камине тлел уголь. Перед ним лежали кошки, а шелудивый серый спаниель, настолько жирный, что едва мог двигаться, развалился на диване. На тележке стояли консервные банки и бутылки, из которых ела и пила хозяйка. К одной и той же розетке тянулись провода от радио, электрической плитки и щипцов для завивки волос. На полу лежал мальчик с волосами до плеч и поджаривал хлебец. Увидев Смайли, он отложил в сторону свой латунный трезубец, – Ой, зайчик, дорогой, не могли бы мы заняться этим завтра? – взмолилась Конни. – Не каждый день меня навещает моя старинная-старинная любовь. – Джордж уже успел забыть ее голос. Она постоянно играла им, в полной мере используя всю его амплитуду. – Я целый час дарю тебе бесплатно, дорогой, хорошо? Один из моих оболтусов, – объяснила она Смайли, хотя мальчик еще не успел выйти из комнаты. – Я все еще преподаю, сама не знаю почему. Д ж о р д ж , – промурлыкала она, горделиво оглядывая его через всю комнату, пока он вытаскивал из портфеля бутылку хереса и наполнял стаканы, – самый очаровательный и дорогой мужчина из всех, кого я знала. Явился сюда пешком, – объяснила она спаниелю. – Посмотри на его ботинки. Пешком из самого Лондона, да, Джордж? О Господи, т в о е з д о р о в ь е !

Ей было трудно держать стакан. Пальцы, пораженные артритом, были повернуты книзу, будто сломаны все разом в одной аварии, а рука словно онемела.

– Ты пришел один, Джордж? – спросила она, выудив сигарету прямо из кармана жакета. – Без сопровождения или как?

Он зажег ей сигарету, и она держала ее всеми пятью вытянутыми пальцами, как мальчишки держат плевательную трубку, затем посмотрела на него, будто прицеливаясь, своими покрасневшими проницательными глазами:

– Ну и что потребовалось от Конни? Отвечай, проказник.

– Ее воспоминания.

– А именно?

– Нужно будет вернуться к одной позабытой теме.

– Ты слышишь, Флэш? – возопила она, обращаясь к спаниелю. – Сначала они дают нам пинка под зад и кидают на прощание изгрызенную кость, а затем приходят побираться. Что еще за позабытая т е м а , Джордж?

– Я принес тебе письмо от Лейкона. Он будет сегодня в семь вечера в своем клубе. Если ты в чем-то сомневаешься, позвони ему из телефонной будки на улице. Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала, но если без этого не обойтись, учти, он будет важно сопеть и все равно тебя уговорит.

Все это время она стояла, опершись о него, но сейчас всплеснула руками и заходила кругами по комнате, изредка останавливаясь, чтобы успокоиться, и продолжая ругаться:

– Черт бы тебя побрал, Джордж Смайли, тебя и всех вас, вместе взятых. – Возле окна она чисто машинально отодвинула край занавески, но, казалось, ничто не могло ее отвлечь. – Ох, Джордж, черт тебя подери, – пробормотала она. – Зачем ты впутал сюда какого-то Лейкона? Мог бы с таким же успехом обратиться в какую-нибудь конкурсную комиссию.

На столе лежал экземпляр дневной «Таймс» кроссвордом кверху. Все клеточки до единой были заполнены.

– Ходила сегодня на футбол, – протянула она, подкрепляясь с тележки. – Душка Вилл брал меня с собой. Мой любимый оболтус, как это мило с его стороны. – И вдруг надула губы и проговорила детским обиженным голоском:

– Конни так з а м е р з л а , Джордж. Промерзла до самых косточек.

Он догадался, что она плачет, вытащил ее из темноты и подвел к дивану.

Ее стакан опустел, и он долил его. Они сидели на диване бок о бок, потягивая вино, и слезы Конни капали ей на жакет и ему на руки.

– Ох, Джордж, – продолжала она, – Ты знаешь, что она мне сказала, когда меня вышвыривали? Эта корова из отдела кадров? – Она взяла кончик воротника Смайли и, теребя его большим и указательным пальцами, продолжала отпивать из стакана. – Ты знаешь, что сказала эта корова? – И она произнесла начальственным голосом:

– «Вы потеряли всякое чувство меры, Конни. Пора вам спуститься с небес на землю». Я н е н а в и ж у эту «землю», Джордж. Я люблю Цирк и всех моих любимых мальчиков. – Она взяла старого друга за руки, пытаясь переплести его пальцы со своими.

– Поляков, – сказал он тихо, произнося это имя так, как учил его Тарр.

– Алексей Александрович Поляков, атташе по культуре, советское посольство в Лондоне. Он снова ожил, в точности, как ты предсказывала.

По дороге прошуршала машина с выключенным мотором. Затем раздались шаги, очень легкие.

– Это Дженет, хочет тихонько пройти со своим дружком, – прошептала Конни, поняв, что его отвлек легкий шум, и уставившись на него своими покрасневшими глазами. – Она думает, что я ничего не знаю. Слышишь? Это металлические задники на его каблуках. А теперь погоди. – Шаги смолкли, а затем послышалось бормотание и пошаркивание. – Она отдает ему ключ, думает, что он может отпереть замок тише, чем она сама. Черта с два. – Замок повернулся, звонко щелкнув. – Эх вы, мужчины. – Конни вздохнула с безнадежной улыбкой. – Ох, Джордж, ну зачем тебе понадобилось вытаскивать на свет божий Алекса? – И она снова начала плакать, вспомнив об Алексе Полякове.

Ее братья были преподавателями, вспомнил Смайли, а отец каким-то профессором. Она познакомилась с Хозяином на одной из вечеринок за партией в бридж, и он придумал ей работу.

Она начала свою историю как сказку:

– Давным-давно, в далеком 63-м, жил-был перебежчик по имени Стэнли.

Как и в былые годы, она придавала событиям в своем рассказе видимость строгой последовательности и закономерности, отчасти из вдохновения, отчасти умело приспосабливая детали с помощью своего незаурядного ума, что выдавало в ней неувядающую детскую наивность. Ее расплывшееся белое лицо озарилось сиянием, как это бывает у бабушек, ударившихся в приятные воспоминания, которые по своей необъятности могли поспорить с ее телом, и, уж конечно, она любила их не меньше, потому как положила все рядом с собой, чтобы ничто не мешало прислушиваться к ним: стакан, сигареты и даже податливую руку Смайли.

Теперь она перестала сутулиться, а наоборот, выпрямилась, наклонив большую голову и мечтательно перебирая белую гриву своих волос. Он был уверен, что она начнет сразу с Полякова, но она начала со Стэнли; он как-то позабыл о ее страсти ко всяким родословным. Стэнли, сказала она, это следственная кличка третьесортного перебежчика из Московского Центра. Март 63-го. «Головорезы» перекупили его у голландцев и переправили в Саррат, и скорее всего, если бы в это время был не мертвый сезон и у следователей не оказалось свободного времени, то кто знает, обнаружилось бы хоть что-нибудь из того? А так у братца

Стэнли оказалась при себе крупинка золота, одна крохотная крупинка, и они нашли ее. Голландцы прошляпили, а наши следователи нашли, и копия их рапорта пришла к Конни.

– Что уже само по себе было чудом, – громко и раздраженно проговорила Конни, – учитывая, что все, и о с о б е н н о в Саррате, п р и н ц и п и а л ь н о не включали Следственный отдел в списки для рассылки документов.

Смайли жадно ждал продолжения истории о крупинке золота, потому что Конни достигла того возраста, когда единственное, чем мужчина мог наградить ее, было терпение.

Итак, Стэнли перебежал в тот момент, когда получил «мокрое» задание в Гааге, объяснила она. По профессии он был чем-то вроде наемного убийцы, и его послали в Голландию, чтобы он убил русского эмигранта, который действовал Центру на нервы. Вместо этого он решил сдаться.

– Его обдурила какая-то д е в к а , – сказала Конни с величайшим презрением. – Голландцы устроили ему западню, милый мой, и он вляпался в нес как бы с широко закрытыми глазами.

Для подготовки к этой миссии Центр откомандировал Стэнли в один из своих учебных лагерей под Москвой, специализирующихся на гнусном ремесле: диверсии и бесшумные убийства. Голландцы, когда он попал к ним, были шокированы и сосредоточили на этом все свое дознание. Они поместили его фотографию в газетах и добились от него чертежей пуль с цианидом и разного другого жуткого оружия, которое так обожают в Центре. Следователи же «яслей» знали все эти штуки вдоль и поперек, поэтому они интересовались самим лагерем, который был для них чем-то новым, малоизвестным. «Настоящее сокровище для Саррата», – пояснила Конни. Совместными усилиями они набросали план этого учебного центра, располагавшегося на нескольких сотнях гектаров посреди лесов и озер, и обозначили на нем все здания, которые смог припомнить Стэнли: прачечные, войсковые магазины, лекционные помещения, стрельбища и тому подобную ерунду. Стэнли бывал там несколько раз и все хорошо помнил. Когда они думали, что уже почти все из него вытянули, русский вдруг притих. Он взял карандаш и ближе к северо-западу обозначил еще пять бараков с двойным забором со сторожевыми псами. Вот так-то. Эти бараки – новые, сказал Стэнли, их построили буквально за последние несколько месяцев.

К ним можно проехать по охраняемой дороге; он как-то раз увидел их с вершины холма, когда прогуливался там со своим инструктором Милошем. По словам Милоша (который был д р у ж к о м Стэнли, сказала Конни, явно намекая на что-то), там было расквартировано особое учебное подразделение, недавно основанное Карлой для подготовки войсковых офицеров к диверсионной работе.

– Итак, дорогой мой, вот что мы имели, – воскликнула Конни. – Г о д а м и ходили слухи, что Карла пытается создать свою частную армию внутри Московского Центра, но у бедняги не хватало силенок. Известно было, что его агентами нашпигован весь земной шар, и, е с т е с т в е н н о , он беспокоится, что, достигнув почтенного возраста, будет не в состоянии управлять ими в одиночку. Известно было также, что, как и любой другой на его месте, он б е з у м н о ревнив и не переносит мысли о том, чтобы передать свою агентуру в руки резидентов в странах-противниках. И, е с т е с т в е н н о , он бы этого не сделал:ты знаешь, как он ненавидит резидснтуры – они, мол, ненадежны, у них раздуты штаты. Точно также, как он ненавидел старую гвардию. Слишком приземленные, так он о них отзывался. Что на самом деле довольно справедливо. Итак, теперь он обладал властью и начал делать что-то такое, на что никто больше не решился бы. Это было в марте 63-го, – повторила она на тот случай, если Смайли забыл.

И ничего из этого, конечно, не вышло.

– Обычное дело: не высовывайся, занимайся своими делами, жди у моря погоды.

Она и не высовывалась три года, пока майора Михаила Федоровича Комарова, помощника военного атташе советского посольства в Токио, не поймали с поличным при передаче ему шести катушек пленки с совершенно секретной разведывательной информацией высокопоставленным чиновником Министерства обороны Японии. Комаров был героем ее второй сказки: не перебежчик, но солдат с погонами артиллериста.

– А наград, Бог ты мой! Вся грудь в орденах! Сам Комаров вынужден был покинуть Токио так быстро, что его собака осталась запертой в квартире, и ее потом нашли подохшей с голоду, чего Конни ему до сих пор не могла простить.

В то же время японский агент Комарова был, конечно же, надлежащим образом допрошен, и, к счастью, Цирку удалось купить отчет об этом допросе у своих коллег из Страны восходящего солнца.

– Кстати, Джордж, если подумать, это ведь ты организовал ту сделку!

С характерной для профессионала гримасой тщеславия Смайли признал, что, вполне возможно, так оно и есть.

Суть рапорта была проста. Японский военный чиновник работал «кротом».

Он был завербован перед самой войной во время японского вторжения в Маньчжурию неким Мартином Брандтом, немецким журналистом, якобы связанным с Коминтерном. Брандт, сказала Конни, было одним из имен Карлы в 30-е годы.

Сам Комаров никогда не состоял в резидентуре внутри посольства в Токио; он работал в одиночку с одним связным и имел прямую связь с Карлой, с которым вместе служил во время войны. Более того, перед тем как прибыть в Токио, он прошел специальную подготовку в новой школе под Москвой, основанной исключительно для учеников, отобранных лично Карлой.

– Короче говоря, – пропела Конни, – братец Комаров был для нас первым и, увы, не самым выдающимся выпускником школы Карлы. Его расстреляли, беднягу, – добавила она, драматически понизив голос. – Они никогда не церемонятся, заметь, не нужны им ни судебные, ни похоронные церемонии: слишком торопятся, гады.

Теперь Конни почувствовала, что может за что-то зацепиться. Зная, по каким приметам искать, она проштудировала досье Карлы. Она потратила три недели в Уайтхолле вместе с армейскими специалистами по Москве, переворошив сводки Советской Армии с непонятными назначениями, пока не посчитала, что из уймы подозреваемых может выделить трех учеников Карлы. Все трое были военными, все трое были лично знакомы с Карлой, все трое были лет на десять-пятнадцать моложе его. Она произнесла их имена как Бардин, Стоковский и Викторов.

При упоминании третьего имени на лице Смайли отразилась скука, его глаза вдруг стали такими усталыми, будто он из последних сил борется с дремотой.

– Ну и что с ними со всеми было дальше? – спросил он.

– Бардин превратился в Соколова, затем в Русакова. Стал членом советской делегации в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Никаких явных контактов с местной резидентурой, никак прямо не замешан в конкретных операциях, никаких резких движений, попыток кого-нибудь завербовать, хорошая, солидная «крыша». Все еще работает там, насколько мне известно.

– Стоковский?

– Нелегально выехал за рубеж, организовал фотобизнес в Париже под именем Гродсску, французского румына Основал филиал в Бонне; предполагается, что там он руководит одним из западногерманских источников Карлы.

– Ну а третий, Викторов? – Пропал бесследно.

– О Господи, – сказал Смайли, казалось, умирая от скуки.

– Прошел подготовку, а затем испарился. Моги умереть, конечно. Мы иногда почему-то с к л о н н ы забывать о естественных причинах.

– О да, конечно, – согласился Смайли. – Разумеется.

Он обладал особым искусством, выработанным за долгие годы скрытной жизни, искусством умения слушать некой внешней частью мозга, позволяя излагаемым событиям разворачиваться прямо перед его мысленным взором, в то время как другая, совершенно отдельная часть его сознания в спешном порядке устанавливала временные связи, В данном случае связь вела от Тарра к Ирине, от Ирины к ее бедному возлюбленному, так гордившемуся тем, что его зовут Лапин и что он обслуживает некоего полковника Григория Викторова, «который работает в посольстве под именем Поляков». В его памяти эти вещи были сродни картинкам из детства, он бы никогда этого не забыл.

– А были у вас какие-нибудь фотографии, Кон-ни? – спросил он хмуро. – Сумела ли ты обзавестись приметами этих троих?

– Бардина из ООН – естественно. Стоковского – возможно. У нас есть старое газетное фото времен его солдатской службы, но мы так и не установили, подлинное ли оно.

– А Викторов, который бесследно пропал? – Здесь могло быть любое другое имя. – Ни одной приличной фотографии, что ли? – спросил Смайли и направился в другой конец комнаты, чтобы вновь наполнить стаканы.

– Викторов, полковник Грегор, – повторила Конни с мечтательной улыбкой.

– Воевал под Сталинградом, как простой солдат… Нет, у нас никогда не было его фото. Жаль. Говорили, он намного превосходил всех остальных. – Она встряхнулась. – Хотя, конечно, мы н и ч е г о не знаем об этих остальных.

Пять казарм и двухгодичные курсы – это, скажу я тебе, наводит на размышления о том, что за все эти годы из тех стен вышло побольше чем три человека!

С легким вздохом разочарования, будто давая понять, что пока ничего во всем ее рассказе, не говоря уже о личности полковника Грегора Викторова, нисколько не продвинуло его в кропотливых изысканиях, Смайли предложил перейти поближе к не имеющему никакого отношения ко всему вышесказанному феномену Полякова Алексея Александровича из советского посольства в Лондоне, больше известного Конни как «дорогой Алекс Поляков», и установить, каким из винтиков сложного механизма Карлы он является и почему так получилось, что она была отстранена от дальнейшего расследования по его делу.

Глава 13

Тут женщина оживилась. Поляков не был героем сказки, он был ее любимым Алексом, хотя она никогда не разговаривала с ним и, скорее всего" никогда не видела его живьем. Она переместилась на другое сиденье, поближе к настольной лампе – в кресло-качалку: она нигде не могла сидеть подолгу. Конни откинула голову назад, так что Смайли увидел перекаты волн на ее белой шее, и кокетливо свесила онемевшую руку, вспоминая о сумасбродствах, о которых она не жалела, в то время как Смайли эти ее размышления, с точки зрения здравого ума разведчика, представлялись еще более бредовыми, чем раньше.

– О, он, однако, был хорош, – сказала Конни. – За семь долгих лет пребывания Алекса здесь у нас не возникло и тени подозрения. Семь лет, дорогой мой, и хоть бы раз з а с в е т и л с я ! Представляешь?

Она привела выдержку из его визовой анкеты девятилетней давности:

Поляков Алексей Александрович, окончил Ленинградский государственный университет, атташе по культуре в ранге второго секретаря, женат, супруга остается в СССР, родился 3 марта 1922 года на Украине, сын железнодорожника, начальное образование не указано. Она продолжала без запинки, со смехом приводя первое казенное описание, данное «фонарщиками»:

– Рост около ста восьмидесяти сантиметров, телосложение крупное, цвет глаз зеленый, цвет волос черный, особые приметы отсутствуют. Веселенький такой верзила, – со смехом

подвела она итог. – Потрясающий шутник. Черная челка вот здесь, падает на правый глаз. Я уверена, он здорово играл на подаче, хотя мы ни разу не застали его за этим. Я бы предложила ему парочку мячей с нашей стороны, если бы Тоби согласился сыграть, но он не захотел.

Хотя, заметь, я совсем не уверена, что Алексей Александрович попался бы на эту удочку. Алекс был слишком осмотрителен, – сказала она с гордостью. – Приятный голос, бархатный, как у тебя. Я, бывало, дважды прокручивала пленку только для того, чтобы послушать, как он говорит. Неужели он все еще здесь, Джордж? Я даже боюсь спрашивать, понимаешь? Я боюсь, что они все сменятся, а я никого так и не узнаю.

Он по-прежнему здесь, заверил ее Смайли. Та же «крыша», тот же чин.

– И все так же занимает тот жуткий загородный домишко в Хайгейте, который так ненавидят шпики Тоби? Медоу-Клоуз, сорок, верхний этаж? О, это совершенно чумовое место. Я уважаю тех, кто сполна отрабатывает свою «крышу», а Алекс как раз из таких. Он всегда был самым деятельным и хватким из всех атташе по культуре, которые когда-либо работали в этом посольстве.

Если требуется что-нибудь быстро организовать – лектора, музыканта, – только скажи, Алекс пробьется через всю бюрократическую волокиту быстрее всех.

– Как же ему это удавалось, Конни?

– По крайней мере не так, как ты думаешь, Джордж Смайли, – выпалила она, и краска ударила ей в лицо. – О, нет, Алексей Александрович был исключительно тем, за кого себя выдавал, так-то вот, можешь, кстати, спросить Тоби Эстерхейзи или Перси Аллелайна. Он был чист, как младенец. Не запятнан никоим образом, уж это-то Тоби тебе подтвердит!

– Ну-ну, – пробормотал Смайли, наполняя ей стакан. – Остынь, Конни.

Успокойся.

– Тьфу, – вскрикнула она, выходя из себя. – Чистейшей воды бред собачий. Алексей Александрович Поляков самому Карле сто очков вперед даст, это тренированный громила, если я хоть что-то в этом понимаю, но они ведь меня даже слушать не захотели! «Тебе шпионы под каждой кроватью мерещатся», – говорит Тоби. «Фонарщики» и так заняты по горло, – говорит Перси (она передразнила его шотландский акцент), – у нас нет возможности шиковать". Ты только вдумайся – «шиковать». – Конни снова расплакалась. – Бедный Джордж, – продолжала она, – бедный Джордж, ты пытался помочь, но что ты мог? Ты и сам был внизу лестницы. Ох, Джордж, не ходи на охоту со всякими там Лейконами.

Пожалуйста.

Он мягко подвел ее мысли снова к Полякову, пытаясь понять, почему она так уверена, что он – громила Карлы, выпускник его специальной школы.

– Был День поминовения, – громко всхлипнула она. – Мы сфотографировали его награды, да, это было именно тогда.

* * *

Год первый снова. Год первый ее восьмилетнего романа с Алексом Поляковым. Самое интересное, говорит она, это то, что она положила на него глаз сразу, как только он прибыл.

«Привет, – подумала я, – неплохо было бы с тобой позабавиться».

Почему она так решила, Конни четко объяснить не могла до сих пор.

Возможно, тут сыграла роль его самоуверенность, возможно – осанка, грудь колесом, будто прямо с парада. «Крепкий такой, как гриб боровик. Армия у него прямо-таки на лбу написана». А может быть, виной тому был его образ жизни: «Он выбрал единственный дом в Лондоне, к которому эти „фонарщики“ не могли подойти ближе, чем на сорок-пятьдесят метров». А возможно, это была его работа: «Теперь в посольстве было уже три атташе по культуре, двое из которых явно шпионили, а третий только и делал, что носил цветы на Хайгейтское кладбище к могиле бедняги Карла Маркса».

Конни была немного не в себе, и Смайли снова прогулялся с ней по комнате, поддерживая ее, когда она спотыкалась. Сначала, правда, сказала она, Тоби Эстерхейзи согласился внести Алекса в список "А", и эктонские «фонарщики» наугад «пасли» его двенадцать дней из каждых тридцати, и все время, пока они следили за ним, он оставался чист, как младенец.

– Дорогой мой, можно было подумать, что я позвонила ему и сказала:

«Алекс Александрович, смотри в оба, потому что я натравила на тебя ищеек Крошки Тоби. Так что живи пока под „крышей" и не делай резких движений».

Он ходил на торжественные приемы, лекции, гулял в парке, изредка играл в теннис, и, если бы не раздавал ребятишкам на улице конфеты, ему трудно было бы выглядеть более респектабельным. Конни отчаянно добивалась продления наблюдения, но эта битва была уже проиграна. Жернова бюрократической машины продолжали крутиться, и Полякова перенесли в список "Б": если позволяли ресурсы, его опекали каждые шесть месяцев. Шестимесячные проверки так ничего и не дали, и через три года он был перенесен в категорию «чистых»: изучен до основания и признан не представляющим интереса для контрразведки. Конни ничего поделать не смогла и уже начала свыкаться с этой мыслью, когда в один прекрасный ноябрьский день милый Тедди Хэнки позвонил ей из «прачечной» в Эктоне и сказал запыхавшимся голосом, что Алекс Поляков разоблачил себя, показал наконец свое истинное лицо. Все тут же встали на уши.

– Тедди был старый, о ч е н ь с т а р ы й наш приятель. Старейший сотрудник Цирка и всеобщий любимец, даром что ему уже под девяносто. Он закончил свой рабочий день и шел домой, когда мимо проехала «Волга» советского посла с тремя военными атташе; направлявшимися на церемонию возложения венков. Трое других следовали за ними на другой машине. Одним из них был Поляков, и на нем было больше медалей, чем на рождественской елке.

Тедди сломя голову помчался с фотоаппаратом к Уайтхоллу и сфотографировал их с другой стороны улицы. Боже мой, в тот день все было на нашей стороне: чудесная погода, сначала небольшой дождь, а затем такое приятное вечернее солнце. Можно было с трехсот метров заснять волоски на заднице у мухи. Мы увеличили снимки, и вот что там было: две медали «За отвагу» и четыре – за участие в различных операциях. Алекс Поляков был ветеран войны, и за семь лет ни одна душа об этом не узнала. Ох, как меня это взбудоражило! Мне показалось, что теперь-то уж не нужно будет никого убеждать. «Тоби, – сказала я (я позвонила ему прямо тут же), – послушай меня, противный венгерский карлик. Это один из тех случаев, когда „эго" пробивается в конце концов через любую „крышу". Я хочу, чтобы ты вывернул мне Алекса Александровича н а и з н а н к у , и никаких отговорок быть не может, маленькое подозрение Конни попало в десятку».

– Ну и что сказал Тоби?

Серый спаниель разочарованно вздохнул и снова уснул.

– Тобн? – Конни вдруг стала очень печальной. – О, Крошка Тоби своим тишайшим голосом мертвой рыбы поведал мне следующее: сейчас операциями руководит Перси Аллелайн, не так ли? Это не его, а Перси работа – изыскивать ресурсы. Я нутром чуяла: что-то здесь не так, но думала, что вся загвоздка в Тоби. – Она умолкла. – Проклятый камин, – пробормотала она угрюмо. – Стоит повернуться к нему спиной, и он тут же гаснет. – Конни потеряла всякий интерес к разговору. – Ну, остальное ты знаешь. Рапорт пришел к Перси. «Ну и что? – говорит Аллелайн. – Поляков служил в русской армии. Это самая большая армия в мире, и не всякий, кто в ней воевал, – агент Карлы». Так странно. Он обвинил меня в ненаучной дедукции. и где ты взял это выражение?" – спросила я его. "А здесь нужна вовсе не д е д у к ц и я , – говорит он, – а и н д у к ц и я " . – «Дорогой мой Перси, не знаю, кто тебя научил таким словам, но ты сейчас похож на противного докторишку каких-то там наук». Бог ты мой, как его это разозлило! Тоби сделал мне одолжение и пустил за Алексом хвост, но это ничего не дало. "Поставьте у

него дома «жучки», – сказала я, – и в его машине – везде, где можно! Разыграйте ограбление на улице, выверните его наизнанку, поставьте его телефон на прослушивание! Инсценируйте проверку документов, будто по ошибке, обыщите. Да что угодно, но, р а д и в с е г о с в я т о г о , сделайте что-нибудь, я готова поставить фунт стерлингов против рубля, что Алекс Поляков – куратор английского «крота». Тут Перси посылает за мной, весь такой важный (снова его акцент): «Ты оставляешь Полякова в покое, выкидываешь его к черту из своей дурацкой бабьей башки, поняла или нет? Ты и твоя чертова Полли, или как там ее, у меня уже вот где сидите, хватит мне с ним надоедать». Вдобавок к этому прислал грубое письмо: «… Мы поговорили, и я тебя убедил…» – и копию этой корове из отдела кадров. Я написала внизу: «Да, да, повторяю – нет» – и отослала ему обратно. – Она снова заговорила начальническим голосом:

– «Вы потеряли всякое чувство меры, Конни. Пора вам спуститься с небес на землю». Конни захмелела. И сидела теперь, умолкнув, над своим стаканом. Ее глаза закрылись, голова начала свешиваться набок.

– О Господи, – прошептала она, снова приходя в себя. – Ох, Боже ты мой.

– У Полякова был связной? – спросил Смайли.

– А зачем он ему нужен? Он же «ценитель искусства». Ценителям искусства не нужны никакие связные.

– У Комарова в Токио был связной. Ты же сама говорила.

– Комаров был военный, – угрюмо заметила она.

– Поляков тоже. Ты же видела его медали. Джордж держал ее за руку и ждал.

Кролик Лапин, сказала она, водитель посольства, этот прохвост. Сначала она никак не могла его вычислить. Она подозревала, что это некто Ивлев, он же Брод, но не могла этого доказать, и никто ей не собирался в этом помогать. Кролик Лапин проводил большую часть времени, гуляя по Лондону, засматриваясь на девушек и не отваживаясь заговорить с ними. Но постепенно она начала прослеживать некую связь. Поляков давал прием, а Лапин помогал разливать напитки. Как-то раз поздно вечером Полякова вызвали, и через полчаса примчался Лапин, вероятно, чтобы расшифровать телеграмму. А когда Поляков летал в Москву, кролик Лапин фактически переехал в посольство и ночевал там, пока тот не вернулся.

– Он его подменял, – убежденно заявила Конни. – Ясно как дважды два.

– Ты и об этом доложила?

– Естественно.

– Ну и что дальше?

– Конни уволили, а Лапин спокойненько уехал домой, – усмехнувшись, сказала Конни и зевнула. – Э-хе-хе, – добавила она, – золотые были денечки. Неужели я начинаю разваливаться, Джордж?

Огонь почти совсем погас. Откуда-то сверху раздался глухой удар – наверное, это были Дженет и ее любовник. Конни начала мурлыкать что-то под нос, затем постепенно стала раскачиваться под собственную музыку. Смайли терпеливо пытался развеселить ее. Он налил ей еще, и в конце концов она взбодрилась.

– А ну-ка, пойдем, – сказала она, – я покажу тебе мои паршивые медальки.

И снова памятные реликвии. Они хранились у нее в потертом чемоданчике, который Смайли должен был вытащить из-под кровати. Сначала настоящая медаль в коробочке и выдержка из благодарственного письма, где она значится занесенной в список премьер-министра под своим оперативным псевдонимом Констанс Сэлинджер.

– Потому что Конни была хорошей девочкой, – объяснила она, прижавшись к нему щекой. – И любила всех своих замечательных ребят.

Затем фотографии бывших сотрудников Цирка: Конни в форме женского вспомогательного батальона во время войны, стоящая между Джебсди и стариной «пастухом» («Пастухи» – жаргонное обозначение дешифровальщнков) Биллом Магнусом, снято где-то в Англии; Конни с Биллом Хейдоном с одной стороны и Джимом Придо с другой, мужчины в крикетных костюмах, и все трое выглядят, как сказала Конни, «бог-ты-мой-какими-приятными», на летних курсах в Саррате, позади них простираются лужайки, подстриженные и озаренные солнцем, и поблескивают проволочные заграждения. Затем огромная лупа с выгравированными на линзе надписями: от Роя, от Перси, от Тоби и всех остальных: «Конни с любовью, чтоб никогда не забывала!»

Наконец, особый вклад самого Билла: карикатура, где Конни лежит на всем протяжении Кенсингтон-Палас-Гарденс (Кенсингтон-Палас-Гарденс – улица в Лондоне, известная своими роскошными особняками; в описываемое в романе время на ней были расположены некоторые зарубежные посольства) и рассматривает в телескоп советское посольство: «С любовью и нежными воспоминаниями милой-милой Конни».

– Ты знаешь, они здесь все еще помнят его. Блестящий парень. В комнате отдыха колледжа Крайст-Черч есть несколько его картин. Они их часто выставляют. Я встречалась с Жилем Лэнгли вцеркви буквально на днях: не слышала ли я чего-нибудь о Хейдоне? Не помню, что я ответила: да, нет. Ты не знаешь, сестра Жиля по-прежнему занимается явочными квартирами?

Смайли не знал.

– Нам не хватает таких способных, говорит Жиль, у них не получается воспитать таких, как Билл Хейдон. Жиль прямо весь пылал от возбуждения.

Говорит, что преподавал Биллу современную историю в те дни, когда слово «империя» еще не было бранным. Про Джима тоже спрашивал. «Его альтерэго, можно сказать, хм-хм». Ты всегда недолюбливал Билла, да? – продолжала Конни рассеянно, снова все укладывая в пластиковые пакеты и заворачивая в кусочки ткани. – Я никогда не могла понять: ты его ревнуешь или он тебя? Пожалуй, слишком уж он обаятельный. Ты никогда не доверял внешнему виду. Я имею в виду мужчин.

– Дорогая Конни, не говори ерунды, – возразил Смайли, на этот раз застигнутый врасплох. – Мы с Биллом всегда были идеальными друзьями. Откуда тебе в голову взбрело сказать такое?

– Да так, ниоткуда. – Она уже почти забыла об этом. – Я слышала, он как-то прогуливался в парке с Энн, только и всего. Он ведь ее двоюродный брат или что-то в этом роде? Я всегда думала, что вы могли бы поладить, ты и Билл, если бы вместе работали. Вы сумели бы вернуть дух прошлого. Вместо этого шотландского выскочки. Билл, перестраивающий Камелот, – снова ее мечтательная улыбка, как из сказки, – а Джордж…

– Джордж подбирает остатки, – сказал Смайли, подыгрывая ей, и они рассмеялись, хотя у Смайли это вышло довольно наигранно.

– Поцелуй меня, Джордж. Поцелуй Конни.

Она проводила его по тропинке через огород, которой пользовались ее постояльцы, и сказала, что лучше ходить там, чем любоваться зрелищем уродливых новых бунгало в соседнем саду, которые понастроили эти свиньи Харрисоны. Моросил мелкий дождь, редкие крупные звезды тускло проблескивали сквозь туман, на дороге был слышен грохот грузовиков, удаляющихся в ночь в направлении севера. Прижавшись к нему, Конни вдруг забеспокоилась:

– Ты такой непутевый, Джордж. Ты слышишь? Взгляни на меня. Да не смотри в ту сторону, там сплошной неоновый свет, порок и распутство. Поцелуй меня.

Гадкие люди во всем мире превращают нашу жизнь в ничто, так почему ты помогаешь им? Почему?

– Я не помогаю им, Конни.

– Да конечно помогаешь! Посмотри на меня. Хорошие ведь были времена, слышишь? Настоящие. Англичане могли гордиться. Сделай так, чтобы они снова могли гордиться.

– Это не совсем по адресу, Конни.

Она притянула его лицо к себе, так что он поцеловал ее прямо в губы.

– Бедняжсчки. – Она тяжело дышала, скорее всего, не от какого-то отдельного чувства, но от целой сумятицы их, смешавшихся в ней, как в крепком коктейле, – Бедняжечки. Привыкли к империи, привыкли повелевать миром. Все ушло. Все пропало. Тю-тю, старый мир. Вы последние, Джордж, ты и Билл. Ну, может быть, еще этот мерзкий Перси. – Он знал, что этим все и закончится, но не думал, что это будет так ужасно. Она и раньше так говорила, каждое Рождество, когда во всех закутках Цирка проводились маленькие вечеринки. – Ты знаешь Миллпондз или нет? – спросила она.

– Что еще за Миллпондз?

– Там живет мой брат. Шикарный дом в греческом стиле, милые лужайки – это рядом с Ньюбери. В один прекрасный день туда пришла дорога. Бац. Все к черту. Автомагистраль. Лужайки коту под хвост. Я там выросла, понимаешь. Они еще не продали Саррат, ты не знаешь? Я боюсь, они могут.

– Конечно не продали.

Он уже не знал, как от нее избавиться, но она прижалась к нему еще настойчивее, он даже почувствовал, как колотится ее сердце.

– Если что-то не так, не возвращайся. Обещаешь? Я слишком старый леопард, для того чтобы сменить свои пятна («Может ли леопард изменить свои пятна?» – цитата из Библии). Я хочу помнить вас всех такими, какими вы были.

Милые, милые ребята.

Ему не хотелось оставлять ее здесь в темноте, под деревьями, и он провел ее немножко назад к дому; оба молчали. Он уже шел по дороге, когда снова услышал, как она напевает, причем так громко, что это было похоже на вой. Но это была ерунда по сравнению с той бурей, что клокотала у Джорджа внутри, с теми вспышками тревоги, гнева и отвращения, что сопровождали его во время этой поездки в глухую ночь, и бог знает чем все это должно было закончиться.

Он успел на пригородный поезд до Слау, где его ждал Мэндел в машине, взятой напрокат. Пока они неторопливо приближались к желтому мерцанию городских огней, он слушал, чем увенчались поиски Питера Гиллема. В журнале дежурного офицера не содержалось записи о ночи с десятого на одиннадцатое апреля, сказал Мэндел. Кто-то вырезал страницы бритвенным лезвием.

Отсутствовали также отчет вахтера за ту же ночь и отчет об обмене радиосообщениями.

– Питер полагает, что это сделано совсем недавно. Там на следующей странице нацарапана приписка: «По всем вопросам обращаться к руководителю Лондонского Управления». Почерк Эстерхейзи, датировано пятницей.

– Прошлой пятницей? – спросил Смайли, повернувшись так резко, что ремень безопасности жалобно взвизгнул. – Это тот же день, когда Тарр прибыл в Англию.

– Все со слов Питера, – ответил Мэндел бесстрастно.

И, наконец, что касается Лапина (он же Ивлев) и атташе по культуре Алексея Александровича Полякова, оба из советского посольства в Лондоне. В донесениях «фонарщиков» Тоби Эстерхейзи не содержится ничего нелицеприятного. Оба были как следует изучены, оба были признаны «чистыми»: самая безупречная из всех категорий. Лапина откомандировали в Москву год назад, Мэндел также принес в портфеле фотографии Гиллема, полученные в результате его вылазки в Брикстон, проявленные и увеличенные до размеров

целого листа. У Паддингтонского вокзала Смайли вышел, и Мэндел передал ему портфель через дверной проем.

– Думаю, ты не хочешь, чтобы я тебя провожал? – спросил Мэндел.

– Спасибо, здесь всего метров сто.

– На твое счастье, в сутках двадцать четыре часа.

– Да, действительно.

– Кое-кто уже спит.

– Спокойной ночи.

Мэндел все еще не отпускал портфель.

– Я, кажется, нашел эту школу, – сказал он. – Место называется Тэрсгуд, рядом с Тонтоном. Он сначала полсеместра подменял кого-то в Беркшире, потом вроде бы перебрался в Сомерсет. Я слышал, у него есть фургон. Хочешь, я проверю?

– А как ты это сделаешь?

– Постучусь в дверь, представлюсь торговым агентом или проведу социологический опрос.

– Прости, – извинился Смайли, вдруг забеспокоившись. – Я уже собственной тени боюсь. Прости, это было невежливо с моей стороны.

– Юноша Гиллем тоже боится собственной тени, – невозмутимо сказал Мэндел. Говорит, что на него косо смотрят. – Говорит, что там что-то неладно и все они что-то затевают. Я посоветовал ему выпить чего-нибудь покрепче.

– Да, – ответил Смайли, немного подумав. – Да, пожалуй, так и стоит сделать. Джим настоящий профи, – объяснил он, – старой закалки. А это на всю жизнь, что бы они с ним ни сделали.

Камилла вернулась поздно. Гиллем почему-то решил, что ее урок с Сандом заканчивается в девять, но, когда она открыла дверь и вошла, было уже одиннадцать, и поэтому он почти не разговаривал с ней, не в силах ничего с собой поделать. Сейчас она лежала в постели, разметав черные с проседью волосы по подушке, и смотрела, как он стоит у темного окна, вглядываясь в улицу.

– Ты поела? – спросил он.

– Доктор Санд меня покормил.

– Чем?

Санд был иранец, она ему как-то говорила об этом.

Нет ответа. Мечтами, наверное? Отбивной с орехами? Любовью? В постели она никогда не возбуждалась, только обнимала его. Во сне она едва дышала.

Иногда он просыпался и смотрел на нее, размышляя, что бы он почувствовал, если бы она взяла и умерла.

– Тебе нравится Санд? – спросил он.

– Иногда.

– Ты спишь с ним?

– Иногда.

– Может, ты лучше переедешь от меня к нему?

– Это не то, – сказала Камилла, – ты не понимаешь.

Да. Он не понимал. Сначала влюбленная парочка целовалась на заднем сиденье «ровера», затем одинокий тип в шляпе прогуливал своего терьера, затем две девушки целый час названивали из телефонной кабины напротив его входной двери. В этом не было бы ничего особенного, если бы все эти события не происходили последовательно, как смена караула.

Теперь остановился фургон, и никто из него не вышел. Снова влюбленные или ночная группа «фонарщиков»? Через десять минут после того, как остановился фургон, «ровер» уехал.

Камилла задремала. Он лежал рядом и не мог заснуть в предчувствии того, что предстоит завтра, когда по просьбе Смайли ему нужно будет выкрасть папку с делом Придо, известным как скандал Эллиса или, для более посвященных, операция «Свидетель».

Глава 14

Это был второй счастливейший день в пока короткой жизни Билла Роуча.

Первый произошел незадолго до разрыва в их семье, когда его отец нашел под крышей осиное гнездо и обратился к Биллу, чтобы тот помог ему выкурить ос оттуда. Его отец мало смыслил в хозяйстве и даже почти ничего не умел делать руками, но после того, как Билл прочитал все об осах в своей энциклопедии, они поехали вместе в аптеку и купили серу, которую сожгли в жестянке на чердаке. И все осы погибли.

А сегодня состоялось официальное открытие ралли в автоклубе Джима Придо. Пока они успели только разобрать «алвис» на части, подновить его и собрать снова, но сегодня в качестве награды за свои труды они установили с помощью ПЛ Латци соломенные тюки для слалома на каменистом участке трассы, а затем каждый по очереди садился за руль и, пуская клубы дыма, маневрировал между воротами под гомон болельщиков, а Джим засекал время. «Лучшая машина, когда-либо сделанная в Англии – так Джим представил свой автомобиль. – Теперь снята с производства, спасибо социализму». Они его заново покрасили, на капоте красовался гоночный «Юнион Джек», и, без сомнения, это был самый лучший, самый быстрый автомобиль на свете. В первом заезде Роуч пришел третьим из четырнадцати, а теперь во втором он уже поравнялся с каштановыми деревьями, ни разу не заглохнув, и имел все шансы завершить финальную прямую с рекордным временем. Он и не представлял раньше, что что-нибудь может приносить ему столько удовольствия. Он любил эту машину, он любил Джима, и даже шкапу он любил, и впервые в жизни он полюбил в себе стремление победить. Он слышал, как Джим орет: «Полегче, Слоненок!» – и видел, как Латци подпрыгивает на месте с импровизированным клетчатым флажком, но когда он прогрохотал мимо финишного столба, то понял, что Джим смотрит совсем не на него, а пристально вглядывается вдоль трассы в направлении буковых деревьев.

– Какое время, сэр? – еле дыша, спросил он, и на короткое время в воздухе повисла тишина.

– Хронометрист, – протянул Спайкли. – Время, пожалуйста, Бегемот.

– Было очень хорошо, Слоник, – сказал Латци, вместе со всеми вопросительно глядя на Джима.

На этот раз дерзость Спайкли, так же как и мольба Роуча, остались без ответа. Джим вглядывался через поле в направлении тропинки, которая служила восточной границей. Рядом с ним стоял мальчик по имени Коулшоу, по прозвищу Калоша, двоечник из третьего "Б", известный тем, что подлизывался к учителям. Этот участок был совершенно плоским, и лишь далеко впереди он поднимался, переходя в холмы; часто после нескольких дней дождя его затапливало. По этой причине возле тропинки не было хорошей живой изгороди, а лишь забор из столбов и проволоки и никаких деревьев; только забор, равнины и иногда совсем уж вдалеке виднелся Куонтокс, который сегодня исчез в расплывчатой белизне. Равнины могли быть заболочены и постепенно переходить в озеро или просто в белесую неопределенность. И вот там, на фоне этой размытой картины, брела одинокая фигура: опрятный, неприметный с виду пешеход с худым лицом, в широкополой шляпе, в сером плаще и с палкой в руке, которой он почти не пользовался. Наблюдая за ним вместе с Джимом, Роуч решил, что этот мужчина хотел бы идти быстрее, но что-то его сдерживало.

– У тебя стеклышки с собой, Слоник? – спросил Джим, продолжая следить за этим человеком, который уже почти поравнялся со следующим столбом.

– Да, сэр.

– Кто же это, а? С виду будто Соломон Гранди (Соломон Гранди – герой детской песенки).

– Не знаю, сэр.

– Никогда не видел его раньше?

– Нет, сэр.

– Не из учителей и не деревенский. Так кто же он? Бродяга-попрошайка?

Вор? И почему он даже не смотрит сюда, а, Слоник? С нами что-то не в порядке? Неужели ты бы не посмотрел на стайку пацанов, гоняющих по полю на машине? Он что, не любит машины? Или не любит мальчишек?

Роуч все еще обдумывал свой ответ на эти вопросы, а Джим уже начал разговаривать с Латци на языке ПЛ, пользуясь приглушенными уравновешенными интонациями, которые внушили Роучу мысль о некоем заговоре между ними, об особых непонятных ему узах. Это впечатление усилилось, когда Латци ответил однозначно отрицательно с тем же непреклонным спокойствием.

– Сэр, знаете, сэр, я думаю, у него какие-то дела в церкви, сэр, – сказал Калоша. – Я видел, как он разговаривает с Уэллсом Фарго, сэр, после службы.

Викария звали Спарго, и был он очень старым. Тэрсгудская легенда утверждала, что на самом деле это великий Уэллс Фарго, ушедший на покой.

Услышав это известие, Джим задумался, а Роуч пришел в ярость, подумав про себя, что Коулшоу, конечно же, выдумал все это.

– Слышал, о чем они говорят, Калоша?

– Нет, сэр. Они просматривали присутственные списки, сэр. Но я могу спросить Уэллса Фарго, сэр.

– Наши присутственные списки? Тэрсгудские присутственные списки?

– Да, сэр. Школьные присутственные списки. Тэрсгудские. Со всеми именами, сэр, где кто сидит.

«А также где сидят учителя», – тоскливо подумал Роуч.

– Кто его снова увидит, скажите мне. Или другую подозрительную личность, поняли? – Джим обращался к ним ко всем, разряжая обстановку. – Неводитесь со всякими странными типами, околачивающимися вокруг школы. В том месте, где я работал до этого, орудовала целая чертова шайка. Вычистили все в округе. Серебро, деньги, мальчишечьи часы, приемники, бог знает чего они не стянули. В следующий раз сопрут «алвис». Лучшая машина, которую делали в Англии, теперь такие уже не производят. Цвет волос, Слоник?

– Черный, сэр.

– Рост, Калоша?

– Где-то метр восемьдесят, сэр.

– Калоша всем дает метр восемьдесят, – сказал какой-то остряк, потому что Коулшоу был недомерком. Поговаривали, что его вскармливали джином.

– Возраст, Спайкли, лягушонок?

– Девяносто один, сэр.

Его ответ потонул во взрыве хохота. Роуч получил возможность проехать еще раз и сделал это плохо, и в эту же ночь, лежа в кровати, терзался муками ревности из-за того, что целому автоклубу, не говоря уже о Латци, была скопом пожалована привилегированная должность наблюдателя. И слабым утешением было уверять самого себя, что их зоркость все равно не сравнится с его собственной, что приказ Джима будет забыт на следующий же день или что впредь Роуч должен будет предпринимать более действенные меры для предотвращения отчетливо надвигающейся угрозы.

Остролицый незнакомец исчез, но на следующий день Джим наведался на церковное кладбище, куда ходил далеко не часто; Роуч видел, как он разговаривал с Уэллсом Фарго у свежевырытой могилы. Впоследствии Билл Роуч замечал, что лицо Придо подолгу бывало омрачено тревогой, которая временами становилась очень похожей на гнев, возвращался ли он в сумерках со своих ежевечерних вылазок, или сидел на бугорке возле своего фургона, не замечая холода и сырости, покуривая сигаретку и потягивая свою водку, пока сгущались сумерки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 15

Отель «Айли» в Сассекс-Гарденс, в котором на следующий же день после своего визита в Аскот Джордж Смайли поселился под именем Барраклаф и разместил свою оперативную штаб-квартиру, был очень тихим местом, несмотря на свое расположение, и идеально отвечал своему предназначению. Он находился метрах в ста к югу от Паддингтонского вокзала – один из череды повидавших на своем веку особняков, отрезанных от главного проспекта аллеей платанов и автомобильной стоянкой. Транспорт грохотал, проезжая мимо, круглые сутки. Но внутри, несмотря на режущие глаз пестрые обои и медные абажуры, царил прямо-таки сверхъестественный покой. Не только ничего не происходило в самом отеле – казалось, не происходило ровным счетом ничего на целом свете, и это впечатление усиливалось присутствием миссис Поуп (The Pope (англ.) – Папа Римский) Грэм, хозяйки, вдовы майора. Ее томный голос внушал чувство глубочайшей усталости мистеру Барраклафу, как, впрочем, и любому другому, кто испытал на себе ее гостеприимство. Инспектор Мэндел, чьим информатором она была долгие годы, утверждал, что ее имя просто Грэм. «Поуп» появилось для придания фамилии значительности или из преклонения перед Римом.

– Ваш отец, случайно, не служил в армии, дорогуша? – зевая, спросила она, после того как прочитала «Барраклаф» в регистрационной книге.

Смайли заплатил ей пятьдесят фунтов авансом за двухнедельное пребывание, и она поселила его в комнате номер восемь, потому что ему нужно было работать. Он спросил насчет стола, и она дала ему шаткий карточный столик, и Норман, мальчик-рассыльный, принес его.

– Это эпохи Георга, – вздохнула она, наблюдая за тем, как вносили предмет меблировки. – Так что обращайтесь с ним аккуратно, ради меня, ладно, дорогуша? Мне бы на самом деле не стоило отдавать его вам, он когда-то принадлежал покойному майору.

К пятидесяти фунтам Мэндел добавил из своего бумажника еще двадцать; презренные бумажки, как он называл их и которые он позже взыскал со Смайли.

– Без ничего ничего не бывает, не правда ли? – спросил ее полицейский.

– Возможно, вы правы, – потупившись, согласилась миссис Поуп Грэм, упрятывая банкноты куда-то в складки своих штанов.

– Меня интересует любая мелочь, – предупредил Мэндел, когда они сидели в цокольной комнатке за бутылкой чего-то ее любимого. – Время прихода и ухода ваших постояльцев, контакты, образ жизни и больше всего, – он любил придавать вес своим словам, поднимая палец, – больше всего, важнее, чем вы можете себе представить, мне нужны подозрительные личности, проявляющие какой-то интерес или задающие вопросы вашему персоналу под каким-то предлогом. – Он взглянул на нес своим преисполненным государственной значимости взглядом. – Даже если эти люди представятся героями Гвардейских Бронетанковых войск и Шерлоком Холмсом в одном лице.

– Здесь только я и Норман, – сказала миссис Грэм, указывая на робкого юношу в черном пальто, к которому она притачала бежевый бархатный воротник.

– А из Нормана они много не вытянут, потому что он ничего не знает. Слишком уж вы мнительны, дорогуша – То же самое и с приходящими к нему письмами, – продолжал

инспектор. – Мне нужны почтовые марки и время отправления, если его можно будет разобрать, но не пытайтесь вскрыть или задержать их у себя То же самое с вещами. – Он подождал, пока воцарится тишина, разглядывая солидный сейф, который являл собой главенствующий предмет обстановки. – Время от времени ему будут доставлять кое-какие вещи. Главным образом документы, иногда книги. Есть только один человек, которому можно будет взглянуть на них, исключая его самого. – Лицо полицейского вдруг вытянулось в пиратской ухмылке. – Я. Понятно? Никто больше не должен даже догадываться, что они были у вас. И не вздумайте рыться там, он обязательно заметит, потому что он сообразителен. Рыться нужно опытной рукой. Я все сказал, – подытожил Мэндел.

Вскоре после своего возвращения из Сомерсета он сообщил Смайли, что если двадцать монет – это все, что им потребуется, то Норман и его патронесса окажутся самыми дешевыми «няньками» в такого рода деле.

Подобное хвастовство было простительно: ведь он едва ли мог знать о том, как Джим завербовал целый автоклуб; точно так же не мог он знать способ, которым Джим сумел вскоре вычислить Мэндела с его осторожными расследованиями, несмотря на всю их аккуратность. Мэндел ведь, как, впрочем, и любой другой, не мог подозревать о том состоянии возбужденной тревожности, до которой довели Придо раздражение, напряженное ожидание и, пожалуй, легкое душевное расстройство.

Комната номер восемь располагалась на последнем этаже. Ее окна выходили на парапет. За ним лежал переулок с плохоньким книжным магазинчиком и туристическим агентством под названием «Весь мир». На полотенце для рук было вышито «Отель „Лебедь", Марлоу». В тот же вечер к Смайли крадучись явился Лейкон и принес толстый портфель с первой партией документов из своего офиса. Чтобы поговорить, они сели рядом на кровать, и Смайли включил транзистор, который заглушал их голоса. Лейкону от всего этого было явно не по себе; ему почему-то казалось, что он слишком стар для подобных развлечений. На следующее утро по пути на работу Оливер забрал документы и вернул книги, которые Смайли давал ему, чтобы заполнить портфель. Свою роль Лейкон играл из рук вон плохо. В его поведении проскальзывали раздражительность и грубость; он явно давал понять, что терпеть не может нарушать правила. Похоже, ему все время было стыдно – румянец, казалось, не сходит с его щек. Но Смайли не мог читать эти папки днем, потому что они были постоянно в работе у подчиненных Лейкона и их отсутствие тут же вызвало бы переполох. Впрочем, днем они ему были и не нужны. Он знал лучше, чем кто-либо другой, что времени – в обрез. В последующие три дня этот ритуал почти не менялся. Каждый вечер, перед тем как сесть в поезд на Паддингтонском вокзале, Лейкон заносил свои бумаги, и каждую ночь миссис Поуп Грэм украдкой докладывала Мэнделу, что снова заходил этот долговязый с кислой физиономией, тот самый, который тогда так презрительно смерил взглядом Нормана. Каждое утро, после трех часов сна и омерзительного завтрака, состоящего из недожаренной сосиски и пережаренных помидоров – другого меню здесь не знали, – Смайли ждал, пока придет Лейкон, а затем с облегчением выскальзывал в холод зимнего дня и растворялся среди себе подобных.

Эти ночи, проведенные в одиночестве на верхнем этаже отеля, запомнились Джорджу очень необычными. Когда он потом вспоминал о них, хотя дни были почти так же загружены, а внешне даже более богаты событиями, ночи представлялись ему долгим путешествием, совершенным в один сплошной длинный промежуток времени.

«Так вы сделаете это? – без тени смущения пропел тогда Лейкон в саду. – Копайте в любом направлении». По мере того как Смайли снова и снова прослеживал каждый поворот в своем прошлом, становилось ясно, что не имеет значения, вперед копать или назад – это было одно и то же путешествие и конечная цель его лежала где-то впереди. В этой комнате не было ни одного предмета среди всего этого гостиничного барахла, который отделял бы его от комнат в его прошлом. Он будто снова был на верхнем этаже Цирка в своем собственном невзрачном кабинете с гравюрами Оксфорда, точно таком же, который он покинул год назад. За дверью

располагалась приемная с низким потолком, в которой седовласые секретарши Хозяина – его «мамочки» – тихо печатали на машинках и отвечали на телефонные звонки; и сейчас здесь, в отеле, неизвестный дух в конце коридора днем и ночью без устали постукивал по клавишам. В дальнем конце приемной – в мире миссис Поуп Грэм ему соответствовала ванная комната с предупреждением не пользоваться сю – была дверь без таблички, ведущая в святилище Хозяина: что-то вроде коридора, где по бокам стояли древние стальные шкафы со старыми красными книгами, со сладковатым запахом пыли и жасминного чая. За столом Хозяин собственной персоной, к тому времени уже только оболочка человека, с реденькой седой челкой и улыбкой, приветливой, как у мертвеца. Смайли так глубоко погрузился в эти воспоминания, что, когда зазвонил телефон – за пользование им взималась дополнительная плата наличными, – ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он находится. Другие звуки сбивали его с толку в не меньшей степени: хлопанье крыльев голубей на парапете, поскрипывание телевизионной антенны на ветру, стремительное журчание воды в водосточном желобе во время дождя. Эти звуки также относились к его прошлому: в Кембриджском здании Цирка их тоже можно было услышать только на верхнем этаже. Его ухо выделяло их, без сомнения, именно по тон причине, что на фоне этой незамысловатой мелодии протекало его прошлое. Однажды ранним утром, услышав шаги в коридоре возле своей комнаты, Смайли даже направился к двери спальни, чтобы впустить ночного шифровальщика Цирка. В этот момент он был всецело поглощен фотографиями Гиллема, пытаясь на основе этой скудной информации составить представление о процедуре обработки поступившей из Гонконга телеграммы в условиях латерализма. Но вместо шифровальщика он обнаружил босого Нормана в пижаме. По полу было разбросано конфетти, и у двери напротив стояли две пары туфель, мужские и девичьи, хотя никто в «Айли», особенно Норман, не собирался их чистить.

– Прекрати вынюхивать и ступай спать, – сказал Смайли. И когда Норман уставился на него, прикрикнул:

– Да поди ты отсюда, понял или нет! – и чуть не добавил, вовремя остановившись: «Ты, грязный сопляк».

"Операция «Черная магия» – гласил заголовок первого тома, который Лейкон принес ему в первый вечер. «Правила распространения специальной продукции». Остальная часть обложки была заклеена бумажками с предупреждениями и инструкциями по обращению, одна из них довольно забавным образом предписывала случайно нашедшему «вернуть папку НЕ ЧИТАЯ» начальнику отдела регистрации в секретариате кабинета министров. "Операция «Черная магия» – значилось в заголовке второго тома. «Дополнительные сметы, представленные Министерству финансов, особые услуги в Лондоне, особые финансовые договора, премиальные и т.д.» «Источник Мерлин» – было написано на третьей папке, связанной с первым томом розовой ленточкой. «Отзывы заказчиков, рентабельность, дальнейшее использование. См. также: Секретное приложение». Но секретное приложение отсутствовало, и, когда Смайли спросил про него, Лейкон посуровел.

– Министр хранит его в своем личном сейфе, – сухо отрезал он.

– Вы знаете комбинацию?

– Конечно нет! – резко ответил Оливер, приходя в ярость.

– Как оно называется?

– Это не должно иметь для вас никакого значения, я полностью отказываюсь понимать, зачем вы зря тратите время, в первую очередь гоняясь за этими документами. Это совершенно секретный материал, и мы сделали все, что в человеческих силах, чтобы максимально ограничить круг читающих.

– Даже у секретного приложения должен быть заголовок, – мягко сказал Смайли.

– А у этого нет.

– Оно дает идентификацию Мерлина?

– Не смешите. Министру незачем это знать, а Аллелайн не стал бы ему этого говорить.

– Что означает «дальнейшее использование»?

– Я отказываюсь быть допрашиваемым, Джордж. Вы не входите в число посвященных, вы же знаете. По правилам я должен был оформить вам специальный допуск.

– Допуск к «Черной магии»? – Да.

– А у нас есть список тех, кто получил такой допуск?

– Он в папке с «Правилами», – отрезал Лейкон и уже почти захлопнул за собой дверь, но потом вернулся под медленный напев «Куда исчезли все цветы?», объявленный по радио австралийским диск-жокеем.

– Министр, – начал он снова, – не любит путаных объяснений. Он любит говорить: «Я поверю только тому, что может быть написано на обычной почтовой открытке». И всегда с нетерпением стремится заполучить то, что всегда можно держать под рукой.

На это Смайли ответил:

– Вы ведь не забудете о Придо, не так ли? Что угодно из того, что у вас есть на него. Лучше клочки бумаги, чем ничего.

После этого Лейкон свирепо уставился на Смайли, а потом снова направился к выходу.

– У вас вообще все дома, Джордж? Вы что, не понимаете, что Придо, скорее всего, никогда даже и не слышал о «Черной магии» до того, как в него стреляли, и я решительно отказываюсь понимать, почему вы не можете всецело заняться основной проблемой вместо того, чтобы копаться в… – Последние слова он уже говорил самому себе, выскочив из комнаты.

Смайли взялся за последнюю подшивку: "Операция «Черная магия».

Переписка со Службой". «Служба» – это один из множества эвфемизмов, придуманных Уайтхоллом для обозначения Цирка. Этот том был составлен из служебных записок между Министром с одной стороны и Перси Аллелайном – безошибочно узнаваемым по прилежному ученическому почерку – с другой, в то время все еще пребывающим на нижних ступеньках Хозяиновой табели о рангах.

Очень мрачный памятник такой долгой и жестокой войне, размышлял Смайли, изучая эти потрепанные папки.

Глава 16

Это была та самая долгая и жестокая война, основные перипетии которой Смайли теперь переживал вновь, приступив к чтению. В досье содержались лишь скудные записи о ней. Его память хранила гораздо больше. Главными действующими лицами той войны были Аллелайн и Хозяин, первопричины же остались неясными. Билл Хейдон, непосредственный, хотя и не самый заметный очевидец событий, утверждал, что эти двое научились ненавидеть друг друга еще в Кембридже, когда Хозяин какое-то время преподавал, а Аллелайн был студентом. По словам Билла, Аллелайн был учеником Хозяина, к тому же не самым лучшим, и Хозяин часто едко высмеивал его, что было вполне в его духе.

Эта история была достаточно гротескной, что позволяло Хозяину ее всячески обыгрывать: «Говорят, мы с Перси кровные братья. Мы даже вместе на речку бегали пацанами, представляете!» Он никогда не уточнял, шутит он или говорит серьезно.

К полулегендарным историям подобного рода Смайли мог добавить несколько бесспорных фактов из того, что он сам знал про молодые годы этих двух людей.

В то время как Хозяин не мог похвастаться высоким происхождением. Перси был родом из Южной Шотландии, сыном брызжущего энергией пресвитерианского священника, и, хотя Перси не стал таким уж набожным, он, без сомнения, унаследовал способность убеждать всеми имеющимися способами. Он на год или два опоздал на войну и поступил в Цирк из какой-то

фирмы в Сити. В Кембридже он был немного политиком (пожалуй, правее самого Чингисхана, говорил Хейдон. который и сам, видит Бог, был отнюдь не бесхребетным либералом) и немного спортсменом. Его завербовал некто Мастон, не пользующийся авторитетом, который на короткое время умудрился свить себе гнездышко в разведке противника. Мастон предсказывал Аллелайну большое будущее, с упоением расхваливая его на все лады, пока сам не впал в немилость. Сочтя Аллелайна обузой, руководство Цирка отослало его в Южную Америку, где он, не возвращаясь в Англию, отбыл два срока подряд под консульской «крышей».

Смайли вспоминал, что даже Хозяин признавал Перси исключительно способным. Аргентинцы, которым нравилось, как он играет в теннис и скачет на лошади, по выражению Хозяина, принимали его за джентльмена и считали довольно глупым, в чем сильно ошибались. К тому времени, когда надо было передавать дела преемнику, Перси организовал целую агентурную цепь вдоль обоих побережий и уже уверенно продвигался на север. После отпуска по прибытии домой и двухнедельного инструктажа он был направлен в Индию, где у его агентов он, кажется, слыл не иначе как перевоплощением британского раджи. Он проповедовал им благонадежность, платил какие-то крохи, а когда ему это было нужно, сдавал их. После Индии он отправился в Каир.

Это задание должно было стать трудным для Аллелайна, если не сказать невозможным; дело в том" что Ближний Восток в то время был любимой вотчиной Хейдона. Агенты в Каире смотрели на Билла, по выражению Мартиндейла, в тот знаменательный вечер в его безымянном клубе буквально как на второго Лоуренса Аравийского. Они запросто могли устроить его преемнику адскую жизнь. Но Перси каким-то образом сумел поставить их на место, и, если бы только он держался подальше от американцев, он мог бы оставить о себе даже более громкую славу, чем Хейдон.

Но вместо этого случился скандал, и началась открытая вражда между Перси и Хозяином.

Все обстоятельства дела до сих пор оставались неясными: инцидент произошел задолго до того, как Смайли получил повышение и стал первым гофмейстером Хозяина. Без всякого указания из Лондона, как потом выяснилось, Аллелайн оказался втянут в дурацкий заговор американцев по замене местного царька своим ставленником. Аллелайн всегда испытывал некое благоговение перед американцами. Из Аргентины он с обожанием наблюдал, как они устроили разгром политикам левого толка на всем полушарии; в Индии восхищался тем, с каким умением они сталкивали лбами разные силы, препятствуя их объединению.

В то время как Хозяин, аналогично большинству в Цирке, презирал американцев и их работу, в которой он часто пытался им всячески насолить.

Заговор провалился, британские нефтяные компании пришли в ярость, и Аллелайн, как это удачно именуется на жаргоне, вынужден был смываться в одних носках. Позже Перси заявил, что это Хозяин сначала подстегивал его, а затем выбил почву из-под ног и даже намеренно «сдал» план заговора Москве.

Как бы то ни было, по приезде в Лондон Аллелайн оказался перед перспективой командировки в «ясли», где он должен был приступить к обучению зеленых стажеров. Эту должность придерживали обычно для выдохшихся контрактников, которым оставалось пару лет до пенсии. В Лондоне в те дни было слишком мало мест для людей с выслугой и талантами, как у Перси, объяснил Билл Хейдон, тогдашний начальник отдела кадров.

«В таком случае вам, черт подери, придется придумать мне такую должность», – сказал Аллелайн. Он оказался прав. Как Билл дружески признался Смайли немного позже, он недооценил силы его лобби.

"Но кто эти люди? – спрашивал Смайли. – Как они могут навязать вам человека, который вам не нужен? "

«Любители гольфа», – резко ответил Хозяин. Любители гольфа и консерваторы: Аллелайн в те дни часто заигрывал с оппозицией, и его принимали с распростертыми

объятиями, – не в последнюю очередь Майлз Серкомб, ужасно недалекий родственник Энн и нынешний Министр Лейкона. Как бы то ни было, у Хозяина не хватало сил сопротивляться. Цирк переживал депрессию, и ходили смутные слухи о предстоящем тотальном увольнении существующей команды и о том, что нужно начать работу на новом месте, с новой командой. Раньше серии провалов в их работе обычно все-таки чередовались и с успехами, но теперь все затянулось что-то уж слишком надолго. Сбор информации резко упал, к тому же все чаще и чаще сведения оказывались недостоверными. Да и рука Хозяина все чаще оказывалась недостаточно сильной на тех участках, которые начинало лихорадить.

Эта временная недееспособность не мешала ему потешаться, когда он составлял проект персонального устава начальника Оперативного отдела Перси Аллелайна. Он называл его шутовским колпаком Перси.

Смайли ничего не мог поделать. Билл Хейдон был в то время в Вашингтоне, пытаясь заключить договор о взаимодействии в области разведки с теми, кого он называл фашиствующими святошами американского ЦРУ. А Смайли перевели на шестой этаж, и одной из его задач было выпроваживать просителей, являющихся на прием к Хозяину. Поэтому именно Джордж был вынужден отдуваться, когда Аллелайн стал приходить со своими «почему?», когда он стал захаживать в кабинет к Смайли в отсутствие Хозяина. Он даже пригласил его в свою мрачную квартирку, предварительно отправив любовницу в кино, и стал ему докучать своим жалобным акцентом. «Почему?» Он даже разорился на бутылку солодового виски, которое щедро вливал в Смайли, в то время как сам прикладывался к пойлу подешевле.

«Что я сделал ему, Джордж, что я сделал ему такого особенного? Мы ругались пару раз. Ну и что в этом необычного, можешь ты мне сказать? Чего он пристал ко мне? Все, чего я хочу, это место за столом наверху. Видит Бог, мой послужной список даст мне на это право!»

Говоря о столе наверху, он подразумевал руководство Цирка, располагающееся на шестом этаже.

Устав, проект которого Хозяин составлял для него и который на первый взгляд был очень впечатляющим по форме, давал Аллелайну право проверять все операции перед тем, как их «запускали».

Примечание ставило это право в зависимость от согласия оперативных секторов, и Хозяин заверил, что они ни за что в жизни на это не пойдут.

Устав предлагал Перси " р а с п р е д е л я т ь р е с у р с ы и п р е с е к а т ь с о п е р н и ч е с т в о м е ж д у р е г и о н а м и " с учреждением Лондонского Управления, и эту концепцию Аллелайну удалось провести в жизнь.

Но секторы второго плана, как-то: «фонарщики», «ювелиры», «слухачи» и «пастухи» – отказались открыть ему свои отчеты, а у Перси не хватало власти заставить их. Так что Аллелайн остался на голодном пайке, и в его лотках для бумаг было пусто начиная с обеда.

«Я бездарь, да? Мы ведь все должны быть гениями сегодня, солистами, примадоннами! И ни одного чертова хориста!» Аллелайн, хотя это и было ему простительно, все еще оставался слишком молодым, чтобы сидеть за столом наверху; ему предстояло еще лет восемь или десять потолкаться локтями с Хейдоном и Смайли, не говоря уже о Хозяине.

А тот оставался непреклонным: «Перси Аллелайн продал бы свою собственную мать за дворянский титул и свою работу за кресло в палате лордов». А позже, когда к нему стала подкрадываться мерзкая болезнь, он сказал: «Я отказываюсь завещать дело всей моей жизни какому-то парадному жеребцу. Я слишком тщеславен, чтобы мне льстили, слишком стар, чтобы иметь какие-то амбиции, и к тому же я уродлив, как краб. Перси совсем другое дело, и в Уайтхолле достаточно умников, чтобы предпочитать его тип моему».

Таким образом, Хозяин косвенно, можно сказать, повесил себе на шею «Черную магию».

"Джордж, зайди-ка сюда, – как-то раз отрывисто бросил Хозяин через селектор. – Братец Перси начинает действовать мне на нервы. Зайди ко мне, или сейчас здесь «прольется кровь».

Это случилось как раз тогда, вспоминал Смайли, когда неудачливые завоеватели возвращались из чужих краев. Рой Бланд только что прилетел из Белграда, где с помощью Тоби Эстерхейзи пытался спасти от краха остатки разваливающейся агентурной сети; Пол Скордено, в то время старший по Германии, только что похоронил своего лучшего советского агента в Восточном Берлине; что касается Билла, то он вернулся из очередной бесплодной поездки, изрыгая проклятия и вскипая от злости из-за заносчивости, идиотизма и двуличности Пентагона, и заявил, что «настало время заключать сделки с этими паршивыми русскими».

А в «Айли» перевалило за полночь; в дверь гостиницы звонил запоздалый гость. Придется ему выложить Норману десять шиллингов, подумал Смайли, для которого британская денежная реформа до сих пор оставалась непостижимой. Со вздохом он пододвинул к себе первую папку по «Черной магии» и, снизойдя до того, что аккуратно послюнявил большой и указательный пальцы на правой руке, приступил к работе, сопоставляя официальную память со своей собственной.

"Мы говорили с вами, – писал Аллелайн, спустя всего пару месяцев после той встречи в слегка истеричном письме достопочтенному кузену Энн, Министру, в письме, которое попало в папку Лейкона. – Доклады по "Черной магии" поступают от источника чрезвычайно засекреченного. По моему мнению, ни один из существующих методов доставки, применяемых в Уайтхолле, не отвечает таким требованиям. Система с дипкурьерскими вализами, которую мы использовали для "Овода«, обнаружила свою несостоятельность, когда заказчики Уайтхолла стали терять ключи; также имел место позорный прецедент, когда перегруженный работой заместитель Министра отдал ключ своему личному помощнику. Я уже говорил с Лилли из морской разведки, который готов предоставить в наше распоряжение специальный читальный зал в главном здании Адмиралтейства, где заказчикам обеспечивается доступ под присмотром старшего вахтера этой службы. Читальный зал из соображений секретности будет именоваться конференц–залом Адриатической рабочей партии, или сокращенно – АРП. Заказчикам, имеющим право пользования, не будут выдаваться пропуска, так как это может привести к разного рода злоупотреблениям. Вместо этого мой вахтер будет обеспечен специальным списком допущенных, с вклеенными в него фотографиями заказчиков».

На это Лейкон, постоянно испытывающий сомнения, сообщил Министерству финансов через своего одиозного начальника – Министра, от чьего имени неизменно представлялись его аргументы, следующее:

"Даже при условии, что это необходимо, читальный зал потребует значительного переоборудования. Поэтому:

1) Санкционируете ли вы расходы?

2) Если да, то официально их должно понести Адмиралтейство. Управление впоследствии негласно их возместит.

3) Э т о т а к ж е в о п р о с д о п о л н и т е л ь н ы х в а х т е р о в , п о с л е д у ю щ и е и з д е р ж к и…"

А еще это вопрос возрастающей славы Аллелайна, прокомментировал Смайли, неторопливо листая страницы. Отовсюду стало видно восхождение новой путеводной звезды: Перси уверенно пробирается в руководство, и дни Хозяина, возможно, уже сочтены.

Из лестничного пролета донеслось довольно приятное пение. Пьяный вдрызг постоялец из Уэльса желал всем спокойной ночи.

«Черная магия», – снова стал вспоминать Смайли документам ведь чужды человеческие чувства, – «Черная магия» была отнюдь не первой попыткой, предпринятой Перси на его новом посту; она не была первой операцией, которой он попытался дать ход; но так как его Устав обязывал его добиваться одобрения Хозяина, предшествующий опыт был обречен на неудачу. Какое-то время, например, он сосредоточился на прокладке туннелей. Американцы проложили туннели с подслушивающей аппаратурой в Берлине и Белграде, французы соорудили нечто подобное против американцев. Очень хорошо! Под знаменем Перси Цирк выйдет на мировой рынок. Хозяин снисходительно наблюдал за этим, была образована межведомственная комиссия (известная как Комиссия Аллелайна), команда специалистов из Материально-технического отдела провела исследование фундамента советского посольства в Афинах, где Аллелайн рассчитывал на безграничную поддержку недавно пришедшего к власти очередного военного режима, который, подобно прежним, был встречен им с восторгом. Потом Хозяин легким щелчком развалил до основания всю постройку Перси и стал ждать, когда тот придет к нему с чем-нибудь новым. Именно это после нескольких перепалок между ними и сделал Перси в то хмурое утро, когда Хозяин властно пригласил Смайли на представление.

Хозяин сидел за своим столом, Аллелайн стоял у окна, а между ними лежала самая обычная с виду закрытая папка ярко-желтого цвета.

– Сядь и взгляни-ка на эту чушь.

Смайли сел в кресло, а Аллелайн остался у окна, опершись своими массивными локтями о подоконник и разглядывая через верхушки крыш колонну Нельсона и шпили Уайтхолла позади нее.

Внутри папки оказалась фотография некоего документа, имеющего претензию быть донесением кого-то из высшего руководства советских военно-морских сил объемом в пятнадцать страниц.

– Кто делал перевод? – спросил Смайли, обратив внимание на достаточно хорошее качество текста, что свидетельствовало о том, что это, скорее всего, работа Роя Бланда.

– Господь Бог, – ответил Хозяин. – Боженька сделал, не правда ли, Перси? Можешь не спрашивать его ни о чем, Джордж, он все равно тебе не скажет.

В те дни Хозяин выглядел исключительно бодрым. Смайли помнил, как он похудел, как порозовели его щеки и как те, кто его мало знал, старались сделать ему комплимент по поводу того, как он хорошо выглядит. Один лишь Смайли, наверное, замечал крошечные бисеринки пота, которые даже тогда, по обыкновению, усеивали его лоб.

Документ представлял собой анализ недавних советских военно-морских учений в Средиземном и Черном морях, якобы подготовленный для высшего военного командования, В досье Лейкона он был обозначен просто как отчет No.

1 под общим заголовком «Флот». Уже несколько месяцев Адмиралтейство донимало Цирк из-за отсутствия материалов, касающихся этих учений. Поэтому рапорт представлялся впечатляюще актуальным, что в глазах Смайли сразу сделало его подозрительным. Бумага была довольно обстоятельной, но составитель оперировал такими понятиями, которые Смайли не понимал даже в общих чертах: ударная мощь средств класса «берег-море», усиление

радиообмена при выполнении противником мероприятий по тревоге, расчеты по обеспечению баланса сил устрашения, в которых использовалась высшая математика… Если документ подлинный, ему нет цены, но не было ни малейших оснований предполагать, что он таковым и является. Каждую неделю через Цирк проходили десятки так называемых советских документов. Большинство из них были откровенным хламом. Некоторые представляли собой заведомые «утки» союзников, имеющих свой интерес; немногим больше мусора приходило из самой России.

Очень редко то или иное донесение оказывалось доброкачественным, но обычно это обнаруживалось уже после того, как было отвергнуто.

– Чьи это здесь инициалы? – спросил Смайли, указывая на некоторые карандашные сноски, сделанные на полях по-русски. – Кто-нибудь знает?

Хозяин кивнул головой в сторону Аллелайна:

– Спрашивай специалиста. Я тут ни при чем.

– Жаров, – сказал Аллелайн. – Адмирал Черноморского флота.

– Но здесь нет даты, – возразил Смайли.

– Это черновик, – услужливо отозвался Аллелайн с более явным, чем обычно, акцентом. – Жаров подписал его в четверг. Окончательный вариант донесения с этими поправками, соответственно датированный, ушел в набор в понедельник.

Дело происходило во вторник.

– Откуда это пришло? – спросил Смайли все так же безучастно.

– Видишь ли, Перси не находит возможным поведать нам, – ответил Хозяин.

– А что говорят наши аналитики?

– Они его не видели, – сказал Аллелайн, – и более того, вряд ли увидят.

В голосе Хозяина сквозило ледяное презрение:

– Мой братец во Христе Лилли из морской разведки, однако, уже успел высказать предварительное суждение, не правда ли, Перси? Перси показал ему это прошлым вечером – за бутылочкой розового джина, и было это, Перси, в Отделе путешествий, да?

– В Адмиралтействе.

– Братец Лилли, будучи каледонцем, то бишь земляком Перси, как правило, скуп на похвалы, однако, позвонив мне полчаса назад, он разве что целоваться не лез. Просто-таки рассыпался в поздравлениях. Он считает документы подлинными и просит нашего разрешения – вернее, разрешения Перси – ознакомить своих приятелей из Адмиралтейства сего выводами.

– Практически невозможно, – сказал Аллелайн. – Это предназначалось только для него; по крайней мере, о чем-то говорить можно будет только через пару недель.

– Эта вещица такая горячая, понимаешь ли, – пояснил Хозяин, – что нужно ее немного остудить перед тем, как дать ей ход.

– И все-таки, откуда это пришло? – повторил Смайли свой вопрос.

– О, Перси придумал ему такую кличку, уж будь спокоен. Никогда не испытывали в этом затруднений, правда, Перси?

– Ну хотя бы каков допуск агента? Фамилия куратора?

– Ты получишь непередаваемое удовольствие, узнав это, – пообещал Хозяин, глядя в сторону. Он был необычайно зол. За всю их совместную работу Смайли ни разу не видел его таким злым. Худые веснушчатые руки старика тряслись, а обычно безжизненные глаза сейчас метали гром и молнии.

– Источник Мерлин, – сказал Аллелайн, предварив свою речь едва заметным, но очень характерным шотландским причмокиванием, – высокопоставленный источник, обладающий

допуском к самым секретным сферам выработки Советским Союзом политических решений. – И добавил, будто он был принцем крови:

– Мы присвоили его информации название «Черная магия».

Смайли отметил, что похожими выражениями Перси пользовался и в совершенно секретном личном письме своему покровителю в Министерстве финансов, ходатайствуя о предоставлении ему большей свободы действий относительно денег, немедленно выплачиваемых своим агентам по выполнении каждого конкретного задания.

– Сейчас он тебе скажет, что выиграл его по лотерее, – предупредил Хозяин, который, несмотря на свою вторую молодость, страдал характерной для стариков грамматической неточностью в использовании устойчивых выражений. – А теперь попробуй заставить его объяснить, почему он не хочет тебе всего рассказывать!

Аллелайн оставался невозмутимым. Более того, он зарделся, но отнюдь не из-за недомогания, а от предчувствия своего триумфа. Перед длинной речью он набрал в широкую грудь побольше воздуха. Перси обращался исключительно к Смайли, бесстрастно, как шотландский сержант полиции мог бы давать показания в суде.

– Подлинное имя источника Мерлин – это тайна, разглашать которую не входит в мою компетенцию. Это плод, полученный путем длительной культивации определенными людьми в нашей службе. Людьми, которые обязаны мне, так же как и я в свою очередь обязан им. Людьми, которые отнюдь не в восторге от количества провалов, уже ставших здесь нормой. Слишком много нас разоблачают. Слишком много проиграно, потеряно, слишком много скандалов. Я говорил об этом уже столько раз, но все как об стенку горох: он плевал на меня с высокой колокольни.

– Он имеет в виду меня, – прокомментировал Хозяин. – Он в его речи – это я, ты улавливаешь, да, Джордж?

– Основополагающие представления о профессионализме и безопасности в этом заведении пошли прахом. Где это видано, хотел бы я знать? Дробление на всех уровнях… Где это видано, Джордж? А сколько подлостей делают за спиной друг у друга в регионах, и все это поощряется наверху.

– Снова выпад в мой адрес, – вставил Хозяин.

– Разделяй и властвуй – таков сейчас принцип нашей работы. Яркие индивидуальности, которым следовало бы совместно бороться с коммунизмом, готовы друг другу глотки перегрызть. Мы теряем наших главных партнеров.

– Он имеет в виду американцев, – пояснил Хозяин.

– Мы теряем средства к существованию. Теряем самоуважение. С нас довольно. – Он забрал рапорт и сунул себе под мышку. – Мы сыты по горло, в конце концов.

– И как все сытые по горло, – сказал Хозяин после того, как Аллелайн с шумом покинул комнату, – он хочет еще больше.

Документы Лейкона снова пришли на смену воспоминаниям Смайли. Атмосфера тех последних месяцев была такова, что для Смайли стало в порядке вещей присутствовать при каком-нибудь начинании, а затем быть начисто лишенным информации о дальнейшем ходе дела. Хозяин презирал любые промахи, так же как и болезнь, а свои собственные ошибки он презирал больше всего. Он знал, что признать промах – значит примириться с ним; знал он и то, что ни одно подразделение не выживет без борьбы. Он презирал «агентов в шелковых рубашечках», белоручек, которые хапали огромные ломти из бюджета в ущерб приносящим реальные плоды агентурным сетям, на создание которых он положил всю свою жизнь. Он любил добиваться успеха, но презирал чудеса, если они отнимали у него остатки всех сил. Он презирал слабость, как презирал сентиментальность и набожность, и презирал Перси Аллелайна, который умудрился совмещать все это в себе. Способом справиться со «всем этим»

для него значило в буквальном смысле закрыть перед ним дверь: укрыться в тусклом одиночестве своих верхних комнат, не принимать посетителей и отвечать лишь на те телефонные звонки, которыми снабжали его «мамочки». Эти же тихие тетушки снабжали его жасминовым чаем и бесчисленным количеством досье, за которыми он посылал и которые возвращал обратно пачками. Смайли привык видеть их сваленными в кучу перед дверью, когда приходил по своим делам, большей частью направленным на поддержание обломков Цирка на плаву. Многие из папок были старыми, появившимися еще до того, как Хозяин возглавил все Управление. Некоторые из них были личными делами и биографиями бывших и нынешних сотрудников Секретной службы.

Хозяин никогда не говорил, что он делает. Если Смайли спрашивал «мамочек» или если Билл Хейдон забредал сюда на правах любимчика и пытался об этом дознаться, они лишь качали головами или безмолвно поднимали брови к небесам. «Безнадежный случаи, – говорили их добрые взгляды. – Мы потакаем слабостям великого человека на закате его карьеры». Но Смайли терпеливо листал папку за папкой, и, отыскивая в одном из уголков своих запутанных воспоминаний письмо Ирины Рикки Тарру, он знал и испытывал довольно отчетливое утешение от этого знания, что он не первый, кто проделывает подобный исследовательский путь, и что призрак Хозяина неотступно сопровождает его во всем, кроме того, что произошло позже, и что сам Хозяин вполне мог бы дойти до конца, если бы операция «Свидетель» не остановила его тогда в одиннадцатом часу вечера.

Снова завтрак и порядком потрепанный валлиец, не соблазнившийся недожаренной сосиской и пережаренными помидорами.

– Вам это снова потребуется? – спросил Лей-кон. – Или вы с ними закончили? Здесь не может быть ничего полезного, там ведь даже нет донесений.

– Сегодня вечером, пожалуйста, если вы не возражаете – Я думаю, вы сами чувствуете, что плохо выглядите.

Джордж не чувствовал, но на Байуотср-стрит, когда он вернулся туда, увидел в красивом позолоченном зеркале Энн, что глаза у него покраснели, а пухлые щеки опали от переутомления. Смайли немного поспал, а затем ушел по своим тайным делам. Когда наступил вечер, Лейкону даже пришлось подождать.

Джордж тут же продолжил свое чтение.

* * *

«Согласно документам» с информацией ВМФ источник замолчал на шесть недель. Другие отделы Министерства обороны успели подхватить воодушевление Адмиралтейства по поводу первого донесения, Министерство иностранных дел отметило, что «эта бумага, бесспорно, проливает дополнительный свет на агрессивный образ мышления Советов», что бы под этим ни подразумевалось;

Аллелайн упорно настаивал на своих требованиях специальной обработки материала, но он был похож на генерала без армии. Лейкон сдержанно упомянул о «несколько затянувшемся продолжении» и предложил своему Министру «попытаться уладить ситуацию с Адмиралтейством». От Хозяина же, судя по досье, не последовало ничего. Возможно, он затаился, моля Бога о том, чтобы не разразилась буря. Во время затишья ответственный по Москве из Министерства финансов недовольно заметил, что Уайтхолл уже сталкивался со множеством подобных дел: обнадеживающее первое донесение, а затем тишина или, что еще хуже, скандал.

Он ошибся. На седьмой неделе Аллелайн объявил о поступлении трех новых донесений «Черной магии», все в один день. По форме это была секретная межведомственная переписка русских, хотя по тематике рапорты сильно отличались друг от друга.

В «Черной магии» No. 2, согласно резюме Лейкона, описывались трения внутри СЭВ и говорилось о пагубном влиянии на его более слабых членов торговых сделок с Западом.

Выражаясь терминами, принятыми в Цирке, это было классическое донесение, относящееся к сфере деятельности Роя Бланда, накрывающее ту самую цель, которую агентурная сеть под названием «Скорпион», базирующаяся в Венгрии, безуспешно атаковала в течение многих лет. " В е л и к о л е п н ы й о б з о р , – написал по этому поводу заказчик из Министерства иностранных дел, – и к т о м у ж е п о д к р е п л е н н ы й х о р о ш и м д о п о л н и т е л ь н ы м м а т е р и а л о м " .

В «Черной магии» No. 3 обсуждались проблемы ревизионизма в Венгрии и проводимые Кадаром повторные чистки в политических и научных кругах. " Л у ч ш и й с п о с о б п о л о ж и т ь к о н е ц б е з о т в е т с т в е н н о й б о л т о в н е , – говорил автор документа, заимствуя выражение, придуманное Хрущевым задолго до этого, – э т о п е р е с т р е л я т ь п о б о л ь ш е и н т е л л и г е н т о в " . И снова это была сфера деятельности Роя Бланда. " П о л е з н о е п р е д о с т е р е ж е н и е , – написал тот самый комментатор из МИДа, – в с е м т е м , к т о п р и в ы к , д у м а т ь , б у д т о С о в е т с к и й С о ю з с т а н о в и т с я с н и с х о д и т е л ь н е е в о т н о ш е н и и с в о и х с а т е л л и т о в " .

Оба эти донесения носили, в сущности, обзорный характер, в то время как «Черная магия» No. 4 насчитывала шестьдесят страниц и была признана заказчиками уникальной. Это была исчерпывающая техническая оценка, данная советским Министерством иностранных дел в отношении преимуществ и недостатков переговоров с утратившим свои позиции американским президентом.

В заключение говорилось, что, бросая кость электорату президента, Советский Союз мог бы добиться полезных уступок в предстоящих переговорах по размещению разделяющихся ядерных боеголовок. Однако серьезно ставилась под сомнение целесообразность попыток заставить Соединенные Штаты чувствовать себя проигравшей стороной, поскольку это могло бы спровоцировать Пентагон либо на превентивный, либо на ядерный удар возмездия. Этот доклад был плоть от плоти сферы деятельности Билла Хейдона. Но, как сам Хейдон писал в трогательной записке Аллелайну – копия ее без ведома Хейдона немедленно была передана Министру и затем вошла в досье Секретариата кабинета, – за двадцать пять лет его исследований, касающихся советской ядерной тематики, он не держал в руках ничего подобного.

«В п р о ч е м , к а к и н а ш и а м е р и к а н с к и е б р а т ь я п о о р у ж и ю , е с л и т о л ь к о я н е о ш и б а ю с ь с а м ы м р о к о в ы м о б р а з о м , – заключил он. – Я з н а ю , ч т о п о к а е щ е р а н о г о в о р и т ь , н о в с е ж е м н е д у м а е т с я , т о т , к т о п р е д о с т а в и т э т о т м а т е р и а л В а ш и н г т о н у , м о ж е т з а п р о с и т ь в з а м е н о ч е н ь м н о г о е . Р а з у м е е т с я , е с л и М е р л и н н е с н и з и т п л а н к у , я о с м е л ю с ь п р е д с к а з а т ь , ч т о м ы м о г л и б ы к у п и т ь л ю б у ю п р о д у к ц и ю , в ы с т а в л е н н у ю а м е р и к а н ц а м и н а п р о д а ж у».

Перси Аллелайн заимел собственную читальню, а Джордж Смайли стал варить себе кофе на бесхозной горелке рядом с умывальником. Поработав какое-то время, горелка погасла, и, выйдя из себя, Смайли позвал Нормана и отправил его разменять пять фунтов.

Глава 17

По мере того как Смайли продвигался в чтении скудных записей Лейкона от первой встречи с их главными действующими лицами до событий сегодняшнего дня, его интерес все более возрастал. В те дни Цирк охватила такая атмосфера подозрительности, что даже в разговорах между Смайли и Хозяином на тему источника Мерлин было наложено табу. Аллелайн приносил доклады с донесениями «Магии» и ждал в приемной, пока «мамочки» относили их Хозяину, который тут же их подписывал, чтобы продемонстрировать, что он их не

читает. Аллелайн забирал папку, просовывал голову в дверь к Смайли, бормотал приветствие и, шумно топая, спускался по лестнице. Бланд держался от Хозяина на почтительном расстоянии, и даже визиты Билла Хейдона, когда-то вносившие оживление и бывшие частью жизни наверху, в те времена, когда Хозяин любил проводить время в разговорах на профессиональные темы со своими старшими офицерами, случались все реже и становились все короче, а затем прекратились вовсе.

– У Хозяина скоро крыша рухнет, – сказал как-то Хейдон с презрением. – К тому же, если я не ошибаюсь, жить ему осталось недолго. Весь вопрос в том, что случится раньше.

Традиционные встречи по вторникам были отменены, и, к недоумению Смайли, Хозяин стал постоянно отправлять его в командировки своим личным представителем: то за границу с каким-то непонятным поручением, то с визитом во внутренние периферийные подразделения – Саррат, Брикстон, Эктон и тому подобное. Джордж все отчетливее ощущал, что Хозяин пытается избавиться от него. Когда они разговаривали, Смайли чувствовал гнетущее нарастание подозрительности между ними, так что даже всерьез задумался, что Билл, пожалуй, прав; Хозяин уже непригоден для своей работы.

Досье Секретариата кабинета министров со всей очевидностью свидетельствовали о том, что в течение следующих трех месяцев операция «Черная магия» устойчиво набирала обороты без всякой помощи со стороны Хозяина. Донесения регулярно приходили два или даже три раза в месяц, и их качество, если верить заказчикам, оставалось превосходным, но имя Хозяина упоминалось редко, его даже не приглашали для комментариев. Время от времени эксперты высказывали мелкие придирки. Чаще всего они жаловались на то, что подтвердить информацию практически невозможно, поскольку Мерлин работает в недосягаемой для них сфере: «Не можем ли мы попросить американцев провести проверку?» Нет, не можем, говорил Министр. Пока не можем, уточнял Аллелайн в конфиденциальной записке, которую больше никто не видел. «Когда придет время, мы сможем добиться большего, чем простой обмен материалами. Мы не заинтересованы в одноразовой сделке. Наша задача – укрепить послужной список Мерлина до такой степени, чтобы он не вызывал сомнений. Когда это произойдет, Хейдон сможет выйти на рынок…»

Сейчас уже никто не задавал лишних вопросов. Среди немногих избранников, допущенных в апартаменты Адриатической рабочей партии, Мерлин слыл безусловным победителем. Его материалы отличались точностью и аккуратностью, что часто задним числом подтверждали и другие источники. Была образована комиссия по «Черной магии» с Министром во главе. Аллелайн стал ее вице-председателем. Мерлин превратился в целую индустрию, но Хозяину в ней не было места. Вот почему он в отчаянии отправил Смайли за подаянием. «Их там трое плюс Аллелайн, – сказал он. – Шантажируй их, Джордж. Соблазняй их, запугивай, отдай все, что они могут сожрать».

О тех встречах документы также хранили молчание, и слава Богу, подумал Смайли, ибо эти воспоминания остались для него самыми горькими. К тому времени он уже знал, что в запасе у Хозяина не осталось больше ничего, что могло бы удовлетворить алчность этих людей.

* * *

Это было в апреле. Смайли как раз вернулся из Португалии, где он пытался замять очередной скандал, и застал Хозяина на осадном положении.

Папки в беспорядке были разбросаны по полу, в окна врезаны новые замки.

Единственный телефон Хозяина был покрыт чехлом для чайника, с потолка свисало устройство против электронного прослушивания – штука, похожая на электрический вентилятор, которая постоянно издавала звуки разной высоты. За те три недели, пока Смайли отсутствовал, Хозяин окончательно превратился в старика.

– Передай им, что за путь наверх они платят фальшивыми деньгами, – приказал он, едва оторвавшись от своих папок. – Так и передай этим гадам.

Мне бы только времени хватило…

«Их там трое плюс Аллелайн», – повторял теперь Смайли про себя, сидя за карточным столиком майора и изучая список получивших допуск к «Черной магии», переданный Лейконом. На сегодняшний день разрешение на посещение читального зала Адриатической рабочей партии получили шестьдесят восемь человек. Каждый, подобно членам коммунистической партии, имел свой номер в соответствии с датой получения допуска. Список перепечатали после смерти Хозяина; Смайли в него включен не был. Но возглавляли его все те же четверо отцов-основателей: Аллелайн, Бланд, Эстерхейзи и Хейдон. Трое плюс Аллелайн, как сказал Хозяин.

Внезапно в мозгу Смайли, готовом без предубеждения делать любые выводы из прочитанного, устанавливать любые косвенные связи, возникло достаточно неожиданное видение: они вместе с Энн гуляют между утесами Корнуолла. Это было сразу после смерти Хозяина: худшее время из того, что Смайли помнил за всю их долгую запутанную совместную жизнь. Они шли по высокому берегу где-то между Ламорной и Порткерно; они приехали туда в мертвый сезон якобы для того, чтобы страдающая от кашля Энн подышала морским воздухом. Они держались береговой тропинки, каждый был погружен в свои мысли: она, как он предполагал, думала о Хейдоне, он – о Хозяине, Джиме Придо и «Свидетеле» и еще о том бардаке, который остался после того, как он ушел на пенсию. Между супругами давно не было гармонии. Они утратили спокойную рассудительность в отношениях и теперь совершенно не понимали друг друга, а разговор на самую банальную тему мог внезапно получить странное и непредсказуемое продолжение.

В Лондоне Энн жила разгульной жизнью, слывя безотказной женщиной. Джордж знал только, что она пытается предать забвению что-то, что очень сильно ее ранит или беспокоит, но он не видел способа достучаться до нее.

– Если бы вместо Хозяина умерла я, – внезапно спросила она, – скажи, что бы ты почувствовал по отношению к Биллу?

Смайли все еще обдумывал свой ответ, когда она снова заговорила:

– Я иногда думаю, что мешаю тебе откровенно высказать о нем свое мнение. Это правда? Что я каким-то образом не даю вам разбежаться в разные стороны. Может такое быть?

– Может. – Он помолчал и добавил:

– Да, мне кажется, я в определенном смысле завишу от Билла.

– Скажи, Билл по-прежнему важен для Цирка?

– Пожалуй, больше, чем когда-либо.

– И он по-прежнему ездит в Вашингтон, прокручивает разные делишки с ними, переворачивает их вверх тормашками?

– Я думаю, да. Так говорят.

– А он так же важен, как ты когда-то?

– Я полагаю, да.

– Я полагаю, – повторила она. – Я думаю. Говорят. Так он л у ч ш е или нет? Лучший исполнитель, чем ты, более расчетливый? Скажи мне. Пожалуйста, скажи мне. Ты должен сказать.

Она была непривычно взволнованна. Ее глаза, слезящиеся от ветра, горели отчаянием, уставившись на него, она вцепилась всеми пальцами в его руку и, как ребенок, пыталась вытянуть из него ответ.

– Ты всегда говорила мне, что мужчины не поддаются сравнению, – с трудом подбирая слова, ответил он. – Ты всегда говорила, что отказываешься мыслить подобными категориями.

– Скажи мне!

– Ну, ладно: он не лучше.

– Так же хорош?

– Нет.

– А селя бы меня здесь не было, что бы ты о нем думал? Если бы Билл не был мне кузеном, вообще никем мне не был? Скажи мне! Ты бы думал о нем больше или меньше?

– Я полагаю, меньше.

– Так и думай меньше. Я вычеркиваю его из нашей семьи, из нашей жизни, из всего остального. Здесь и сейчас. Я бросаю его в море. Вот туда.

Понимаешь?

Он понимал только одно: возвращайся в Цирк и закончи свое дело. Это был один из многих способов, которыми она пользовалась, чтобы сказать одно и то же.

Все еще встревоженный этим вторжением в свои воспоминания, Смайли встал и направился к окну. У него вошло в привычку высматривать что-то на улице, когда душа его была в смятении. Стайка из шести чаек устроилась на парапете.

Он, должно быть, услышал их крики и поэтому вспомнил ту прогулку в Ламорну.

«Когда я что-то не могу сказать, я начинаю кашлять», – как-то раз призналась ему Энн. «Почему же она не могла этого сказать? – угрюмо вопрошал он у дымовых труб на противоположной стороне улицы. – Конни могла это сказать, Мартиндейл мог, так почему не могла Энн?»

«Трое плюс Аллелайн», – пробормотал Смайли довольно громко. Чайки улетели все сразу, как если бы они заприметили место получше. «Передай им, что они заплатят за путь наверх фальшивыми деньгами». Ну а если все банки охотно принимают эти деньги? Если эксперты признают их подлинными и Билл Хейдон превозносит все это до небес? И папки из Секретариата кабинета полны восторгов по поводу смелых новичков из кембриджского отделения Цирка, которые наконец сумели прервать полосу неудач?

Первым он выбрал Эстерхейзи, потому что Тоби был обязан ему своей карьерой: Смайли завербовал его в Вене, голодного студента, живущего в развалинах музея, хранителем которого был когда-то его покойный дядя. Смайли поехал в Эктон и направился прямиком к нему в «прачечную», в его кабинет за столом орехового дерева, уставленным целым рядом телефонов цвета слоновой кости. На стене – гравюра с коленопреклоненными волхвами, предположительно работы итальянского мастера семнадцатого века. Через окно – вид на закрытый двор, запруженный машинами, фургонами и мотоциклами, с казармами для отдыха, где бригады «фонарщиков» коротали время между сменами. Сперва Смайли спросил Тоби о семье: у него был сын, который недавно поступил в Вестминстерскую школу, и дочь – первокурсница медучилища. Затем он поинтересовался насчет тех «фонарщиков», листы учета которых не заполнялись последние два месяца, и когда Тоби начал вилять, он спросил его прямо в лоб: выполняли ли они недавно какие-нибудь особые задания – дома или за границей, – о которых из соображений секретности Тоби не мог упоминать в своих отчетах?

– Для кого бы это я мог делать, Джордж? – спросил Тоби с застывшим взглядом. – Знаешь ли, на мой взгляд, это абсолютно противозаконно. – И это выражение – на взгляд Тоби – почему-то прозвучало в его устах нелепо.

– Ну, к примеру, я могу допустить, что ты делал это для Перси Аллелайна, – предложил Смайли, подкидывая ему подходящую отговорку:

– В конце концов, если бы Перси приказал тебе что-то сделать и не включать это в отчет, ты бы оказался в очень трудном положении.

– Тем не менее, Джордж, какого рода «что-то», хотел бы я знать?

– Разгрузить чей-то тайник за границей, организовать явочную квартиру, приставить за кем-нибудь хвост, нашпиговать аппаратурой посольство, В конце концов, Перси – руководитель Оперативного отдела. Ты мог подумать, что он действует по инструкции пятого этажа. Я вполне допускаю, что так могло быть.

Тоби пристально посмотрел на Смайли. Он держал сигарету, но не курил, если не считать момента, когда он ее зажигал. Она была ручной закрутки, и достал он ее из серебряного портсигара, но она так и не попала к нему в рот после того, как он прикурил. Она описывала круги вокруг его губ, приближаясь к ним и снова удаляясь, иногда казалось, что она вот-вот туда нырнет, но этого так и не произошло. А тем временем Тоби произносил речь: это было изложение его точки зрения, сложившейся у него относительно его места на нынешнем этапе жизни. Он любит свою работу, сказал Тоби. Он не хотел бы ее потерять. Он даже испытывает к ней какое-то нежное чувство. У него есть другие интересы в жизни, и они в какие-то моменты всецело занимают его, но работу он все же ставит на первое место. Его тревожило то, по его словам, как обстояли дела с продвижением по службе. Не то чтобы им двигали какие-то корыстные мотивы, нет.. Он, скорее, назвал бы эти мотивы социальными.

– Знаешь, Джордж, у меня такие большие годы выслуги, что я чувствую некоторое смущение, когда эти молодые ребята заставляют меня выполнять их приказы. Ты понимаешь, что я имею в виду? Взять хотя бы Эктон: одно название «Эктон» для них звучит оскорбительно.

– Ох, – мягко произнес Смайли. – А что это за молодые ребята?

Но Эстерхейзи окончательно потерял всякий интерес к разговору. Его речь закончилась, лицо снова приняло знакомое отсутствующее выражение, взгляд манекена застыл где-то в воздухе перед лицом Смайли.

– Ты имеешь в виду Роя Бланда? – спросил Смайли. – Или Перси? Перси, что ли, молодой? Кто, Тоби?

– Хорошего мало, – снова стал жаловаться Тоби. – Джордж, когда ты работаешь не покладая рук, а тебя забывают вовремя продвинуть, каждый, кто стоит выше тебя на служебной лестнице, кажется молодым.

– Возможно, Хозяин мог бы тебя продвинуть на несколько ступенек, – предположил Смайли, которому все меньше нравилась роль, которую он сейчас играл.

От ответа Эстерхейзи повеяло холодом:

– Знаешь, Джордж, на самом деле я не слишком уверен, что он на что-то способен сегодня. Послушай, я передам кое-что Энн. – Он открыл яшик стола. – Когда я услышал, что ты идешь, я звонил кое-каким своим приятелям; что-нибудь красивое, говорю я, что-нибудь для безупречной женщины, – ты знаешь, что я никогда не забываю ее с тех пор, как мы однажды познакомились на вечеринке у Билла Хейдона?

И вот Смайли унес с собой утешительный приз – дорогие духи, провезенные контрабандой, как он предположил, одним из «фонарщиков» Тоби по пути домой, – и пошел побираться к Бланду, подумав при этом, что на один шаг приблизился к Хейдону.

* * *

Вернувшись к столику, Смайли снова просмотрел бумаги Лейкона, пока не нашел тоненькую папку, обозначенную «Операция „Черная магия“. Прямые субсидии», в которой были отмечены первые расходы, вызванные сотрудничеством с источником Мерлин. «Из соображений безопасности предлагается, – писал Аллелайн в очередной личной докладной Министру, на которой стояла дата почти двухгодичной давности, – выделить финансирование „Черной магии“ в абсолютно отдельную статью дотаций, предусмотренных для Цирка. Пока не будет найдено подходящее прикрытие, я прошу Вашего разрешения на прямые с у б с и д и и и з ф о н д о в М и н и с т е р с т в а ф и н а н с о в помимо обычного финансирования,

предусмотренного секретной резолюцией, которые, в свою очередь, д о л ж н ы , з а н я т ь н а д л е ж а щ е е и м м е с т о в с т а т ь е р а с х о д о в п о Ц и р к у , Впоследствии я лично отчитаюсь перед Вами».

«Одобряю, – написал Министр спустя неделю, – при непременном условии…»

Условий никаких не было. Беглого взгляда на первый ряд цифр для Смайли было достаточно, чтобы узнать все, что ему требовалось. Уже к маю того года, когда состоялась встреча в Эктоне, Тоби Эстерхейзи лично совершил не менее восьми поездок за счет средств, выделенных для операции «Черная магия»: две в Париж, две в Гаагу, одну в Хельсинки и три в Берлин. Во всех случаях цель командировки была скупо сформулирована как «сбор продукции». Между маем и ноябрем, когда Хозяин уже сошел со сцены, Тоби совершил еще девятнадцать поездок. Одна из них привела его в Софию, другая – в Стамбул. Ни одна не требовала его отсутствия больше чем на три полных дня. Большинство из них приходились на выходные. В некоторых таких командировках его сопровождал Бланд.

Говоря попросту, Тоби Эстерхейзи врал как сивый мерин, причем у Смайли не возникало ни малейших сомнений. Было приятно найти документальное свидетельство, подтверждающее это впечатление.

Чувства, которые испытывал в то время Смайли по отношению к Рою Бланду, были расплывчаты. Вспоминая о них сейчас, он понял, что таковыми они остались и по сей день. Преподаватель группы взял его на заметку, а Смайли завербовал его; эта комбинация странным образом была похожа на ту, после которой в свое время в сети Цирка попал сам Джордж. Но в этот раз уже не было германского монстра, чтобы раздуть пламя патриотизма, а кроме того, Смайли всегда бывал немного смущен, заслышав чьи-то клятвенные заверения в антикоммунизме. Как и Смайли, Бланд не знал настоящего детства. Его отец был докером, страстным трейд-юнионистом и членом партии. Его мать умерла, когда Рой был еще ребенком. Отец ненавидел образование, равно как ненавидел и власть, и когда Рой поумнел, отцу взбрело в голову, что правящий класс отнял у него сына, и он стал изводить его бесконечными побоями. Бланд сумел пробиться в среднюю школу, а в каникулы работал, по выражению Тоби, не покладая рук, чтобы скопить лишний пенс. Когда Смайли первый раз встретил его в своем кабинете в Оксфорде, тот выглядел настолько изможденным, будто только что вернулся из трудного путешествия.

Джордж взял над ним шефство и на протяжении нескольких месяцев постепенно подготавливал его к предложению, которое Бланд принял, как догадался Смайли, в основном из чувства вражды к своему отцу. После этого он выпал из поля зрения Смайли. Перебиваясь случайными денежными выплатами, Бланд корпел над книгами в Мемориальной библиотеке Маркса и пописывал левацкие статьи для заштатных журналов, которые давно бы прекратили свое существование, если бы их не субсидировал Цирк. По вечерам он дискутировал до хрипоты на митингах в прокуренных пивных и школьных залах. Во время каникул он ездил в «ясли», где один фанатик по имени Тэтч вел индивидуальные курсы «школы обаяния» для готовящихся к внедрению за границей агентов. Тэтч обучил Бланда ремеслу и осторожно подвел его прогрессивные взгляды ближе к характерным для марксистского лагеря, к которому принадлежал отец Роя. Три года спустя после того, как его завербовали, отчасти благодаря своему пролетарскому происхождению и влиянию своего отца на Кинг-стрит, Бланд заслужил назначение на год в качестве помощника лектора по экономике в Познанском университете. Так его запустили в дело.

После Польши он подал заявление на занятие вакантной должности в Будапештской Академии наук, которое было удовлетворено, и следующие восемь лет жил кочевой жизнью неприметного интеллектуала левого толка, собирая информацию, часто представлявшую интерес, но всегда требовавшую подтверждения. Он побывал в Праге, вернулся в Польшу, затем отбыл два адских семестра в Софии и шесть в Киеве, где за последние два месяца у него случилось два нервных срыва. «Ясли» еще раз взяли его на попечение, на этот раз допросив

по полной программе. После окончания этой процедуры он был реабилитирован. Его сети передали другому куратору, а самого отправили в Цирк для руководства (по большей части из своего кабинета) агентами, которых он завербовал на территории противника. С недавних пор, как показалось Смайли, Бланд довольно близко сошелся с Хейдоном. Если Смайли случалось зайти к Рою поболтать, там непременно, развалясь в кресле, сидел Билл в окружении бумаг, таблиц и сигаретного дыма; если же он заглядывал к Биллу, неудивительно было найти там и Бланда, в промокшей от пота рубашке, грузно расхаживающего по ковру. Билл занимался Россией, Бланд – Восточной Европой, но буквально с первых дней «Черной магии» это различие практически исчезло.

Они встретились в открытой пивной в Сент-Джонс-Вуд в один из пасмурных дней все того же мая, в половине шестого, когда в саду было пусто, Рой привел с собой ребенка, мальчишку лет пяти, маленького Бланда, светловолосого, толстого и розовощекого. Он не объяснил, зачем взял его с собой, но, пока они говорили, Рой иногда замолкал и оборачивался, чтобы посмотреть, как тот сидит на скамейке немного поодаль и ест орехи. Нервные срывы ли были тому виной, но в поведении Бланда по-прежнему явно чувствовалось влияние философии Тэтча, созданной им для агентов, запускаемых в лагерь противника: вера в себя, умение выслушать и предложить позитивную мысль, обаяние человека, умеющего повести за собой, и все те тяжеловесные фразы, которые во время расцвета культуры времен «холодной войны» превратили «ясли» в некое подобие центра морального перевоспитания.

– Ну, в чем же дело? – приветливо спросил Бланд.

– В общем-то, дела как такового нет, Рой. Просто Хозяин чувствует, что сейчас создалась нездоровая ситуация. Он не хотел бы видеть тебя замешанным в этой интриге. Впрочем, как и я.

– Здорово. Ну, и в чем же дело?

– Что ты хочешь?

На столе, мокрый после недавнего ливня, стоял столовый набор с оставшимися после обеда деревянными зубочистками в бумажной упаковке. Взяв одну, Бланд выплюнул бумагу на траву и принялся орудовать толстым концом в коренных зубах.

– Ну, ладно, как насчет пяти тысяч откупных из специального фонда?

– И домика с машиной? – сказал Смайли, превращая все в шутку.

– И ребенка в Итоне, – добавил Бланд и, про-должая возить зубочисткой, подмигнул мальчишке, сидящему с другой стороны бетонной дорожки. – Видишь ли, я уже заплатил, Джордж, ты знаешь это. Я не знаю, что я купил, но уплатил я чертову уйму. Я хочу кое-что взамен. Десять лет отшельничества за пятый этаж – это большие деньги в любом возрасте. Даже в твоем. Должна быть какая-то причина, почему я попался на эту удочку, но я толком не могу припомнить. Наверное, притягательная сила твоего обаяния.

Стакан Смайли все еще оставался наполненным, поэтому Бланд принес себе другой, а также кое-что для ребенка.

– Подлец ты образованный, – в шутку провозгласил он, снова садясь. – Вот скажи-ка, кто это придумал: «Художник – это такой тип, который может придерживаться двух абсолютно противоположных взглядов и, несмотря на это, оставаться работоспособным»?

– Скотт Фитцджеральд, – ответил Смайли, подумав на мгновение, что Бланд вызывает его на разговор о Билле Хейдоне.

– Да, Фитцджеральд понимал кое-что, – подтвердил Бланд. Когда он пил, его слегка выпученные глаза скашивались вбок, по направлению к забору, будто он искал кого-то. – И я определенно работоспособен, Джордж. Как хороший социалист, я падок на деньги. Как хороший капиталист, я не вне революции, потому что если ты не можешь победить ее, то хотя бы шпионь за ней. Не смотри на меня так, Джордж. В этом вся суть сегодняшнего положения:

не даешь мне жить безмятежно, я буду кататься на твоем «ягуаре», разве не так? – Говоря это, он поднял руку. – Як вам присоединюсь через минуту! – крикнул он через всю лужайку. – Оставьте одну для меня!

По ту сторону проволочного забора околачивались две девчонки.

– Это билловские шуточки? – неожиданно зло спросил Смайли.

– Что – это?

– Это одна из билловских шуточек про материалистов в Англии, про общество всеобщего благосостояния?

– Может быть, – сказал Бланд и осушил свойстакан. – А тебе что, не нравится?

– Да не то чтобы не нравилось… Просто я никогда раньше не думал, что Билл может быть радикальным реформатором. Что это на него вдруг нашло?

– А здесь нет ничего радикального, – отрезал Бланд, обижаясь на любые нападки как на его социализм, так и на Хейдона. – Об этом кричат уже на каждом углу. Сейчас в этом вся Англия, дорогой ты мой. Никто этого не хочет, не так ли?

– Так ты, значит, предлагаешь, – не унимался Смайли, услышав в своем голосе отвратительные высокопарные нотки, – уничтожить инстинкты стяжательства и конкуренции, присущие западному обществу, и при этом оставить прежними…

Допив до конца, Бланд дал понять, что встреча окончена:

– Почему тебя это так волнует? Ты заполучил работу Билла. Что тебе еще нужно? Продолжай в том же духе.

А Билл заполучил мою жену, подумал Смайли, пока Бланд вставал, чтобы уйти; и он, черт бы его побрал, рассказывал тебе об этом.

Мальчишка придумал себе игру. Он перевернул столик набок и пускал пустую бутылку, чтобы она скатывалась прямо на гравий. С каждым новым разом он пускал ее все с большей высоты. Смайли не стал дожидаться, пока он в конце концов ее разобьет, и ушел.

В отличие от Эстерхейзи, Бланд даже не стал утруждать себя ложью. Досье Лейкона не оставляло никаких сомнений в его причастности к операции «Черная магия».

«Операция с источником Мерлин, – написал Аллелайн в записке, датированной вскоре после смерти Хозяина, – это во всех отношениях успех целой группы… Я, право, не могу сказать, кто из моих трех ассистентов заслужил большей похвалы. Энергия Бланда вдохновляла всех… – Он отвечал на предложение Министра поощрить тех, кто отвечает за „Черную магию‟, в новогоднем наградном списке. – В то же время Хейдон своей оперативной находчивостью временами почти не уступает самому Мерлину», – добавлял он.

Медали получили все трое; Аллелайн добился утверждения его в должности Шефа и вместе с этим – вожделенного дворянского титула.

Глава 18

«Остается Билл», – подумал Смайли. В течение ночи в Лондоне почти всегда наступает передышка от городского шума. Девять, двадцать минут, тридцать, даже час – и никаких пьяных выкриков, или детского плача, или визга автомобильных шин при дорожном столкновении. В Сассекс-Гарденс это обычно бывает около трех. В эту ночь это произошло в час, когда Смайли снова стоял у окна спальни, как узник, вглядываясь в песчаную площадку миссис Поуп Грэм, где недавно припарковался фургон из Бедфорда. Его крыша была размалевана лозунгами: «СИДНЕЙ ЗА ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ». «В АФИНЫ БЕЗ ОСТАНОВКИ», «МЭРИ ЛУ, А ВОТ И МЫ.» Изнутри струился свет, и он представил себе, что там спят дети и ничто не омрачает их блаженства. «Ребята!» – чуть не крикнул он им. Окна были занавешены.

Остается Билл, подумал он, продолжая безотрывно смотреть на задернутые занавески фургона и его вычурные воззвания любителей кругосветных путешествий; остается Билл и

наша маленькая дружеская болтовня на Байуотер-стрит, только мы вдвоем, старые друзья, старые товарищи по оружию, «у которых все общее», как изящно выразился Мартиндейл, но Энн они в тот вечер куда-то отправили и сидели одни. Остается Билл, повторил он и почувствовал прилив крови, и цвета стали ярче, и его спокойствие начало куда-то опасно ускользать.

Что же это за человек? Смайли никак не мог собрать свои представления о нем воедино. Каждый раз, когда он думал о нем, Хейдон рисовался ему слишком обще и по-разному. До его связи с Энн Смайли думал, что он знает Билла довольно хорошо – как его способности, так и их границы. Он принадлежал к тому довоенному поколению, которое, кажется, исчезло навсегда и которое умудрилось заслужить дурную славу и в то же время слыть благородным. Его отец был высокопоставленным судьей, две его прелестные сестры вышли замуж за аристократов. Во время учебы в Оксфорде он больше поддерживал немодных тогда правых, чем популярных левых, но до серьезных стычек дело не доходило. Лет с восемнадцати он обнаружил острую тягу к путешествиям и живописи: он писал в довольно смелой, хотя и чрезмерно претенциозной манере, и несколько его картин до сих пор висели в дурацком аляповатом особняке Майлза Серкомба на Карлтон-Гарденс. У него имелись связи в каждом посольстве и консульстве по всему Ближнему Востоку, и он безжалостно эксплуатировал их Он на лету схватывал новые языки, и, когда наступил тридцать девятый год, Цирк прибрал его к рукам: его, оказывается, держали в поле зрения уже несколько лет. Во время войны он сделал головокружительную карьеру. Он был вездесущ и очарователен, он был непредсказуем и временами вел себя вызывающе. Пожалуй, его можно было назвать героем. Сравнение с Лоуренсом напрашивалось само собой.

Правда и то, готов был признать Смайли, что Билл в свое время соприкасался с важнейшими поворотами истории; он лично выдвигал несметное количество самых грандиозных проектов по возвращению Англии ее былого величия и влияния, и, подобно Руперту Бруку, он редко употреблял слово «Великобритания». Но Смайли, даже в те редкие минуты, когда он был объективным, с трудом мог вспомнить, какие из этих проектов не заглохли в самом начале.

С другой стороны, в натуре Хейдона было и нечто противоположное, что Смайли, как его коллега, не мог не уважать: его неприметный с виду талант прирожденного руководителя агентуры, его редкое чувство душевного равновесия в играх с двойными агентами, его способность к разработке обманных операций, его искусство завоевывать расположение, даже любовь, даже если это могло вступать в противоречие с другими родственными чувствами.

Как, к примеру, в случае с его, Смайли, женой.

Пожалуй, Билл действительно неординарная личность, подумал он с безысходностью, пытаясь призвать на помощь здравый смысл. Когда Смайли представлял его сейчас рядом с Бландом, Эстерхейзи, даже Аллелайном, ему казалось бесспорным, что все они в той или иной степени жалкие подделки одного и того же оригинала – Хейдона. Что все их устремления – всего лишь ступени на пути к одному и тому же недостижимому идеалу совершенного человека, даже если сама по себе эта идея понимается ими не правильно, искаженно, даже если Билл абсолютно недостоин этого. Бланд со своим туповатым нахальством, Эстерхейзи со своим высокомерным показным патриотизмом, Аллелайн со своими жалкими позывами к лидерству – без Билла они едва ли чего-нибудь стоят. Смайли знал также или ему казалось, что он знал – эта мысль пришла к нему сейчас в виде легкого озарения, – что Билл, со своей стороны, тоже мало что собой представляет: пока его обожатели – Бланд, Придо, Аллелайн, Эстерхейзи и все остальные из этой своеобразной группы поддержки – видят в нем совершенство, весь фокус Билла состоит в том, чтобы, используя их, создать образец безупречности в своем лице; взять ото всех понемногу, от каждой пассивной индивидуальности, умело скрывая этим тот факт, что сам по себе он меньше, значительно

меньше, чем сумма его кажущихся качеств… и, наконец, пряча эту зависимость под маской высокомерия художника, утверждающего, что эти творения есть продукт собственного ума…

– Ну, ладно, хватит, – вслух произнес Смайли.

Внезапно отключившись от этих мыслей, раздраженно отбросив их как еще один домысел относительно Билла, он остудил свой перегревшийся рассудок воспоминаниями об их последней встрече.

– Ты, наверное, будешь доставать меня расспросами об этом треклятом Мерлине, – начал Билл. Он выглядел уставшим и взвинченным; это было как раз тогда, когда он постоянно мотался в Вашингтон.

В старые добрые времена он обычно приводил с собой какую-нибудь случайную девицу и отсылал ее наверх, к Энн, пока они разговаривали о своих делах. Наверное, для того, чтобы Энн расписывала ей, какой он гениальный, злобно подумал Смайли. Женщины были все одного типа: вдвое моложе Билла, из какой-то задрипанной художественной школы, в облегающей одежде, с грубоватыми манерами; Энн все повторяла, что у него, видно, есть поставщик товара подобного рода. А однажды Хейдон здорово шокировал их, приведя какого-то мерзкого молокососа по имени Стегги, помощника бармена из пивной в Челси, в открытой рубахе и с золотой цепью вокруг талии.

– Так ведь говорят, что ты пишешь донесения, – пояснил Смайли.

– А я думал, это работа Бланда, – произнес Билл со своей лисьей ухмылкой.

– Рой занимается переводами, – сказал Смайли. – А ты составляешь сопроводительные донесения; они ведь отпечатаны на твоей машинке. Ни у одной машинистки нет допуска к этому материалу.

Билл внимательно слушал, приподняв брови, будто готовый в любой момент прервать разговор возражением или перевести его в более удобное для себя русло; затем поднялся из глубокого кресла и лениво подошел к книжному шкафу, оказавшись ростом на целую полку выше, чем Смайли. Длинными пальцами выудив оттуда томик, он заглянул внутрь, продолжая ухмыляться.

– Давай рассуждать логически, – предложил он, перелистывая страницы. – Перси Аллелайн не пишет донесений, так?

– Ну, допустим.

– Следовательно, Мерлин тоже этого не делает. Мерлин делал бы это, если бы он был моим источником, не правда ли? Что бы произошло, если бы паршивец Билл приплелся к Хозяину и объявил, что он подцепил крупную рыбку и хочет поиграть с ней один? «Это очень здорово с твоей стороны, Билл, – сказал бы Хозяин. – Делай все, что сочтешь нужным, парень, да-да, все, что сочтешь нужным. Хочешь выпить этого мерзкого чаю?» Он бы мне сейчас уже медаль вручил, вместо того чтобы посылать тебя вынюхивать во всех углах. Мы же всегда были такой классной командой. Почему мы сегодня опустились до такой пошлости?

– Он считает, что Перси просто делает себе карьеру, – сказал Смайли.

– Так оно и есть. И я делаю. Я хочу наконец стать начальником. А ты что, не знал? Я долго пытался стать чем-то стоящим, Джордж. Наполовину художник, наполовину шпион; я долго был всем понемногу. С каких пор честолюбие стали считать грехом в этом скотском заведении?

– Кто его курирует, Билл?

– Перси? Карла, конечно, кто же еще. Нельзя быть третьесортным разведчиком и иметь высококлассные источники, не будучи при этом прохвостом.

Перси продался Карле с потрохами – вот единственное объяснение. – Он уже давно довел до совершенства свое умение делать вид, что он не понимает, о чем идет речь. – Перси – наш домашний «крот», – сказал он.

– Я имел в виду, кто курирует Мерлина? Кто он такой, в конце концов, этот Мерлин? Что вообще происходит?

Оставив в покое книжный шкаф, Хейдон принялся изучать картины в доме Смайли.

– Это Калло, не так ли? – Он снял со стены маленький рисунок в позолоченной рамке и поднес его ближе к свету. – Красиво. – Он наклонил очки, чтобы получше разглядеть. Смайли был уверен, что тот видел картину до этого уже раз десять. – Очень красиво. Никто не задумывается над тем, что я тоже могу когда-нибудь расквасить себе нос? Ты знаешь, я вроде как отвечаю за русский сектор. Я отдал этому лучшие свои годы, создал агентурную сеть, обучил вербовщиков, обеспечил современные средства работы. Вы, ребята, на своем шестом этаже забыли уже, что это такое – руководить операцией, где у тебя уходит три дня на то, чтобы отправить письмо, и ты даже не получаешь никакого отклика за все свои старания.

Да, я забыл, мысленно согласился Смайли. Да, я сочувствую. Нет, об Энн я даже не думал. В конце концов, мы коллеги, люди одной и той же сферы, и встретились мы здесь, чтобы поговорить о Мерлине и о Хозяине.

– И вот появляется этот выскочка Перси, чертов каледонский уличный торговец, без единого намека на профессионализм, и приносит целый вагон гостинцев из России. Досадно до жути, ты не находишь?

– Да, очень.

– Беда в том, видишь ли, что мои сети оказались не так уж хороши.

Намного легче шпионить за Перси, чем… – Он запнулся, устав от собственной тирады. Его внимание привлек миниатюрный портрет работы Ван Миериса, выполненный пастелью. – И вот это мне тоже очень нравится, – сказал он.

Это мне Энн подарила.

– В качестве компенсации?

– Наверное.

– Для этого надо было здорово согрешить. Давно он у тебя?

Даже теперь Смайли все еще помнил, что отметил тогда про себя, как тихо было на улице Это было во вторник? Или в среду? И еще он помнил, как подумал: "Нет, Билл, за тебя я еще не получал никаких утешительных призов.

На сегодняшний день ты не заслужил даже пары домашних тапочек". Подумал, но не сказал.

– Хозяин еще не умер? – спросил Хейдон.

– Нет, он просто занят.

– Что он делает целыми днями? Он похож на какого-то отшельника с триппером, который только и делает, что чешется в своей пещере. Все эти паршивые папки, что он читает, ради Бога, скажи мне, что ему нужно?

Сентиментальное путешествие в свое неприглядное прошлое, готов поспорить. Он выглядит как старая драная кошка. В этом, наверное, тоже Мерлин виноват, да?

И снова Смайли ничего не сказал.

– Почему он не ест за общим столом? Почему он не присоединяется к нам, вместо того чтобы рыться в земле в поисках трюфелей. Какого черта он ищет?

– Я не знал, что он что-то ищет, – ответил Смайли.

– Да перестань ты прикидываться. Конечно ищет. У меня там есть свой осведомитель, одна из «мамочек». Ты не знал? Она пробалтывается мне иногда, а я угощаю ее шоколадками. Хозяин перелопачивает личные дела старых легендарных героев Цирка, копается в грязном белье, вынюхивая, кто был «розовым» либералом, кто педиком. Половина из них уже давно в могиле.

Изучает все наши проколы, можешь себе представить? И все для чего? Потому что мы стали делать успехи. Он сумасшедший, Джордж. У него не все дома: старческая паранойя, поверь мне на слово. Энн никогда не рассказывала тебе о злом дядюшке Фрае? Он подозревал, будто слуги подслушивают из-за каждого куста, чтобы узнать, где он спрятал деньги. Бросай его, Джордж. Наблюдать агонию смертельно скучно. Порви с ним, спустись на пару этажей.

Присоединяйся к работягам.

Энн все не возвращалась, и они лениво побрели рядом вдоль по Кингс-роуд, высматривая такси, Билл тем временем излагал свои теперешние политические взгляды, и Смайли говорил: «Да, Билл», «Нет, Билл» – и ломал голову над тем, как это все преподнести Хозяину. Сейчас он уже не помнил всех тонкостей взглядов Билла. За год до этого Хейдон был заядлым «ястребом». Он ратовал за сокращение обычных вооружений в Европе, но лишь с тем, чтобы заменить их ядерными. Он оставался едва ли не единственным человеком в Уайтхолле, убежденным в том, что Британия самостоятельно может служить сдерживающим фактором в Европе. Через год, если Смайли правильно помнил, Билл стал ярым английским пацифистом и выступал за «шведское» решение вопроса, но без участия шведов.

Такси все не было, стоял замечательный вечер, и они продолжали не спеша брести рядом, как старые друзья.

– Кстати, если ты когда-нибудь захочешь продать своего Миериса, дай мне знать, ладно? Я дам тебе за него чертовски приличную цену.

Подумав, что Билл в очередной раз неудачно пошутил, Смайли огрызнулся, в конце концов разозлившись всерьез. Но Хейдон и виду не подал, что придал этому какое-то значение. Он всматривался вперед, подняв руку навстречу приближающемуся такси.

– Ах ты, Господи, ты только посмотри на них! – вскрикнул он раздраженно. – Полная машина паршивых евреев. Небось в ресторан «Куогс» спешат.

– Билл когда-нибудь здорово хлопнется задницей об пол, – пробурчал Хозяин на следующий день. – Нельзя столько лет безнаказанно пытаться усидеть на двух стульях. – На мгновение его взгляд прошил Смайли, будто Хозяин вглядывался в какую-то туманную перспективу позади него. Затем он отвел глаза и сделал вид, будто продолжает читать. – Слава Богу, он не мой кузен, – сказал Хозяин.

В следующий понедельник «мамочки» преподнесли Смайли неожиданную новость. Хозяин улетел в Белфаст на переговоры с военными. Позже, проверяя командировочные ведомости, Смайли обнаружил «липу». Никто из Цирка в тот месяц в Белфаст не летал, зато там было распоряжение об оплате билета первого класса до Вены и обратно, и исходило это распоряжение якобы от Дж.

Смайли.

Хейдон, который тоже искал Хозяина, пришел в ярость:

– Ну, и в чем на сей раз дело? Заманивает Ирландию в ловушку, проводит отвлекающий маневр, так, что ли? Господи! Как он мне надоел!

* * *

Свет в фургоне погас, но Смайли все продолжал рассматривать его размалеванную крышу. «Как они живут? – не переставал удивляться он. – Где они берут воду, деньги?» Он пытался постичь, как они решают бытовые вопросы своей отшельнической жизни в Сассекс-Гарденс: вода, канализация, свет… Энн бы УЖ точно это вычислила, как, впрочем, и Билл. Факты. Какие факты у нас на руках?

А факты таковы, что одним благоуханным летним вечером, незадолго до появления «Черной магии», Джордж неожиданно вернулся из Берлина и обнаружил у себя дома на Байуотср-стрит следующую картину: звучала запись Листа, на полу гостиной растянулся Билл Хейдон, а Энн сидела в противоположном комнаты в халате и без косметики. Обошлось без

скандала, все трое вели себя довольно естественно что, впрочем, давалось им с трудом. По словам Билла, он заскочил по пути из аэропорта, только что прилетев из Вашингтона; он утверждал, что Энн была уже в постели и ей пришлось встать, чтобы впустить его.

Действительно, жаль, что пришлось добираться из Хитроу на разных машинах.

Когда Билл ушел, Джордж спросил: «Что ему было нужно?» Энн ответила:

«Жилетка, в которую можно поплакаться. У Билла проблемы с девушками, ему захотелось излить душу», – пояснила она.

– В Вашингтоне есть некая Фелисити, которая хочет ребенка, а в Лондоне некая Джен, у которой он уже есть.

– От Билла?

– Одному Богу известно. Во всяком случае, не Биллу.

На следующее утро Смайли нечаянно выяснил, что Хейдон вернулся в Лондон не вчера, а два дня назад. После этого случая Билл стал демонстрировать нехарактерную для него учтивость по отношению к Смайли, тот отвечал ему взаимной подчеркнутой вежливостью, что обычно бывает, когда дружеские отношения между людьми только завязываются. Через некоторое время Смайли заметил: всем все уже известно. И он до сих пор поражался, с какой быстротой это произошло. Он предполагал, что Билл просто-напросто кому-то похвастался, скорее всего Бланду. Если слухи верны, то Энн нарушила сразу три своих собственных правила. Хейдон был из Цирка, к тому же входил в число «своих» – этим словом она называла не только близких, но и самых отдаленных родственников. И в том и в другом случае он не должен был иметь доступ в ее «круг общения». А в-третьих, она приняла его на Байуотер-стрит, чем грубо нарушила здешние представления о приличиях.

В очередной раз найдя утешение в одиночестве, Смайли ждал, что Энн сама что-нибудь скажет. Он перебрался в комнату для гостей, а по вечерам подолгу засиживался на работе, чтобы не быть в курсе ее приходов и уходов.

Постепенно до него стало доходить, что она глубоко несчастна. Она похудела, утратила свой привычный вкус к жизни, и если бы он не знал ее, он был бы готов поклясться, что ее преследуют угрызения совести, даже чувство омерзения к самой себе. Когда он был ласков с нею, она от него отстранялась; она не выказала никакого интереса к рождественским покупкам, у нее начались приступы изнурительного кашля, который, как он уже знал, был верным признаком ее депрессии. Если бы не операция «Свидетель», они бы уехали в Корнуолл раньше. А так им пришлось перенести поездку на январь; к тому времени Хозяин умер, Смайли лишился работы, весы окончательно склонились не в его пользу, и Энн. к его горькому разочарованию, крыла карту Хейдона все новыми и новыми, без устали вытягивая их из своей нескончаемой колоды.

Что же все-таки случилось? Она сама прервала этот роман? Или это сделал Хейдон? Почему она никогда не говорила об этом? И стоило ли вообще придавать какое-то значение одному из множества подобных эпизодов? В конце концов он махнул на все рукой. Как только он пытался вызвать в памяти лицо Билла Хейдона, оно будто все время ускользало от него, как чеширский кот, оставляя вместо себя лишь улыбку. Он знал только, что Билл каким-то образом причинил Энн глубокую боль, и это было самым большим из всех его возможных грехов.

Глава 19

Со вздохом вернувшись к порядком надоевшему карточному столику, Смайли продолжил изучение успехов Мерлина с момента своего вынужденного ухода на пенсию. При новом режиме Перси Аллелайна, как сразу заметил Смайли, в образе жизни Мерлина очень скоро произошло несколько благоприятных перемен. Это было своего рода вступление в пору зрелости. Прекратились ночные набеги на европейские столицы, поток информации стал более

регулярным и не таким нервным. Поводов для головной боли, конечно, хватало. Нужда Мерлина в деньгах – хотя его требования никогда не переходили в угрозы – приняла постоянный характер, и в условиях устойчивого падения английского фунта крупные ассигнования в иностранной валюте принесли немало хлопот Министерству финансов. В один из моментов даже появилось предложение (которое, правда, так и не получило поддержки), что, «поскольку Мерлин выбрал именно нашу страну, ему следовало бы изъявить готовность взять на себя часть наших финансовых затруднений». Очевидно, Хейдон с Бландом пришли в ярость по этому поводу: Аллелайн с необычной для себя прямотой написал Министру буквально следующее: «У меня не хватит наглости снова заводить разговор на эту тему с моими людьми».

Много шуму было и из-за новой фотокамеры, которую в Отделе материально-технического обеспечения, затратив большие деньги, разобрали на части и вмонтировали в стандартный светильник советского производства. Этот светильник после долгих препирательств – на этот раз с Министерством внутренних дел – был переправлен в Москву с дипломатической почтой. Затем возникли проблемы с тем, как передать его по назначению. Московской резидентуре не полагалось знать личность Мерлина, как, впрочем, и не полагалось знать о содержимом лампы, которая к тому же оказалась настолько громоздкой, что не помещалась в багажник резидентской машины. После нескольких попыток светильник наконец с грехом пополам передали, но фотокамера так ни разу и не сработала, в результате чего Цирк вдрызг разругался с московской резидентурой. Пришлось Эстерхейзи взять модель попроще в Хельсинки и передать ее, как следует из докладной Аллелайна на имя Министра, «заслуживающему доверия посреднику, имеющему возможность без затруднений перевезти ее через границу».

И вдруг Смайли чуть не подбросило на стуле, "Мы говорили с Вами, – писал Аллелайн Министру в записке, датированной 27 февраля этого года. – Вы согласились представить на рассмотрение в Министерство финансов дополнительную смету расходов по "Лондонскому дому" из бюджета "Черной магии".

Он прочитал это раз, затем еще раз, помедленнее. Министерство финансов выделило шестьдесят тысяч фунтов на приобретение дома в собственность и еще десять на мебель и прочее оборудование. Чтобы сократить издержки, Министерство выделило своих адвокатов для юридического оформления передачи прав на недвижимость. Аллелайн отказался раскрыть адрес. По той же причине разгорелся спор относительно того, на чье имя оформлять покупку. В этот раз министерство проявило твердость и его адвокаты даже составили договор таким образом, чтобы лишить Аллелайна прав на недвижимость в случае его смерти или банкротства. Но он так и не назвал адрес, впрочем, как и не представил никакого оправдания приобретению этого необычного и довольно дорогого приложения к операции, которая, по всем признакам, проводилась за рубежом.

Смайли с жадностью искал объяснения. Финансовые отчеты, как он скоро убедился, тщательно пресекали эти его попытки. Там содержалось только одно завуалированное упоминание о «Лондонском доме», и относилось оно к периоду, когда ставки возросли вдвое. Министр – Аллелайну: "Я полагаю, лондонский филиал по – прежнему необходим?"

Аллелайн – Министру: "Чрезвычайно. Я бы сказал, даже больше. Я бы добавил, что круг осведомленных не расширился с момента нашей беседы".

Осведомленных в чем?

Джордж не мог найти решения до тех пор, пока не вернулся к папкам с отчетами по «Черной магии». За дом было уплачено в конце марта. Въехали в него сразу же. И точно с того

же времени Мерлин начал стремительно приобретать личностные черты, и это было хорошо отражено в комментариях клиентов. Вплоть до настоящего времени – это-то и показалось Смайли подозрительным – Мерлин трудился как машина: безупречен в работе; масштабы его допуска сверхъестественны; он не знает усталости, которая в те или иные моменты выбивает из колеи почти всех агентов. И вот теперь он стал неожиданно выказывать раздражение.

"МыпоручилиМерлинуотВашегоимениуточнитьвопросотносительнопреобладающейвКремлеточкизрениянапродажуизлишковроссийскойнефтиСоединеннымШтатамипросьбемыобратилиеговниманиенанекоторыерасхождениясегодонесениемзапрошлыймесяц,вкоторомречьшлаозакулисныхиграхКремлясправительствомТанаки (Премьер-министр Японии) вокругконтрактанапоставкусибирскойнефтинаяпонскийрынок.Мерлинневидитпротиворечиямеждудвумядонесениямииотказываетсяпредсказать,какомуизрынковвконцеконцовбудетотданопредпочтение".

Уайтхолл пожалел о своей опрометчивости. «МерлиннесобираетсяничегодобавлятьксвоемудокладуоподавлениинационалистическихпроявленийвГрузии,вчастностиимятежавТбилиси.Небудучисамгрузином,онпридерживаетсяраспространеннойвРоссииточкизрения,чтовсегрузины–ворыибродягиилучшееместодляних–зарешеткой…»

Уайтхолл согласился не настаивать.

Мерлин вдруг словно стал ближе. Только ли упоминание о приобретении «Лондонского дома» так подействовало на Смайли, что он едва ли не буквально ощутил его присутствие? Перенесенный внезапно из далекой и спокойной московской зимы, Мерлин, казалось, был где-то здесь: вот он сидит прямо перед ним в этой захламленной комнате; а вот он уже на улице, стоит у окна и ждет чего-то под дождем, там, где днем и ночью, как хорошо было известно Смайли, дежурил одинокий охранник Мэндела. А вот там, откуда ни возьмись, появляется еще один Мерлин, он что-то рассказывает и хамовато отвечает на вопросы и не чурается высказывать свои суждения: для этого Мерлина нашлось время, чтобы его принять. Принять здесь, в Лондоне? Накормить, хорошенько угостить, выслушать его отчет в этой резиденции стоимостью в шестьдесят тысяч фунтов, в то время как он ведет себя до. вольно заносчиво и отпускает шуточки о грузинах? Что же это за круг осведомленных, который теперь совершенно явно обозначился внутри более широкого круга тех, кто посвящен в тонкости операции «Черная магия»?

В этом месте на сцене неожиданно возникла новая фигура: некто Дж. П.

Р., новичок из расширяющейся день ото дня команды Уайтхолла – экспертов по «Черной магии». Сверившись со «списком посвященных», Смайли установил его полное имя: некто Риббл, член Аналитического отдела Министерства иностранных дел. Итак, Дж.П.Риббл был озадачен.

Из письма Дж.П.Р. в Адриатическую рабочую партию (АРП): «Позвольтемнеобратитьвашевниманиенаочевидноенесоответствие,касающеесянекоторыхдат.„ЧернаямагияМ104"(советско–французскиепереговорыосотрудничествевобластиавиастроения)датированa21апреля.Всоответствиисвашейсопроводительнойзапиской

,МерлинполучилэтуинформациюнепосредственноотгенералаМарковаnаследующийденьпослетого,какдоговаривающиесясторонупришликсоглашениюосекретномобменeнотами.Новэтотдень(21апреля),судяпосообщениямизпарижскогопосольства,МарковвсеещенаходилсявПариже,аМерлин,какследуетизвашегодонесенияNo.109,встречалсяссотрудникамиракетногонаучно–исследовательскогоцентравпригородеЛенинграда…»

В записке упоминалось по крайней мере о четырех подобных «несоответствиях», которые, будучи сведенными вместе, внушали мысль о вездесущности Мерлина, которая, должно быть, отчасти оправдывала его таинственную кличку.

Дж.П.Рибблу недвусмысленно дали понять, чтобы он не лез не в свое дело.

Но в отдельной записке Министру Аллелайн сделал из ряда вон выходящее признание, которое проливало совершенно новый свет на сущность операции «Черная магия».

«Совершенносекретно.Личноврyки.Мерлин,какВамснекоторыхпоризвестно,представляетсобойнеодинисточник,анесколько.Хотямыизсоображенийсекретностииделаливсевозможное,чтобыскрытьэтотфактотвашихзаказчиков,действительныеобъемыпоставляемогоматериаладелаютвсеболеезатруднительнымпродолжениеэтойфикции.Непришлоливремясделатьтайноеявным,хотябывограниченнойформе?КтомужеМинистерствуфинансовнепомешалобызнать,чтодесятьтысячшвейцарскихфранковввидезарплатыМерлинуисхожаясэтойсумма,выплаченнаянаразногородатекущиеиздержкиирасходы,–едвалччрезмернаяцифра,еслиучесть,чтоприходитсятратитьсянаразногорода…»

Однако окончание записки носило более категоричный оттенок:

"Какбытамнибыло,дажееслимыирешимнастолькоприоткрытьзавесу,ясчитаю,что,покрайнеймере,кругосведомленныхосуществовании«Лондонскогодомаиегопредназначениинеследуетрасширять.Разумеется,кактолькототфакт,чтоМерлин–этонеодинчеловек,предадутгласностисредивашихзаказчиков,секретность„лондонскойоперации"должнавозрасти».

Совершенно озадаченный Смайли прочел это послание несколько раз. Затем, будто пораженный внезапной мыслью, он посмотрел прямо перед собой, и на его лице застыла маска замешательства. Его мысли были на самом деле так далеко, они были такими сложными и запутанными, что телефон прозвонил несколько раз, прежде чем он ответил. Сняв трубку, Джордж взглянул на часы. Было только шесть вечера, он начал читать не более часа назад.

– Мистер Барраклаф? Это Лофтхаус из Финансового отдела, сэр.

Питер Гиллем, прибегнув к процедуре, предусмотренной для чрезвычайных обстоятельств, с помощью условных фраз просил о срочной встрече, и голос его дрожал от волнения.

Глава 20

В архивы Цирка нельзя было попасть через главный вход. Путь туда лежал через лабиринт мрачных комнат и лестничных площадок в задней части здания, больше похожего на один из множества букинистических магазинов вокруг, чем на хранилище памяти крупного учреждения. В архивы вела невзрачная дверь на Чаринг-Кросс-роуд, притулившаяся между багетной мастерской и круглосуточным кафе, куда персоналу Цирка входить было запрещено. Одна из табличек на двери гласила: «Универсальная школа иностранных языков. Служебный вход», другая:

«Си энд Эл Дистрибьюшн Лтд.». Чтобы войти туда, вы нажимали на одну из дверных кнопок и ждали Алвина, женоподобного морского пехотинца, у которого все разговоры сводились к рассказам об уик-эндах. Если среда еще не наступила, он вспоминал прошедший, если же неделя близилась к концу, он говорил об уик-энде предстоящем. В это утро, во вторник, в его настроении преобладало беспокойное негодование.

– Послушайте-ка, что это там за демонстрации? – спросил он, подвинув через стойку регистрационную книгу, чтобы Гиллем поставил в ней свою подпись. – Все равно что живешь внутри маяка. Всю субботу, все воскресенье.

Я говорю своему другу: «До чего дожили – мы должны слушать это в самом центре Лондона». Не хотите ли сдать мне это на хранение?

– Побывал бы там, где довелось мне, – Гиллем передал коричневый брезентовый саквояж в протянутые руки Алвина, – и послушал бы, когда по улице ползком нужно передвигаться.

«Не будь чересчур дружелюбным», – сказал он самому себе.

– Вот поэтому-то я и люблю больше деревню, – признался Алвин, задвигая саквояж в один из открытых шкафчиков позади стойки. – Номерок не возьмете?

Мне вообще-то полагается вам его отдать, а то эта Акула убьет меня, если узнает, – Я тебе доверяю, – сказал Гиллем. Взбежав по ступенькам, он толкнул вращающуюся дверь, ведущую в читальный зал. Помещение было похоже на временный и наспех сооруженный лекционный амфитеатр: дюжина столов, повернутых в одну сторону, возвышение, где сидела девушка-архивариус. Гиллем выбрал стол в последнем ряду. Было еще довольно рано – 10.10 по его часам, – и единственным читателем, кроме него, был Бен Тракстон из Следственного отдела, который проводил здесь большую часть своего времени. Когда-то давно, выдавая себя за латышского диссидента, Бен маршировал вместе с другими революционерами по улицам Москвы и скандировал: «Смерть угнетателям!» Сейчас он сидел сгорбившись, как старый священник, над своими бумагами, седовласый и совершенно невозмутимый.

Увидев, что Гиллем стоит у ее стола, архивистка улыбнулась. Когда в Брикстоне бывало нечего делать, Гиллем довольно часто сидел здесь целыми днями, выискивая среди старых дел те, которые можно запустить по новому кругу. Архивистку звали Сэл, это была пухленькая, спортивного вида девушка, которая возглавляла молодежный клуб в Чизвике и имела черный пояс по дзюдо.

– Сломали кому-нибудь шею в прошлый выходной? – спросил он, пододвигая к себе стопку зеленоватых бланков заказов.

Сэл передала ему записи, которые хранились у нее в стальном шкафу.

– Всего парочку. А как вы?

– Спасибо, хорошо. Навестил своих тетушек в Шропшире.

– Да уж, теперь это называется «навестить тетушек», – заметила Сэл.

Стоя за ее столом, Питер заполнил бланки для следующих двух заказов из своего списка. Он наблюдал за ней, пока она ставила на них штампы, потом оторвала корешки и опустила их в прорезь на столе.

– Стеллаж "Д", – проворковала девушка, возвращая ему машинописные тексты. – Двадцать восьмые – в середине справа, тридцать первые – на следующей полке внизу.

Открыв дверь в глубине комнаты, он вошел в главный зал. В центре старый лифт, похожий на клеть в шахте, поднимал стопки папок в главное здание Цирка. Двое невзрачных молодых людей загружали кабину, третий стоял рядом и приводил в движение подъемник. Гиллем не спеша двинулся вдоль стеллажей, читая надписи на флюоресцентных табличках.

"Леикон клянется, что у него нет ни одной папки по «Свидетелю», – объяснил ему Смайли, по своему обыкновению, озабоченным тоном. – У него есть лишь несколько демобилизационных документов Придо, больше ничего. – И добавил все тем же мрачным голосом:

– Так что, боюсь, нам придется найти способ позаимствовать все, что можно будет найти в канцелярии Цирка".

«Позаимствовать» на языке Смайли означало «Украсть».

Какая-то девушка стояла на стремянке. Оскар Аллитсон, служащий архива, складывал в корзину для белья личные дела «пастухов», сантехник Астрид чинил батареи. Деревянные, глубокие, как нары, стеллажи были разделены фанерными перегородками на ячейки. Он уже знал, что справочный материал по «Свидетелю» числится под номером 4-4-8-2-Е и означает это полку No. 44, рядом с которой он сейчас стоял. Отделение "Е" было отведено для вышедших из активного пользования документов. Гиллем отсчитал восемь ячеек с левой стороны.

«Свидетель» должен стоять вторым слева в этом отсеке, но с полной уверенностью утверждать это было нельзя, так как на корешках не было ничего обозначено. Рекогносцировка на этом закончилась; он вытащил две папки, которые заказывал раньше, и оставил зеленые бланки требований на металлических полочках, специально для этого предназначенных.

«Там не будет слишком много материала, я уверен, – сказал Смайли так, будто тонкую папку украсть намного легче, чем толстую. – Но хоть что-нибудь там должно быть обязательно, пусть даже просто для видимости». Это была еще одна вещь, касающаяся Смайли, которая не понравилась тогда Гиллему: он говорил так, будто вы полностью понимаете его доводы, будто вы все время рассуждаете так, как он.

Сев за стол, он притворился, что читает, хотя на самом деле лишь убивал время, думая о Камилле. В это утро, лежа в его объятиях, она сказала, что уже была один раз замужем. Время от времени она говорила такие вещи, что создавалось впечатление, будто она прожила не один десяток жизней. Тот брак оказался ошибкой, и они решили с ним покончить.

«Что же все-таки произошло?»

«Ничего. Мы просто не подошли друг другу».

Гиллем не поверил.

«Ты получила развод?»

«Наверное, да».

«Черт возьми, не говори ерунды, неужели ты не знаешь, разведена ты или нет?!»

«Этим занимались его родители, – сказала она. – Он иностранец».

«Он посылает тебе деньги?»

«С какой стати? Он мне ничего не должен».

И снова пение флейты в соседней комнате, долгие вопросительные ноты в полумраке, пока он готовит кофе. Кто же она все-таки: притворщица или ангел?

Он чуть не написал ее имя поперек какого-то донесения. Через час у нее урок с Сандом.

Забрав зеленый листок с заказом 4-3, он вернул две папки на свои места и переместился к полке, рядом с которой была папка со «Свидетелем».

«Пробный заход прошел успешно», – подумал он.

Девушка все еще стояла на своей стремянке. Аллитсон исчез, но бельевая корзина осталась на том же месте. Астрид устал чинить батареи и, присев передохнуть, читал «Сан».

На зеленом листке было написано 4-3-4-3, и Гиллем сразу нашел нужную папку, так как перед этим запомнил, где она стоит. У нее была обложка розового цвета, как и у «Свидетеля». Как и «Свидетель», она была порядком потрепана. Гиллем положил зеленый бланк в специальный металлический кармашек. Затем отошел назад и еще раз посмотрел, что делает Аллитсон и девушки, затем достал папку со «Свидетелем» и очень быстро поставил на ее место ту, что перед этим держал в руке.

«Мне кажется, Питер, самое главное, – говорил Смайли, – не оставлять пустого места. Поэтому я предлагаю заказать что-нибудь похожее – я имею в виду ч и с т о в н е ш н е – и быстренько сунуть ее туда, где только что…»

«Уже понял», – сказал Гиллем.

Небрежно взяв папку со «Свидетелем», повернутую обложкой внутрь, Гиллем вернулся в читальный зал и снова сел за свой стол. Сэл приподняла брови и что-то беззвучно проговорила. Гиллем уверенно кивнул, думая, что она спрашивает, все ли в порядке, но Сэл поманила его рукой. Моментальная паника. Взять папку с собой или оставить на столе? Как я обычно делаю? Он оставил ее на столе.

– Джульет собирается приготовить кофе, – прошептала Сэл. – Не хотите чашечку?

Гиллем положил на стойку шиллинг.

Он взглянул на настенные часы, затем на наручные. Бог ты мой, перестань смотреть на этот чертов циферблат! Думай о Камилле, думай о том, что у нее начинается урок, думай о своих тетушках, которых ты снова не навестил, думай о том, что Алвин ни в коем случае не должен заглянуть в твою сумку. Думай о чем угодно, только не о времени. Осталось ждать восемнадцать минут. «Питер, если у тебя есть хоть малейшее сомнение, ты должен отказаться. Ничего не может быть важнее этого». Все это очень здорово, но как тут определишь, есть ли сомнения, когда внутри у тебя все переворачивается, и холодный пот градом катится под рубашкой? Никогда, он готов был поклясться, никогда еще он не испытывал ничего подобного.

Раскрыв папку со «Свидетелем», он попробовал читать.

Она была не такой уж тонкой, хотя и толстой ее тоже не назовешь.

Похоже, ее действительно собрали лишь для отвода глаз, как и говорил Смайли: первая подшивка представляла собой, по сути дела, описание того, чего там не было. " П р и л о ж е н и я с 1 п о 8 х р а н я т с я в Л о н д о н с к о м У п р а в л е н и и ; с м . т а к ж е л и ч н ы е д е л а Э Л Л И С А Д ж и м а , П Р И Д О Д ж и м а , Х А И Е К А В л а д и м и р а , К О Л Л И Н З А С э м а , Х А Б О Л Т А М а к с а… " и вплоть до дяди Тома Кобли и всех остальных. " О н а л и ч и и э т и х д о с ь е с п р а в л я й т е с ь у Р Л У и Р Ц " , что означало «руководитель Лондонского Управления» и «руководитель Цирка» вместе с его тщательно подобранными «мамочками».

Перестань смотреть на часы и заниматься подсчетами, идиот несчастный. Восемь минут. Довольно странное ощущение – умыкнуть досье с операцией твоего предшественника. Если подумать, вообще странно иметь Джима в качестве предшественника, впрочем, как и секретаршу, которая справила по нем поминки и с тех пор даже ни разу не упомянула его имя. Единственным живым свидетельством, оставшимся после него, которое обнаружил Гиллем (если не считать упоминания его оперативного псевдонима в некоторых документах), была ракетка для сквоша с выжженными на рукоятке инициалами, случайно завалившаяся за шкаф в его кабинете, Гиллем показал ее Эллен, старой сварливой склочнице, в присутствии которой даже Сай Ванхофер становился робким, как школьник, и она разразилась потоками слез, обернула эту ракетку бумагой и отослала с первым попавшимся под руку курьером в Административно-хозяйственный отдел, лично настаивая на том, чтобы Акула сделала «все, лежащее в пределах человеческих возможностей», и вернула ее владельцу. Как ты сейчас поживаешь, Джим, с парой чешских пуль в лопатке?

Все еще восемь минут.

«Следующее. Если бы ты смог устроить так, – сказал Смайли, – я имею в виду, если это не будет слишком хлопотно, отправь подремонтировать свою машину на местную станцию техобслуживания. Заказ, разумеется, делай со своего домашнего телефона, будем надеяться, что Тоби подслушивает…»

«Будем надеяться». Верх остроумия. Вся его милая болтовня с Камиллой…

Все еще восемь Минут.

Остальную часть досье, кажется, занимали телеграммы Министерства иностранных дел, вырезки из чешских газет, письменные расшифровки радиопередач из Праги, выдержки из страховых документов, касающиеся демобилизации и реабилитации провалившихся агентов, проекты отчетов для представления в Министерство финансов и «посмертное» заключение Перси Аллелайна, в котором вся вина за фиаско возлагается на Хозяина. Скорее на тебя, чем на меня, Джордж.

Гиллем в уме начал подсчитывать расстояние от своего стола до боковой двери, за которой Алвин сейчас дремал у своей стойки на проходной. Гиллем решил, что там пять шагов, и собрался предпринять тактический маневр. В двух шагах от двери стоял шкаф, похожий на большое желтое пианино. Он был набит всякой справочной ерундой: крупномасштабными картами, экземплярами «Кто есть кто?» за прошлые годы, старыми путеводителями. Зажав в зубах карандаш, он взял папку со «Свидетелем», не спеша подошел к комоду, выбрал телефонный справочник Варшавы и начал выписывать имена на листок бумаги. «Бог ты мой, что с моей рукой! – вскрикнул кто-то внутри его. – Она дрожит и выводит каракули через всю страницу. Ты только посмотри на эти разводы, уж не пьян ли я? Почему никто не замечает?» Девушка по имени Джульет вошла с подносом и поставила чашку на его стол. Он сделал жалкую попытку послать ей воздушный поцелуй. Затем выбрал другой справочник, кажется, по Познани, и положил его рядом с первым. Когда в дверь вошел Алвин, он даже не поднял головы.

– Телефон, сэр, – пробормотал тот.

– А-а, к черту, – отозвался Гиллем, углубившись в справочник. – Кто там?

– По городскому телефону, сэр. Какой-то грубиян. Кажется, из автосервиса, насчет вашей машины. Говорит, у него для вас плохие новости, – сказал Алвин вполне довольным тоном.

Гиллем держал папку со «Свидетелем» обеими руками, якобы сверяя что-то со справочником. Он стоял спиной к Сэл и чувствовал, как коленки выбивают мелкую дробь о штанины. Карандаш по-прежнему был зажат во рту. Алвин прошел вперед и придержал для него вращающуюся дверь, и Питер двинулся через нее, не отрывая глаз от раскрытой папки. "Как какой-нибудь паршивый мальчишка в хоре, – подумал он. Он ожидал, что молния поразит на месте, что сейчас Сэл закричит «караул», что старый супершпион Бен вдруг воскреснет, но ничего подобного не произошло. И он почувствовал себя намного лучше: Алвин – мой союзник, я ему доверяю, мы вместе против Акулы, и я нормально двигаюсь.

Вращающаяся дверь качнулась и закрылась, Гиллем спустился по ступенькам, и здесь снова стоял Алвин, который придерживал ему дверь в телефонную кабинку.

Снизу до середины она была закрыта сплошной перегородкой, от середины и выше – стеклянной. Взяв трубку, он положил папку возле ног и услышал, как Мэндел говорит ему, что нужна новая коробка перс-дач и работа будет стоить где-то около сотни. Они разработали этот спектакль на радость администрации или кому-нибудь еще, кто будет читать расшифровку, и Гиллем вел свою партию как по нотам, пока Алвин благополучно стоял за своей стойкой, навострив уши.

«Все идет хорошо, – подумал Гиллем, – я лечу, все идет так, как надо». Он услышал свой собственный голос:

– Ладно, по крайней мере, свяжитесь сначала с головным агентством и узнайте, сколько понадобится времени, чтобы доставить эту чертову штуковину.

У вас есть их телефон? – И раздраженно бросил:

– Подождите, не вешайте трубку!

Он приоткрыл дверь и прижал микрофон трубки к ляжке, рассудив, что эта часть разговора не должна попадать на пленку.

– Алвнн, подбрось-ка мне на минуту мою сумку, а?

Дежурный, ставший похожим на доктора на футбольном поле, с готовностью принес сумку:

– Все в порядке, мистер Гиллем? Открыть, сэр?

– Спасибо, кинь ее здесь.

Сумка стояла на полу возле кабинки. Он нагнулся, втащил ее внутрь и открыл молнию. Внутри, между рубашками и газетами, лежали три фальшивые папки-куклы": одна желтоватого цвета, другая зеленая и третья розовая. Он достал розовую папку с адресной книгой и положил вместо них «Свидетеля».

Затем закрыл молнию, выпрямился и продиктовал Мэнделу телефонный номер, причем настоящий. Повесив трубку, он передал Алвину сумку и вернулся в читальный зал с «куклой». Лениво подошел к шкафу, покопался еще в нескольких справочниках, затем побрел в архив, неся «куклу» в руке. Аллитсон, как в старой заезженной кинокомедии, пытался сдвинуть с места свою корзину, тащил и толкал ее с разных сторон, но все безуспешно.

– Питер, подсоби маленько, я застрял.

– Одну секунду.

Вытащив папку из ячейки, где стоял «Свидетель», и заменив ее «куклой», он вернул ее на свое место на полке 4-3 и забрал из кармашка свой зеленый листок. "Есть Бог на небесах, премьера прошла на «ура». Он чуть не запел во весь голос: «Есть Бог на небесах, я еще не разучился летать!»

Он отнес листок Сэл, которая подписала его и наколола на спицу, как она это обычно делала. В конце дня она проверит: если папка будет стоять на своем месте, она уничтожит и зеленый листок и корешок в коробке, и даже она, умная Сэл, не вспомнит потом, что он стоял рядом с полкой 4-4. Он уже повернулся, чтобы пойти «подсобить» Аллитсону, как вдруг обнаружил, что смотрит прямо в карие недружелюбные глаза Тоби Эстерхейзи.

– Питер, – сказал Тоби на своем не совсем правильном английском, – мне так жаль беспокоить тебя, но у нас маленький кризис и Перси Аллелайн хотел бы иметь с тобой срочный разговор. Можешь ты сейчас пойти? Это было бы очень любезно. – и уже возле двери, когда Алвин выпускал их, заметил с официальностью маленького человека, лишь недавно начавшего подниматься по служебной лестнице:

– Он просто хочет твое мнение. Он желает посоветоваться с тобой, чтобы узнать мнение.

И в этот момент отчаянного вдохновения Гиллем обернулся к Алвину:

– В Брикстон днем пойдет «челнок». Ты не мог бы звякнуть в Отдел перевозок и попросить их отвезти туда для меня вот это?

– Сделаю, сэр, – отозвался Алвин. – Сделаю. Осторожно, ступеньки, сэр.

«И не забудь за меня помолиться», – подумал Гиллем.

Глава 21

Наш теневой министр иностранных дел" – так называл его Хейдон. Вахтеры звали его Белоснежкой за цвет волос. Тоби Эстерхейзи одевался как манекенщик, но когда он сутулился или сжимал свои крошечные кулачки, то тут же превращался в уличного бойца. Следуя за ним по коридору четвертого этажа, снова обратив внимание на кофеварку и услышав, как Лодер

Стрикленд объясняет кому-то, что к нему сейчас нельзя, Гиллем подумал: «Господи, мы снова в Берне и снова мы в бегах».

Он уже готов был воскликнуть это вслух, обращаясь к Тоби, но решил, что сейчас такое сравнение прозвучит неуместно.

Когда бы он ни вспомнил о Тоби, ему все время приходило на ум одно и то же: Швейцария восемь лет назад, когда Тоби был еще простым наблюдателем и попутно начинал проявлять талант к тайному прослушиванию. Гиллем в то время томился в ожидании после Северной Африки, и Цирк отправил их обоих в Берн для проведения одноразовой операции: нужно было пощупать двух торговцев оружием из Бельгии, которые использовали швейцарцев для распространения своего товара там, куда немногие его доставляли. Они тогда сняли виллу рядом с домом – объектом своего интереса, и в тот же вечер Тоби вскрыл коммутационную коробку и пересоединил там что-то таким образом, что они могли подслушивать разговоры бельгийцев со своего телефона. Гиллем был назначен старшим и сам выполнял черновую работу: дважды в день он передавал пленки в резидентуру в Берне, используя автомобиль на стоянке в качестве почтового ящика. С подобной же легкостью Тоби подкупил местного почтальона, чтобы тот давал ему просматривать почту бельгийцев перед ее отправкой по назначению, а также приходящую уборщицу, чтобы та установила радиомикрофон в гостиной, где они обычно говорили о делах. В качестве развлечения они ходили в «Чикито». и там Тоби без устали танцевал с самыми молодыми девицами. По вечерам он иногда приводил какую-нибудь из них домой, но к утру они всегда уходили, и Тоби открывал окна, чтобы проветрить комнату.

Так они прожили три месяца, но и к концу этого срока Гиллем знал его не лучше, чем в первый день. Он даже не имел понятия, какая страна была его родиной. Тоби был большим снобом и знал, где нужно обедать и где можно показываться. Он сам стирал свою одежду, а на ночь надевал сеточку на свои белоснежные волосы. В тот день, когда к ним на виллу нагрянула полиция и Гиллему пришлось прыгать через ограду позади дома, он нашел Тоби в отеле «Бельвю» жующим пирожные и наслаждающимся зрелищем танцев. Он выслушал все, что сообщил ему Гиллем, оплатил счет, дал на чай сначала руководителю оркестра, затем старшему швейцару по имени Франц, потом повел Гиллема через длинную Цепь коридоров и лестниц в подземный гараж, где у него на случай побега были припрятаны автомобиль и паспорта. Здесь он тоже спокойно попросил счет..Если когда-нибудь придется спешно покидать Швейцарию, – подумал Гиллем, – сперва оплати все счета". Те коридоры были бесконечными, с зеркальными стенами и версальскими люстрами, так что Гиллему казалось, что он следует не за одним Эстерхейзи, а за целой делегацией, состоящей из множества белокурых Тоби.

Это видение и вспомнилось ему сейчас, хотя узкая деревянная лестница, ведущая в кабинеты Аллелайна, была выкрашена в грязно-зеленый цвет, а о люстрах мог напомнить лишь потрепанный пергаментный абажур.

– Повидаться с Шефом, – напыщенно объявил Тоби молоденькому вахтеру, который пропустил их пренебрежительным кивком.

В приемной за четырьмя серенькими печатными машинками сидели четыре седенькие «мамочки» в строгих костюмах и жемчугах. Они кивнули Гиллему и проигнорировали Тоби. Над дверью Аллелайна горела надпись «Занято». Рядом – новый несгораемый шкаф в человеческий рост высотой. Гиллем удивился, как вообще пол может выдерживать такую тяжесть. На шкафу стояли бутылки с южноафриканским хересом, стаканы, тарелки. "Сегодня вторник, – вспомнил он.

– В Лондонском Управлении – день неофициального совместного обеда.

– Передай, если будут звонить, я занят, – крикнул Аллелайн, когда Тоби открыл дверь.

– Уважаемые дамы, пожалуйста, если будут звонить, Шеф занят, – старательно повторил Тоби, придерживая для Гиллема дверь. – У нас заседание.

Одна из «мамочек» сказала:

– Мы слышали.

Это было что-то вроде военного совета.

Аллелайн сидел во главе стола в своем резном кресле, наводившем на мысль о мании величия, и читал какой-то документ на двух страницах. Когда Гиллем вошел, он даже не пошевелился. Он лишь прорычал:

Вон там сядь. Рядом с Полом. В конце стола – и продолжал читать, не отрываясь ни на секунду.

Стул справа от Аллелайна был пуст, и по подушечке, привязанной к его спинке тесемками, Гиллем понял, что это место Хейдона. Слева от Аллелайна сидел Рой Бланд и тоже читал, но, когда Гиллем проходил мимо, он оторвался и сказал: «Здорово, Питер», а затем проводил его долгим взглядом своих бесцветных, слегка выпученных глаз. По соседству с пустым стулом Билла сидела Моу Делавэр, женский символ Лондонского Управления; она носила короткую стрижку и коричневый твидовый костюм. Напротив нее – Фил Портес, главный администратор, подобострастный богач, который жил в большом доме в пригороде Лондона. Увидев Гиллема, он совсем перестал читать, демонстративно закрыл папку, положил на нее свои холеные руки и ухмыльнулся.

– В конце стола означает за Полом Скордено, – сказал Фил, продолжая ухмыляться.

– Спасибо, я и сам вижу.

Напротив Портеса сидели «русские» Билла, которых Гиллем недавно встретил в мужской уборной четвертого этажа, – Ник де Силски и его дружок Каспар. Они не отваживались улыбаться, и, как успел заметить Гиллем, им нечего было читать: перед ними не было никаких документов; собственно, только перед ними ничего не лежало на столе. Они сидели, положив свои массивные руки на стол, будто сзади кто-то навел на них пистолет, и смотрели на Гиллема своими карими глазами.

Еще дальше, рядом с Портесом, сидел Пол Скордено; в настоящее время, по слухам, он работал на Роя Бланда, руководя агентурой стран Восточной Европы, хотя другие говорили, что он «шестерка» Билла. Пол был жалким и худым сорокалетним мужчиной, с рябым смуглым лицом и длинными руками.

Гиллем как-то раз дрался с ним в паре на «курсах молодого бойца» в «яслях», и они тогда чуть не поубивали друг друга.

Питер отодвинул свой стул подальше от него и сел, Тоби примостился с другой стороны, будто второй телохранитель. «Какого черта они все от меня ждут? – подумал Гиллем. – Что я, сбегу?» Все смотрели, как Аллелайн набивал трубку, когда вдруг Билл Хейдон перещеголял его по части привлечения всеобщего внимания. Дверь открылась, долго никто не входил. Затем послышалось медленное пошаркивание, и появился Билл, обхватив обеими руками чашку кофе, сверху прикрытую блюдцем. Под мышкой у него была зажата папка с завязанными тесемками, а очки в этот раз сидели на носу, так что, должно быть, он читал эти таинственные документы где-то в другом месте. «Они все читали это, кроме меня, – подумал Гиллем, – а я даже не знаю, что это такое». Ему вдруг стало интересно, не тот ли это документ, который вчера просматривали Эстерхейзи с Роем, и без всяких на то оснований он решил, что так оно и есть, что этот документ попал к ним только вчера, что Тоби принес его Рою и что он, Гиллем, как раз потревожил их в момент первого волнения, если только это можно назвать волнением.

Аллелайн по-прежнему не поднимал головы. На противоположном конце стола Гиллем мог видеть лишь его густую черную шевелюру и пару широких твидовых плеч. Моу Делавэр, теребя челку, смотрела в бумаги. Перси был дважды женат, вспомнил Гиллем, когда мысль о

Камилле снова промелькнула в его разгоряченном мозгу, и обе его жены оказались алкоголичками, что наводило на определенные размышления. Гиллем был знаком лишь с лондонским «экземпляром».

Когда Перси формировал группу «поддержки», он устроил пьянку в своей просторной квартире, обшитой деревянными панелями, в доме рядом с Букингсмским дворцом. Гиллем приехал поздно, и, когда он снимал в прихожей пальто, какая-то бледная блондинка нетвердо шагнула к нему с протянутыми руками. Он принял ее за служанку, спешащую помочь ему раздеться.

– Мне имя Джой – Радость! – сказала она театральным голосом, как «Мне имя Добродетель» или «Мне имя – Целомудрие». Ей нужно было не его пальто, но его поцелуй. Уступив ей, Гиллем вдохнул все прелести смеси ароматов " J e R e v i e n s " и дешевого хереса.

– Ну что, юный Питер Гиллем, – заговорил Аллелайн, – ты готов наконец к моему обществу или тебе нужно нанести еще пару визитов в мой дом? – Он слегка приподнял голову, и Гиллем заметил два крошечных мохнатых треугольника на его обветренных щеках. – Что замышляешь сейчас в своем захолустье (перевернув страницу) не считая того, что волочишься за местными девственницами, если такие еще остались в Брикстоне, в чем я крепко сомневаюсь – если вы простите мне эту вольность, Моу, – и тратишь деньги налогоплательщиков на дорогие обеды?

Это подтрунивание было одним из способов общения Аллелайна, оно могло носить дружеский или презрительный характер, укоризненный или одобрительный, но в конце концов это становилось похоже на постоянные удары по одному и тому же больному месту.

– Парочка арабских дел выглядит многообещающе. Сай Ванхофер, похоже, подобрал ключик к одному немецкому дипломату. Вот, пожалуй, и все.

– Арабы, – повторил Аллелайн, отодвигая в сторону папку и вытаскивая из кармана трубку грубой работы. – Любой лопух может «поджарить» араба, или я не прав, Билл? И даже за ломаный грош купить с потрохами все их поганое правительство, если только поставить себе это за цель. – Из другого кармана Аллелайн достал кисет с табаком и швырнул его на стол. – Я слышал, ты водишь дружбу с нашим безвременно ушедшим братцем Тарром. Как он поживает?

Целый сонм мыслей пронесся в голове у Гиллема, пока он не услышал собственный голос. Он успел подумать о том, что наблюдение за его квартирой не могло быть установлено раньше вчерашнего вечера, в этом он был уверен.

Что по крайней мере до прошлых выходных он оставался вне подозрений, если только Фон – сидящая взаперти «нянька» – не вел двойную игру, что, впрочем, сделать было крайне трудно. Что Рой Бланд очень похож на покойного Дилана Томаса; Рой все время кого-то ему напоминал, и вплоть до этого момента он, Гиллем, мучительно пытался понять, кого именно; и что Моу Делавэр, будучи женщиной, только потому прошла отбор, что было в ней что-то мужеподобное, что-то от девочки-скаута. Ему вдруг стало интересно вспомнить, были ли у Дилана Томаса такие же неестественно светлые голубые глаза, как у Роя. Что Тоби Эстерхейзи вытаскивает сигарету из своего золотого портсигара и что Аллелайн, как правило, не разрешает курить у себя сигареты, а только трубки, и поэтому Тоби сейчас надо вести себя поосторожнее. Что Билл Хейдон выглядит необычно молодо и что слухи насчет его интимной жизни могут, в конце концов, оказаться не такими уж смехотворными: поговаривали, будто он работает на два фронта. Что Пол Скордено положил на стол свою смуглую ладонь и большой палец слегка приподнял таким образом, что мышцы на внешней стороне руки напряглись. Еще он подумал о своем брезентовом саквояже: отправил ли его Алвин с «челноком»? Или ушел на обед, оставив в канцелярии, и, как нарочно, какой-нибудь из этих молодых вахтеров, распираемых мечтами о продвижении по службе, проверит, что там внутри? И еще Гиллем не

в первый уже раз подумал: сколько времени Тоби пришлось околачиваться возле канцелярии, чтобы перехватить его? Он решил избрать шутливый тон:

– Вы правы, Шеф. Мы с Тарром каждый день встречаемся «У Фортнема», чтобы выпить по чашечке чаю.

Аллелайн посасывал незажженную трубку, проверяя, хорошо ли она набита.

– Питер Гиллем, – произнес он неторопливо, нарочито выпячивая свой акцент, – ты, может быть, не знаешь этого, но я ведь на самом деле по своей сути чрезвычайно снисходителен. Меня просто-таки переполняет великодушие.

Все, что от тебя требуется, – это только пересказать содержание ваших с Тарром бесед. Мне вовсе не нужна его голова, равно как и другие части его паршивого организма, и я удержусь от желания лично удавить его. Или тебя. – Он чиркнул спичкой и зажег свою трубку, из которой взметнулся чудовищный язык пламени. – Я даже готов пойти на то, чтобы подумать, не повесить ли тебе на шею золотую цепь и перетащить в этот дворец из опротивевшего тебе Брикстона.

– В таком случае я просто сгораю от нетерпения в ожидании, когда он наконец объявится.

– Тарр будет прощен, если явится сам.

– Я передам ему. Он будет в восторге. Огромное облако дыма выкатилось и повисло над столом.

– Ты меня очень сильно огорчаешь, юный Питер. Прислушиваешься ко всяким грубым и вероломным клеветническим измышлениям, сеющим раскол и порождающим распри. Я добросовестно плачу тебе Деньги, а ты наносишь мне в спину один предательский удар за другим. Я считаю это черной неблагодарностью за то, что я до сих пор не дал тебе умереть. Вопреки настойчивым уговорам моих советчиков, заметь это.

У Аллелайна появилась новая привычка, одна из тех, что Гиллем часто замечал у тщеславных людей среднего возраста: Перси захватывал большим и указательным пальцами складку под подбородком и массировал ее в надежде, что она со временем исчезнет.

– Расскажи нам подробнее о нынешних обстоятельствах жизни Тарра, – сказал Аллелайн. – Расскажи нам о его эмоциональном состоянии. У него ведь есть дочка, не так ли? Маленькая крошка по имени Дэнни. Он о ней что-нибудь рассказывает?

– Бывало, что и рассказывал.

– Попотчуй нас какой-нибудь историей.

– Я не знаю никаких историй. Он очень привязан к ней, это все, что я знаю.

– Страстно привязан, да? – Его голос вдруг сорвался в крик:

– Какого черта ты мне тут плечами пожимаешь? Я говорю с тобой о перебежчике из твоего сектора, чума тебя забери! Я обвиняю тебя в том, что ты с ним играешь в бирюльки за моей спиной, принимаешь участие в каких-то дерьмовых закулисных играх, не зная, что поставлено на карту, и все, что ты можешь, – это пожимать плечами у меня здесь за столом? Есть такой з а к о н , Питер Гиллем, – не связываться с вражескими агентами. Скажи-ка еще, что ты этого не знал. У меня просто руки чешутся намылить тебе шею как следует!

– Да не виделся я с ним! – сказал Гиллем, который решил теперь тоже призвать на помощь свою злость. – Это не я играю в закулисные игры. Это вы.

Так что лучше отстаньте от меня.

В ту же секунду он почувствовал, как напряжение за столом спадает, потихоньку переходя в скуку, в ощущение того, что Аллелайн выпустил из своей обоймы все заряды, а мишень так и осталась нетронутой. Скордено начал теребить пальцами какую-то безделушку из слоновой кости – талисман, который он постоянно таскал с собой. Бланд снова стал читать, а Билл Хейдон отпил из чашки свой кофе и, видимо, нашел его отвратительным, потому что скривил

физиономию, глядя на Моу Делавэр, и отставил чашку в сторону. Тоби Эстерхейзи, подперев подбородок рукой, поднял брови и уставился на красный целлофан, который имитировал огонь в старомодном камине. И только «русские» продолжали не мигая глядеть на Гиллема, как пара терьеров, не желающих смириться с тем, что охота уже окончена.

– Значит, он часто болтал с тобой о Дэнни, да? И говорил, что любит ее, – продолжил Аллелайн, снова углубившись в документ перед собой. – Кто ее мать?

– Какая-то девушка евразийских кровей. Тут впервые заговорил Хейдон:

– Она явно евразийской внешности или могла бы сойти за европейку?

– Тарр, кажется, считает, что она выглядит вполне как европейка. Он считает, что и ребенок тоже.

Аллелайн прочитал вслух:

– «Двенадцать лет, длинные светлые волосы, карие глаза, худощавая». Это Дэнни?

– Думаю, это могла бы быть она. Звучит вполне похоже, Воцарилась долгая тишина, и даже Хейдон, кажется, не осмеливался ее нарушить.

– Значит, если бы я сказал, – подытожил Аллелайн, особенно тщательно подбирая слова, – если бы я сказал тебе, что Дэнни и ее мать должны были три дня назад прибыть в аэропорт Лондона прямым рейсом из Сингапура, можно было бы ожидать, что ты разделишь наше недоумение?

– Да, конечно.

– И ты будешь держать рот на замке, когда выйдешь отсюда? Ты никому об этом не расскажешь, кроме двенадцати своих лучших друзей?

Откуда-то неподалеку раздалось мурлыканье Фила Портеса:

– Источник информации чрезвычайно секретный, Питер. Может быть, тебе кажется, что это обыкновенная утечка информации но это совсем не так. Это сверх, сверхсекретно.

– Ах, ну ладно, в таком случае я постараюсь держать рот на сверхзамке, – ответил Гиллем Портесу, и в то время как Фил побагровел, Билл Хейдон опять шкодливо ухмыльнулся.

Аллелайн снова заговорил:

– Так как бы ты поступил с этой информацией? Ну же, Питер, – снова подтрунивание, – ну, давай же, ты был его шефом, его советчиком, духовным наставником, другом, наконец, где же твоя психология, ради всего святого?

Почему Тарр приезжает в Англию?

– Вы говорили совсем не это. Вы сказали, что девушку Тарра с его дочкой ждали в Лондоне три дня назад. Может, она навещает родственников. Может, у нее новый дружок завелся. Откуда мне знать?

– Не прикидывайся тупым, приятель. Тебе не приходит в голову, что там, где маленькая Дэнни, где-то неподалеку должен быть и сам Тарр? Если он уже не здесь, чему я скорее склонен поверить; это в натуре мужчины – сначала приехать самому, а затем притащить за собой все свое хозяйство. Простите мне эту грубость, Моу Делавэр.

Гиллем еще раз позволил себе слегка вспылить:

– До сих пор мне это не приходило в голову. До сих пор Тарр был перебежчиком. Администрация вынесла постановление семь месяцев назад.

Правильно или нет, Фил? Тарр сидел в Москве, и все, что он знал, должно было считаться проваленным. Правильно, Фил? Кроме всего прочего, это посчитали достаточным поводом для того, чтобы свернуть все в Брикстоне и оттяпать один кусок нашей работы, чтобы отдать его Лондонскому Управлению, а другой «фонарщикам» Тоби. А теперь что выходит: Тарр собирается перебежать обратно, так, что ли?

– «Перебежать обратно» было бы чертовски мягко сказано, заметь это на будущее, – резко ответил Аллелайн, снова уткнувшись в бумаги перед собой. – А теперь слушай. Слушай внимательно и запоминай. Потому что я уверен, у тебя, как и у остальных моих подчиненных, память как решето: все вы одинаковы, солисты чертовы. Дэнни и ее мать путешествуют с поддельными британскими паспортами на имя Пула. Паспорта подделаны в России. Третий – у Тарра, хорошо известного мистера Пула. Тарр уже в Англии, но мы не знаем где. Он прибыл сюда загодя другим маршрутом, наши расследования предполагают – тайным. Он проинструктировал свою жену или любовницу – как бишь ее называть? – Он сказал это таким тоном, будто у него не было ни того, ни другого. – Простите меня еще раз, Моу, чтобы они последовали за ним через неделю, чего они, очевидно, до сих пор не сделали. Эту информацию мы получили вчера, так что предстоит еще много побегать. Тарр приказал им также, если вдруг не удастся с ним соединиться, чтобы они вверили свою судьбу в руки некоего Питера Гиллема. У меня есть такое подозрение, что это ты.

– Но если они должны были быть здесь три дня назад, почему этого не произошло?

– Отложили поездку. Опоздали на самолет. Поменяли планы. Потеряли билеты. Откуда, черт подери, я могу знать?

– Или вся ваша информация – «липа», – предположил Гиллем.

– Это исключено! – рявкнул Аллелайн. Гиллем по-прежнему разыгрывал оскорбленное самолюбие:

– Ну хорошо. Русские запустили его по второму кругу. Они посылают сначала его семью, бог знает зачем, мне думается, они бы скорее оставили его близких в качестве «заложников», а затем посылают его самого. Не слишком ли все это рискованно? Что же это за фрукт такой, что мы не верим ни единому его слову?

На этот раз Питер заметил с воодушевлением, что вся аудитория смотрит на Аллелайна, который, как показалось Гиллему, буквально разрывается на части, не зная, что выбрать: дать удовлетворительный, но неизбежно слишком откровенный ответ или промолчать и остаться в дураках.

– Да не имеет значения, дьявол тебя задери, что за фрукт! Гнилой фрукт, с червями! Такое дерьмо, что им отравиться могут! Такой, что наступишь на него, поскользнешься и нос расшибешь, когда до цели останется только руку протянуть! («Его циркуляры тоже были подобного рода, – подумал Гиллем. – Метафоры одна на другой через всю страницу».) Но запомни одно. При первом же шорохе, при первом же намеке, при первом же подозрении на появление его самого, или его дамы, или крошки-дочки, ты, юный Питер Гиллем, тут же приходишь к нам, взрослым и опытным. К любому из тех, кого ты видишь за этим столом. Но больше чтобы ни одной душе. Ты в точности следуешь этому предписанию, понял? Учти, здесь столько шестеренок цепляются одна за другую, что тебе в страшном сне не снилось, не говоря уже о том, что это вообще не твоего ума дело…

В какой-то момент разговора все вдруг незаметно пришло в движение.

Бланд засунул руки в карманы и лениво прошел через всю комнату, чтобы прислониться к дальней двери. Аллелайн снова зажег трубку и медленным движением руки погасил спичку, пристально глядя на Гиллема сквозь дым: «С кем ты теперь встречаешься, Питер, кто эта счастливая крошка?» Портес аккуратно подвинул Гиллему какой-то лист бумаги, чтобы тот поставил свою подпись: «Это для тебя, Питер, сделай одолжение». Пол Скордено нашептывал что-то на ухо одному из «русских», а Эстерхейзи через дверь отдавал «мамочкам» распоряжения. И только Моу Делавэр не сводила с Гиллема взгляда своих карих невыразительных глаз.

– Ты бы хоть прочитал сначала, – вкрадчиво посоветовал Портес.

Гиллем уже наполовину пробежал бланк глазами:

"Я подтверждаю, что сегодня был ознакомлен, с содержанием донесения "Черная магия No. 308" от источника Мерлин, – гласил первый абзац. – Я обязуюсь не разглашать ни одного положения этого донесения среди других сотрудников Службы, как и упоминать о самом существовании источника Мерлин. Обязуюсь также докладывать немедленно о любых ставших мне известными фактах, которые окажутся связанными с этим материалом".

Дверь по-прежнему оставалась открытой, и как только Гиллем подписал документ, кабинет наводнили сотрудники второго эшелона Лондонского Управления во главе с «мамочками», несущими подносы с сандвичами:

Дайана-Акула, Лодер Стрикленд, который от важности, казалось, вот-вот лопнет; девушки из экспедиции и брюзгливый старый конь по имени Хаггард, который натаскивал в свое время Бена Тракстона. Гиллем медленно вышел, пересчитывая присутствующих, потому как знал, что Смайли обязательно поинтересуется, кто тут был. Возле двери, к своему удивлению, он обнаружил, что к нему присоединился Хейдон, который, кажется, решил, что предстоящее застолье не для него.

– Паршивое глупое кабаре, – заметил Билл, рассеянно помахав на прощание «мамочкам». – Перси с каждым днем становится все непереносимее.

– Это уж точно, – ответил Гиллем в сердцах.

– Как поживает Смайли? Часто его видишь? Ты ведь был довольно дружен с ним или я ошибаюсь?

Окружающий мир, который только было начал обретать признаки устойчивости, вдруг снова неистово качнулся перед глазами Гиллема.

– К сожалению, нет, – сказал он. – По-моему, он вне пределов досягаемости.

– Только не говори мне, что тебя сильно трогает вся эта чепуха, – фыркнул Билл.

Они дошли до лестницы. Хейдон прошел вперед.

– А ты? – спросил Гиллем. – Ты его часто видишь?

– Энн в очередной раз сделала Джорджу ручкой, – бросил Билл, пропустив мимо ушей его вопрос. – Смылась с каким-то то ли морячком, то ли официантом.

– Дверь в его комнату была широко открыта, на столе валялись кипы секретных документов. – Это справедливо, по-твоему?

– Я и не знал, – откликнулся Гиллем. – Бедный старина Джордж.

– Кофе будешь?

– Спасибо, но мне, пожалуй, пора.

– На чашечку чая с братцем Тарром?

– Точно. «У Фортнема». Пока.

В архивном секторе Алвин уже вернулся с обеда.

– Сумку забрали, сэр, – весело сказал он. – Должно быть, она уже в Брикстоне.

– Ах ты, черт, – сказал Гиллем, выпуская последний заряд. – В ней лежала одна вещь, которая мне сейчас очень необходима.

Его вдруг осенила отвратительная догадка: она казалась такой ясной и такой ужасающе очевидной, Что он мог теперь лишь поражаться, почему она вдруг не пришла ему в голову раньше. Санд – муж Камиллы. Она живет двойной жизнью. Целая вереница обманов открылась ему. Его друзья, его любимые женщины, даже Цирк сам по себе смешались и сплелись в

бесконечный узор интриг и махинаций. Ему вспомнилась фраза Мэндела, оброненная им два вечера назад, когда они пили пиво в одной мрачной загородной пивнушке: «Не унывай, Питер, старина. Ты же знаешь, у Христа их было всего двенадцать, а один все равно оказался предателем».

«Тарр, – подумал он. – Этот ублюдок Рикки Тарр».

Глава 22

Спальня была продолговатой формы с низким потолком, она располагалась на чердаке и когда-то служила комнатой для прислуги. Гиллем стоял у двери;

Тарр без движения сидел на кровати, откинув назад голову и прислонив ее к покатому потолку, расставив в стороны руки с растопыренными пальцами. Над его головой было мансардное окно, и с того места, где стоял Гиллем, он мог видеть уходящие вдаль чернеющие равнины Саффолка и вереницу черных деревьев на фоне неба. Стены комнаты были оклеены коричневыми обоями с крупными красными цветами. С черной дубовой балки свисал единственный светильник, отбрасывая на их лица причудливые тени в виде геометрических узоров, и когда кто-нибудь из них шевелился – Тарр на кровати или Смайли на деревянной кухонной табуретке, – казалось, будто этот свет вместе с ними приходит в движение, а затем снова замирает.

Будь его воля, Гиллем, без сомнения, поговорил бы с Тарром по-другому.

Его нервы натянулись так, что казалось, вот-вот лопнут, и, когда они ехали сюда, он даже не заметил, что стрелка спидометра дрожит уже где-то у отметки 140 км/ч, пока Смайли довольно резко не приказал ему сбавить скорость. Будь его воля, он бы, пожалуй, не устоял перед искушением отделать Тарра так, чтобы родная мать не узнала, и, если бы потребовалось, позвал бы даже на подмогу Фона. Питер вел машину, а перед глазами стояла отчетливая сцена: вот он открывает дверь в комнату, где живет Тарр, и несколько раз со всего размаху бьет его по лицу, с горячим приветом от Камиллы и ее бывшего мужа, достопочтенного мэтра по части игры на флейте. И наверное, Смайли, который не хуже Гиллема ощущал напряжение их поездки, каким-то телепатическим способом увидел ту же самую сцену: то, что он сказал, было совершенно явно предназначено для того, чтобы успокоить Гиллема:

– Тарр не солгал нам, Питер. Во всяком случае, ни в чем существенном.

Просто он сделал то, что делают разведчики всего мира: не удосужился рассказать все до конца. С другой стороны, он повел себя достаточно умно.

В отличие от Гиллема, в эмоциях которого царила полная неразбериха, Смайли держался до того уверенно и даже самонадеянно, что позволил себе привести поучительный афоризм Стнд-Эспри об умении обвести вокруг пальца: что-то насчет стремления не к совершенству, а к преимуществу, что снова напомнило Гиллему о Камилле. «Карла позволил нам проникнуть внутрь кольца», – заметил Смайли, и Гиллем неудачно пошутил о том, что надо не забыть сделать пересадку на станции «Чаринг-Кросс». После чего Смайли замолчал, ограничившись тем, что смотрел в боковое зеркало, и лишь изредка давал указания, куда ехать.

Они встретились у Кристал-Палас, в закрытом пикапе, за рулем которого сидел Мэндел, и направились в Барнсбери, где в конце одного мощенного булыжником переулка, полного детворы, располагалась мастерская по ремонту кузовов, куда они прямиком и въехали. Там их со сдержанной улыбкой встретил пожилой немец, и не успели они выйти, как он вместе с сыном тут же снял с пикапа номерные знаки и отвел Гиллема со Смайли в глубь гаража где стоял готовый к поездке «воксхолл» с форсированным двигателем. Мэндел остался с досье по операции «Свидетель», которое Гиллем привез ему из Брикстона в чемоданчике. Смайли скомандовал: «Автомагистраль А12». Сначала дорога была почти пустой, но где-то, не доезжая до Колчестера, они смешались с большим скоплением грузовиков, и Гиллем неожиданно занервничал. Смайли пришлось приказать ему взять себя в руки. Один раз им попался какой-то старик, который еле плелся по крайней правой – самой быстрой – полосе. Когда они стали

обгонять его слева, он, то ли пьяный, то ли больной, а может, просто с перепугу, вдруг ни с того ни с сего шарахнулся в их сторону. В другой раз совершенно неожиданно они въехали в облако тумана – казалось, оно просто упало на них откуда-то сверху. Гиллем проскочил через него, побоявшись даже притормозить из-за ледяной корки на дороге. Проехав Колчестер, они стали держаться левее. На дорожных указателях мелькали какие-то названия вроде Литтл-Хорксли, Уорминг-форд и Бэрз-Грин, затем таблички вообще перестали попадаться, и у Гиллема появилось ощущение, что они едут в никуда.

– Здесь налево, а затем снова налево. Постарайся остановиться поближе к воротам.

Они приехали в какую-то деревушку, но кругом не было ни людей, ни огоньков, да и луна скрылась. Они вышли из машины, холод тут же пробрал до костей. Гиллем почуял запах крикетной площадки, дыма костра и Рождества одновременно. Он подумал, что никогда еще не был в таком тихом и таком холодном, Богом забытом месте. Прямо перед ними выросла церковная башня, с одной стороны тянулся белый забор, а на вершине склона стояло невысокое бесформенное строение, частью покрытое соломой, которое Гиллем принял за дом приходского священника; на фоне неба он сумел различить бахромчатую кромку фронтона. Фон уже ждал их. Как только они остановились, он подошел к машине и бесшумно забрался на заднее сиденье.

– Рикки сегодня выглядит гораздо лучше, – доложил он. Очевидно, Смайли регулярно получал от него доклады на протяжении вот уже нескольких дней. Фон был уравновешенным парнем с тихим голосом и огромным желанием угождать, однако остальные члены брикстонской команды, кажется, побаивались его, даже Гиллем не понимал почему. – Не так нервничает, ведет себя более раскованно, я бы сказал. Все утро заполнял эти карточки – уж так Рикки любит тотализатор; днем мы выкопали несколько елочек для мисс Эйлсы, чтобы она могла отвезти их потом на рынок. Вечером мы сыграли в какую-то забавную игру с карточками, а потом он довольно рано ушел спать.

– Вы его выпускали куда-нибудь одного? – спросил Смайли.

– Нет, сэр.

– А телефоном давали пользоваться?

– Боже упаси, сэр, ни в моем присутствии, ни, я уверен, в присутствии мисс Эйлсы.

От их дыхания стекла машины запотели, но Смайли не стал включать двигатель, и поэтому обогреватель с вентилятором не работали.

– Он что-нибудь говорил о своей дочери Дэнни?

– Вплоть до понедельника – очень часто. Сейчас он вроде немного поостыл. Судя по его настроению, он просто старается выкинуть все это из головы.

И он больше не просил о том, чтобы встретиться с ними?

– Нет, сэр.

– И даже не пытался поставить условия о встрече, когда все это закончится?

– Нет, сэр.

– Или о том, чтобы переправить их в Англию?

– Нет, сэр.

– И не просил, чтобы им сделали необходимые документы?

– Нет, сэр.

Гиллем раздраженно вмешался в разговор:

– Черт возьми, о чем же он тогда говорил?

– О той самой русской женщине, сэр. Об Ирине. Он только и делает, что перечитывает ее дневник. Он говорит: когда поймают «крота», я заставлю центр обменять его на Ирину. А затем, мол, мы ее пристроим в хорошее местечко, сэр, как мисс Эйлсу, но только где-нибудь в

Шотландии, там, где природа покрасивее. Он говорит, что и обо мне позаботится как следует. Даст мне хорошую работу в Цирке. Он все время уговаривает меня учить языки, чтобы кругозор у меня был пошире.

Его монотонный голос в темноте за их спинами замолк, и они так и не узнали, последовал ли Фон совету Тарра.

– Где он сейчас?

– В постели, сэр.

– Постарайтесь не хлопать дверьми.

Эйлса Бримли ждала их у парадного крыльца; это была седовласая леди шестидесяти лет с умным решительным лицом. Смайли говорил, что она с давних пор в Цирке, работала шифровальщицей еще во время войны у самого лорда Лансбери; она уже вышла на пенсию, но вид у нее и сейчас был грозный. На ней был элегантный коричневый костюм. Она поприветствовала Гиллема, пожав ему руку, заперла за ними дверь на засов, и, когда он обернулся, ее уже и след простыл. Смайли стал первым подниматься по ступенькам. Фон остался на лестничной плошадке, чтобы по первому же сигналу прийти на помощь.

– Это Смайли, – сказал Смайли, постучавшись в дверь к Тарру. – Мне нужно кое о чем с тобой переговорить.

Тарр быстрым движением распахнул створку. Он, должно быть, слышал, что они идут, и уже ждал их за дверью. Открыл он ее левой рукой, держа в правой пистолет и вглядываясь в темноту коридора за спиной Смайли.

– Там только Гиллем, – произнес Смайли.

– Вот то-то и оно, – отозвался Тарр. – Пусть он знает, что кое у кого зубки уже прорезались.

Они вошли в комнату. На Рикки были широкие брюки, а на плечах что-то вроде простенькой малайской рубахи. По всему полу были разложены карточки для игры в «Лексикон» (Лексикон" – настольная игра, в которой играющие выгадывают по очереди карточки с буквами так, чтобы они составляли слова), а в воздухе стоял запах карри, которое он готовил себе на электроплитке.

– Мне очень жаль докучать тебе, – начал Смайли с выражением искреннего сочувствия на лице. – Но я снова вынужден спросить, что ты сделал с теми двумя бланками швейцарских паспортов, которые брал с собой в Гонконг на случай бегства?

– А в чем дело? – спросил Тарр после долгого молчания.

От его былой живости за эти дни не осталось и следа. Лицо стало бледным, как у заключенного, он похудел; и когда он сел на кровать, положив на подушку рядом свой пистолет, глаза затравленно бегали от одного к другому, явно выражая недоверие, Смайли продолжил:

– Послушай. Я готов поверить в твой рассказ. Ничего пока не случилось.

При условии, что ты все расскажешь, мы готовы уважать твое право на личную жизнь. Но мы должны знать все. Это чрезвычайно важно. Все твое будущее от этого зависит.

И много чего еще, подумал Гиллем, не переставая наблюдать за Тарром.

Насколько он знал Смайли, целая цепочка последовательных расчетов висела сейчас на волоске.

– Я же вам уже сказал, что сжег их. Мне не понравились их номера. Я посчитал, что они «засвечены». Воспользоваться этими паспортами было все равно что повесить себе на шею табличку «Разыскивается Рикки Тарр».

Смайли вел допрос ужасно медленно. Даже для Гиллема было невыносимо ждать, когда очередной вопрос нарушит глубокую тишину ночи.

– Как ты их сжигал?

– Какое, к дьяволу, это имеет значение?

Но Смайли, совершенно очевидно, не был склонен давать объяснения подобным расспросам; он предпочитал, чтобы молчание делало свое дело, и казалось, что так оно и будет. Гиллему приходилось наблюдать целые дознания, проведенные подобным образом: затянутый допрос, утопающий в целом ворохе формальностей, томительные паузы, пока каждая реплика дословно записывается в протокол, и мозг подозреваемого изматывает своего обладателя выбором из тысяч вариантов ответов на один-единственный вопрос следователя, и день ото дня убывают его силы на то, чтобы придерживаться первоначальной легенды.

– После того, как ты купил для себя английский паспорт на имя Пула, – спросил Смайли спустя целую вечность, – ты больше не покупал других паспортов в том же месте?

– С какой стати?

Но Джордж не собирался давать никаких объяснений.

– С какой стати? – повторил Тарр. – Черт подери, я не коллекционер какой-нибудь, все, что мне требовалось, это выкарабкаться из того дерьма.

– И защитить своего ребенка, – предположил Смайли с понимающей улыбкой.

– А также его мать, если это возможно. Я уверен, ты хорошо поломал над этим голову, – продолжал он вкрадчивым тоном. – В конце концов, ты вряд ли мог оставить их на милость этого назойливого француза, не так ли?

В ожидании ответа Смайли сделал вид, что изучает карточки, считывая с них слова по горизонтали и по вертикали. В них не было ничего особенного: случайные сочетания слов. Одно было написано с ошибкой. Гиллем заметил, что в слове «эпистола» две последние буквы стоят не на своих местах. «Чем он там занимается, – недоумевал Гиллем, – в этих своих вонючих третьеразрядных меблирашках? По каким неуловимым признакам ориентируется он в своих расчетах, отгородившись от всего мира легендой о торговле соусом и переговорах со своими коммивояжерами?»

– Ну, ладно, – угрюмо заговорил Тарр, – в общем, я взял паспорта для Дэнни и ее матери. Миссис Пул и мисс Дэнни Пул. Что вы теперь намерены делать, подпрыгивать до потолка от восторга?

И снова ответом ему было укоряющее молчание.

– Ну почему же ты не сказал нам этого раньше? – спросил наконец Смайли тоном отца, огорченного своим чадом. – Мы же не чудовища какие-нибудь. Мы вовсе не хотим им вреда. Почему ты не сказал нам? Мы бы, пожалуй, даже постарались помочь тебе. – Джордж снова стал изучать карточки. Тарр, видимо, использовал два или три комплекта, они лежали рядами на циновке из волокна кокосового ореха. – Почему ты не сказал нам? – повторил Смайли. – Нет никакого преступления в том, чтобы заботиться о тех, кого любишь.

Если только они позволяют тебе, подумал Гиллем, мысли которого снова были заняты Камиллой.

Чтобы облегчить Тарру ответ, Смайли начал выдвигать ему на помощь свои версии:

– Может быть, из-за того, что для покупки этих английских паспортов тебе пришлось раскошелиться за счет отпущенных командировочных? По этой причине ты нам не сказал? Бог ты мой, да кто здесь беспокоится из-за денег?

Ты добыл нам жизненно необходимую информацию. Неужели мы будем спорить из-за каких-то жалких пары тысяч долларов?

И снова время без всякой пользы отсчитывает уходящие секунды.

– Или из-за того, – предположил Смайли, – что тебе стало стыдно?

Гиллем замер, забыв о своих собственных проблемах.

– В известном смысле тебе, я думаю, было чего стыдиться. Не очень-то, в конце концов, любезно с твоей стороны оставлять Дэнни и ее мать с «засвеченными» паспортами на милость этого так называемого француза, который так настойчиво разыскивал мистера Пула, правда ведь? В то время как сам ты сбежал сюда, где с тобой обходятся, как с особо важной персоной. Хотя, если подумать, это, конечно, ужасно, – согласился Смайли, будто это Тарр, а не он сам расставил все по своим местам. – Ужасно наблюдать, как к тебе тянутся руки Карлы, чтобызаставить тебя замолчать. Или заставить работать на себя.

Тарра вдруг прошиб такой пот, что страшно было смотреть. Он чуть ли не ручьями струился по его щекам, так что казалось, будто это слезы. Карточки больше не интересовали Смайли, его внимание привлекла другая вещь. Это была игрушка, сделанная из двух стальных стержней, скрепленных шарниром наподобие клещей. Фокус состоял в том, чтобы прокатить вдоль этих стержней стальной шарик. Чем дальше он катился, тем больше очков можно было заработать, когда он упадет в одну из лунок внизу.

– Другой причиной, по которой ты не стал нам всего рассказывать, могло быть, я думаю, то, что ты сжег их. Сжег английские паспорта, разумеется, а не швейцарские.

«Будь начеку, Джордж, – подумал Гиллем и осторожно подвинулся на один шаг вперед, чтобы сократить расстояние между собой и Тарром. – Будь начеку».

– Ты знал, что фамилия Пул «засвечена» и поэтому ты сжег те паспорта, что купил для Дэнни и ее матери, но свой-то ты сохранил, потому что у тебя не было другого выхода. Затем ты заказал в турагентстве два билета на имя Пула, чтобы убедить всех в том, что ты ничего не подозреваешь о провале. Под «всеми» я, разумеется, подразумеваю шпиков Карлы. Потом ты заполнил швейцарские бланки, которые у тебя были – один для Дэнни, другой для ее матери, – понадеявшись, что на номера не обратят внимания, а после этого сделал новые приготовления, которые уже особо не афишировал. Приготовления, которые ты тщательно продумал еще до того, как заказывал билеты на фамилию Пул. Ну как тебе такой сценарий? Остановиться где-нибудь там же, на Востоке, но в другом месте, например в Джакарте: там, где у тебя есть друзья.

Даже с того места, где он стоял, Гиллем опоздал. Руки Тарра успели вцепиться в глотку Смайли, стул опрокинулся, и они упали. Из свалки Гиллем сумел выудить правую руку Тарра и заломить ее ему за спину, едва не сломав при этом. Откуда ни возьмись, появился Фон, вытащил из-под подушки пистолет и снова шагнул к Тарру, будто собираясь помочь ему встать. Затем Смайли отряхивал свой костюм, а Тарр снова сидел на кровати, прикладывая носовой платок к уголку рта.

Смайли сказал:

– Я не знаю, где они сейчас. Насколько мне известно, им ничего не угрожает. Ты ведь веришь мне, не так ли?

Тарр не мигая смотрел на него и ждал. Его глаза горели бешенством, но в движениях Джорджа сквозила невозмутимость, и Гиллем понял, что тем самым он старается успокоить Тарра.

– Присматривали бы вы лучше за своей бабой, а мою оставьте в покое, – прошипел наконец Тарр, не отнимая руку ото рта. С возгласом негодования Гиллем рванулся было вперед, но Смайли удержал его.

– Пока ты не будешь пытаться наладить с ними связь, – продолжал Смайли, – пожалуй, лучше, чтобы я не знал, где они. Хотя, может быть, ты хочешь, чтобы я что-нибудь для них сделал? Может, им нужны деньги, или покровительство, или другая поддержка подобного рода?

Тарр помотал головой. У него во рту была кровь, прямо-таки полный рот крови. Гиллем сообразил, что Фон, должно быть, ударил его, но он никак не мог понять, в какой именно момент это произошло.

– Это все скоро кончится, – сказал Смайли. – Скорее всего, через неделю. А если у меня получится, то, может, и быстрее. Старайся не думать об этом слишком много.

К тому времени, как они уходили, Тарр уже снова ухмылялся, и Гиллем предположил, что либо их визит, либо покушение на Смайли, а может быть, расквашенная физиономия – что-то из всего этого явно пошло ему на пользу.

– А что эти купоны от футбольного тотализатора, – осторожно спросил Смайли Фона, пока они садились в машину. – Ты, случайно, не стал их куда-нибудь отсылать?

– Нет, сэр.

– Ну, одна надежда на Бога, чтобы он не сорвал куш, – заметил Смайли крайне необычным для себя шутливым тоном, и все трое громко расхохотались.

Память иногда проделывает странные штуки с уставшим, изнуренным мозгом. Все время, пока Гиллем вел машину, одна часть его рассудка была занята дорогой, а другая терзалась все более и более ужасными подозрениями, связанными с Камиллой, причудливые образы этого и других похожих на него томительных дней сами собой всплывали в его памяти. Дни сплошного кошмара в Марокко, когда его агентурные сети проваливались одна за другой и при каждом шорохе на лестнице он кидался к окну, чтобы осмотреть улицу; дни полного безделья в Брикстоне, когда он видел, какое жалкое общество его окружает, и думал о том, что и он сам является его частью. И вдруг перед его мысленным взором возникло донесение, лежащее на его рабочем столе: оно было у кого-то перекуплено и потому размножено на голубоватой кальке с помощью стеклографа; источник сообщения неизвестен и, возможно, ненадежен; и сейчас каждое слово этого донесения назойливым эхом отдавалось в мозгу у Гиллема.

Посообщениюисточника,недавноосвобожденногоиззаключениянаЛубянке,виюлесегогодаМосковскийЦентртайнопровелказньвблокедляисполненияприговоров.Жертвамисталитроедолжностныхлицизихорганизации.Однаизних–женщина.Всебылирасстрелянывзатылок.

– Там стоял гриф «Для служебного пользования», – хмуро сказал Гиллем.

Они свернули на стоянку у придорожного ресторанчика, увешанного китайскими фонариками. – Кто-то из Лондонского Управления нацарапал на нем: "Можетликто–нибудьопознатьтела?"

В мерцающем свете цветных фонариков Гиллем разглядел, как лицо Смайли передернулось от омерзения.

– Да, – согласился он наконец. – Да, теперь, думаю, мы можем сказать, что это была Ирина, не так ли? А те двое других, я полагаю, Ивлев и ее муж Борис. – Его голос по-прежнему оставался сухим и бесстрастным. – Тарру не следует этого знать, – продолжал Джордж, будто стряхнув с себя оцепенение. – Просто-таки жизненно необходимо, чтобы он случайно не пронюхал об этом.

Одному Богу известно, что он станет делать или, наоборот, чего он не станет делать, если узнает, что Ирина мертва.

Несколько минут никто из них не шевелился; вероятно, по разным причинам ни у того, ни у другого не хватало сил или духу что-нибудь наконец предпринять.

– Мне нужно позвонить, – сказал Смайли, но даже не попытался выйти из машины.

– С тобой все в порядке, Джордж?

– Я должен позвонить по телефону, – пробормотал он. – Лейкону.

– Так иди и звони.

Перегнувшись через Смайли, Гиллем открыл ему дверцу. Смайли вылез наружу, прошел несколько шагов по бетонке, затем будто передумал и вернулся.

– Пойдем перекусим чего-нибудь, – сказал он все тем же озабоченным тоном, нагнувшись к окошку. – Я думаю, даже ребята Тоби не стали бы нас преследовать до этого места.

Когда-то это был ресторан, теперь – придорожное кафе, в котором, однако, сохранились следы былой роскоши. Меню в красной кожаной обложке было запятнано жиром. Молоденький официант, который его принес, казалось, спал на ходу.

– Говорят, курица в вине всегда заслуживает доверия, – с жалкой потугой на юмор сказал Смайли, вернувшись из телефонной кабинки в углу зала. И добавил приглушенным голосом, так, чтобы не было слышно сидящим вокруг:

– Скажи, как много ты знаешь о Карле?

– Примерно столько же, сколько о «Черной магии», агенте Мерлине и всем остальном из того, что было написано в бумаге, которую я подписал для Портеса.

– Вот это ты верно заметил. Ты, я думаю, хотел сделать мне упрек, но на самом деле твое сравнение в высшей степени уместно. – Официант подошел к ним, жонглируя, как булавой, бутылкой бургундского. – Будьте так любезны, дайте ей передохнуть, – обратился к нему Смайли.

Официант уставился на него, как на сумасшедшего.

– Откройте и оставьте на столе, – коротко бросил Гиллем.

Смайли рассказал ему не все, что знал. Позже Гиллему стали известны кое-какие детали, которые тот от него утаил. Но сейчас этой истории было достаточно для того, чтобы развеять его хандру, от которой сам он избавиться был не в состоянии.

Глава 23

Руководители агентурных сетей, как правило, считают своей святой обязанностью создать себе имидж живой легенды, – начал Смайли таким тоном, будто читал лекцию слушателям в «яслях». – Сначала они пытаются таким образом произвести впечатление на своих агентов. Потом пробуют распространить это на своих коллег, в результате чего, как показывает мой личный опыт, выглядят редкостными идиотами. Некоторые заходят так далеко, что сами начинают верить своей легенде. Это шарлатаны, и избавляться от таких нужно немедленно, другого пути нет.

Как бы то ни было, но легенды существуют, и Карла – одна из них. Даже его возраст всегда считался тайной. Скорее всего, имя у него не настоящее.

Обстоятельств его прошлой жизни никто не знал, и установить это было бы невозможно, поскольку люди, с которыми он работал, имели обыкновение либо вскоре после этого умирать, либо держали рот на замке.

– Поговаривают, будто его отец служил в царской охранке, а затем объявился в чека, – продолжал Смайли. – Я не думаю, что это правда, но в принципе такое могло быть. Другая легенда гласит, будто он поваренком помогал на кухне в бронепоезде, бойцы которого сражались против японских оккупационных войск на Дальнем Востоке. Рассказывают, что профессиональному мастерству его обучал сам Берг – фактически Карла был его любимчиком, – а это сродни тому, что учиться музыке у… ох, ну у какого-нибудь великого композитора. Насколько мне известно, его карьера началась в Испании в тридцать шестом, по крайней мере, это зафиксировано документально. Он выдавал себя за журналиста-белоэмигранта, работающего на Франко; там он завербовал целую ораву немецких агентов. Это была чрезвычайно сложная операция, и, учитывая его молодость, он справился с ней блестяще. В следующий раз он всплыл в качестве офицера разведки в армии Конева во время советского контрнаступления под Смоленском осенью сорок первого. Его работа заключалась в том, чтобы наладить деятельность партизанских агентурных сетей в тылу у немцев. Попутно

он обнаружил, что его радист переметнулся к противнику и передает ему все радиосообщения. Он перевербовал его обратно и с тех пор затеял свою радиоигру, в результате чего информация пошла в обоих направлениях.

Это была другая часть легенды, сказал Смайли: во время боев под Ельней благодаря Карле немцы нередко вели огонь по своим собственным передовым позициям.

– А между этими двумя появлениями, – продолжал он, – в тридцать шестом и сорок первом Карла посетил Великобританию. Мы думаем, он провел здесь шесть месяцев, но даже сегодня мы не знаем, правильнее сказать, я не знаю – под чьим именем и под какой «крышей». Что совсем не означает, что этого не знает Джералд. Но Джералд вряд ли станет нам об этом рассказывать, по крайней мере, без какого-то хитрого умысла.

Смайли никогда еще не разговаривал с Гиллемом подобным образом.

Раскрывать душу или читать длинные проповеди было отнюдь не в его привычках.

Гиллем знал Джорджа как довольно застенчивого человека, для которого, несмотря на все его тщеславие, общение вовсе не составляло первейшей жизненной потребности.

– Году примерно в сорок восьмом он угодил в тюрьму, а затем в Сибирь, даром что всегда верой и правдой служил своей стране. Лично против него у них ничего не было, просто случилось так, что он оказался в одном из тех подразделений армейской разведки, которое после очередной чистки прекратило свое существование. После смерти Сталина, – продолжал Смайли, – Карла был реабилитирован и, очевидно, направлен в Америку: когда летом 1955-го индийские власти арестовали его в Дели по подозрению в нарушении иммиграционных правил, выяснилось, что он только что прилетел из Калифорнии.

Позже в Цирке прокатился слух о его причастности к серии громких скандалов, связанных с государственными изменами в Великобритании и Штатах.

Смайли был осведомлен об этом лучше других.

– Карла к тому времени снова впал в немилость. Москва охотилась за ним, и мы подумали, что легко сможем склонить его к переходу на нашу сторону.

Именно за этим я и полетел в Дели. Поболтать с ним с глазу на глаз.

Ему пришлось прерваться ненадолго: приплелсяполусонный парнишка-официант и спросил, все ли способствует их приятному времяпрепровождению. Предельно вежливо Смайли заверил его, что все в порядке.

* * *

– История моей встречи с Карлой, – возобновил он свой рассказ, – несет на себе отпечаток той эпохи. В середине пятидесятых Московский Центр буквально развалился на кусочки. Старших офицеров почти всех либо расстреляли, либо «вычистили», а тех, кто был рангом пониже, охватило какое-то массовое безумие. В результате среди военных Центра, работавших за рубежом, началось повальное дезертирство. Буквально отовсюду: Сингапур, Найроби, Стокгольм, Канберра, Вашингтон – откуда только они к нам не бежали, и поток этот не иссякал. Это, правда, была в основном мелкая рыбешка: связные, водители, шифровальщики, машинистки. Нужно было принимать какие-то меры – мы редко осознаем тот факт" что промышленность сама зачастую стимулирует свое перепроизводство, – и за очень короткий срок я переквалифицировался в некое подобие коммивояжера. Я стал летать по всему миру: сегодня в какую-нибудь столицу, завтра – на глухую пограничную заставу, один раз даже пришлось приземляться на палубу корабля в открытом море. И все это затем, чтобы отобрать нужных людей: кого-то отсеять, кого-то переправить в другое место, с кем-то договориться об условиях, поприсутствовать при первом допросе, проследить за окончательным назначением.

Гиллем все время наблюдал за Джорджем, но даже в этом безжалостном неоновом свете лицо Смайли не выражало ничего, кроме едва заметной тревожной сосредоточенности.

– Для тех из них, в чьих историях сходились концы с концами, мы разработали, если можно так выразиться, три варианта договора. Если степень допуска «клиента» не представляла для нас интереса, мы могли продать его другой стране и на этом поставить точку. Выставить на торги, как у вас сейчас говорят, – и как чаще всего сегодня поступают «головорезы». Еще мы могли запустить агента снова в Россию – естественно, в тех случаях, когда измена оставалась незамеченной русскими. И третий вариант: если ему везло, мы брали его себе, «потрошили» до основания и внедряли где-нибудь на Западе.

Обычно такие вопросы были не в моей компетенции – их решали в Лондоне.

Но заметь следующее. В то время Карла, или, как он себя называл, Герстман, был лишь очередным нашим «клиентом». Я изложил тебе его историю задом наперед, не хочу, чтобы ты подумал, будто я прибедняюсь, но ты должен уяснить – не забывая при этом всего того, что произошло между нами, или, скорее, даже того, что не произошло. – когда я вылетал в Дели, я знал о нем совсем немного, как, впрочем, и все остальные в Цирке. А именно: только то, что человек, назвавшийся Герстманом, получил задание наладить радиосвязь между неким Рудневым, начальником отдела агентурной разведки в Москве, и резидентурой Центра в Калифорнии, которая простаивала без дела из-за отсутствия средств связи. Это все, Герстману удалось провезти через канадскую границу контрабандный радиопередатчик, и затем он на три недели затаился в Сан-Франциско, вводя в курс дела нового радиста. Таково было наше предположение, и оно подтвердилось после проведенной ими контрольной серии сеансов радиосвязи. Для этой связи между Москвой и Калифорнией, – пояснил Смайли, – они использовали «книжный» шифр. А затем, в один прекрасный день, Москва передала прямой приказ…

– Все тем же «книжным» шифром?

– Вот именно. В том-то все и дело. Шифровальщики Руднева позволили себе расслабиться, а мы получили фору. Наши «пастухи» раскрыли шифр, и таким образом мы сумели завладеть информацией. Герстману предписывалось срочно покинуть Сан-Франциско и направиться в Дели. Там он должен был встретиться с корреспондентом ТАСС, вербовщиком из Центра, который случайно попался на китайскую " д е з у " и срочно нуждался в дальнейших инструкциях Почему они заставили его терзаться неизвестностью всю дорогу из Сан-Франциско в Дели, почему это должен был быть именно Карла и никто другой – это уже другая история. Если же говорить по существу, то, когда Герстман явился на встречу в Дели, «тассовец» вручил ему билет на самолет и сказал, чтобы тот немедленно ехал домой, в Москву. И никаких вопросов. Приказ исходил лично от Руднева и был подписан его оперативным псевдонимом. Это было уж как-то чересчур сурово даже по русским меркам.

После чего «тассовец» растворился в толпе, оставив Герстмана стоять посреди улицы со всеми его вопросами без ответа и двадцатью восемью часами до вылета.

– Слишком долго ему стоять не пришлось: представители местных властей по нашей просьбе арестовали его и препроводили в городскую тюрьму. Если мне не изменяет память, мы пообещали индийским коллегам поделиться «материалом».

Мне кажется, именно в этом заключалась сделка, – подчеркнул он и, словно вдруг поразившись тому, что память его подводит, замолк и в смятении уставился в глубину зала, окутанного кухонным дымом. – А может, мы пообещали, что отдадим им его после того, как сами с ним поработаем. О, черт, забыл.

– Да это, в общем-то, не так важно, – сказал Гиллем.

– Короче, как я уже сказал, единственный раз за всю жизнь Карлы Цирк его обыграл, – продолжал Смайли, отхлебнув вина и скривившись. – Он не знал и того, что всю агентуру в Сан-Франциско, которую он обслуживал, загребли с потрохами в тот же день, как он улетел в Дели. А дело все в том, что когда Хозяин получил информацию от «пастухов», он тут же продал ее американцам на том условии, что они выпустят Герстмана, но накроют всю остальную сеть

Руднева в Калифорнии. Карла улетел в Дели, не подозревая об этом, он был в неведении даже тогда, когда я приехал к нему в тюрьму, чтобы, как выразился Хозяин, подписать с ним страховой договор. Выбирать ему было почти не из чего. После того, что произошло, не оставалось ни малейшего сомнения в том, что Москва его уже заочно казнила. Более того, чтобы спасти свою шкуру, Руднев всю вину за провал в Сан-Франциско наверняка свалит на него. Эта история наделала много шуму в Штатах, и Москва пришла в ярость от этой ненужной огласки. Я привез с собой снимки из американских газет, на которых был запечатлен не только момент ареста Карлы, но даже и кодовые таблицы, которые он припрятал перед отъездом. А ты знаешь, как болезненно мы реагируем, когда такие вещи попадают в газеты.

Гиллем знал и едва не вздрогнул, вспомнив снова о папке с операцией «Свидетель», которую он сегодня вечером оставил Мэнделу.

– Иными словами, Карла оказался типичной жертвой «холодной войны». Он покинул родину, чтобы работать за границей. В один прекрасный день эта работа накрывается прямо у него на глазах, но вернуться домой он уже не может: у него там теперь врагов больше, чем за границей. По закону мы не могли задержать его надолго, так что просить нас о защите или нет – он должен был решать сам. По-моему, я в своей практике еще не сталкивался с более удобным объектом для перевербовки. Мне оставалось лишь убедить его в том, что агентурная сеть в, Сан-Франциско действительно полностью арестована – просто помахать у него перед носом газетными вырезками из своего портфеля, – слегка намекнуть на те козни, которые ему уже наверняка начал строить братец Руднев в Москве, да телеграфировать в Саррат тамошним немного переутомившимся следователям. Я даже надеялся, что к выходным успею вернуться в Лондон. Если я правильно помню, у меня были билеты в Садлерс Уэллз (Старейший театр оперы и балета в Лондоне): в тот год Энн увлекалась балетом.

Да, Гиллем что-то слышал об этом: двадцатилетний Аполлон из Уэльса, восходящая звезда сезона. Эта труппа произвела тогда в Лондоне настоящий фурор.

– Жара в тюрьме была невыносимая, – продолжал Смайли. – Посредине камеры стоял железный стол, а в стены были вмонтированы железные кольца наподобие тех, к которым привязывают скотину в хлеву. Они привели его закованным в наручники, что выглядело довольно глупо, потому что он был очень хрупок на вид. Я попросил снять их с него, и, когда охранники это сделали, он положил руки перед собой на стол и стал смотреть, как кровь в венах постепенно приходит в движение. Это, должно быть, причиняло ему боль, но виду он не подавал. К тому времени он пробыл в заточении уже неделю, и на нем была тюремная ситцевая рубашка. Красного цвета. Я сейчас уже не помню, что означает красный цвет: у них там это как-то связано с тюремной этикой.

Джордж отхлебнул вина, и лицо его снова вытянулось, затем, по мере того как воспоминания снова овладевали им, он попытался постепенно придать ему нормальное выражение.

– В общем, на первый взгляд он не произвел на меня какого-то особого впечатления. Трудно было разглядеть, что под личиной этого тщедушного малого, сидящего передо мной, скрывается само воплощение коварства и хитрости, о котором мы узнали из письма этой несчастной женщины, Ирины.

Хотя, может быть, сыграло свою роль и то, что мое восприятие к тому времени порядком притупилось от такого количества похожих друг на друга встреч за последние несколько месяцев, от постоянных переездов и, наверное… Да чего уж там, наверное, и оттого, что происходило у меня дома.

За все то время, что Гиллем знал его, Смайли впервые в разговоре с ним так близко коснулся больной темы – супружеской неверности Энн.

– Это отчего-то приносило мне ужасные страдания.

Его глаза по-прежнему оставались широко открытыми, но взгляд был совершенно отсутствующим. Кожа на лбу и на щеках натянулась, будто Джордж силился что-то вспомнить, но уже ничего не могло утаить от Гиллема того чувства одиночества, которое Смайли невольно выдал одним-единственным признанием.

– У меня есть одно убеждение, которое, я подозреваю, может показаться аморальным, – продолжал Смайли уже не так мрачно. – Каждому из нас отпущена строго определенная мера сострадания. И если мы будем растрачивать нашу заботу на каждую бродячую кошку, мы никогда не дойдем до сути вещей. Что ты об этом думаешь?

– А как он выглядел, этот Карла? – спросил Гиллем, расценив вопрос как сугубо риторический, – Как молодой старичок. Такой благопристойный молодой старичок. Он бы очень здорово мог сойти за священника: в маленьких итальянских городках очень часто попадаются такие священники в стареньком, поношенном одеянии.

Маленький и жилистый, волосы с проседью, ясные карие глаза, все лицо в мелких морщинках. А еще он мог бы сойти за директора школы: жесткий и строгий, что бы под этим ни подразумевалось, проницательный в пределах своего жизненного опыта; но в любом случае – совершенно непримечательный, как маленькая картина, мимо которой проходишь, не обратив на нее должного внимания. Первоначально он не производил больше никакого впечатления, лишь уставился прямо на меня почти с самого начала нашего разговора, если только это можно назвать разговором: он ведь так и не издал ни звука. Ни слова, ни полслова за все время, что мы с ним провели вместе. А жара стояла такая, что становилось дурно, и к тому же я был измотан до смерти.

Движимый скорее желанием соблюсти приличия, нежели чувством голода, Смайли принялся за еду. Он без всякого удовольствия жевал несколько минут, прежде чем продолжил свой рассказ.

– Ну вот, – пробубнил он, – теперь повару не будет обидно. По правде говоря, я был некоторым образом предвзято настроен против Герстмана. У нас у всех есть свои предубеждения, и что касается меня, то я настороженно отношусь к радистам. Мне в моей практике попадались исключительно зануды, нервные и непригодные к оперативной работе, к тому же до неприличия ненадежные, когда дело доходит до выполнения своих обязанностей. Так вот Герстман, как мне потом показалось, как-то выбивался из общего ряда.

Наверное, я сейчас ищу себе оправдание за то, что подошел к работе с ним с недостаточным, – он поколебался, – с недостаточным вниманием, с недостаточной предусмотрительностью. Хотя, – Джордж вдруг посуровел, – все мы умны задним числом, и я совсем не уверен, что мне нужно оправдываться.

В этот момент Гиллем почувствовал, как на него повеяло волной необъяснимого гнева, призрачной усмешкой перекосившего бледные губы его собеседника.

– К черту все, – пробормотал Смайли. Гиллем, заинтригованный, ждал продолжения.

– Еще я помню, как подумал тогда, что тюрьма за эти семь дней успела наложить на него свой отпечаток: в его кожу уже въелась белесая пыль, и он совершенно не потел. С меня так просто ручьями лилось. Итак, я выложил ему свои аргументы, как делал уже черт знает сколько раз в тот год; правда, здесь, очевидно, не могло быть и речи о том, чтобы запустить его в Россию нашим агентом. «У вас есть следующий выбор, – сказал я ему. – И выбор этот должны сделать только вы и никто другой. Оставайтесь на Западе, и мы обеспечим вам – в разумных пределах – приличное существование. После соблюдения необходимых формальностей, результатом которых должно стать ваше согласие сотрудничать с нами, мы поможем вам начать новую жизнь, обеспечим новое имя, изоляцию, определенную сумму денег. В противном случае вы можете ехать домой, где, я думаю, вас расстреляют или отправят в лагерь. В прошлом месяце они отправили туда Быкова, Шура и Муранова. Ну, а теперь не назовете ли вы мне свое настоящее имя?» Что-то вроде этого я ему сказал, после чего сел, вытер пот и

стал ждать, когда он скажет: «Да, спасибо, я согласен». Но он не сделал ничего подобного. Он не стал разговаривать со мной. Он просто сидел, маленький и неподвижный, под большим неработающим вентилятором и смотрел на меня своими насмешливыми карими глазами, положив перед собой руки. Они были все в мозолях. Я, помню, подумал, что надо бы спросить его, где это ему пришлось так много ими работать. Он держал их вот так, расслабив и положив на стол ладонями кверху и слегка согнув пальцы, будто они все еще были в наручниках Парнишка-официант, подумав, что этим жестом Смайли хочет показать, что ему чего-то не хватает, снова неуклюже заковылял к столу, и Смайли снова заверил его, что все настолько замечательно, что лучше быть не может, и особенно его изумляет изысканный букет вина. Он и вправду хотел бы узнать, где они его откопали. Наконец мальчик отстал, ухмыляясь и потешаясь про себя, и стал смахивать своей салфеткой пыль с соседнего стола.

– Именно в этот момент, я думаю, меня начало охватывать это странное предчувствие неудачи. Жара меня окончательно доконала. Смрад стоял невыносимый, и я помню, что сидел и тупо слушал, как капли моего пота выбивают дробь о железный стол: к а п , к а п… И не столько, наверное, молчание, сколько его физическая неподвижность начала действовать мне на нервы. О, я знал массу перебежчиков, которые не торопились заговорить! Те, кого всю жизнь учили быть скрытным даже со своими ближайшими друзьями, должны пройти через немыслимые муки совести, прежде чем открыть рот и выдать секреты своим врагам. А еще мне вдруг пришло в голову, что тюремные власти могли из любезности к нам «обработать» его перед тем, как привести ко мне.

Они, конечно, уверяли, что не делали этого, но кто может знать наверняка?

Итак, первоначально я отнес его молчание на счет психологического шока. Но эта неподвижность, эта подчеркнутая напряженная неподвижность говорила мне о чем-то совершенно ином. Особенно, если учесть, что у меня внутри все так перемешалось: Энн, удары моего сердца, действие жары и долгого путешествия…

– Могу себе представить, – тихо заметил Гиллем.

– Правда? М-да… То, как человек сидит, говорит о нем красноречивее всяких слов, это тебе может подтвердить любой актер. Мы сидим сообразно нашему характеру – развалившись, широко расставив ноги. Мы отдыхаем, как боксеры в перерыве между раундами; мы беспокойно ерзаем, сидим нахохлившись, закидываем ногу на ногу, потом снова вытягиваем ноги, теряя терпение и выдержку. Герстман же не делал ничего подобного. Его поза оставалась непоколебимой; его маленькое угловатое тело было похоже на каменистый утес; он мог бы так просидеть целый день, не дрогнув ни единым мускулом. В то время как я, – прервав свой рассказ неловким смешком, Смайли еще раз попробовал вино, но, увы, от этого оно почему-то лучше так и не стало, – в то время как я не знаю что готов был отдать, чтобы передо мной на столе что-нибудь оказалось: документы, книга, доклад… Пожалуй, я довольно беспокойный человек, суетливый и неугомонный. Во всяком случае, тогда я это ощутил особенно отчетливо. Я чувствовал, что мне не хватает какой-то философской умиротворенности. Философского взгляда на вещи, если угодно. Моя работа угнетала меня гораздо сильнее, чем я это осознавал; даже сейчас, подозреваю, я не понимаю этого до конца. Но тогда, в той вонючей камере я почувствовал неподдельную обиду. Мне показалось, что вся ответственность за победу в «холодной войне» вдруг целиком легла на мои плечи. Разумеется, это была полная чушь, просто я был измотан и немного болен. Он снова выпил.

– Я еще раз повторяю тебе, – подчеркнул Джордж, внезапно снова разозлившись на самого себя. – Никому нет никакого дела до того, чтобы извиняться за то, что я сделал.

– Да что уж такого ты сделал? – рассмеявшись, спросил Гиллем.

– Так или иначе, но именно в этот момент я почувствовал, что нас разделяет громадное расстояние, впоследствии оказавшееся непреодолимым, – продолжал Смайли, пропустив вопрос мимо ушей. – Едва ли в этом есть какая-то заслуга Герстмана, если уж на то пошло, он

изначально был само воплощение недосягаемости; но то, что в этом нет и моей заслуги – это факт. Я произнес положенные слова, я помахал у него перед носом фотографиями, на что он абсолютно никак не прореагировал – можно подумать, он был уже готов к этому известию и не выказал никакого сомнения в провале сети в Сан-Франциско. Я повторял одно и то же на разные лады, убеждал его и так и эдак, пока в конце концов не выдохся окончательно. Или, вернее сказать, я плюхнулся на стул, мокрый как мышь. Черт побери, любой дурак знает, что в такой ситуации нужно встать и уйти, бросив через плечо что-то типа: «Выбирайте одно из двух» или «Пока, до завтра», ну в крайнем случае: «Ступайте, подумайте часок». Что же сделал я? Насколько я помню, я начал говорить об Энн. – Он оставил без внимания приглушенное восклицание Гиллема. – Ну не о м о е й Энн, конечно же, это я так фигурально выразился. О е г о Энн. Я решил, у него ведь должна быть своя Энн. Я задал себе вопрос: о чем бы стал думать мужчина в такой ситуации, иначе говоря, о чем бы подумал я? И мой мозг выдал мне ответ, достаточно субъективный, конечно: о своей женщине. Как это называется в психологии: проекция или замещение? Терпеть не могу все эти термины, но, по-моему, один из них подходит. Я попытался представить себя на его месте, вот в чем вся соль, и, как я теперь уже понимаю, таким образом устроил допрос самому себе – он ведь так и продолжал молчать, представляешь? Что-то было в его внешности такое, что дало мне основание для подобной попытки.

Понимаешь, он действительно выглядел как человек, обремененный брачными узами, он выглядел как половинка этого брачного союза, он в ы г л я д е л чересчур уж цельной натурой, чтобы быть всю жизнь одиноким. И потом, в его паспорте стояла отметка о том, что он женат, а ведь все мы привыкли, чтобы легенды хотя бы наполовину соответствовали действительности. – Мысли Смайли снова ушли куда-то в сторону. – Я часто думал об этом. И я даже сказал как-то раз Хозяину: нам бы следовало серьезнее относиться к легендам наших противников. Чем больше у человека придуманных им отличительных черт, тем разительнее они говорят о своем обладателе, пытающемся скрыть за ними свою сущность. Пятидесятилетний субъект, который сбавил себе пяток лет. Женатый мужчина, который выдаст себя за холостяка; выросший без отца человек, придумавший, что у него двое детей… Или следователь, проецирующий себя на допрашиваемого им человека, который упорно не желает говорить. Немногие могут удержаться от того, чтобы не выдать своих наклонностей, когда начинают фантазировать по поводу самих себя.

Смайли снова ушел в какие-то дебри, и Гиллем терпеливо ждал, покуда тот из них выберется. В то время как Джордж, вероятно, был поглощен воспоминаниями о Карле, Гиллем всецело был поглощен самим Смайли; только при этом условии он мог не отвлекаясь следовать за его мыслью и не пропустить чего-нибудь важного из его рассказа.

– Я также знал из рапортов американцев, что Герстман заядлый курильщик: ни минуты без «Кэмела». Я послал охранника, чтобы он купил пару пачек – «пачка» это американское слово, не так ли? – и, помню, испытал довольно странное чувство, когда давал ему деньги. У меня, видишь ли, возникло такое впечатление, будто Герстман усмотрел нечто символическое в самом акте вручения денег этому индийцу. Я тогда носил такой кошелек на поясе, и мне пришлось на ощупь выуживать из стопки нужную банкноту. И тут Карла так на меня уставился, что я почувствовал себя каким-то заштатным империалистическим оккупантом. – Джордж улыбнулся. – А я ведь, конечно же, н е т а к о й . Билл – может быть. Или Перси. Но только не я. – Он подозвал мальчишку, чтобы отослать его подальше:

– Не могли бы вы принести нам воды?

Будьте так добры, графин и два стакана. Спасибо. – И он снова продолжил свой рассказ:

– Итак, я спросил его о госпоже Герстман, Где она сейчас?

За ответ на подобный вопрос об Энн я бы дорого заплатил. Ответа не последовало, но глаза его тревожно застыли. По обе стороны от него стояли двое охранников, и в сравнении с

его глазами их зрачки выражали полную безмятежность. Она должна начать новую жизнь, сказал я, другого пути нет.

Есть у него такие друзья, на которых можно рассчитывать, которые смогут за ней присмотреть? Может быть, нам стоит попытаться тайно войти с ней в контакт? Я уверял, что его возвращение в Москву никоим образом ей не поможет. Я говорил и слушал самого себя и не мог остановиться. Наверное, я и не хотел этого. Я всерьез думал о том, чтобы уйти от Энн, видишь ли; я думал, что время для этого наконец пришло. Вернуться домой будет пустым донкихотством, говорил я ему, и ничего хорошего ни его жене, ни кому-нибудь другому это не принесет, скорее наоборот. Ее подвергнут гонениям; в лучшем случае ему разрешат увидеться с ней перед тем, как расстреляют. С другой стороны, если он решит доверить нам свою судьбу, нам, возможно, удастся обменять ее; у нас тогда, я помню, был большой запас, и кое-кто из тех людей вернулся в Россию «по бартеру», хотя мне совсем непонятно, зачем мы транжирили этот запас на такие цели. Ну, бог с ними, это не мое дело.

Естественно, сказал я Карле, она предпочтет знать, что он пребывает на Западе в покое и безопасности, и при этом у нее есть реальный шанс встретиться с ним, нежели получить известие, что он расстрелян или умер с голоду где-нибудь в Сибири. Я как заведенный твердил одно и то же: меня вдохновляло выражение его лица. Я готов был поклясться, что уже почти расшевелил его, что нашел брешь в его панцире, когда на самом деле все, что я делал… да, черт возьми, все, что я делал, еще больше выдавало брешь в моем.

И когда я упомянул о Сибири, я совершенно точно задел в нем что-то. Я почувствовал это, как комок в своем собственном горле, я почувствовал, как внутри у него что-то содрогнулось. Да и вполне естественно, еще бы я не почувствовал, – криво усмехнувшись, заметил Смайли, – он ведь совсем незадолго до этого вернулся из лагеря. Тут наконец вернулся охранник с сигаретами – он принес целую охапку и с шумом шмякнул их о железный стол. Я посчитал сдачу и оставил ему на чай и при этом снова уловил какое-то странное выражение во взгляде Герстмана. Мне даже показалось, что я прочитал в нем насмешку, хотя я уже был в таком состоянии, что мог и ошибиться. Я заметил, что паренек не взял мои чаевые; думаю, он просто недолюбливал англичан. Я распечатал пачку и предложил Герстману сигарету. «Угощайтесь, – сказал я, – вы ведь заядлый курильщик, мы хорошо знаем это. Тем более „Кэмел“ – ваш любимый сорт». Я слышал, что мой голос звучит довольно неестественно, если не сказать глупо, но ничего не мог с этим поделать. Тут Герстман встает и вежливо говорит надзирателям, что хотел бы вернуться в свою камеру.

Прервавшись на минуту, Смайли отодвинул от себя тарелку с недоеденным ужином, который покрылся белесыми хлопьями жира, похожими на утреннюю изморозь поздней осенью.

– Он вышел из камеры, но затем передумал, вернулся и взял пачку, прихватив заодно со стола и мою зажигалку. Мою зажигалку, подарок Энн.

«Джорджу от Энн со всей любовью». Я бы в жизни не мог себе представить, что разрешу кому-нибудь вот так запросто взять мою зажигалку при обычных обстоятельствах, но тут ситуация была другая. Тут я, конечно, счел это вполне уместным; я даже подумал: дай Бог, что этим самым он как бы хочет показать, что между нами установился некий контакт. Он небрежно сунул сигареты вместе с зажигалкой в карман своей красной рубашки и затем протянул запястья охраннику, чтобы тот надел ему наручники. Я сказал ему; «Если хотите, закурите сейчас». И обратился к надзирателям: Лайте ему, пожалуйста, покурить". Но он даже не шелохнулся. «Если мы не договоримся, вас отправят в Москву завтрашним самолетом», – добавил я. Но он, казалось, не слышал. Я постоял, посмотрел, как его вывели из камеры, затем вернулся в гостиницу.

Меня кто-то отвез на машине, но сейчас я уже не помню, кто именно. Я не понимал, что со мной. Я был порядком сбит с толку и к тому же болен сильнее, чем мог признаться даже

самому себе. Я пообедал какой-то дрянью, выпил больше, чем следовало, и у меня поднялась температура. Я лежал в кровати весь в поту и все продолжал размышлять о Герстмане. Мне ужасно хотелось, чтобы он остался. По-моему, я был сильно не в себе; я всерьез готов был сделать все, чтобы удержать его, переделать его жизнь, по возможности идеально, устроить его и жену. Освободить, навсегда вывести из этой жестокой игры. Я отчаянно желал, чтобы он не вернулся домой. – Джордж поднял на Гиллема взгляд, полный иронии. – В общем, ты понимаешь, Питер, получилось все наоборот: Смайли, а не Герстману пришлось провести бессонную ночь, борясь со своими противоречивыми чувствами.

– Но ты же был болен, – заметил Гиллем.

– Скажем так, измотан. Болен, измотан, какая разница. Всю ночь, между аспирином с хинином и сентиментальными картинами воскрешения семьи Герстмана, меня преследовал один и тот же образ. Это был сам Карла; он стоял на подоконнике, уставившись своими застывшими карими глазами вниз, на улицу; и я повторял ему снова и снова: «Постой, не прыгай, ну постой же». Не осознавая, конечно, что это все оттого, что я не чувствовал себя в безопасности, именно я, а не он. Рано утром доктор сделал мне пару уколов, чтобы сбить температуру. Мне бы стоило, пожалуй, отступиться от него, может быть, стоило попросить заменить меня кем-то другим. В конце концов, просто выждать немного перед тем, как снова поехать в тюрьму. Но я не мог больше думать ни о чем, кроме Герстмана, мне нужно было услышать его решение. В восемь часов я в сопровождении охранников прибыл к нему и вошел в камеру. Он сидел на грубой деревянной скамейке, застывший, как штык; и тут я впервые разглядел в нем настоящего солдата; я знал, что он тоже не спал всю ночь. Он был небрит, и скулы его покрылись серебристой щетиной, что сразу придало ему стариковский вид. На других нарах лежали индийцы, и он в своей красной рубашке и с этим легким серебристым налетом на щеках выглядел среди них очень белым. В руке он держал зажигалку Энн; пачка с сигаретами лежала нетронутая рядом на столе. Я догадался, что он использовал эту ночь и отвергнутые им сигареты, чтобы решить для себя, способен ли он встретить лицом к лицу новое заключение, допросы, а может быть, и смерть. Одного взгляда на него мне оказалось достаточно, чтобы я понял: он решил, что сможет. Мне так и не удалось его уговорить, – продолжал Смайли, не останавливаясь теперь ни на секунду. – Его невозможно было пронять всеми этими моими наигранными штучками. Самолет улетал ближе к полудню, и у меня еще оставалось в распоряжении часа два. Я, наверное, самый плохой в мире адвокат, но за эти два часа я постарался собрать воедино и выложить ему все мыслимые и немыслимые доводы в пользу того, чтобы не лететь в Москву. Мне казалось, видишь ли, что его лицо выражало нечто такое, что могло взять верх над тупым следованием догме; я не понимал, что просто-напросто выдаю желаемое за действительное. Я убедил себя, что Герстман в конечном счете должен уступить под влиянием обычных житейских аргументов, исходящих от человека одного с ним возраста и профессии и, скажем так, повидавшего на своем веку не меньше его. Я не обещал ему богатства, женщин, шикарных машин и птичьего молока; я посчитал, что он не нуждается в подобных вещах. Мне хватило ума, по крайней мере, не уклоняться от темы, связанной с его женой.

Я не стал толкать ему речи о свободе, что бы под этим не подразумевалось, или об изначально присущем Западу духе доброй воли; кстати, это было не слишком удобное время для подобных разглагольствований; у меня у самого были тогда довольно расплывчатые идеологические приоритеты. Я сделал упор на духовное родство между нами. "Послушайте, – сказал я ему, – мы с вами оба уже далеко не первой молодости, каждый из нас потратил целую жизнь на то, чтобы отыскать слабые места в системе своего оппонента: я насквозь вижу сущность ваших восточных ценностей, точно так же, как и вы насквозь видите сущность ценностей западных. Оба мы, я уверен, по горло сыты всеми прелестями этой треклятой «холодной войны». Но сейчас наступил момент, когда вас собираются расстрелять свои же. Как вам кажется, не пришло ли время признать, что ваша сторона отстаивает такие же

ничтожные ценности, что и моя? Посмотрите, – продолжал я, – наша с вами профессия открывает нам глаза лишь на негативные стороны жизни. В этом смысле нам обоим не к чему стремиться. Когда мы с вами были молоды, нашими умами владели великие идеи.

– Тут я снова почувствовал, что задел в нем какой-то нерв, точно так же, когда в первый раз упомянул о Сибири. – Но сейчас от этого уже ничего не осталось. Правда ведь?" Я всячески подстегивал его, чтобы он только ответил мне так, как я хотел: не кажется ли ему очевидным, что и он, и я, хотя и двигались разными путями, но в целом пришли к одним и тем же выводам о сущности бытия? Если ему угодно, он даже может назвать мои выводы косными и ограниченными, по крайней мере, он признает" что ход наших мыслей идентичен?

Не считает ли он, к примеру, что абстрактная политика – понятие довольно бессмысленное? Что только конкретные, частные жизненные вопросы имеют для него сейчас какую-то ценность? Что все грандиозные замыслы, попадая в руки политиков, не приносят ничего, кроме новых форм прежних страданий и бедствий? И что поэтому его жизнь, вернее, спасение ее от еще более бессмысленного конца на плацу тюрьмы важнее – по моральным, этическим соображениям важнее, – чем чувство долга, или обязательство, или верность убеждениям, или что там еще не дает ему свернуть с тропы, которая ведет его к самоуничтожению? Не кажется ли ему очевидным, что давно пора было бы усомниться – после всего того, что он повидал в своей жизни, – усомниться в непогрешимости той системы, которая готова хладнокровно уничтожить его за преступление, которого он не совершал? Я уговаривал его, да-да, мне стыдно признаться, но я просто-таки умолял его – мы уже ехали в аэропорт, а он так и не проронил ни слова в мой адрес, – я умолял его отдать себе отчет в том, действительно ли он верит в систему, которой служит, возможно ли вообще сохранять веру в настоящий момент.

Смайли снова умолк на какое-то время.

– Я отбросил к чертям все психологические уловки и хитрые штучки, каким меня в свое время обучали. Можешь себе представить, что мне потом пришлось выслушать от Хозяина. Мой рассказ, однако, здорово позабавил его; он любил, когда ему рассказывали о своих неудачах. Особенно это почему-то относилось ко мне. – Он помолчал и снова вернулся к фактической стороне дела. – Вот так-то. Когда объявили посадку, я поднялся на борт самолета и проделал часть пути вместе с ним: в те дни далеко не все рейсы были беспересадочными. Он ускользал у меня из рук, и я никак не мог удержать его. Я уже оставил всякие уговоры и просто сидел рядом на тот случай, если он все-таки передумает. Но он не передумал.

Он бы скорее сдох, чем уступил мне, чем отрекся от той политической системы, служению которой себя посвятил. Последнее, что осталось у меня в памяти, было лишенное всякого выражения лицо, обрамленное бортовым иллюминатором, провожающее меня взглядом, пока я спускался по трапу. Незадолго до этого к нам присоединилась парочка верзил с типично русскими мордами: они сидели в креслах за нашими спинами, так что оставаться дольше мне не было никакого смысла. Я улетел домой, и Хозяин сказал: «Ну что ж, дай Бог, они его таки шлепнут», – и утешил меня чашкой чая. Ну этой его поганой китайской бурдой, которую он пьет, – лимонный жасмин, или как его там, он все время посылает за ним в бакалейную лавку за углом. Вернее, посылал. Затем он отправил меня без моего согласия в трехмесячный отпуск. «Мне нравится, когда тебя одолевают сомнения, – произнес он. – Это говорит о твоей позиции лучше всяких слов. Только не превращай это занятие в культ, а то станешь ужасным занудой». Это было предупреждение. И я принял его к сведению. Еще он посоветовал мне перестать все время оглядываться на американцев; он уверял, что сам уже давно не удостаивает их такой чести.

Гиллем не отрываясь смотрел на Джорджа в ожидании развязки.

– Ну и какой же вывод из всего этого делаешь – не выдержал наконец Питер, и по тону вопроса можно было понять, что конец всей истории здорово обманул его ожидания. – Неужели Карла и вправду размышлял о том, чтобы остаться?

– Да нет, конечно, теперь-то это ясно как день, – ответил Смайли с презрением. – А я-то распинался перед ним, как последний идиот. Типичный образец мягкотелого западного либерала. Хотя по большому счету, если уж быть идиотом, то лучше таким, как я, чем таким, как он. Я уверен, – повторил он с нажимом, – что ни мои доводы, ни перспектива нависшей над ним опасности по возвращении в Московский Центр ни в коей мере не могли поколебать его. Я полагаю, ту ночь он действительно провел в раздумьях, но все его мысли были направлены на то, как ему переиграть Руднева, когда он вернется домой. И между прочим, месяц спустя Руднева расстреляли. Карла занял его место и с усердием принялся «реанимировать» старую агентуру. Среди них, несомненно, был и Джералд. Смешно представить, но все то время, пока я тогда распинался перед Карлой, он наверняка думал о Джералде. Долго же они потом, я подозреваю, надо мной смеялись. У этого случая было еще одно следствие, – сказал Смайли. – После горького опыта в Сан-Франциско Карла больше никогда не прикасался к радиопередатчику. Он полностью исключил его из своего набора методов. Посольские каналы передачи информации – дело другое. Но оперативным агентам заказано даже близко подходить к рации. А еще у него осталась зажигалка Энн.

– Не Энн, а твоя, – поправил Гиллем.

– Да, да, моя. Конечно, моя. Скажи-ка, – продолжил он после того, как расплатился с официантом и тот ушел, – а Тарр, он что, имел в виду кого-то конкретного, когда сделал это неприятное замечание об Энн?

– Боюсь, что да.

– И этот слух такой же определенный, как и в тот раз? – не унимался Смайли. – Об этом что, уже все знают? Даже Тарр? – Да.

– Ну и что же говорят?

– Что Билл Хейдон был любовником Энн Смайли, – произнес Гиллем и почувствовал, как по телу прокатился озноб. Это было некой защитной реакцией его организма, когда приходилось сообщать плохие новости, как, например; вас раскрыли, вас уволили, вы долго не протянете и тому подобное.

– Ага. Понятно. Да-да. Спасибо. Наступила пауза, неловкая до неприличия.

– Так все-таки: существовала ли, вернее, существует ли госпожа Герстман? – спросил наконецГиллем.

– Карла был женат на девушке из Ленинграда, студентке. Она покончила с собой, когда его отправили в Сибирь.

– Стало быть, он непотопляем, – подытожил Гиллем, – и ни подкупом, ни физическим воздействием его не возьмешь.

Они вернулись в машину.

– Должен заметить, за то, что нам здесь предложили, они многовато взяли, – признался Смайли. – Как ты думаешь, сильно ограбил меня этот официант?

Однако Гиллем не был расположен обсуждать цены скверных забегаловок Англии. Стоило ему сесть за руль, как кошмарные картины прошедшего дня снова закружились перед ним в виде обрывочных, до конца не осознанных угрожающих догадок и подозрений.

– Кто же он все-таки такой – этот источник Мерлин? – спросил он. – Откуда, как не от самих русских, Аллелайн мог получать подобную информацию?

– Ха! Конечно от русских, неужели здесь есть какие-то сомнения?

– Но, черт возьми, если русские заслали Тарра…

– Да ничего подобного. Он так и не воспользовался теми английскими паспортами. Русские просчитались. То, что эта история дошла до Аллелайна, лишнее доказательство того, что Тарр обдурил их. Из всей этой бури в стакане воды нам удалось вынести маленькую, но по-настоящему ценную крупицу информации.

– Но какого же черта Перси имел в виду, когда говорил о том, что можно отравиться этими «гнилыми фруктами»? Он же говорил об Ирине, неужели нет?

– И о Джералде тоже, – согласился Смайли. И снова они ехали в молчании, и вдруг показалось, что их разделяет непреодолимая пропасть.

– Видишь ли, Питер, я ведь пока и сам не докопался до разгадки, – тихо сказал Смайли. – Хотя, думаю, до этого недалеко. Карла вывернул весь Цирк наизнанку – это, по крайней мере, мне понятно, как, впрочем, и тебе. Но остался последний хитроумный узелок, и я никак не могу его распутать. Хотя и не теряю надежды. А если хочешь выслушать мое наставление, то вот оно: Карла не может быть непотопляемым, потому что он фанатик. И в один прекрасный день, если мне удастся этим воспользоваться, эта неумеренность приведет его к краху.

Когда они подъезжали к станции метро «Страт-форд», начался дождь; под навесом столпилась кучка прохожих.

– Питер, я советую тебе относиться к этому проще – прямо с сегодняшнего дня.

– Три месяца без моего согласия?

– Передохни хоть немного.

Закрывая за ним дверцу, Гиллем вдруг ощутил острое желание сказать ему «спокойной ночи» или просто пожелать удачи; он перегнулся через сиденье, опустил стекло и набрал побольше воздуха в легкие. Но Смайли уже исчез.

Гиллем не знал другого человека, который умел бы так быстро растворяться в толпе.

* * *

– Весь остаток этой ночи в мансардном окне комнаты мистера Барраклафа в отеле «Айли» продолжал горсть свет. Непереодетый, небритый Джордж Смайли все еще не разгибаясь сидел за столиком, читая, сравнивая, делая пометки, перекрестные ссылки; все это он проделывал с той же настойчивостью, которая, доведись ему наблюдать за собой со стороны, несомненно, напомнила бы ему о последних днях Хозяина на пятом этаже кембриджского здания Цирка. Перебирая отдельные бумажки, он сверялся с добытыми Гиллемом командировочными листами и больничными бюллетенями за прошедший год и сопоставлял их с датами официальных поездок атташе по культуре Алексея Александровича Полякова: отчеты о его отъездах из Лондона, в частности – в Москву, имелись в МИДе, и представлены они были Отделом специальных операций и иммиграционными властями. Он еще раз сравнил их с датами, когда Мерлин, очевидно, поставлял свою информацию, и, пожалуй, сам толком не зная, зачем он это делает, разделил донесения «Черная магия» на две группы: к одной он отнес те из них, которые явно являлись актуальными на момент их получения Цирком, и те, которые могли быть придержаны месяц-другой самим Мерлином или его хозяевами, для того чтобы поток информации шел равномернее. Сюда относились разного рода аналитические заметки, подробные характеристики видных членов руководства, обрывки кремлевских сплетен, которые можно насобирать в любое время и приберечь, что называется, «на черный День». Выписав в отдельный список «горячие» донесения, Смайли составил отдельную колонку из дат их поступления, а остальные вычеркнул совсем.

В этот момент его внутреннее состояние можно было сравнить с состоянием ученого, который инстинктивно чувствует, что стоит на пороге открытия, и ждет, что в любую минуту логическая связь обнаружится. Позже в разговоре с Мэнделом он сказал, что это было все равно как «слить все подряд в одну пробирку и с любопытством наблюдать, взорвется или нет». Что особенно привело его в восторг, говорил он, так это то, как кстати пришлось

упоминание Гиллема об Аллелайне и его мрачном предупреждении насчет «гнилых фруктов»: иными словами, он искал тот самый «хитроумный узелок», который Карла завязал для того, чтобы развеять подозрения, вызванные письмом Ирины.

Некоторые предварительные открытия, тут же обнаруженные Джорджем, показались довольно любопытными. Во-первых, в девяти случаях, когда Мерлин сообщал «горячую» информацию, либо Поляков был в Лондоне, либо Тоби Эстерхейзи – в срочной заграничной командировке. Во-вторых, на протяжении всего того критического периода после приключения Тарра в Гонконге Поляков пробыл в Москве для проведения неотложных консультаций по культурным вопросам, а вскоре после этого Мерлин выдал один из своих наиболее впечатляющих и сенсационных материалов об «идеологическом вторжении»

Соединенных Штатов, в котором давалась высокая оценка материалов Центра, освещающих деятельность крупнейших американских объектов разведки.

Возвратившись на исходную позицию, Смайли установил также, что одинаково верно и обратное: донесения, которые он отверг на основании того, что они не были непосредственно связаны с произошедшими перед этим событиями, в большинстве своем попадали к ним в те сроки, когда Поляков уезжал в Москву или еще куда-нибудь. И тут он все понял.

* * *

Обошлось без бурных озарений, вспышек света в мозгу, без криков «Эврика!», телефонных звонков Гиллему и Лейкону с возгласами «Смайли – чемпион». Просто тут, прямо перед ним, в документах и заметках, собранных и изученных им, содержалось подтверждение догадки, которую и сам Смайли, и Гиллем, и Рикки Тарр уже выразили в этот день каждый по-своему: между «кротом» Джералдом и источником Мерлином осуществлялось постоянное взаимодействие, отрицать которое больше было невозможно, а пресловутая многоликость Мерлина позволяла ему функционировать в качестве инструмента в руках Карлы с таким же успехом, как и в руках Аллелайна. А может быть, вернее было бы назвать его, размышлял Смайли, направляясь по коридору, перекинув через плечо полотенце и едва не пританцовывая в предвкушении праздничного омовения в ванной, вернее было бы назвать его агентом Карлы?

Что и говорить, в основе всей схемы лежало устройство настолько простое, что своей симметричностью невольно приводило Смайли в искренний восторг. Мало того, оно имело здесь в Лондоне даже свое физическое воплощение: особняк, оплаченный Министерством финансов, все эти шестьдесят тысяч фунтов. Без сомнения, не один обойденный удачей налогоплательщик из тех, кто каждый день проходит мимо этого дома, с завистью взирал на него, уверенный, что никогда себе не сможет позволить такую роскошь, и не подозревающий, что уже заплатил за него. И когда Смайли приступил к изучению содержимого украденной папки с отчетом о «Свидетеле», у него впервые за несколько последних месяцев было легко на душе.

Глава 24

К чести Воспитательницы надо сказать, что она начала беспокоиться о Роуче еще неделю назад, с того самого момента, когда обнаружила его одного в умывальнике через десять минут после того, как его товарищи по комнате ушли завтракать; до сих пор в одних пижамных штанишках, он стоял, склонившись над раковиной, и сосредоточенно чистил зубы. Когда она начала расспрашивать его, что случилось, он лишь отводил глаза в сторону. «Это все его проклятый папаша, – сказала она Тэрсгуду. – Он снова довел его до депрессии». В пятницу она не выдержала: «Вы обязаны написать его матери и сообщить, что у него приступ».

Но даже Воспитательница, при всей ее материнской отзывчивости, не могла представить себе масштабов того ужаса, который охватил Билла после того, что он обнаружил.

Что он, ребенок, мог поделать? Наверное, он был сам во всем виноват.

Наверное, корни всего следует искать в неудаче, постигшей его родителей.

Наверное, не попал бы он в этот переплет, если бы не взвалил на свои хрупкие плечики ответственность за сохранение мира на земле. Роуч-наблюдатель – «лучший наблюдатель во всей школе», если воспользоваться бесценными словами Джима, – оказался в конце концов чересчур наблюдательным. Он был готов пожертвовать всем, чем обладал – своими деньгами, своим альбомом в кожаной обложке с фотографиями родителей, всем, чем угодно, что представляло для него хоть какую-то ценность, – если бы это принесло ему избавление от того знания, которое отнимало все его душевные силы с того самого воскресного вечера.

Он попытался обратить на себя внимание. Поздно вечером в воскресенье, через час после того, как в спальне потушили свет, он с шумом вскочил и, громко топая, убежал в уборную; там он сунул в глотку два пальца и стал тужиться, пока его наконец не вырвало. Однако старший по комнате, который должен был проснуться и поднять тревогу – «Воспитательница, Роуч заболел!», – невозмутимо дрых, несмотря на всю эту возню. Роучу ничего не оставалось, кроме как понуро забраться обратно в постель. На следующий день он подошел к телефону возле учительской, набрал номер местного ресторана, где автоответчик рассказывал меню на текущий день, и стал нашептывать в трубку всякую чепуху в надежде, что директор подслушает и отправит его к психиатру.

Никто не обратил на него никакого внимания. Он попытался смешать в своем мозгу реальное и воображаемое, надеясь уверить себя, будто то, что он увидел, – лишь плод его фантазии. Но каждое утро, когда он проходил мимо Ямы, перед глазами у него тут же возникала сгорбленная фигура Джима, в лунном свете, с лопатой в руках наклонившегося над грядкой; он снова видел у него на лице черную тень от старой широкополой шляпы и слышал, как тот кряхтит каждый раз, когда лопата вонзается в землю.

Да, не стоило Роучу туда ходить, теперь это ясно. И в этом тоже была его вина: свое знание он приобрел путем греха. Он возвращался в школу с другого конца деревни после урока музыки, при этом нарочно шел так медленно, чтобы опоздать к вечерней службе и не встречаться с укоризненным взглядом миссис Тэрсгуд. Вся школа уже была в церкви, все до единого" кроме него и Джима; когда он проходил мимо, то услышал, как они поют M a g n i f i c a t (Magnificat – первое слово духовного гимна во славу девы Марин. LUKE l:

46-55) . Он специально сделал крюк, чтобы пройти по краю Ямы, из которой струился свет из окон Джимова фургона. Стоя на привычном месте, Роуч наблюдал, как за занавешенным стеклом медленно передвигается тень Придо.

Вдруг свет неожиданно погас. Сегодня он ложится рано, одобрительно подумал Роуч. Несколько дней назад Джим, по его мнению, где-то пропадал уж слишком долго: как уехал на своем «алвисе» после игры в регби, так и не вернулся до тех пор, пока Билл не уснул.

Дверь фургона открылась и снова закрылась, и вот Джим уже стоит у овощной грядки с лопатой в руке. Роуч обалдело недоумевал, с чего это ему вдруг вздумалось что-то копать на ночь глядя. Овощей на ужин, что ли? С минуту Джим стоял не шелохнувшись, прислушиваясь к M a g n i f i c a t , затем медленно обвел пристальным взглядом окрестности, посмотрев и туда, где стоял Роуч, однако увидеть его, скрытого в тени бугорков, было невозможно.

Роуч даже хотел окликнуть его, но ему стало стыдно за то, что он не пошел в церковь.

Наконец Джим начал что-то измерять. По крайней мере, так показалось Роучу. Вместо того чтобы сразу начать копать, он опустился на колени у одного нз углов грядки и положил лопату на землю, будто нацеливая ее на что-то, что было скрыто от глаз Роуча, скорее всего, на шпиль церкви. Сделав это, Джим быстро шагнул туда, где лежало лезвие, отметил нужное место, вдавив в землю каблук, поднял лопату и принялся энергично копать. Роуч насчитал двенадцать раз. Затем Джим выпрямился, снова замерев и прислушиваясь. В церкви стало тихо, затем послышалась молитва. Быстро нагнувшись, Джим вытащил из земли сверток, который тут же укутал полами своей байковой куртки. Спустя секунду – значительно быстрее, чем это казалось возможным, – хлопнула дверь фургона и снова зажегся свет. И тут Билл

совершил, пожалуй, самый смелый поступок в своей жизни: он на цыпочках спустился в Яму и остановился буквально в метре от кое-как задернутого окошка, встав на кочку, чтобы можно было видеть, что творится внутри фургона.

Джим стоял у стола. На койке позади него лежала куча учебников, бутылка водки и пустой стакан. Должно быть, он сбросил их туда, чтобы освободить стол. Рядом валялся открытый перочинный нож, но он им не воспользовался.

Джим никогда не разрезал тесьму, если без этого можно обойтись. Сверток, сшитый из желтоватой ткани наподобие той, из которой делают табачные кисеты, был сантиметров тридцать в длину. Распаковав его, он вытащил оттуда что-то похожее на разводной ключ, обернутый в мешковину. Но кто станет зарывать в землю разводной ключ, даже если он и предназначен для лучшей машины, которую когда-нибудь делали в Англии? В отдельном желтом конверте лежали шурупы или болты; он высыпал их на стол и каждый по очереди внимательно осмотрел. Нет, это не шурупы: это колпачки для ручек. Нет, и не колпачки даже; но тут они исчезли из поля зрения Билла.

Да никакой это не разводной ключ, вообще не ключ; это абсолютно не похоже на инструмент для машины.

В следующую секунду ошалелый Роуч устремился к краю Ямы. Он петлял между бугорками, стараясь поскорее выбраться на дорогу, но получалось это у него медленнее, чем обычно; он бежал, застревая в песке, проваливаясь в лужи и путаясь в траве; он хватал ртом ночной воздух и всхлипывал от страха; его всего перекосило, как Джима; он с усилием отталкивался то одной, то другой ногой, тряся при этом головой, чтобы бежать быстрее. Он бежал, не отдавая себе отчета в том, в какую сторону бежит. Все его мысли остались позади, в фургоне, всецело поглощенные черным револьвером, замшевыми ремешками и колпачками для ручек, которые вдруг превратились в патроны, когда Джим аккуратно, один за другим, начал их вставлять в барабан, повернувшись своим морщинистым бледным лицом к лампе и слегка сощурившись от яркого света.

Глава 25

Я запрещаю вам ссылаться на меня, – сразу предупредил Министр в своей обычно протяжной, ленивой манере. – Никаких записок, никаких пространных докладов. Мне приходится иметь дело с избирателями. В отличие от вас. И от Оливера Лейкона, не так ли, Оливер?

«Что у него за дурацкая американская привычка глотать окончания», – подумал Смайли и сказал:

– Да-да, весьма сожалею об этом.

– Вы бы жалели еще больше, если бы за вами стоял такой электорат, как у меня, – резко ответил Министр.

Как и следовало ожидать, простой вопрос о том, где им предстояло встречаться, повлек за собой вспышку глупой ссоры. Смайли заметил Лейкону, что видеться в его кабинете в Уайтхолле было бы неразумно, потому как там постоянно толкалось полно народу из Цирка: то курьер принесет дипломатическую почту, то Перси Аллелайн заскочит обсудить ирландский вопрос. Министр со своей стороны отклонил вариант с отелем «Айли» и с квартирой на Байуотер-стрит, заявив непререкаемым тоном, что это небезопасно. Его недавно показывали по телевидению, и он очень гордился тем, что теперь его могут узнавать. После нескольких звонков, уговоров и взаимных претензий остановились на том, чтобы собраться в резиденции Мэндела – особняке в стиле Тюдоров, стоящем на окраине Митчема, где Министр со своим сверкающим лимузином смотрелся как бельмо на глазу. И вот теперь они – Лейкон, Смайли и Министр – сидели там в аккуратной гостиной с тюлевыми занавесками, а рядом на столике стояло блюдо с сандвичами со свежей лососиной, в то время как гостеприимный хозяин,

расположившись наверху, наблюдал за подходами к дому. Вокруг машины Министра в переулке столпились дети, допытываясь у шофера, кого он возит.

На полке за спиной у Министра стоял целый ряд книг о пчелах. Это страсть Мэндела, вспомнил Смайли: всех пчел, которые не встречаются в Суррее, он называл не иначе как «экзотическими». Министр был еще довольно молодым человеком с мрачным подбородком, который производил такое впечатление, будто его обладателя исподтишка стукнули в какой-нибудь неприличной потасовке. На макушке у него проглядывала лысина, что незаслуженно придавало ему вид зрелого человека, а его итонская манера говорить, растягивая слова, была совершенно невыносимой.

– Ну, так что мы решаем? – Ко всему прочему стиль его общения временами становился довольно напористым.

– Ну, прежде всего, мне кажется, вам следовало бы приостановить все, что имеет отношение к недавним переговорам с американцами. Я много думал над тем секретным приложением без названия, – продолжал Смайли, – тем самым, в котором обсуждается дальнейшее использование материала «Черная магия» и который вы храните в своем сейфе.

– Никогда не слышал о таком, – отрезал Министр.

– Я очень хорошо понимаю побудительные мотивы того решения. Ну в самом деле, всегда заманчиво попользоваться плодами этой огромной американской махины, и я готов признать весомым довод в пользу того, чтобы в свою очередь продавать им «Черную магию».

– Интересно, а есть ли у вас доводы п р о т и в ? – допытывался Министр, словно разговаривая со своим биржевым маклером.

– Если «крот» по имени Джералд на самом деле существует, – начал Смайли. Энн как-то гордо заметила, что во всех ее родственниках, за исключением Майлза Серкомба, есть что-то подкупающее. И сейчас Джордж впервые готов был признать, что она, пожалуй, права. Он просто чувствовал, что попал в дурацкое положение, ему трудно было связно сформулировать свои мысли. – Если «крот» существует, в чем, мне кажется, уже никто из нас не сомневается, – он подождал, но никто так и не возразил ему, – если «крот» существует, – повторил он, – то не только Цирк удвоит свои прибыли от сделки с американцами, это получится и у Московского Центра. Потому что «крот» передаст им все, что бы вы ни купили у американцев.

Жестом крайнего разочарования Министр шлепнул рукой по столу Мэндела, оставив на его полированной поверхности влажный отпечаток.

– Черт бы побрал, я решительно ничего не понимаю, – воскликнул он. – Эта ваша паршивая «Черная магия», оказывается, интересная штука! Месяц назад она сулила нам золотые горы. А теперь мы идем на попятную и говорим, что всю эту кашу заварили русские. Объяснит мне кто-нибудь, в чем дело, или нет?

– Видите ли, я не думаю, что это в действительности так уж невероятно, как кажется на первый взгляд. В конце концов, нам время от времени удавалось наладить в России агентурные сети, и хотя, наверное, это звучит нескромно, удавалось нам это неплохо. Мы отдавали им лучший материал из того, что могли себе позволить. Ракетная техника, стратегические военные планы. Вы и сами тогда в этом участвовали, – обернулся он к Лейкону, который нервно кивнул в знак согласия. – Мы подбрасывали им агентов, без которых сами могли обойтись, мы снабжали их хорошими связями, обеспечили безопасные маршруты для курьеров, освободили в эфире частоты для их радиосигналов, чтобы можно было послушать их время от времени. Это была плата за то, что мы управляли оппозицией, как вы любили говорить – «плата за то, чтобы знать, о чем они докладывают своим комиссарам». Я уверен, Карла делал бы для нас не меньше, если бы ему удалось прибрать к рукам наши сети. И сделал бы еще больше, если бы представилась реальная возможность взглянуть хоть одним глазком на американский рынок, не так ли? – Он прервался и бросил быстрый взгляд на Лейкона. –

Намного, намного больше. Перспектива подключиться к американцам – я имею в виду разделить с ними дивиденды – должна была бы вывести «крота»

Джеральда на первые роли. А заодно, конечно, и Цирк. На месте русских я бы отдал нам – англичанам – почти все, если бы… да, если бы этим самым можно было, в свою очередь, купить американцев.

– Спасибо вам, – быстро сказал Лейкон. Министр ушел, прихватив с собой в дорогу пару сандвичей и даже не удосужившись попрощаться с Мэнделом, вероятно, потому, что он не входил в число его избирателей. Лейкон задержался.

– Вы просили меня посмотреть, не осталось ли у нас чего-нибудь о Придо, – сказал он под конец. – В общем, я обнаружил, что у нас таки есть на него несколько документов.

Ему довелось просмотреть несколько папок, касающихся вопросов внутренней безопасности Цирка.

«Просто чтобы быть во всеоружии перед этой беседой», – пояснил он. Там он наткнулся на какие-то странные донесения о проверке на благонадежность, все с положительными отзывами. Один из них имел отношение к Придо.

– Он был признан абсолютно чистым, понимаете. Ни тени подозрения. И все же, – в его голосе послышалось легкое колебание, что заставило Смай-ли взглянуть на него вопросительно, – я думаю, вас это может заинтересовать.

Какие-то невнятные намеки, связанные с его оксфордским прошлым. Хотя в том возрасте каждый из нас имел право на некоторую «розоватость».

– Да, безусловно.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь мягким звуком шагов Мэндела наверху.

– Знаете, Придо с Хейдоном и вправду были очень близки, – доверительно сообщил Лейкон. – Я как-то и не подозревал об этом.

Он вдруг куда-то заторопился. Покопавшись в своем портфеле, он вытащил оттуда большой чистый конверт, сунул его в руку Смайли и поспешил удалиться в более привычный и благородный мир Уайтхолла, а мистер Барраклаф, в свою очередь, – в отель «Айли», где он продолжил чтение документов по операции «Свидетель».

Глава 26

Наступило обеденное время следующего дня. Смайли перед этим почитал, немного поспал, снова почитал, принял ванну и теперь, поднимаясь по ступенькам этого симпатичного дома в центре Лондона, чувствовал себя прекрасно, потому что ему нравилось встречаться с Сэмом.

Дом этот, сложенный из бурого кирпича в георгианском стиле, находился рядом с Гроувенор-сквер. Ступенек было пять, а в зубчатой нише у входа располагался латунный звонок. По обе стороны черной двери стояли колонны. Он нажал кнопку звонка, и у него возникло такое впечатление, будто на самом деле он нажал на дверь, потому что она тут же отворилась. Он вошел в круглую прихожую с другой дверью и двумя рослыми мужчинами в черных костюмах, которые вполне могли бы сойти за привратников Вестминстерского аббатства.

Над мраморной каминной полкой висела картина – взвившиеся на дыбы кони, – скорее всего, работы Стаббса (Джордж Стаббс (1724 – 1806) – английский художник-анималист). Один из привратников подошел ближе к Смайли, принимая у него пальто, другой провел его к столику с регистрационной книгой, чтобы Смайли поставил в ней свою подпись.

– Хебден, – пробормотал Смайли, расписываясь. Он назвал один из своих оперативных псевдонимов, который должен был помнить Сэм. – Адриан Хебден.

Мужчина, которому он отдал пальто, повторил в трубку внутреннего телефона:

– Мистер Хебден, мистер Адриан Хебден.

– Если вы не возражаете, подождите минутку, сэр, – сказал человек у столика с книгой.

Здесь не было слышно музыки, хотя Смайли казалось, что в подобных заведениях должна быть и музыка, и фонтан.

– Я по сути дела, приятель мистера Коллинза, – пробормотал Смайли. – Если мистер Коллинз не очень сильно занят. Я думаю, он даже, может быть, ждет меня…

Человек у телефона буркнул «спасибо» и повесил трубку. Он проводил Смайли к внутренней двери и открыл ее перед ним. Та беззвучно отворилась, не прошелестев даже по шелковому ковру.

– Мистер Коллинз ждет вас, сэр, – почтительно пробормотал он. – Угощения за счет хозяина.

Три гостиных комнаты, обшитые панелями из красного дерева, переходили одна в другую; лишь колонны с арками зрительно разделяли их между собой. В каждой из комнат было по одному столу, так что в третьей из них он стоял метрах в двадцати от входа. Мягкий свет падал на бессмысленные натюрморты в исполинских золоченых рамах и на зеленое сукно игровых столов. Шторы на окнах были опущены, места заняты примерно на треть – за каждым столом сидело четыре или пять игроков, все мужчины, и единственными звуками, нарушавшими тишину, были щелчки шарика, подпрыгивающего на рулетке, позвякивание фишек, переходивших время от времени от одного к другому, и очень тихое бормотание крупье.

– Адриан Хебден, – сказал Сэм Коллинз со сдержанным восторгом в голосе.

– Давненько не виделись.

– Здорово, Сэм, – сказал Смайли, и они пожали друг другу руки.

– Пойдем в мою берлогу, – предложил Коллинз и кивнул единственному стоящему человеку в комнате – очень крупному мужчине с рябым лицом, явно страдающему гипертонией. Тот кивнул в ответ. – Как тебе все это? – спросил Сэм, пока они шли по коридору, задрапированному красным шелком.

– Очень впечатляюще, – вежливо ответилСмайли.

– Вот именно, – сказал Сэм. – Впечатляюще. Самое подходящее слово.

Он был в смокинге. В его кабинете, обитом плюшем в стиле эпохи Эдуарда VII, стоял стол с мраморной крышкой и ножками в виде звериных лап, но сама по себе комната была очень маленькой и почти совсем не проветривалась.

Смайли подумал, что она больше походит на театральную кладовую, заставленную реквизитом, оставшимся от прошлых постановок.

– Они были даже не прочь позволить мне вложить сюда немного своих деньжат. Не сейчас, правда, а как-нибудь попозже. Довольно упрямые ребята, но, знаешь, очень энергичные.

– Я не сомневаюсь, – отозвался Смайли.

– Как мы когда-то.

– Это точно.

Сэм был элегантным приветливым мужчиной с аккуратными черными усами, без которых Смайли себе его уже и представить не мог. Ему, пожалуй, было уже около пятидесяти. Он провел много времени на Востоке, где они как-то раз вместе отслеживали в эфире одного китайского радиста. Цвет его лица начал понемногу терять былую свежесть, но он все еще выглядел лет на тридцать пять. На лице у него появилась теплая улыбка, и весь его вид говорил о доверчивости и дружелюбии. Обе руки лежали на столе, как если бы они сейчас играли в карты, и он смотрел на Смайли с нежностью, похожей на отцовскую или сыновнюю, а может быть, на ту и на другую вместе.

– Если наш дружок наберет больше пяти, – сказал он, продолжая улыбаться, – звякни мне, Гарри, если тебе не трудно. А пока помалкивай, у меня беседа с нефтяным королем. – Он говорил в селектор у себя на столе. – Сколько у него сейчас?

– Уже три, – раздался скрипучий голос. Смайли догадался, что он принадлежит рябому мужчине, страдающему гипертонией.

– Теперь он должен проиграть восемь, – мягко сказал Сэм. – Не дай ему уйти из-за стола, только и всего. Сделай из него героя дня. – Он отключил аппарат и усмехнулся. Смайли усмехнулся в ответ. – На самом деле мне чертовски нравится такая жизнь, – заверил его Сэм. – Это, по крайней мере, лучше, чем продавать стиральные машины. Немного необычно, конечно, надевать смокинг в десять утра. Сразу вспоминаешь дипломатическую «крышу». – Смайли рассмеялся. – И все по-честному, хочешь верь, хочешь нет, – добавил Сэм, не меняя выражения лица – Все, что нам нужно, – точный расчет.

– Уверен, что так оно и есть, – сказал Смайли, снова придав как можно больше любезности своим словам.

– Не против, если я включу музыку?

Это была магнитофонная запись; звук шел откуда-то с потолка. Сэм прибавил громкость настолько, насколько они могли выдержать.

– Ну, так чем я могу быть тебе полезен? – спросил Коллинз, и его улыбка стала еще шире.

– Я бы хотел поговорить с тобой о той ночи, когда стреляли в Джима Придо. Ты тогда дежурил.

Сэм курил коричневые сигареты, настолько ароматные, что они напоминали сигары. Щелкнув зажигалкой, он окунул кончик одной из них в пламя, затем посмотрел, как оно гаснет, превращаясь в тлеющий уголек.

– Пишешь мемуары, а, старина? – спросил он.

– Мы решили пересмотреть это дело.

– Кто это «мы», а, старина?

– Я, мол персона и твой покорный слуга, да еще Лейкон с Министром наседают с разных сторон.

– Всякая власть развращает; хотя кто-то же должен править, и в таком случае братец Лейкон волей-неволей выкарабкается на самую верхушку этой кучи, – Ничего не изменилось, – сказал Смайли. Сэм задумчиво потягивал сигарету. Музыка закончилась, и теперь шла запись пьесы Ноэля Коуарда.

– Это ведь моя давняя мечта, – произнес наконец Сэм Коллинз, не обращая внимания на шум. – Представь себе: в один прекрасный день Перси Аллелайн входит в эту дверь с потрепанным коричневым чемоданом и просит сделать ставку. Он ставит на красное все выделенные ему правительством ассигнования и проигрывает.

– Кто-то вырезал нужную запись из журнала дежурств, – вмешался Смайли.

– Из-за этого приходится обращаться к людям и просить их, чтобы они что-нибудь вспомнили. В досье об этом деле почти ничего нет.

– Ничего удивительного, – заключил Сэм. Он заказал сандвичей по телефону. – Этим живу, – пояснил он. – Сандвичи и тосты с икрой. Неплохой приработок, между прочим.

Он стал разливать кофе, и тут зажглась красная лампочка на столе.

– Наш дружок сравнял счет, – снова раздался скрипучий голос.

– Начинай теперь считать, – ответил Сэм и повернул выключатель.

Его рассказ звучал просто и вместе с тем довольно ясно – так хороший солдат вспоминает прошедший бой, не делая никаких оценок, а лишь перечисляя факты. Он тогда как раз вернулся из-за границы, отбыв трехлетний срок во Вьентьяне. Он отметился в отделе кадров

и отчитался у Акулы; казалось, никто не имел на него виды в ближайшее время, и он подумал о том, что неплохо бы взять отпуск на месяц и укатить на юг Франции, как вдруг Макфейдин, этот старый вахтер, который фактически всегда был на побегушках у Хозяина, хватает его в коридоре в охапку и препровождает к Хозяину в кабинет.

– В какой точно день это было?

– Девятнадцатого октября.

– В четверг, да?

– В четверг. Я собирался в понедельник улететь в Ниццу. Ты тогда был в Берлине. Я еще хотел угостить тебя выпивкой, но «мамочки» сказали, что ты занят, а пока я отмечался в Транспортном отделе, ты уже успел уехать в Берлин.

– Да, правильно, – спокойно сказал Смайли. – Хозяин меня отправил туда.

Чтобы я ему не мозолил глаза, чуть не добавил он. Это чувство не давало ему покоя едва ли не по сей день.

– Я порыскал в поисках Билла, но Билл тоже куда-то запропастился.

Хозяин услал его в какую-то глушь, – откликнулся Сэм, избегая взгляда Смайли.

– За жар-птицей в тридевятое царство, – пробормотал Смайли. – А он возьми да и вернись.

Сэм бросил на него колкий недоуменный взгляд, но Смайли не стал углубляться в подробности путешествия Билла Хейдона.

– Казалось, вокруг все повымерло. Чуть не вернулся в аэропорт и не улетел первым же рейсом обратно во Вьентьян, к чертям собачьим.

– Так оно и было, натурально все повымерло, – подтвердил Смайли и подумал: за исключением всего, что касалось «Черной магии».

– А Хозяин выглядел так, будто у него уже пятый день лихорадка, – продолжал Сэм. – Он просто-таки утопал в куче папок, кожа на лице вся желтая, и говорить подолгу не мог, все время вытирал лоб носовым платком. Он почти не стал утруждать себя принятыми после долгой разлуки церемониями, – сказал Коллинз. – Не поздравил меня с возвращением после трех лет удачной оперативной работы за рубежом, не стал с притворным участием осведомляться о моей личной жизни, которая в то время складывалась у меня довольно бурно. Он просто предложил мне заступить в выходные на дежурство вместо Мэри Мастерман: «Не слишком трудно тебе будет это сделать, Сэм?» «Разумеется нет, – ответил я Хозяину. – Если нужно, чтобы я подежурил, какие могут быть вопросы!»

Он сказал, что все остальное объяснит мне в субботу. А я тем временем не должен никому ничего говорить. Не должен даже намекать никому в этом здании, что он меня об этом попросил. Ему нужно, чтобы за распределительным щитом находился кто-нибудь надежный на тот случай, если произойдет ЧП. Но весь фокус состоял в том, что этот человек должен быть либо не из Цирка, либо кто-то вроде меня – кто долгое время был в отлучке. И кроме того, он должен быть докой в своем деле.

И вот Сэм идет к Мэри Мастерман и вкручивает ей, в какое неудобное положение он попал, что не успевает за два дня выселить арендатора из своей квартиры, а в понедельник, мол, все равно улетает в отпуск; так не уступит ли она ему свое дежурство, чтобы он сэкономил на гостинице? Итак, в девять утра в субботу он заступил на вахту, притащив с собой зубную щетку и шесть банок пива в портфеле, на котором до сих пор остались багажные наклейки с пальмами. В воскресенье вечером его по графику должен был сменить Джефф Эйгат.

Сэм еще раз поразился тому, каким вымершим казалось все вокруг. В старые добрые времена субботы почти не отличались от обычных рабочих дней. В большинстве региональных отделений на выходные назначались ответственные; в некоторых из них назначались даже ночные дежурные, и если бы сюда попал кто-нибудь посторонний, у него появилось бы

ощущение, что здесь работает куча народу. Но в то субботнее утро всех будто эвакуировали из здания, сказал Сэм, что, в известном смысле, так и было – по приказу Хозяина Несколько «пастухов» на втором этаже трудились в поте лица, да еще в шифровальных комнатах и на узле связи кипела работа, но эти ребята всегда пашут круглые сутки. А так – мертвая тишина. Сэм уселся на свое место и стал ждать, когда позвонит Хозяин, но телефон молчал. Тогда он решил выделить часок-другой на то, чтобы погонять вахтеров, которых он всегда считал самыми наглыми бездельниками во всем Цирке. Он проверил составленные ими списки присутствующих и обнаружил, что две машинистки и один офицер, значащиеся там, на самом деле отсутствовали; после чего он записал старшего вахтера – новичка по имени Меллоуз – в свой рапорт. В конце концов Коллинз не выдержал и поднялся наверх, чтобы посмотреть, здесь ли Хозяин.

– Он сидел там совсем один, если не считать Макфейдина. Ни «мамочек», ни тебя, лишь старый Мак топчется вокруг него с жасминовым чаем и выражением сочувствия на физиономии. Я не слишком подробно?

– Нет-нет, продолжай, пожалуйста. Чем больше ты вспомнишь деталей, тем лучше.

– Итак, Хозяин снял еще одну завесу. Вернее, приоткрыл. Он сказал, что один человек в эти минуты выполняет его специальное задание. Оно имеет величайшую важность для всей Службы. Он так и сказал:для Службы. Не для Уайтхолла, не для укрепления фунта стерлингов на мировой бирже, не для изменения цен на рыбу, но исключительно для нас. Даже когда это все кончится, я не должен проронить об этом ни слова. Даже тебе. Как, впрочем, и Биллу, и Бланду – кому бы то ни было.

– Даже Аллелайну?

– Он ни разу не упоминал Перси.

– Это точно, – согласился Смайли. – Под конец он уже вряд ли был на это способен.

– Он сказал, что на время моего дежурства я должен считать его начальником Оперативного отдела. А свою роль видеть в том, чтобы быть для него постоянным источником информации о том, что происходит во всем здании.

Что бы ко мне ни поступило – радиосообщение, телефонный звонок, какими бы банальными они ни казались, я должен хорошенько посмотреть по сторонам, чтобы никто не видел, а затем со всех ног примчаться наверх и доложить ему об этом. О том, что за всем стоит Хозяин, не должна знать ни одна душа, ни сейчас, ни потом. И ни в коем случае я не должен ему звонить или передавать записки: даже внутренний телефон в этот вечер для меня – табу. Я не преувеличиваю, Джордж, – сказал Сэм, протянув руку за сандвичем.

– О да, я ничуть не сомневаюсь, – воскликнул Смайли.

Если нужно будет отправить телеграмму, Сэм опять-таки должен действовать с ведома Хозяина. До вечера вряд ли что-нибудь случится, да и потом, скорее всего, ничего особенного не произойдет. Что касается вахтеров и прочего сброда, как назвал их Хозяин, то Сэму следует из кожи вон лезть, но вести себя как можно естественнее и изображать занятость.

На этом инструктаж был окончен. Коллинз вернулся в дежурную комнату, послал за вечерней газетой, открыл банку пива, переключил селектор на наружный телефон и принялся «болеть»: по телевизору показывали кемптонские скачки, которые он не видел уже несколько лег. Ближе к вечеру он предпринял очередной «обход территории» и проверил исправность щитков для включения сирены на этаже общей канцелярии. Три из пятнадцати не работали. К этому времени вахтеры уже тихо ненавидели его. Затем он приготовил себе яичницу и, перекусив, прогулялся наверх, чтобы содрать со старого Мака фунт и угостить его пивом.

– Он перед этим попросил меня поставить на какую-нибудь клячонку с тремя левыми ногами. Я поболтал с ним минут десять, вернулся в свою берлогу, написал пару писем, посмотрел какой-то дрянной фильмец по телику и завалился на боковую. Первый звонок

раздался, когда я уже засыпал. В одиннадцать двадцать, как сейчас помню. И затем следующие десять часов телефоны не замолкали. Мне казалось, что распределительный щиток вот-вот разорвется у меня перед носом…

– У Аркадия минус пять, – раздался голос в переговорном устройстве.

– Прошу прощения, – сказал Сэм, усмехнувшись, по своему обыкновению, и, оставив Смайли наедине с музыкой, выскользнул за дверь, чтобы разобраться на месте.

Сидя в одиночестве, Смайли наблюдал, как в пепельнице медленно догорает коричневая сигарета Сэма. Он ждал, а Коллинз все не возвращался; он подумал, не загасить ли ему окурок. Не разрешают здесь курить во время работы, подумал он; такие правила, что поделать.

– Все в порядке, – появился Сэм.

* * *

Первый звонок был от постоянного секретаря МИД – по прямому проводу, сказал Сэм. В негласном соперничестве с другими министерствами МИД на сей раз переплюнул всех.

– Директор агентства Рейтер в Лондоне как раз перед этим позвонил ему и рассказал об убийстве в Праге. Мол, оперативниками русской Службы безопасности застрелен британский шпион, и сейчас ведутся поиски его сообщников: интересует ли МИД подобная информация? Дежурный секретарь перезвонил нам за разъяснениями. Я сказал, что это похоже на чепуху, и повесил трубку, но тут ко мне влетел Майк Микин из «пастухов» и сообщил, что в чешском эфире началась какая-то вакханалия: половина передач зашифрована, но остальные идут открытым текстом. Он продолжает получать одно за другим разноречивые сообщения о стрельбе в Брно. "В Праге или в Брно? – спросил я.

– Или и там, и там?" – «Только в Брно». Я приказал ему продолжать прослушивание, а тем временем уже все пять аппаратов трезвонили наперебой. Я как раз выходил из комнаты, и тут снова звонит секретарь МИДа по прямому проводу: тот человек из Рейтера перезвонил и уточнил, что стреляли не в Праге, а в Брно. Я закрыл дверь, и это было похоже на то, как если бы оставить у себя в гостиной осиное гнездо. Когда я вошел к Хозяину, он стоял у стола Он услышал, как я поднимался но лестнице. Кстати, Аллелайн не постелил еще дорожку на тех ступеньках?

– Нет, – ответил Смайли. Он выглядел довольно безучастным.

«Джордж похож на стрижа, – сказала как-то Энн Хейдону в присутствии Смайли. – Он способен понижать температуру тела, пока она не сравняется с температурой окружающей среды. И после этого он уже не тратит лишней энергии ни на что постороннее».

– Ты знаешь, как быстро он умел окидывать человека взглядом, – продолжал Сэм. – Тогда он посмотрел на мои руки: нет ли в них телеграммы для него. В ту минуту мне хотелось, чтобы я хоть что-то держал в руках, но они были пустыми. «Боюсь, поднялась небольшая паника», – сказал я. Я вкратце передал ему суть происходящего, и он взглянул на свои часы; полагаю, он пытался вычислить, что должно было происходить в этот момент, если бы все шло гладко. Я спросил: «Могу ли я получить инструкции?» Он сел за стол. Я не мог как следует разглядеть его:на столе стояла лишь эта его зеленая лампа с низким абажуром. Я повторил: «Мне нужны инструкции. Вы хотите, чтобы я опроверг все это? Почему я не должен никого посвящать?» Никакой реакции.

Между прочим, никто потом и не интересовался, но я-то этого еще не знал. «Я должен иметь инструкции, что мне делать и говорить». Снизу были слышны шаги; я знал, что это радисты пытаются меня найти. «Может, вы хотите спуститься вниз и взять руководство на себя?» – спросил я. Я обошел стол с другой стороны, переступая через папки; все они лежали раскрытыми в разных местах; можно было подумать, что он составляет энциклопедию. Некоторые из этих досье, должно быть, относились еще к довоенным временам. Он сидел вот так.

Сэм собрал пальцы в пучок, уперся кончиками в лоб и уставился на стол.

Другая рука лежала на столе ладонью кверху, держа воображаемые карманные часы Хозяина.

– «Скажи Макфейдину, пусть возьмет мне такси, потом найди Смайли». – А что насчет операции?" – спрашиваю я. Ответа, видимо, мне предстояло ждать всю ночь. «Можно опровергнуть, – говорит он. – У обоих были иностранные документы. Никто пока еще не может знать, что они англичане». – "Речь шла только об одном человеке, – сказал я. Затем добавил:

– Смайли сейчас в Берлине". Да, именно так я и сказал. После этого он снова на пару минут замолчал. «Сойдет кто угодно, разницы нет», – выдал он наконец. Мне, пожалуй, стоило пожалеть его, но в тот момент трудно было проявить великодушие. Черт возьми, он свалил все на меня, так хоть бы рассказал, что происходит. Макфейдина поблизости не было, и я решил, что Хозяин сам найдет себе такси. К тому моменту, когда я спустился вниз, я, наверное, был похож на Гордона в Хартуме. Эта старая карга, что дежурила на радиоперехвате, замахала мне сводками, будто сигнальными флажками, вахтеры заорали, увидев меня, радист сжимал в руке целую кипу донесений, телефоны продолжали звонить: не только мой, но и штук шесть по всему четвертому этажу. Я прямиком направился в дежурную комнату и отсоединил все провода, пытаясь собраться с мыслями. Эта баба с радиоперехвата – как ее, черт побери, зовут? – та, что все время играла в бридж с Акулой?

– Перселл. Молли Перселл.

– Да, точно. Ее рассказ меня, мягко говоря, слегка ошарашил. Пражское радио обещало в течение получаса передать чрезвычайное сообщение. Это было пятнадцать минут назад. В сообщении якобы должны быть представлены подробности акта грубой провокации со стороны западных властей, который является не чем иным, кроме как посягательством на суверенитет Чехословакии и оскорблением чувств свободолюбивых народов всего мира. Если не считать этого, – продолжал угрюмо Сэм, – вся история от начала до конца больше походила на какой-то розыгрыш. Я, разумеется, позвонил на Байуотер-стрит, потом послал запрос в Берлин, передав им приказ разыскать тебя и завтрашним же рейсом отправить домой. Я дал Меллоузу основные номера телефонов и послал его, чтобы он нашел наружный телефон и поймал кого-нибудь из начальства.

Перси на выходные уехал в Шотландию и был в это время у кого-то на званом ужине. Его повар дал Меллоузу номер телефона, он позвонил туда и переговорил с хозяином. Тот сказал, что Перси только что ушел.

– Прошу прощения, – перебил Смайли. – Позвонил на Байуотер-стрит – для чего? – Он схватил верхнюю губу большим и указательным пальцами, оттянул ее вниз и отрешенно уставился в пространство перед собой, сделавшись похожим на редкостного урода.

– На всякий случай: вдруг ты уже вернулся из Берлина, – сказал Сэм.

– И что – вернулся я?

– Нет.

– И с кем же ты разговаривал?

– С Энн.

– Энн сейчас нет дома, – сказал Смайли. – Ты не мог бы вспомнить, как происходила ваша беседа?

– Я спросил о тебе, и она сказала, что ты в Берлине.

– И это все?

– Момент был критический, Джордж, ты же понимаешь, – предостерегающим тоном заметил Сэм.

– Ну и?..

– Я спросил ее, не знает ли она случайно, где сейчас может быть Билл Хейдон. Это было крайне необходимо. Я предположил, что хотя он и в отъезде, но, может быть, где-то недалеко. Мне кто-то однажды сказал, что они родственники. – Он помолчал и добавил:

– Кроме того, я так понял, он друг вашей семьи.

– Да. Так и есть. И что она ответила?

– Бросила сердито «нет» и повесила трубку. Прости, Джордж. На войне как на войне.

– Какой у нее был голос? – спросил Смайли после некоторого молчания, пока он переваривал значение этого афоризма.

– Я же сказал: сердитый. Рой был в Лидсе, где занимался поиском талантов в тамошнем университете, – сказал Сэм. – Достать его было невозможно.

А в промежутках между звонками на Сэма сыпались шишки со всех сторон.

Можно подумать, что он, по крайней мере, оккупировал Кубу.

– Военные орали о передвижении чешских танковых колонн вдоль австрийской границы, «пастухи» не слышали самих себя, судя по интенсивности радиообмена в районе Брно, а что касается МИДа, то у их постоянного секретаря, казалось, началась истерика. Сначала Лейкон, а затем Министр вылили по ушату помоев. И в половине первого мы наконец получили долгожданное сообщение чешского радио; правда, минут на двадцать позже, чем было обещано, но ожидания оказались не напрасны. Британский шпион по имени Джим Эллис, путешествующий с фальшивыми чешскими документами, с помощью чешских контрреволюционеров пытался похитить в лесу неподалеку от Брно чешского генерала, имя которого не называлось, а затем тайно переправить его через австрийскую границу. В Эллиса стреляли, но убит он или жив, они не сказали. В ближайшее время будут произведены аресты. Я поискал имя «Эллис» в справочнике оперативных псевдонимов и обнаружил, что это Джим Придо. И я подумал, точно так же, как, наверное, подумал и Хозяин: если Джима застрелили и нашли при нем только чешские документы, то какой дьявол назвал им его имя и откуда они узнали, что он англичанин? Потом приехал Билл Хейдон, белый как полотно. Известие обо всей этой истории якобы пришло на телетайп в его клубе. Он тут же сорвался и приехал в Цирк.

– В котором часу точно это произошло? – спросил Смайли, едва заметно нахмурив брови. – Ведь было уже, наверное, довольно поздно.

Сэм посмотрел на него так, будто заранее просил прощения.

– В час пятнадцать, – сказал он.

– Довольно поздновато для чтения телетайпных лент, правда?

– Вопрос не ко мне, старина.

– Билл ведь состоит в клубе «Сэвил», если не ошибаюсь?

– Не знаю, – упрямо повторил Сэм. Он отпил немного кофе. – На него любо-дорого было посмотреть, это все, что я могу тебе сказать. Я привык думать, будто он дьявольски неуравновешенный тип. Но в ту ночь это был совсем другой человек, поверь мне. Да, конечно, поначалу он был потрясен. А кто бы не был на его месте? Он приехал, зная только, что произошла какая-то безобразно-скандальная заварушка со стрельбой, вот, пожалуй, и все. Но когда я сказал ему, что стреляли не в кого-нибудь, а в Джима, он уставился на меня, как сумасшедший. Я думал, он сейчас набросится на меня с кулаками.

«Застрелили? Как застрелили? Насмерть?!» Я сунул ему в руку все сводки, и он просмотрел их все одну за другой…

– А он разве еще не знал этого из телетайпного сообщения? – как бы про себя спросил Смайли вполголоса. – Я думал, все новости тогда с этого и начинались: «Эллис застрелен» – и так далее. Это ведь чуть ли не во всех заголовках было, разве не так?

– Ну, наверное, это зависит от того, какая из сводок первой попалась ему на глаза, – отмахнулся Сэм. – Так или иначе, но он принял дежурство на коммутаторе и к утру постарался собрать воедино всю информацию на тот час, представляя собой чуть ли не воплощение спокойствия. Он позвонил в МИД и сказал им, чтобы они твердо стояли на своем и не поддавались на провокации; он связался с Тоби Эстерхейзи и отправил его притащить парочку чешских агентов, студентов Лондонской школы экономики. До сих порон их не трогал и наблюдал, как они копошатся, намереваясь когда-нибудь перевербовать их и запустить обратно в Чехословакию. «Фонарщики» Тоби сцапали эту парочку и упрятали под замок в Саррате. Затем Билл позвонил главному чешскому резиденту в Лондоне и довольно грубо пригрозил, что разденет его догола и выставит на посмешище перед всем шпионским миром, если хотя бы один волос упал с головы Джима Придо. Еще он посоветовал ему передать все это своим хозяевам. У меня было такое чувство, будто я в толпе зевак наблюдаю за аварией на улице, а Билл – это доктор, единственный из всех, кто знает, что нужно делать. Он позвонил также какому-то знакомому газетчику, поставлявшему ему информацию, и передал строго конфиденциальную версию о том, что Эллис чешский наемник, работающий по контракту с американцами; Билл сказал, что при изложении этой версии не стоит ни на кого официально ссылаться.

Фактически эта история и была использована в вечерних выпусках газет. Как только у Хейдона выдалась свободная минута, он убежал к Джиму на квартиру, чтобы удостовериться, не осталось ли там чего-нибудь, на что могут натолкнуться журналисты, если вообще найдется такой умный журналист, который сможет обнаружить связь между Эллисом и Придо. Я подозреваю, что он проделал тщательную работу по заметанию следов. Подчиненные и все такое прочее.

– У него не было подчиненных, – сказал Смайли. – Кроме, я полагаю, Билла, – добавил он еле слышно.

Рассказ Сэма подходил к концу:

– В восемь часов появился Перси Аллелайн, он выклянчил у военных специальный самолет. Все время ухмылялся. Не думаю, что это выглядело очень умно с его стороны, если принять во внимание чувства Билла, но – что было, то было. Он принялся допытываться, почему я оказался на дежурстве, и я выдал ему ту же историю, что и Мэри Мастсрман; негде, мол, спать. Он позвонил с моего телефона Министру, чтобы договориться с ним о встрече, и все еще продолжал беседовать, когда пришел Рой Бланд, весь на взводе и с перепоя, пытаясь дознаться, кто посмел совать свой нос на его территорию, и фактически обвиняя меня. Я сказал: «Бог ты мой, парень, да ты знаешь, что со стариной Джимом? Ты бы хоть пожалел его, если уж на то пошло», но наш Рой – он ведь парень простой, живых он любит больше, чем мертвых. Я с радостью уступил ему свое место, спустился позавтракать в «Савой» и почитать воскресные газеты. Большинство из них передали сообщения Пражского радио и насквозь фальшивые опровержения нашего МИДа.

Под конец Смайли спросил;

– И после всего этого ты улетел на юг Франции?

– Да, и провел там два чудесных месяца.

– Кто-нибудь спрашивал тебя снова – например, о Хозяине?

– Пока я не вернулся – нет. Ты все время тогда был не в себе, Хозяин лежал в больнице. – Сэм слегка понизил голос:

– Он ведь не наделал никаких глупостей, скажи честно?

– Он просто умер. А что было дальше?

– Перси исполнял обязанности начальника. Он позвал меня и снова стал расспрашивать, почему это я дежурил вместо Мастерман и что за разговор состоялся у меня с Хозяином. Я не отступал от своей истории, и Перси назвал меня вруном.

– Так они что, за это тебя и выгнали – за вранье?

– За пьянство. Вахтеры-таки отыгрались на мне. Они насчитали в мусорной корзине дежурной комнаты пять банок из-под пива и доложили администрации.

Есть, оказывается, инструкция: никаких пьянок в помещении. Через некоторое время дисциплинарная комиссия под каким-то глупым предлогом признала меня виновным, так что пришлось податься в букмекеры. А что произошло с тобой?

– Ах, да почти все то же самое. Я, кажется, таки не смог убедить их, что не был во всем этом замешан.

– В общем, если тебе потребуется кому-нибудь перерезать глотку, – сказал Сэм, тихонько выведя его через боковую дверь в уютный внутренний дворик, – звякни мне. – Смайли погрузился в задумчивость. – А если как-нибудь захочешь сделать ставочку, – продолжал Сэм, – приведи с собой пару этих умников, дружков Энн.

– Послушай-ка, Сэм. В ту ночь Билл занимался любовью с Энн. Погоди, не перебивай. Ты позвонил ей, и она сказала, что Билла у нее нет. А как только повесила трубку, тут же выпихнула его из кровати, и через час он уже появился в Цирке, зная о стрельбе в Чехословакии. Если бы ты мне рассказывал все без утайки – скажем, в письме, – ты бы примерно так все и выложил, да?

– Если честно, то да.

– Но о Чехословакии ты по телефону ей ничего не…

– Он заехал в свой клуб по дороге в Цирк.

– Если только он был открыт. Очень хорошо: почему тогда он не знал, что в Джима Придо стреляли?

При дневном свете Сэм вдруг резко постарел, хотя усмешка по-прежнему не сходила с его лица. Он, казалось, хотел что-то сказать, но затем передумал.

Было похоже, что он сначала рассердился, потом хотел что-то возразить, и в конце концов лицо его снова перестало выражать что-либо.

– Пока, – сказал он. – Береги себя. – И он удалился в вечный полумрак избранного им ремесла.

Глава 27

Когда Смайли в то утро вышел из «Айли» и направился к Гроувенор-сквер, небо было голубым и улицы заливал такой яркий солнечный свет, что глазам делалось больно. Сейчас же, когда он проезжал мимо унылых фасадов Эдгвар-роуд на шикарном «ровере», взятом напрокат, ветер затих, небо почернело, явно намекая на дождь, а все, что осталось от солнца, – это тусклые красноватые отблески на асфальте. Джордж припарковался на Сент-Джонс-Вуд-роуд, во дворе перед новым высотным зданием со стеклянным подъездом, однако через главный вход не вошел. Обогнув большую скульптуру, изображавшую, как ему показалось, какой-то бессмысленный вселенский хаос, под мелким ледяным дождиком он направился к наружной лестнице, ведущей вниз.

Там висела табличка «Только для выхода». Первый пролет был выложен кафелем «терраццо», а перила сделаны из африканского тика. Однако на этом щедрость подрядчика, видимо, закончилась. На смену роскошной отделке пришли грубо оштукатуренные стены, а воздух переполняло зловоние разбросанного повсюду мусора. Движения Смайли можно было назвать скорее осторожными, чем крадущимися, но когда он достиг Железной двери, то постоял несколько секунд в нерешительности, прежде чем положил обе руки на Длинную ручку и внутренне собрался, как перед тяжелым испытанием. Дверь приоткрылась не более чем на

полметра и с глухим стуком во что-то уперлась; в ответ на это послышался свирепый окрик, многократно повторенный эхом, как в плавательном бассейне:

– Эй, почему не можно выглянул сначала? Смайли бочком проскользнул через проем. Дверь, как оказалось, уперлась в бампер сверкающего полировкой автомобиля, но Смайли на него даже не взглянул. В дальнем конце гаража двое мужчин в комбинезонах поливали из шланга «роллс-ройс», загнанный в клетку.

Оба смотрели прямо на Смайли.

– Почему ты не приходил другая дорога? – допытывался все тот же сердитый голос. – Ты жилец этот дом? Почему ты не пользуешь лифт для жилец?

Эта лестница для пожар.

Невозможно было понять, кто из них говорит, но, кто бы это ни был, говорил он с сильным славянским акцентом. Свет шел у них из-за спин. Тот, что пониже, держал в руках шланг. Смайли прошел вперед, держа руки подчеркнуто подальше от карманов. Мужчина со шлангом снова приступил к работе, но тот, что повыше, продолжал стоять и смотреть на Смайли в полумраке. На нем был белый комбинезон, а уголки воротничка приподняты, что придавало ему ухарский вид. Черные волосы были зачесаны назад.

– К сожалению, я не жилец этого дома, – признался Смайли. – Но я хотел бы знать, могу ли я поговорить с кем-нибудь на предмет аренды моста для моей машины. Меня зовут К а р м а й к л , – пояснил он, слегка повысив голос. – Я недавно купил квартиру на этой улице.

Он сделал жест, словно пытаясь достать визитную карточку, будто документы могли представить его в более выгодном свете, нежели его невзрачная внешность.

– Я заплачу вперед, – пообещал он. – Я бы мог подписать контракт или что там еще нужно, не сомневайтесь. Разумеется, я хочу, чтобы все было по-честному. Я могу дать вам рекомендацию моего банка, могу заплатить задаток – все, что в пределах разумного. Все, как полагается. У меня «ровер». Совсем новый. Я бы не хотел делать что-то за спиной вашей фирмы, потому что мало ли какие потом могут возникнуть неприятности. Но я сделаю все, что угодно, в пределах разумного. Мне бы, наверное, стоило подъехать на машине прямо сюда, ноя не хотел сразу показаться слишком назойливым. И еще, знаете, наверное, это звучит глупо, но мне не понравился въезд. Машина еще такая новая, понимаете.

Все время, пока шел этот затянувшийся монолог с объяснениями, который Смайли преподнес с суетливой озабоченностью, он продолжал стоять в луче яркого света, падающего из-под стропил; просящая, чуть ли не подобострастная фигура, как это казалось со стороны, ясно различимая и оттого беззащитная. И эта его жалобная поза возымела свое действие. Выйдя из клетки, человек в белом шагнул по направлению к застекленной будке, встроенной между двумя железными стойками, и, кивнув своей красивой головой, пригласил Смайли следовать за ним. На ходу он стянул с рук перчатки. Это были кожаные перчатки ручной работы, довольно дорогие.

– Вперед ты должен следил за себя, как ты открывал дверь, – предупредил мужчина все так же громко. – Ты должен пользовать лифт, знаешь, а то можешь платил пару фунтов. Пользовай лифт и не будешь имел неприятность.

– Макс, мне нужно поговорить с тобой, – сказал Смайли, как только они оказались одни в будке. – С глазу на глаз. Не здесь.

Макс был широкоплечим и сильным мужчиной с бледным мальчишеским лицом, покрытым морщинами, как у старика. Он был довольно красив, глаза его все время оставались очень спокойными. Да и вся его фигура производила впечатление какого-то неживого спокойствия.

– Прямо теперь? Ты хочешь говорил теперь?

– В машине. Она там стоит, снаружи. Если подняться наверх по пандусу, то прямо на нее и наткнешься.

Приложив руку ко рту. Макс заорал через весь гараж. Он был на полголовы выше Смайли, его голосище гремел, как иерихонская труба. Смайли не сумел уловить смысла слов. Скорее всего, он орал на чешском. Ответа не последовало, но Макс уже начал расстегивать свой комбинезон.

– Это насчет Джима Придо, – сказал Смайли.

– Понятно, – ответил Макс.

* * *

Они доехали до Хэмпстеда и теперь сидели внутри шикарного «ровера», наблюдая, как ребятишки ломают лед в пруду. Дождь в конце концов перестал: наверное, стало слишком холодно.

Когда Макс вылез из своего подвала, он оказался одет в синий костюм и синюю рубашку. Галстук тоже синий, но цвет его был тщательно подобран так, чтобы отличаться от всего остального: Максу стоило больших хлопот отыскать нужный оттенок. Он носил несколько колец на руках, а на ногах у него были летные ботинки на «молнии».

– Я уже там больше не служу. Они тебе не говорили? – спросил Смайли.

Макс пожал плечами. – Я думал, они тебе скажут.

Макс сидел выпрямившись, не облокачиваясь на спинку: он был слишком горд для этого. На Смайли он не смотрел; взгляд его был прикован к пруду и ребятишкам, которые дурачились и съезжали на лыжах в камыши.

– Они мне не рассказывал ничего, – сказал он.

– Меня вытурили, – сказал Смайли. – Я думаю, приблизительно тогда же, когда и тебя.

Макс, казалось, слегка напрягся, потом снова расслабился.

– Очень плохо, Джордж. Что ты делал: украл деньги?

– Я не хочу, чтобы они что-нибудь узнали, Макс.

– Ты тайный, я тоже тайный, – сказал Макси, открыв золотой портсигар, предложил Смайли сигарету, от которой тот отказался.

– Я хочу услышать от тебя, что произошло, – продолжал Смайли. – Я хотел выяснить это перед тем, как меня вытурили, но не успел.

– Из-за это они тебя вытурили?

– Может быть.

– Ты не знаешь очень много, а? – сказал Макс, по-прежнему равнодушно наблюдая за детишками.

Смайли выражался очень просто и понятно, и все время на всякий случай следил за Максом, если тот чего-нибудь не поймет. Они могли бы говорить по-немецки, но Макс не захотел бы, и Смайли это знал. Приходилось говорить по-английски и все время следить за выражением лица Макса.

– Я ничего не знаю, Макс, Я не принимал в этом никакого участия. Когда это все случилось, я сидел в Берлине и ничего не знал ни о том, что там было запланировано, ни о том, что за этим стояло. Они вызвали меня радиограммой, но, когда я вернулся в Лондон, было уже слишком поздно, – Запланировано, – повторил Макс. – Было много что-нибудь запланировано. – Его скулы и щеки неожиданно покрылись целой сеткой морщин, а глаза сузились, и трудно было понять, гримаса это или улыбка. – Так ты, Джордж, имеешь теперь много время, а? Господи, там было много запланировано.

– Джим должен был провести специальную операцию. Он попросил тебя в помощники.

– Конечно. Джим просил Макс был «нянька».

– Как он заполучил тебя? Он появился в Эктоне и говорил с Тоби Эстерхейзи? Он сказал: «Тоби, я хочу Макса»? Или как? Как он заполучил тебя?

Руки Макса расслабленно лежали на коленях. У него были ухоженные и довольно изящные руки, если не считать слишком крупных костяшек. При упоминании об Эстерхейзи он повернул ладони внутрь и сложил их в некое подобие клетки, будто поймал бабочку.

– Какого черта? – спросил Макс.

– Ну а как тогда?

– Было тайно, – сказал Макс. – Джим тайно, я тайно. Как сейчас.

– Ну, давай, расскажи, – сказал Смайли, – Пожалуйста.

Макс рассказывал так, будто речь шла о каких-то жизненных неурядицах: то ли семейных, то ли деловых, то ли любовных. Это произошло вечером в понедельник, в середине октября, да. точно, шестнадцатого. Тогда наступил какой-то застой, он не выезжал за границу уже которую неделю, и это ему порядком надоело. Он провел целый день, наблюдая за одним домом в Блумсбери, где, по некоторым сведениям, жила парочка китайских студентов; «фонарщики» подумывали о том, чтобы организовать ночью в их квартире кражу со взломом.

Макс уже как раз собирался вернуться в «прачечную» Эктона и написать отчет, когда Джим, вроде бы случайно наткнувшись на него на улице, подобрал и отвез его к Кристал-Паласу, где они поговорили, сидя в машине, как сейчас; только тогда они говорили на чешском. Джим сказал, что намечается одна специальная работа, что-то настолько грандиозное и настолько секретное, что никому в Цирке, даже Тоби Эстерхейзи, не положено об этом знать. Руководство осуществляется с самой верхушки пирамиды, а само дельце обещает быть очень опасным. Не интересуется ли Макс?

– Я говорю: Конечно, Джим. Макс интересуется". Потом он просил мне:

«Возьми отпуск. Ты идешь к Тоби и говоришь: Тоби, моя мать болела, я хочу брать немного отпуск». У меня нет никакой мать. «Хорошо, – говорю я. – Я беру отпуск. Насколько день, Джим?»

Вся операция не должна продлиться больше, чем выходные, сказал Джим.

Они должны приехать туда в субботу и уехать оттуда в воскресенье. Затем он спросил Макса, есть ли у него сейчас возможность достать готовые документы, лучше всего австрийские: какой-нибудь мелкооптовый торговец, еще лучше, если с водительским удостоверением. Если Макс ничего подходящего в Эктоне не найдет, Джим достанет все сразу в Брикстоне.

– Конечно, – говорю я. – У меня есть Хартман Руди, из Линца, судетский эмигрант.

Итак, Макс попотчевал Тоби байкой о том, что у его девушки в Брэдфорде проблемы со здоровьем, а Тоби попотчевал Макса десятиминутной лекцией о сексуальных нравах англичан; и вот в четверг Джим с Максом встретились на конспиративной квартире, которая в те дни была закреплена за «головорезами», в одном шумном квартале Ламбета. Джим принес ключи. Трехдневная вылазка, повторил Джим, секретная встреча в пригороде Брно. Придо притащил с собой большую карту, и они стали ее изучать. Джим будет передвигаться под видом чеха, Макс – австрийца. До Брно они должны добираться разными маршрутами:

Джим прилетит на самолете из Парижа в Прагу, затем из Праги поездом. Он не сказал, какие у него у самого будут документы, но Макс предположил, что чешские, потому что Джим говорил на чешском, как на родном языке, Макс сам видел как-то раз, как он этим воспользовался. Стало быть. Макс – Руди Хартман, торговец стеклянной и керамической посудой. Ему предстояло пересечь австрийскую границу на автофургоне в районе Микулова, затем двигаться на север по направлению к Брно, имея в запасе кучу времени, чтобы успеть на рандеву с Джимом, которое должно состояться в субботу в шесть тридцать вечера в одном из переулков у футбольного стадиона. В тот вечер в семь часов был большой футбольный матч. Джим должен будет вместе с толпой идти по этому переулку и, проходя мимо, забраться в

фургон. Они условились о времени, о запасных вариантах, обо всех возможных случайных обстоятельствах; кроме того, сказал Макс, они хорошо знали почерк друг друга.

После того как они бы выбрались нз Брно, им предстояло ехать вместе по трассе на Биловице до Крштины, а затем свернуть на восток в сторону Рачице.

Где-то по дороге на Рачице они должны были встретить на левой обочине припаркованную черную машину, скорее всего «фиат». Первые две цифры номера должны быть девять-девять. Водитель должен был читать газету. Им нужно было вылезти, Макс подойдет к нему и спросит, все ли в порядке. Мужчина за рулем должен был ответить, что его доктор запретил ему водить машину дольше трех часов подряд. Максу следовало сказать, что долгие поездки и вправду большая нагрузка на сердце. После чего водитель должен был показать им, где поставить фургон, и пригласить в свою машину для беседы.

– С кем вы встречались. Макс? Джим тебе это тоже говорил?

Нет, больше Джим ничего не сказал.

Вплоть до самого Брно все шло почти по плану, продолжал Макс. После того как он проехал Микулов, за ним какое-то время следовали двое мотоциклистов в штатском, которые менялись между собой каждые десять минут, но он списал это на счет своих австрийских номеров и особо не беспокоился. К полудню он с комфортом добрался до Брно и, чтобы не вызывать лишнего подозрения, поселился в гостинице, а затем зашел в ресторан выпить пару чашек кофе. Там к нему привязался какой-то местный актеришка, и Макс поведал ему обо всех превратностях торговли стеклянной посудой, а также о своей девушке из Линца, которая сбежала от него с каким-то американцем. Джим на первую встречу не явился, но часом позже у них был запланирован запасной вариант. Макс сначала подумал, что поезд опоздал, но Джим сказал только:

«Поезжай потихоньку», и он понял, что возникли какие-то проблемы.

Все случилось, как он и предполагал, сказал Джим. План изменился. Максу не стоит глубоко в это влезать. Он должен поскорее подбросить Джима к месту встречи, а затем затаиться в Брно до утра понедельника. Ему ни в коем случае нельзя вступать в контакт ни с кем из тех, кто связан с Цирком: ни с людьми из сети «Скорпион», ни с людьми из сети «Платон», ни тем более с пражской резидентурой. Если Джим не объявится в отеле к восьми утра в понедельник.

Макс должен выбираться любым способом, каким сможет. Если же Джим объявится, у Макса будет поручение: передать Хозяину послание Джима. Послание может быть очень простым, возможно, оно будет состоять всего Из одного слова.

Когда он доберется до Лондона, он должен лично прийти к Хозяину, договориться с Макфейдином о приеме и передать сообщение. Все ли ему понятно? Если Джим так и не покажется больше, Максу следует вернуться к своим делам" которые он оставил, и на все расспросы, как внутри Цирка, так и за его пределами, отвечать отрицательно.

– А Джим не сказал, почему план изменился?

– Джим волновал.

– Значит, что-то произошло с ним по дороге перед встречей с тобой?

– Может быть. Я говорю Джиму: «Слушай, Джим, я приезжал вместе. Ты волновал, я был „нянька‟, я еду за тебя, стреляю за тебя, что за черт?» Джим разозлил, как черт, о'кей?

– О'кей, – сказал Смайли.

Они двинулись по дороге на Рачице и в конце концов нашли автомобиль с выключенными фарами, развернутый по направлению к проселочной дороге, уходившей в поле. «Фиат», две девятки на номерах, черного цвета. Макс остановил свой фургон и выпустил Джима. Когда Джим подошел к «фиату», водитель слегка приоткрыл дверцу, для того чтобы загорелся свет. На руле перед ним лежала раскрытая газета.

– Ты не рассмотрел его лица?

– Была тень.

Макс подождал; по-видимому, они обменялись паролями, Джим сел в машину, и они уехали по проселочной дороге, так и не включив фары. Макс вернулся в Брно. Он сидел в ресторане за шнапсом, когда во всем городе вдруг поднялся грохот. Вначале он подумал, что этот звук идет со стороны футбольного стадиона, но затем сообразил, что это грузовики: целая колонна их двигалась по дороге. Он спросил официантку, что происходит, и она сказала, что в лесу была какая-то стрельба и в этом якобы замешаны контрреволюционеры. Он вышел на улицу, залез в свой фургон, включил радио и поймал сводку новостей из Праги. Так он впервые услышал о генерале. Он подумал, что кругом уже стоят кордоны, да и все равно, по инструкции Джима, он должен был залечь на дно в гостинице и ждать до утра понедельника.

– Может быть, Джим посылал мне сообщение. А может, какой-нибудь парень из Сопротивления мог приходил ко мне.

– С этим одним словом, – тихо уточнил Смайли.

– Конечно.

– Он не сказал, какого рода это слово?

– Ты сходил с ума, – сказал Макс. Это было что-то среднее между утверждением и вопросом.

– Чешское слово или английское? А может, немецкое?

Никто так и не пришел, сказал Макс, не утруждая себя ответами на глупые вопросы.

В понедельник он сжег свой паспорт, по которому въехал, поменял номерные таблички на своем фургоне и воспользовался западногерманским паспортом, который у него имелся на случай побега. Вместо того чтобы ехать на юг, он двинулся на юго-запад, спихнул грузовик в кювет и пересек границу в автобусе на Фрайштадт; этот маршрут был в данной ситуации самым безопасным из тех, что он знал. Он чувствовал раздражение и недоумение и, чтобы немного развеяться, решил выпить и провести ночь с девчонкой. Во вторник вечером он добрался До Лондона и, несмотря на приказы Джима, решил все-таки попробовать связаться с Хозяином. «Это было чертовски трудно», – заметил он.

Он пробовал до него дозвониться, но дальше «мамочек» прорваться не смог. Макфейдина нигде поблизости не было. Он подумал было написать записку, но вспомнил о Джиме и о том, что никому в Цирке не полагается обо всем этом знать. Он решил, что писать записки слишком опасно. Тем временем в Эктоне прошел слух, что Хозяин болен. Он попробовал выяснить, в какой больнице тот лежит, но ему это не удалось.

– А как ты думаешь, люди из «прачечной» знали, где ты был?

– Мне тоже думал об это.

Он все еще продолжал размышлять, когда за ним прислали из Административно-хозяйственного отдела и попросили показать его паспорт на имя Руди Хартмана. Макс сказал, что потерял его, что, в конце концов, было почти правдой. Почему он не доложил о пропаже? Он не знал, что ответить.

Когда произошла пропажа? И на это он тоже не знал, что ответить. Когда он последний раз видел Джима Придо? Он не мог вспомнить-Его отправили в Саррат, в «ясли», но он был готов к этому и к тому же зол, так что через два или три дня допросов следователи выдохлись; а может, им дали команду прекратить дело.

– Я приезжал назад в Эктон, в «прачечную». Тоби Эстерхейзи дал мне сто фунт и сказал: пошелты к черту.

Вокруг пруда раздались радостные визги. Двое мальчишек утопили в воде большую глыбу льда, и теперь из проруби вырывались огромные пузыри.

– Макс, а что случилось с Джимом?

– Какой черт?

– Ты ведь знаешь, наверное, о таких вещах. Среди эмигрантов всегда ходят всякие такие разговоры. Что с ним случилось? Кто его выхаживал после ранения? Как Биллу Хейдону удалось выкупить его?

– Эмигранты больше не говорил с Максом.

– Но хоть что-то же ты слышал, разве нет?

На этот раз немым ответом ему были холеные белые руки Макса. Смайли увидел у себя перед носом загнутые пальцы, пять на одной руке и три на другой, и Макс еще только начал говорить, а Смайли уже почувствовал приступ тошноты.

– Значит, они стрелял Джим спину. Может, Джим убегал, какой черт? Они посадили Джим втюрьму. Это нехорошо для Джим. Для мои друзья тоже. Нехорошо.

– Он начал считать:

– Пршибыл, – загнул он большой палец. – Букова Мирек, брат Пршибыла жены, – указательный палец. – Пршибыла жена тоже, – средний палец, безымянный:

– Колин Иржи, его сестра тоже, почти все мертвый. Это был агентурный сеть «Скорпион». – Он начал загибать пальцы на другой руке. – После сеть «Скорпион» идет сеть «Платон». Идет адвокат Рапотин, идет полковник Ландкрон и машинистки Ева Криеглова и Ханка Билова. Тоже почти все мертвый. Это чертовская большая цена, Джордж. – Он приблизил свои ухоженные пальцы вплотную к лицу Смайли. – Это чертовская большая цена для один англичанин с дыркой от пули. – Он распалялся все сильнее. – Почему тебе забота, Джордж? Цирк не есть хороший для чехов. Союзники не есть хороший для чехов. Никакой богатый парень не хочет забирал никакой бедный парень из тюрьмы! Ты хочешь знал эту историю? Как у вас называется «Marchen», подскажи, Джордж?

– Сказка, – сказал Джордж.

– О'кэй, так не говорил больше мне никакой чертов сказка про то, как англичанин хочет спасать чех!

– Скорее всего, это был не Джим, – сказал Смайли после большой паузы. – Скорее всего, сети провалил кто-то другой. Только не Джим.

Макс уже открывал дверцу.

– Какой черт? – спросил он.

– Макс… – начал Смайли.

– Не волнуй, Джордж. Я не собираюсь кому-то тебя продал. О'кей?

– О'кей.

Продолжая все так же неподвижно сидеть в машине, Смайли смотрел, как Макс ловит такси. Он небрежно щелкнул пальцами, будто подзывая официанта.

Когда такси подъехало, он назвал адрес, даже не удосужившись взглянуть в сторону водителя. Отъезжая, он сидел все так же прямо, глядя на дорогу перед собой, как какой-нибудь король смотрит поверх толпы, будто не замечая ее.

Как только такси скрылось за углом, инспектор Мэндел не спеша поднялся со скамейки, сложил газету и подошел к «роверу».

– Все чисто. – сказал он. – А когда за спиной все спокойно, то и совесть может спать спокойно.

Не совсем уверенный в этом, Смайли передал ему ключи от машины и, перейдя через дорогу, зашагал к остановке, откуда автобусы уходили в западном направлении.

Глава 28

Следующее место, куда направился Смайли, находилось на Флит-стрит: это был погребок, полный бочонков с вином. В других районах считалось бы, пожалуй, поздновато в половине четвертого пополудни заказывать аперитив перед обедом, но здесь, когда Смайли аккуратно открыл дверь, с десяток плохо различимых фигур, сидящих за стойкой, обернулось, чтобы получше его рассмотреть. А за угловым столиком, таким же невзрачным на вид, как и пластиковые имитирующие тюремные своды или бутафорские мушкеты, развешанные по стенам, сидел Джерри Уэстерби с огромным стаканом розового джина.

– Старина, – неуверенно протянул Уэстерби голосом, будто шедшим откуда-то из-под земли. – Чтоб я сдох. Эй, Джимми!

Его рука, которую он положил на плечо Смайли, в то время как другой показал официанту, что нужно добавить, была огромных размеров и бугрилась мускулами; Джерри когда-то играл вратарем в крикетной команде своего графства, В отличие от других вратарей он был крупным мужчиной, но его плечи так и остались ссутуленными от долгой привычки держать руки низко над землей. У него была грива рыжевато-седых волос и красное лицо, а поверх шелковой рубашки кремового цвета он носил галстук известного спортивного клуба. При виде Смайли он явно пришел в восторг: лицо его прямо-таки лучилось от удовольствия.

– Черт побери, чтоб я сдох, – повторил он. – Ну и дела! Эй, чем ты сейчас занимаешься? – Он насильно усадил Смайли рядом с собой. – Небось греешь задницу на солнышке да поплевываешь в потолок? Эй, – самый неотложный вопрос надлежало решить в первую очередь, – что будешь пить?

Смайли заказал «Кровавую Мэри».

– Джерри, я здесь не совсем случайно, – признался Смайли.

Возникла небольшая пауза, которую Джерри тут же поспешил заполнить:

– Послушай, а как поживает твоя роковая супруга? Все в порядке? Вот это да. Один из самых грандиозных браков, я всегда это утверждал.

Сам Джерри Уэстерби был женат несколько раз, но вряд ли это доставило ему много удовольствия.

– Давай заключим сделку, Джордж, – предложил он, толкнув Смайли своим здоровенным плечом. – Я поживу с Энн и поплюю в потолок, а ты за меня будешь строчить статьи о женском пинг-понге. Ну как, идет? Твое здоровье.

– Будь здоров, – добродушно ответил Смайли.

– Давненько не видел никого из наших ребят и девчонок, такие дела, – замявшись, признался Джерри, снова смутившись непонятно отчего. – Рождественская открытка от старого Тоби в прошлом году – вот, пожалуй, и все. Думаю, поди, далеко они меня задвинули. Но я их не виню. – Он слегка постукивал пальцами по ободку стакана. – Слишком много было всякой ерунды, в этом все дело. Они думают, я буду трепаться направо и налево. С ума сойти можно.

– Уверен, они так не думают, – сказал Смайли, и они оба погрузились в молчание.

– Слишком дорогое ожерелье смельчаку не к лицу, – торжественно продекламировал Джерри.

О тех временах, когда у них была в ходу эта шутливая индейская поговорка, Смайли вспоминал не иначе как с содроганием.

– Твое здоровье, – сказал Смайли.

– Твое, – ответил Джерри, и они выпили.

– Твое письмо я сжег сразу, как только прочел его, – продолжал Смайли спокойным, безмятежным тоном. – На тот случай, если тебя это интересует. Я никому о нем не говорил. Да и все равно оно пришло слишком поздно. Все уже закончилось.

Пока Смайли это говорил, оживленное лицо Джерри постепенно заливалось пунцовым румянцем.

– Так что совсем не письмо стало причиной того, что от тебя отвернулись, – продолжал Смайли все тем же мягким голосом. – Ты ведь это подумал? В конце концов, ты ведь передал мне его с нарочным.

– Ценю твою порядочность, – пробормотал Джерри. – Спасибо. Не стоило вообще-то его писать. Выносить сор из избы и все такое.

– Чепуха, – сказал Смайли и заказал еще две порции. – Ты сделал это для блага Службы.

Промолвив это, Смайли почувствовал, что стал выражаться, как Лейкон.

Хотя с Джерри только и можно было объясняться, что на языке его желтой газеты: короткие предложения, свободные суждения.

Джерри выдохнул вместе с воздухом целое облако сигаретного дыма.

– Последнее задание, да-да, год назад, – стал он вспоминать, снова придя в беззаботно-веселое расположение духа. – Даже больше. Доставка какого-то маленького пакета в Будапешт. Ничего особенного. Телефонная будка.

Бортик по верхнему краю. Поднял руку. Оставил его там. Ребенок бы справился.

Не думай, что я чего-нибудь напортачил или еще что-то в этом роде. Сделал все, как по инструкции. Сигналы о безопасности. "Ящик готов для опорожнения.

Можете забирать". Они ведь так нас учат, ты же знаешь. Ну что, мол, ребята, вы все знаете лучше всех, да? Черта с два, бараны. Делайте свою работу, и на этом все. Не вздумайте проявить самодеятельность. Все это часть единого большого плана. Большого замысла.

– Они скоро тебе порог обобьют. – утешил его Смайли. – Я думаю, они просто дали тебе отдохнуть сезон-другой. Вот увидишь.

– Будем надеяться, – сказал Джерри с неизменной застенчиво-неуверенной улыбкой. Когда он пил, его стакан мелко подрагивал.

– Это именно та поездка, в которой ты был перед тем, как написал мне? – спросил Смайли.

– Да, конечно. Именно эта поездка. Будапешт, потом Прага.

– И именно в Праге ты услышал обо всей этой истории, о которой ты упоминал в этом письме?

За стойкой бара какой-то мужчина в черном костюме с нездоровым румянцем на щеках предсказывал скорый и неминуемый крах всей нации. Он дает на все про все три месяца, не унимался оратор, а затем – кранты.

– Чудной тип этот Тоби Эстерхейзи, – сказал Джерри.

– Но хорош, этого не отнимешь, – сказал Смайли.

– Бог ты мой, первый класс, кто же спорит. Блестящий, на мой взгляд. Но чудной, знаешь ли. Твое здоровье – Они снова выпили, и Джерри Уэстерби неуклюже приставил палец к затылку, имитируя перо на голове индейца из племени апачей.

– Вся беда в том, – продолжал мужчина с нездоровым румянцем, едва не уткнувшись носом в свой стакан, – что мы даже не заметим, как это произойдет.

Они решили сейчас же пообедать, потому что Джерри должен был передать эту историю для завтрашнего выпуска: «Бомбардир „Вест Бромвича‟ разразился угрозами». Они пошли в закусочную, специализирующуюся на карри, администрация которой с удовольствием шла навстречу клиентам; там подавали пиво во время послеполуденного чая. Они договорились, что если наткнутся на кого-нибудь из знакомых Джерри, то он представит Смайли управляющим своего банка – эта идея не давала ему покоя на протяжении всего его обильного обеда. В этом заведении играла негромкая музыка, которую Джерри называл комариным брачным танцем, и временами она едва ли не заглушала некоторые менее отчетливые нотки

его хрипловатого голоса, что было, пожалуй, даже хорошо. В то время как Смайли отважно пытался изобразить восторг, который ему якобы доставляли блюда с карри, Джерри, преодолев естественную первоначальную неохоту, пустился в воспоминания о довольно необычной истории, касающейся некоего Джима Эллиса, – истории, которую досточтимый Тоби Эстерхейзи так и не разрешил ему тогда опубликовать.

Джерри Уэстерби и явился в данном случае тем уникальным экземпляром, который называется идеальным свидетелем. Он не пытался что-нибудь приукрасить, не питал злобы, не имел собственного мнения. Он говорил просто: что-то тут подозрительно. Он не мог отделаться от этого своего чувства, а кроме того, он с тех пор ни разу не говорил с Тоби, что, если задуматься, немаловажно.

– Только эта открытка, понимаешь, «Веселого Рождества. Тоби», – вид заснеженной Леденхолл-стрит. – С неописуемым недоумением на лице Уэстерби уставился на электрический вентилятор. – Ничего ведь особенного нет на Леденхолл-стрит, или я чего-то не понимаю, а, старик? Никакой явочной квартиры, или места встречи, или еще чего-нибудь в этом роде?

– Насколько я знаю, нет, – рассмеялся Смайли.

– Никак не мог взять в толк, почему он выбрал для рождественского послания Леденхолл-стрит. Чертовски странно, ты не находишь?

Возможно, ему просто нравятся виды заснеженного Лондона, предположил Смайли; Тоби ведь, в конце концов, во многом иностранец.

– Странный способ поддерживать связь, должен тебе сказать. Когда-то он все посылал мне ящики с виски, регулярно, как часы. – Джерри неодобрительно насупился и отхлебнул из своей кружки. – Я ничего не имею против виски, – пояснил он все с тем же замешательством, которое часто мешало ему шире посмотреть на жизнь, – я и сам всегда покупаю себе виски. Просто когда ты находишься на периферии, то начинаешь во всем искать особый смысл, так что подарки – это очень важная штука, понимаешь, о чем я?

Это случилось год назад, да, в декабре. Ресторан «Спорт» в Праге, продолжал Джерри Уэстерби, не особенно известен среди общей массы западных журналистов. Большинство из них обычно обретаются в «Космо» или «Интернационале», переговариваясь вполголоса и держась поближе друг к другу, потому как побаиваются чего-то. Однако вотчиной Джерри был именно «Спорт», а после того, как он привел туда вратаря Холотека, когда его команда выиграла матч у «Неукротимых», Джерри стал своим человеком для бармена по имени Станислав, или просто Стан.

– Стан – это прямо настоящий принц какой-то. Делает все, что только его левая нога захочет. Посмотреть на него, подумаешь, что Чехословакия свободная страна.

«Ресторан» там на самом деле означает бар, пояснил он. В то время как «бар» в Чехии означает ночной клуб, что довольно странно. Смайли согласился с ним, что действительно тут есть какая-то путаница.

Но как бы то ни было, Джерри всегда держал ухо востро, когда ходил туда; все-таки это была Чехия, и пару раз он ухитрялся принести Тоби оттуда какую-то интересную информацию или навести его на чей-то след.

– Даже если это просто валютные махинации или подпольная торговля.

Любая крупица на что-нибудь сгодится, как говорит Тоб. Все эти обрывки имеют свой смысл – так он считает.

Совершенно верно, подтвердил Смайли. На этом все держится.

– Тоб ведь баран на самом деле, разве нет?

– Конечно.

– Я привык работать непосредственно с Роем Бландом, видишь ли. Но потом Роя двинули наверх, и Тоб прибрал меня к рукам. На самом деле после таких перемен бываешь немного не в своей тарелке. Твое здоровье.

– А как долго ты работал на Тоби до этой поездки?

– Пару лет, не больше.

Возникла небольшая пауза: принесли еду и заново наполнили кружки;

Джерри Уэстерби разломал своими огромными ручищами чечевичную лепешку, покрошил ее сверху самого острого карри, какое было в меню, а затем намазал все это сверху темно-красным соусом. Соус, сказал он, придает неповторимый смак.

– Старый Хан специально для меня его готовит, – пояснил он как бы между делом. – Хранит в потайном месте.

Так вот, продолжал он, в тот вечер в баре у Стана был этот парень со стрижкой под горшок, а рядом с ним, взяв его под руку, сидела симпатичная девушка.

– И я подумал: «Смотри-ка, Джерри, малыш, а ведь это армейская стрижка». Верно?

– Верно, – эхом отозвался Смайли, подумав, что в некоторые моменты Джерри и сам немного похож на барана.

Этот парень оказался племянником Стана. Он очень гордился своим английским.

– Просто поразительно, что люди могут иногда рассказать тебе, если только это дает им возможность выпендриться своим знанием иностранного языка.

Он приехал в краткосрочный армейский отпуск; он влюбился в эту девчонку, у него в запасе еще целых восемь дней и весь мир у него был сейчас в друзьях, в том числе Джерри. Джерри в особенности, если разобраться, потому как он платил за выпивку.

– И вот, значит, сидим мы все вперемежку за большим столом в углу: студенты, красивые девушки, все такое. Старый Стан вышел из-за стойки и подсел к нам, какой-то парнишка наяривает на гармошке. Всем так хорошо, уютно, выпивки полно, шумно, весело.

Шум был особенно важен, пояснил Джерри, потому как он давал возможность спокойно болтать с этим парнем, не привлекая лишнего внимания. Парень сидел рядом с Джерри, он с самого начала ему понравился. Одной рукой обнимал девушку, другой Джерри.

– Из тех ребят, знаешь, которые могут до тебя дотрагиваться и тебе от этого не противно. Вообще, как правило, мне не нравится, когда меня трогают.

Греки любят это делать. Лично я этого терпеть не могу.

Смайли сказал, что он тоже этого терпеть не может.

– Представь себе, эта девчонка была чем-то похожа на Энн, – вспоминал Джерри. – Соблазнительная такая, ты понимаешь, о чем я? Глаза, как у Гарбо, ножки, грудки…

Итак, пока все горланили песни, пели и играли в «поцелуй в кружочке», этот парнишка спросил Джерри, интересно ли ему узнать, как все было на самом деле в истории с Джимом Эллисом.

– Я притворился, что никогда не слышал о таком, – объяснил Джерри. – «Интересно, – говорю. – А что из себя представляет Джим Эллис, когда он играет на своем поле?» Мальчишка уставился на меня, как на придурка, и говорит: «Это британский шпион». Никто больше не слышал, о чем мы говорим, все орали и распевали застольные песенки. Девчонка, правда, положила голову ему на плечо, но она уже слегка окосела и была на седьмом небе от счастья, так что он продолжал говорить со мной, гордясь своим английским, улавливаешь?

– Да-да, продолжай, – сказал Смайли.

– «Британский шпион, – орет мне прямо в ухо. – Сражался во время войны с чешскими партизанами. Приехал сюда под именем Хайек, и его застрелила русская секретная полиция».

Ну, я только пожал плечами и говорю: «Это для меня новость, старик». Стараюсь не нажимать на него, понимаешь? С ними нельзя быть назойливым. Отпугнуть можно сразу.

– Ты абсолютно прав, – искренне воскликнул Смайли, и для разрядки они поговорили немного об Энн – Джордж терпеливо уклонялся от разговоров на тему, каково это всю жизнь по-настоящему любить только одного человека.

* * *

«Я недавно призван, – по словам Джерри Уэстерби, так парень начал свой рассказ. – Я должен сначала отслужить в армии, а иначе не попаду в университет». В октябре у них проходили плановые маневры в лесах неподалеку от Брно. Там вообще всегда полно военных, а летом этот район даже на месяц закрывают для гражданского населения. У них по плану намечались скучные полевые учения, которые должны были продлиться две недели, но на третий день без всяких объяснений их отменили, и в войска поступил приказ возвращаться в город. Так и сообщалось: немедленно собраться и вернуться в казармы. Весь лес следовало очистить до наступления темноты.

– За эти несколько часов каких только дурацких слухов не родилось, – продолжал Джерри. – Какой-то чудак сказал, что взорвали исследовательский баллистический центр в Тишнове. Другой говорит, мол, учебные батальоны подняли бунт и перестреляли русских солдат. Новое восстание в Праге, русские сбросили правительство, немцы снова напали, бог знает что еще не случилось.

Ты ведь знаешь, что такое солдаты. Везде они одинаковые. Только бы и делали, что языками чесали.

Упоминания об армии увели Джерри в сторону: он начал расспрашивать о своих знакомых по бывшей воинской службе, о людях, которых Смайли и раньше-то смутно знал, а теперь и вовсе забыл. В конце концов они вернулись к теме.

– Они свернули лагерь, погрузились на машины и стали ждать, когда колонна двинется. Но не успели проехать и километра, как все остановилось и раздался приказ съехать с дороги. Пришлось загнать грузовики прямо в лес.

Завязли в грязи, в канавах, в общем, хаос полный.

Оказалось, это все русские, сказал Уэстерби. Они появились со стороны Брно и очень спешили. Все чешское должно было убраться прочь с дороги, а иначе последствия могли быть непредсказуемы.

– Сначала пронеслась группа мотоциклистов с мигающими фарами, их водители орали, чтобы все очистили дорогу. Затем штабная машина с людьми в гражданском; всего парнишка насчитал шесть человек. Затем два грузовика, битком набитые вооруженными до зубов спецназовцами в камуфляже. И замыкал группу фургон со служебными собаками. И все это с диким ревом и шумом. Я тебе еще не наскучил, старина?

Уэстерби промокнул носовым платком пот со лба и поморгал, будто приходя в себя. Пот проступил у него и на шелковой рубашке, и вообще у него был такой вид, будто он только что вышел из-под душа. Не будучи большим поклонником карри, Смайли заказал еще две кружки, чтобы избавиться от довольно специфического привкуса во рту.

– Итак, это первая часть всей истории. Чешские войска – побоку, русские войска – вот они. Пока все понятно?

Смайли ответил утвердительно, он был уверен, что вполне в состоянии удерживать свое внимание на рассказе Джерри.

Вернувшись в Брно, парень, однако, сразу понял, что испытания, выпавшие на долю его подразделения, на этом отнюдь не закончились. Их колонна присоединилась к другой, и всю следующую ночь они носились восемь или десять часов подряд по округе без всякой видимой цели. Сначала они поехали на запад, в Тршебич, остановились там и ждали, пока связисты не

наладят длинноволновую связь, затем поехали назад на юго-восток почти до самого Знойно рядом с австрийской границей, сигналя всю дорогу, как сумасшедшие; никто не знал, кто приказал выбрать именно этот маршрут, никто вообще ничего не мог толком объяснить. В один из моментов им приказали примкнуть штыки, в другой раз они разбили лагерь, затем снова упаковали все снаряжение и снялись с места. То тут, то там им попадались Другие воинские подразделения: около сортировочной железнодорожной станции в районе Бржецлава кружили танки, один раз они видели пару самоходных пусковых установок на гусеничном ходу. И везде одно и то же; беспорядочная бесцельная активность. Те, кто постарше и поопытнее, уверяли, что все это – не иначе как наказание русских только за то, что ты чех. Снова вернувшись в Брно, парень, однако, услышал другое объяснение. Русские гонялись за британским шпионом, который действовал под именем Хайек. Он шпионил в районе исследовательского центра и пытался похитить какого-то генерала, в результате чего его застрелили.

– И вот парень этот спрашивает, представляешь, – сказал Джерри, – этот дерзкий чертенок спрашивает своего сержанта: «Если Хайека уже застрелили, зачем мы носимся здесь по всей округе и поднимаем столько шуму?» И сержант отвечает ему:"Потому что это армия". Сержанты – они везде одинаковые, разве нет?

И тут Смайли спросил его очень тихо:

– Мы говорим о двух ночах, Джерри. В какую из них русские выдвинулись в лес?

Лицо Джерри Уэстерби слегка перекосилось от замешательства:

– Так ведь об этом парнишка мне и хотел рассказать, понимаешь, Джордж?

Именно это он и пытался втолковать мне в баре у Стана. О чем и слухи-то все были. Русские выступили в пятницу. А в Хайека стреляли только в субботу. Те, кто пособразительнее, тут же и смекнули: вот так так, а русские-то ведь ждали, что Хайек объявится. Знали, что он уже в пути. Знали все от начала до конца. Затаились и ждали. Скверная история, видишь ли. Скверная для нашей репутации, понимаешь, что я имею ввиду? Скверная для всего начальства.

Скверная для всей нашей братии. Твое здоровье – Твое, – отозвался Смайли, уткнувшись в кружку с пивом.

– Это и Тоби сразу почувствовал, можешь не сомневаться. Мы оба смотрели на все это одинаково, правда, реагировали по-разному.

– Итак, ты все рассказал Тоби, – спокойно сказал Смайли, передавая Джерри большое блюдо со своей едой. – Так или иначе, ты обязан был с ним встретиться хотя бы для того, чтобы доложить, что благополучно переправил его пакет в Будапеште, ну, заодно и историю Хайека ему рассказал, так?

Да, именно так, подтвердил Джерри. Это-то его и беспокоило потом, потому как что-то тут было неладно; потому он, собственно, и написал тогда Смайли.

– Старина Тоб сказал, что все это вздор. Разорался, как ненормальный, не суй, мол, нос не в свое дело. Поначалу-то он оживился, стал похлопывать меня по спине, говорить, что доложит обо мне мэру. Уехал к себе, а на следующее утро облил меня дерьмом. Назначил срочную встречу, возил меня кругами по парку в своей машине и орал так, что аж весь посинел. Сказал, что я так надрался, что не смог отличить правду от вымысла. И все в таком роде.

Ну и я, естественно, немного не сдержался.

– Подозреваю, что тебе интересно, с кем он успел поговорить в промежутке между этими двумя встречами, – понимающе кивнул Смайли. – Ты можешь точно вспомнить, что говорил Тоби? – спросил он без всякого нажима, будто просто хотел прояснить это для себя окончательно.

– Сказал, что это, скорее всего, хитроумно подстроенная ловушка. Парень тот просто-напросто провокатор. Против нас ведут подрывную работу, чтобы заставить Цирк бегать за

собственным хвостом. Готов был уши мне оборвать за распространение всяких дурацких сплетен. Джордж, я сказал – «Старина, Тоб, старина, я ведь только передаю. нужно так выходить из себя. Еще вчера ты меня чуть ли не целовать лез. Какой смысл в том, чтобы стрелять в парламентера? Если у вас кто-то решил, что вам эта история не нравится – это ваше дело». Даже слушать меня не захотел, представляешь? Это так непоследовательно. Не понимаю я таких типов. Семь пятниц на неделе. Да, не самый лучший из его поступков это был, понимаешь, о чем я?

Джерри начал скрести в затылке левой рукой и стал похож на школьника, притворяющегося, что он думает.

– «Ладненько, – сказал я, – забудем об этом. Напишу вот только заметку для своей газетенки. Не про то, как русские приехали туда первыми. Про другое. „Грязное дело в лесу“, и всякую подобную ерунду. – Я сказал ему. – Если для Цирка это не очень хорошо, то для моей газетенки вполне сойдет».

Ну, тут он вообще чуть на стенку не полез от злости. Наследующий день какой-то баран звонит нашему старику: пусть, мол, этот ваш тупоголовый Уэстерби не смеет соваться в историю Эллиса. Пусть зарубит себе на носу: это уведомление "D" официальное предупреждение (Уведомление "D" – официальное письмо, рассылаемое правительственными учреждениями органам печати, в котором содержится перечень тем и вопросов, не подлежащих распространению).

Впредь любые упоминания о Джиме Эллисе, он же Хайек, будут расценены как идущие вразрез с национальными интересами, так что лучше отправлять подобные вещи сразу в корзину. Вот так. Пописывай, мол, свои статейки о женском пинг-понге и не дергайся. Привет.

– Но к тому времени ты уже написал мне, – напомнил ему Смайли.

Джерри Уэстерби снова ужасно покраснел.

– Прости меня, – сказал он, – просто я стал каким-то подозрительным ксенофобом. Все это от долгого пребывания за границей: не доверяешь лучшим друзьям. Незнакомцам, черт возьми, и то больше веры. – Он снова начал оправдываться:

– Просто я подумал, что старина Тоб слегка сбренднл. Мне не стоило этого делать, да? Против правил это все. – Стараясь перебороть смущение, он вымученно усмехнулся:

– А потом до меня дошли какие-то сплетни, что тебе дали коленом под зад, и после этого я вообще почувствовал себя полным идиотом. Ты ведь не в одиночку охотишься, а, старик? Не… – Он вдруг передумал задавать этот вопрос, вероятно, потому, что ответ ему был известен.

Когда они уже собирались расстаться, Смайли мягко взял его под руку.

– Если Тоби все-таки попытается наладить с тобой контакт, я думаю, лучше, если ты не будешь говорить ему о нашей сегодняшней встрече. Тоби хороший малый, но он почему-то склонен думать, будто все сговорились против него.

– Даже и не подумаю, старина. Будь спокоен.

– А если вдруг он сделает это в ближайшие дни, – продолжал Смайли, всем своим видом давая понять, что это маловероятно, – то ты мог бы даже предупредить меня. Я подсказал бы тебе, как нужно действовать. Только не звони мне, имей в виду, звони по этому номеру.

Джерри Уэстерби вдруг заторопился: нужно было успеть с заметкой о бомбардире «Вест Бромвича». Но когда Смайли передал ему карточку, Джерри, бросив смущенно-недоверчивый взгляд куда-то в сторону, спросил:

– Случайно, ничего неприятного не произошло, старина? Никуда больше не вляпались? – Его усмешка стала ужасающе-зловещей. – Контора не впала, надеюсь, в полный маразм?

Смайли рассмеялся и осторожно положил руку на огромное, слегка сгорбленное плечо Джерри.

– В любое время, – сказал Уэстерби.

– Буду иметь в виду.

– Я ведь думал, что это ты, понимаешь, ты позвонил нашему старику.

– Нет, это не я.

– Может, это Аллелайн?

– Думаю, да.

– Ну, буду рад в любое время, – снова сказал Уэстерби. – Прости, не обижайся. Привет Энн. – Он замялся.

– В чем дело, Джерри, а? Ну, выкладывай, – сказал Смайли.

– Тоби пытался рассказать мне что-то о ней. Я посоветовал ему оставить это при себе. Ерунда это все, нет?

– Спасибо, Джерри. Пока. Твое здоровье.

– Я знал, что ерунда, – сказал Джерри, очень довольный, поднял палец, как бы обозначив индейское перо, и медленно побрел в свою «резервацию».

Глава 29

Лежа в одиночестве в кровати отеля «Айли» и не в состоянии заснуть, Смайли решил не тратить время попусту и еще раз взял папку, которую Лейкон отдал ему в доме у Мэндела. Материалы относились к концу пятидесятых, когда Цирк, как и все остальные подразделения Уайтхолла, был охвачен всеобщим стремлением ужесточить критерии благонадежности среди своих сотрудников.

Большинство записей оказались скучной рутиной: перехваты телефонных разговоров, отчеты о наружных наблюдениях, бесконечные собеседования с преподавателями, друзьями и специально подобранными экспертами Лишь один документ, как магнит, притягивал к себе Смайли так, что он не мог от него оторваться. Это было письмо, совершенно открыто зарегистрированное под названием: «Письмо Хейдона к Фаншоу от 3 февраля 1937 года». Если говорить более определенно, это было написанное от руки послание студента Билла Хейдона своему университетскому преподавателю Фаншоу, вербовщику Цирка; и в этом письме молодой Джим Придо был представлен как подходящий кандидат для вербовки в британскую разведку. Письму предшествовало ироническое explication de texte. Неизвестный автор пояснял: «Патриций» – клуб для представителей высшего сословия из колледжа «Крайст-Черч», большей частью выпускников Итона". Фаншоу (П.Р. де Т.Фаншоу, кавалер ордена Почетного легиона, ордена Британской империи IV степени, личное дело такое-то) являлся его основателем, а Хейдон (многочисленные ссылки и пояснения) в тот год служил своеобразным примером образцово-показательного члена клуба.

Политическая ориентация «Патриция», к которому в свое время принадлежал еще отец Хейдона, была нескрываемо консервативной. Покойный Фаншоу отличался крайними имперскими убеждениями, и таким образом «Патриций» фактически являлся его частным предприятием по отбору кандидатов для Большой игры", говорилось в предисловии. Как ни странно, о самом Фаншоу у Смайли остались смутные воспоминания: тощий энергичный мужчина в очках без оправы с зонтиком а-ля Чемберлен и неестественным румянцем на щеках, будто у него до сих пор резались зубы. Стид-Эспри называл его не иначе как «наш крестный папочка».

"Дорогой Фон, предполагаю, вам будет любопытно ознакомиться с некоторыми сведениями о молодом джентльмене, чье имя прилагается на кусочке человеческой кожи (пометка следователя: "Придо«). Вы, вероятно, знаете Джима лишь как легкоатлета, добившегося некоторых успехов – если вы вообще его знаете. Скорее всего

,вынезнаете,хотяидолжныбы,чтоонещеинезаурядныйфилолог,дактомужедалеконеидиот…»

(Дальше шли биографические сведения, собранные с удивительной тщательностью:

"… LyceeLakanalвПариже,эточто–товродеИтона,вкоторомемуучитьсянедовелось,иезуитскаядневнаяшколавПраге,двасеместравСтрасбурге,родители–небогатыемелкиеаристократы,занятывбанковскомделевЕвропе,живутраздельно… ")"ЭтимобъясняютсяиобширныепознаниянашегоДжимавобластичужеземныхобычаев,иегодовольносиротскийвид,которыйянахожупростонеотразимым.Кстати,несмотрянато,чтовнемперемешанчутьлинедесятокевропейскихкровей,можетенесомневаться:окончательныйпродукт–нашроднойдомозгакостей.Внастоящеевремяонвнекоторомсмыслепытаетсярешитьголоволомку,послетогокакобнаружил,чтосуществуетнекийНепостижимыйМирвлицевашегопокорногослуги.

Носначалавыдолжныузнать,какяповстречалего.

Каквамизвестно,снекоторыхпоруменявошловпривычку(свашейподачи)переодеватьсяарабомиходитьнавосточныебазары.Тамясажусьсредиместныхоборванцевислушаюпроповедиихмудрецов,чтобы,когдапридетвремя,бытьвсостоянииибитьихихжесобственныморужием.Втотвечервцентревниманиябылчеловек,приехавшийизглубинкисамойматушки–России:нектоакадемикХлебников,прикомандированныйвнастоящеевремяксоветскомупосольствувЛондоне.Этотобщительныйиоченьрасполагающийксебемужчинавыдавалиногдасредиобычнойчепухипо–настоящемумудрыевещи.

Базар,окоторомидетречь,насамомделепредставляетсобойдискуссионныйклубподназванием"Народный«.Это,посути,нашантипод,дорогойФон,онхорошоизвестенвампомоимотчетамодругихвылазках,которыеясовершалвремяотвремени.Послепроповединампредложиликакую–томерзкуюпролетарскуюпародиюнакофевпридачук.ужасающедемократическимплюшкам,ивоттогда–тояизаметилэтогоздоровенногопарня,сидящеговодиночествевглубинекомнаты.Он,очевидно,слишкомзастенчив,иэтомешаетемувобщении.Мнесмутнопоказалось,чтоеголицоявиделкак–тонакрикетнойплощадке;тутвыясняется,чтомыоднаждыиграливместевкакой–тодрянной,наспехсколоченнойкоманде,нотакинеобменялисьниединымсловом.Я,честноговоря,неоченьхорошопредставляюсебе,какегоописать.Что–товнемтакоеесть,дорогойФон,янешучу».

В этом месте почерк, до сих пор довольно неуклюжий, стал более размашистым, будто пишущий всерьез взялся за дело.

«Внеместьнекоесуровоеспокойствие,котороеспособноподчинять.Унегокрепкаяголова,причемпочтивбуквальномсмыс

леслова.Онодинизтехпроницательныхневозмутимыхлюдей,которыеведутзасобойнезаметнодлядругих.Фон,вызнаете,кактрудномнебываетпоройрешитьсянапоступок.Вывынужденывсевремянапоминатьмне,интеллигентнонапоминать,что,неизведавопасностейжизни,янесумеюпознатьеетайн.Джимжедействует,опираясьначутье… оноченьработоспособный… Онмогбыстатьидеальнымдополнениемкомне,вместемыпредставлялибысовершенногочеловека,развечтопетьмыобанеумеем.Знакомоливам,Фон,эточувство,когдамучитель–нохочетсявыйтинаулицуинайтикого–нибудьнового,аиначе,кажется,мирсейчасрухнетдлятебя?»

Почерк снова стал более спокойным.

"ЯвасЛаглу",–говорюя,насколькояпонимаю,по–русскиозначает:"Давайвстретимсявсарае"иличто–товэтомроде,ионоотвечает"А,привет",что,ядумаю,онсказалбы,дажееслибырядомпролетелархангелГавриил.

"Какиеуваспроблемы?"–спрашиваюя.

"Никаких",–отвечаетон,подумавпередэтимедвалинечас.

«Такчтожевытогдаздесьделаете?Еслиуваснетпроблем,зачемвывообщесюдапришли?»

ТутонулыбаетсямнеширокоибезмятежномынеторопливоподходимквеликомуХлебниковуижмемегокрохотнуюлапку,послечего,прогуливаясь,идемкомнедомой.Таммыпьем.Иещепьем.Фон,онпилвсе,чтопопадалосьемунаглаза.Хотя,можетбыть,этобылья,ясейчасуженепомнюточно.Икогданасталрассвет,знаете,чтомысделали?Явамсейчасрасскажу,Фон.Мысважнымвидомнаправилисьвпарк,яселнаскамейкуссекундомеромвруке,Джимпереоделсявспортивнуюформуиначалнаматыватьсвоидвадцатькругов.Двадцать.Япорядкомустал.

Мыможемприйтиквамвлюбоевремя,длянегонетничеголучше,чембыватьвгостяхуменяилиумоихиспорченных,новесьмасимпатичныхдрузей.КорочеговоряоннназначилменясвоимМефистофелеми,честноговоря,оченьпольстилмнеэтим.Кстати,онещедевственник,двухсполовинойметровростуителосложениемнапоминаетСтоунхендж (Один из самых больших и известных в мире доисторических сооружений для ритуальных церемоний, предположительно относится к неолиту или бронзовому веку, состоит из огромных отдельно стоящих каменных глыб) . Такчтонепугайтесь".

Папка снова близилась к концу. Сидя в кровати, Смайли нетерпеливо листал желтоватые страницы в поисках чего-то более существенного.

Преподаватели как Джима, так и Билла Хейдона двадцать лет спустя утверждают, что не могут себе представить, чтобы отношения между этими двумя были «чем-то большим, чем чистой дружбой»… Показания Хейдона так ни разу и не были затребованы… Университетский куратор Джима говорит, что его отличала «ненасытная любознательность после долгого голодания», и отвергает всяческие подозрения о том, что Джим был «розоватых» убеждений.

Допрос, который имел место в Саррате, начался с длинных извинений, в частности, упоминается его превосходное военное досье. Ответы Придо проникнуты приятной открытостью, особенно в сравнении с экстравагантным стилем письма Хейдона. Присутствовал один представитель от конкурсной комиссии, но его голос звучал лишь изредка.

Нет, Джим больше никогда не встречался ни с Хлебниковым, ни с кем либо-другим, кто бы представился его эмиссаром… Нет, он никогда не разговаривал с ним, кроме того единственного случая. Нет, у него не было больше в то время никаких контактов ни с коммунистами, ни с русскими; и он не мог вспомнить по имени никого из тех, кто состоял членом «Народного клуба»…

Вопрос (А л л е л а й н) . Не думаю, что это сделало вас более сознательным, или я не прав?

Ответ. В общем, вы правы (с м е х) .

Да, он являлся членом «Народного клуба» точно так же, как и членом драмкружка своего колледжа, филателистического общества, общества любителей современного английского языка, студенческого союза и исторического общества, а также этического общества и семинара Рудольфа Штайнсра… Это был хороший способ послушать интересные лекции и пообщаться с людьми, особенно важно для него второе. Нет, он никогда не распространял леворадикальную литературу, хотя некоторое время и покупал «Совьет Уикли»

(Советский еженедельник, распространяемый в Великобритании, освещавший жизнь пародов СССР, его внутреннюю и внешнюю политику)… Нет, он никогда не платил взносы никакой политической партии ни в Оксфорде, ни позже; фактически, он даже ни разу не воспользовался правом голоса… Одной из причин, почему он вступил в такое количество клубов в университете, стало то, что после довольно беспорядочного образования, которое он получил за границей, у него практически не было школьных друзей среди англичан…

К этому моменту уже все следователи до единого на стороне Джима; все против конкурсной комиссии и ее бюрократического вмешательства.

Вопрос (А л л е л а й н) . Из чистого любопытства было бы интересно узнать: поскольку вы так много бывали за границей, где вы научились такому отменному правому драйву (Вид удара в крикете)? (С м е х) .

Ответ. О, у меня был дядя, а у дяди была своя площадка в пригороде Парижа. Он просто помешался на крикете. У него имелись и тренировочные секи, и все нужное снаряжение. Когда я приезжал туда на каникулы, он целыми днями заставлял меня принимать его подачи.

<Пометка следователя: граф Анри де Сент-Ивонн, скончался в 1941. Личное дело AF64-7.> Конец собеседования. Представитель конкурсной комиссии желал бы пригласить Хейдона в качестве свидетеля, но Хейдон сейчас за границей, и вызвать его невозможно. Заключение переносится на неопределенный срок…

Смайли уже почти засыпал, читая последний документ в этой папке, который случайно попал сюда спустя долгое время после того, как Джим получил официальный допуск от конкурсной комиссии. Это была вырезка из оксфордской газеты с рецензией на персональную выставку Хейдона в июне 1938-го" вышедшая под заголовком " Р е а л и з м и л и с ю р р е а л и з м ? В з г л я д и з О к с ф о р д а " . Раздолбав выставку в пух и прах, критик закончил следующим победным аккордом: «Мы понимаем, что достопочтенный Джеймс Придо специально выкроил время, оторвавшись от своего крикета, с тем чтобы помочь развесить холсты. Лучше было бы ему, на наш взгляд, остаться на Банбери-роуд. Однако, поскольку его роль Доббина от искусства стала единственным искренним явлением, знаменующим это событие, пожалуй, нам не стоит глумиться над всем этим так громко…»

Смайли задремал, но его мысли продолжали блуждать в этом замкнутом клубке сомнений, подозрений и бесспорных фактов. Он думал об Энн и, измученный, продолжал хранить для нее тепло в своей душе, страстно желая защитить ее хрупкость ценою своих собственных

страданий. Совсем как влюбленный юноша, он вслух прошептал ее имя и представил, как над ним в полутьме склоняется ее прекрасное лицо, а тем временем миссис Поуп Грэм орала через замочную скважину, что в такое время никого впускать не собирается. Он думал о Тарре и об Ирине и беспредметно размышлял о любви и верности; он думал о Джиме Придо и о том, что принесет ему завтрашний день.

Он вполне осознавал, насколько скромный смысл заключен в грядущей победе. Он проделал долгий путь, избороздил не один океан, а завтра, если все будет хорошо, он наконец сможет увидеть землю: какой-нибудь маленький мирный пустынный островок. Такой, что даже Карла о нем никогда не слышал. Только для него и для Энн.

Он уснул.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 30

В том мире, где обитал Джим Придо, этот четверг начался так же, как и любой другой день, за исключением того, что где-то под утро у него открылась рана на лопатке. Он подозревал, что это все из-за вчерашних соревнований по бегу между пансионами школы. Он проснулся от боли и оттого, что в том месте, где выделялся гной, спина намокла, и стало холодно. В прошлый раз, когда произошло нечто подобное, он примчался в Тонтонскую больницу, но медсестры только взглянули на него и тут же отправили в отделение неотложной помощи, чтобы он дождался доктора такого-то и сделал рентген; после чего Придо тайком забрал свою одежду и ушел. Хватит с него больниц и всяких там докторишск. Английских или каких других – все равно. Он вспомнил, как его учили, что об открывшихся ранах могут сообщить и это наведет на след.

Он был не в состоянии дотянуться до раны, чтобы обработать ее, но после того случал нарезал треугольники из марли и к каждому углу пришил завязки.

Взяв один и повесив его на сушилку для одежды, чтобы был под рукой, и приготовив дезинфицирующий раствор, Джим нагрел воды, высыпал туда полпачки соли и устроил себе импровизированный душ, согнувшись так, чтобы струя попадала прямо на больное место. Затем он намочил марлю в растворе, закинул ее себе за спину, завязал спереди веревочки и лег на койку лицом вниз, поставив рядом бутылку с водкой.

Боль улеглась, и его одолела дремота, но он знал, что стоит сейчас ей поддаться, и он проспит весь день. Поэтому он поставил водку на окно и сел за стол проверять тетради 5-го "В" с упражнениями по французскому, пока в Яму не соскользнул рассвет и грачи не начали галдеть в зарослях вязов.

Иногда он думал, что эта рана служит ему напоминанием о том, с чем он не в состоянии справиться. Придо прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы загнать эти мысли вглубь и наконец забыть об этом, но даже его усилий иной раз бывало недостаточно.

Он проверял тетради не торопясь, потому что это занятие ему нравилось и служило хорошей тренировкой для мозгов. Где-то около половины седьмого-семи он закончил, надел какие-то старые фланелевые штаны и спортивную куртку и потихоньку отправился в церковь, которая никогда не запиралась на замок. В центральном проходе часовни, в которую редко кто-нибудь заходил и которая представляла собой небольшой фамильный монумент, посвященный погибшим в двух войнах, Джим на минуту опустился на колени. На кресте маленького алтаря был вырезан барельеф, изображающий саперов в Вердене. Стоя на коленях, Джим осторожно пошарил под скамьей, пока кончики его пальцев не нащупали полоску, состоящую из кусочков липкого пластыря. Следуя за ними, Придо почувствовал холодную металлическую поверхность. На этом его общение с Богом закончилось, и он отправился по направлению к Комб-Лейну, на верхушку холма, где он побегал немного трусцой, чтобы вспотеть: тепло делало с ним настоящие чудеса, а привычный ритм бега немного притуплял тревогу. После бессонной ночи и утренней водки у него слегка кружилась

голова, и, когда он увидел пасущихся в ложбинке пони, которые уставились на него своими глупыми мордами, он заорал им на сомерсетском диалекте: «Пошли вон, дурни вы чертовы, ну чего вытаращились на меня своими глупыми гляделками?» – и побрел назад по тропинке, чтобы успеть до начала занятий выпить кофе и переменить повязку.

Первым уроком после молитвы был французский у пятого "В", и там Джим едва не вышел из себя: он пообещал Клементсу, сыну владельца магазина тканей, какое-то глупое наказание, а в конце урока простил его. Затем в учительской он проделал еще одну привычную процедуру, подобную той, что и в церкви: так же быстро, не задумываясь, но на этот раз нигде не шаря и никуда не выходя. Это изобретение – почтовая проверка – было довольно примитивным, но срабатывало исправно. Он ни разу не слышал, чтобы кто-то из «профи» этим пользовался, впрочем «профи» обычно редко рассказывают о своих секретах.

"Рассуди сам, – сказал бы он в таком случае, – если противник следит за тобой, он уж точно постарается просмотреть твою почту, потому как письма – самое доступное в этом деле; еще легче это сделать, если противник действует в своей стране и может наладить сотрудничество с почтовой службой. Итак, что ты в этом случае делаешь? Каждую неделю, в одно и то же время, из одного и того же почтового ящика ты отправляешь одинаковые письма: один конверт самому себе, а другой – какому-нибудь безобидному человеку на тот же адрес.

Суешь туда какую-нибудь чепуху – благотворительную рождественскую открытку, например, или рекламный проспект из местного супермаркета, – запечатываешь как следует конверты, отправляешь и ждешь, чтобы затем сравнить время доставки. Если твое письмо появляется позже, чем конверт твоего невольного помощника, ты тут же почувствуешь у себя за спиной чье-то горячее дыхание, в данном случае – не чье иное, как Тоби".

Джим называл это на своем старом потрепанном жаргоне «замером воды»; в очередной раз ее температура не вызвала нареканий. Два письма показали на финише одинаковое время, но Придо пришел в учительскую слишком поздно и не успел стащить то из них, что было адресовано Марджорибэнксу, который в этот раз играл роль ни о чем не подозревающего соучастника Джима. Так что пришлось сунуть свое письмо в карман и уткнуться в " Д е й л и т е л е г р а ф " в то время как Марджорибэнкс, фыркнув раздраженно: «А, пошли вы к черту!», разорвал отпечатанное на машинке приглашение, призывавшее его вступить в члены Братства Любителей Библии. После этого Джим снова погрузился в привычную рутину школьных дел, вплоть до начала матча по регби между старшими школьниками Тэрсгуда и Сент-Адамс, на который его назначили судьей. Игра проходила в быстром темпе, и, когда она закончилась, его спина вновь дала о себе знать. Поэтому ему снова пришлось глотнуть водки, перед тем как дать звонок к следующему занятию: Джим пообещал молодому Элвесу сделать это вместо него. Он уже не помнил, зачем тот его попросил об этом; просто те из персонала, кто был помоложе, и особенно семейные, часто перекладывали на Джима свои случайные поручения вроде этого, а он особо не возражал. Звонок представлял собой старинный корабельный колокол; еще отец Тэрсгуда когда-то давно неизвестно где откопал его, и теперь он уже стал частью школьной традиции. Когда Джим звонил, он обнаружил, что рядом стоит маленький Билл Роуч, уставившись на него с бледным подобием улыбки в ожидании, когда тот обратит на него внимание, что случалось обычно по несколько раз в день.

– Привет, Слоник, ну, что у тебя стряслось наэтот раз?

– Сэр, прошу прощения, сэр…

– Ну, давай-давай, Слоник, выкладывай.

– Сэр, там кто-то спрашивал, где вы живете, – сказал Роуч.

Джим поставил колокол на место.

– Какой он с виду, этот «кто-то», а, Слоник? Ну, давай, я ведь не съем тебя, давай, говори… эй… эй! Какой он с виду? Мужчина? Женщина?

Волшебник из сказки? Эй! Ну, давай же дружище, – мягко пробормотал он, нагнувшись к Роучу. – Не надо плакать. Ну, что случилось? Ты не заболел? – Он достал из рукава носовой платок. – Какой он с виду этот «кто-то»? – повторял он все так же негромко.

– Он спрашивал у миссис Маккаллум. Сказал, что он друг. Потом снова залез в машину, она стоит у церковного кладбища, сэр. – Очередной поток слез. – Он все еще сидит в ней.

– Подите все к черту, паршивцы эдакие! – крикнул Джим кучке ухмыляющихся старшеклассников, столпившихся у входа. – Подите к черту! – Он снова нагнулся к Роучу:

– Высокий такой друг, да? Небрежно одетый, высокого роста, да, Слоник? С такими вот бровями, сутулый? Худой такой, да? Брэдбери, поди-ка сюда и перестань пялиться! Стой здесь, отведешь потом Слоника к Воспитательнице! Худой такой, да? – спросил он снова у Роуча мягким, ноочень настойчивым голосом.

Но Роуч был уже не в состоянии выдавить из себя ни слова. У него начисто отшибло память, он словно потерял ощущение величины и положения предметов в пространстве; всякая способность проводить какие-то различия в мире взрослых, казалось, утрачена навсегда. Большие люди, маленькие, старые, молодые, сгорбленные, стройные – все это превратилось в одну сплошную толпу безликих незнакомцев. Сказать Джиму «нет» было выше его сил, сказать «да» означало взвалить на себя ужасную ответственность за то, что он может его разочаровать.

Он увидел, что Джим смотрит на него, увидел улыбку на его лице и почувствовал у себя на руке благословенное прикосновение его большой ладони.

– Молодчина, Слоник. Никто так больше не умеет наблюдать, правда?

Отчаявшись вконец, Роуч прислонил голову к плечу Брэдбери и закрыл глаза. А когда он снова их открыл, то увидел сквозь слезы, что Джим уже поднимается по лестнице.

Джим почувствовал успокоенность и даже едва ли не облегчение. Уже несколько дней он знал, что кто-то объявился. Это тоже было частью его привычного распорядка: наблюдать за теми местами, куда обычно первым делом суются «ищейки». Например, церковь: любые передвижения местных жителей сразу становятся темой для разговоров среди прихожан; или администрация графства, где регистрируются потенциальные избиратели; или торговцы, которые часто хранят счета своих клиентов; или пивные, в том случае, если намеченная жертва обходит их стороной. Иными словами, он знал, что в Англии есть естественные ловушки, куда «ищейки» наведываются первым делом, прежде чем выйдут на тебя. И действительно, мило болтая с помощницей библиотеки в Тонтоне два дня назад, Джим наткнулся на верный след, который он разыскивал.

Какой-то незнакомец, очевидно из самого Лондона, интересовался состоянием дел в деревенских округах; да, государственного вида джентльмен – скорее, даже один из тех, кто проводит политические исследования, можно сказать занимается этим профессионально – и среди прочего ему потребовался, представьте себе, как можно более свежий список жителей той самой деревни, где живет Джим; да, список избирателей, они собираются провести поименный опрос в самых отдаленных и глухих районах страны, особенно среди недавних иммигрантов. Да, действительно, подумать только, согласился Джим и после этого предпринял некоторые подготовительные меры. Он купил железнодорожные билеты сразу в несколько мест: до Эксетера, до Лондона и до Суиндона, все сроком годности на один месяц. Сделал он это потому, что знал: если снова придется удариться в бега, покупать билеты будет некогда. Он достал из потайного места на огороде свои старые удостоверения и пистолет, которые перепрятал так, чтобы они в любой момент были под рукой. Еще он загрузил в багажник «алвиса» чемодан с одеждой и залил полный бак горючего. После этих мер предосторожности он мог спать относительно спокойно или, вернее, мог бы, если бы не спина.

– Сэр, а кто выиграл, сэр?

Преббл, новичок, одетый в пижаму и перемазанный зубной пастой, направлялся во врачебный кабинет. Мальчишки иногда заговаривали с Джимом без всякого повода: одного его роста и горбатой спины было достаточно, чтобы спровоцировать их на это.

– Сэр, ну в этом матче, ну против Сент-Адамс?

– Не Адамс, а Гадамс, – отозвался другой умник. – Нет, правда, сэр, кто выиграл?

– Увы, они, сэр, – гаркнул Джим, – и, если бы вы смотрели игру, сэр, вы бы сейчас не спрашивали, сэр. – Он медленно поводил у них перед носом огромным кулачищем, изображая серию сокрушительных ударов, и аккуратно выпроводил их в медпункт Воспитательницы.

– Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи, лягушата, – промурлыкал Джим и зашагал в другой конец коридора – в изолятор, из окон которого открывался вид на церковный двор с кладбищем. В изоляторе был погашен свет; вся обстановка и запах его внушали ему отвращение. Двенадцать ребят лежали в темноте и дремали после ужина в ожидании вечерних процедур.

– Кто там? – раздался чей-то сиплый голос, – Это Бегемот, – ответил ему другой. – Эй, Бегемот, кто выиграл, мы или Сент-Гадамс?

Звать Джима кличкой вообще-то было хамством, но в изоляторе мальчишки чувствовали себя освобожденными от условностей дисциплины.

– Бегемот? Какой еще, к черту, Бегемот? Не знаю такого. Меня не так зовут, – фыркнул Джим, протискиваясь между койками. – Убери этот фонарик, не положено. Ясное дело, черт возьми, к т о выиграл. Восемнадцать ноль в пользу Гадамс. – Окно здесь доставало почти до самого пола, а внизу, заслоняя его от мальчишек, стояла старая каминная решетка. – Слишком много суетились в защите, – пробормотал он, вглядываясь в глубину двора.

– Терпеть не могу регби, – сказал мальчик по имени Стивен.

Синий «форд» стоял в тени церкви, вплотную к вязам. С первого этажа машину не было бы видно, но и сказать, что она спрятана, было бы преувеличением. Джим застыл совершенно неподвижно, немного поодаль от окна, изучая «форд» на предмет определенных признаков, известных профессионалу. На улице быстро смеркалось, но у него было хорошее зрение, и он знал, что ему высматривать: аккуратно замаскированную антенну, второе зеркало для связного, обгоревший металл под выхлопной трубой. Почувствовав, как он напряжен, мальчишки начали дурачиться.

– Сэр, там что, кошечка какая-нибудь? Она хоть хорошенькая, а, сэр?

– Сэр, мы еще не горим?

– Сэр, а какие у нее ножки?

– Боже, сэр, только не говорите, что это мисс А а р о н с о н? – После этого все начали гоготать, потому что мисс Ааронсон была некрасивой старухой.

– Заткнитесь, – рявкнул Джим, не на шутку рассердившись. – Свиньи вы неблагодарные, заткнитесь сию минуту!

Где-то внизу Тэрсгуд делал перекличку старших школьников перед приготовлением уроков. Аберкромби? Здесь, сэр. Астор? Здесь, сэр. Блейкни?

Болен, сэр.

Продолжая наблюдать, Джим увидел, как дверца машины открылась и Джордж Смайли, одетый в тяжелое пальто, осторожно вылез наружу.

В коридоре раздались шаги Воспитательницы. Он слышал, как скрипят ее резиновые каблуки и погромыхивают термометры в ванночке.

– Мой славный Бегемот, что вы делаете в моем изоляторе? И закройте занавеску, несносный вы такой, не то целый выводок умрет у нас от воспаления легких. Уильям Мерридью, сядь-ка быстренько.

Смайли запирал дверцу машины на ключ. Он приехал один, и в руках у него ничего не было, даже портфеля.

– Там, в Гренвилле, уже ноют: где наш Бегемот и все такое.

– Иду-иду, уже ушел, – быстро ответил Джими, бросив напоследок отрывистое «Всем спокойной ночи», поплелся, сгорбленный, в спальню Гренвилл, где он обещал сегодня закончить читать рассказ Джона Бьюкена. Читая вслух, он заметил, что некоторые звуки даются ему с трудом, иногда чуть ли не застревают в горле. Он почувствовал, что весь взмок, ему показалось, что из раны снова начал сочиться гной, а к тому времени, когда он закончил, мышцы вокруг рта просто-таки задеревенели, и это вряд ли было только от долгого чтения вслух. Но все эти вещи не шли ни в какое сравнение с той яростью, которая начала закипать в нем, стоило ему только вырваться на свежий морозный воздух ночи. Стоя на заросшей террасе, он какое-то мгновение колебался, вглядываясь в сторону церкви. У него бы заняло минуты три, даже меньше, чтобы отклеить липкую ленту под скамейкой, вытащить оттуда пистолет и засунуть его за пояс с левой стороны, рукояткой внутрь…

Но инстинкт подсказал ему не делать этого, и он направился прямиком к своему фургону, фальшиво распевая «Эй, дили-дили» в полную силу своего грубого голоса.

Глава 31

Стены этого мотеля, очевидно, никогда не знали, что такое спокойная обстановка. Даже когда в движении машин, проезжавших по шоссе рядом, случались редкие перерывы, окна еще долго продолжали дребезжать. Дребезжали и зубные щетки в стакане, что стоят в ванной, а из-за боковых стен и с потолка доносилась музыка, глухой топот, обрывки разговоров и смех. Когда во двор въезжал очередной автомобиль, казалось, что дверца хлопает прямо в комнате и здесь же раздаются звуки шагов. Что касается обстановки, все предметы сочетались между собой по цвету. Желтые стулья сочетались С желтым тоном картин и желтоватым ковром. Махровое покрывало сочеталось с выкрашенными в оранжевый цвет дверьми и по причудливому совпадению с этикеткой на бутылке с водкой. Смайли тщательно все подготовил. Он заранее расставил стулья рядом с низеньким столом, на который водрузил бутылку, и сейчас, пока Джим усаживался, не сводя с него злобного взгляда, преспокойно извлек из крошечного холодильника тарелки с копченой лососиной и ломтиками черного хлеба, уже намазанными маслом. Его настроение, по контрасту с тем, что владело Джимом, было подчеркнуто бодрым, движения проворны и точны.

– Я подумал, что, по крайней мере, мы должны устроиться поудобнее, – сказал он с едва заметной улыбкой, деловито расставляя все на столе, – Когда ты должен появиться в школе? К какому-то определенному часу? – Не получив ответа, он сел. – Тебе нравится преподавать? Мне помнится, ты вроде бы уже работал учителем после войны, правда? Перед тем, как они тебя снова перетащили к себе? Это тоже была приготовительная школа? Я уже как-то подзабыл.

– Посмотри в мое досье, – рявкнул Джим. – Ты что, привел меня сюда в кошки-мышки играть, Джордж Смайли? Если ты все хотел узнать получше, надо было ознакомиться с моим досье.

Перегнувшись через стол, Смайли наполнил рюмки и передал одну из них Джиму.

– Ты имеешь в виду свое личное дело в Цирке?

– Спроси в Административном отделе. Или у Хозяина.

– Пожалуй, мне и в самом деле стоило это сделать, – нерешительно произнес Смайли. – Беда в том, что Хозяин умер, а меня вышвырнули задолго до того, как ты вернулся. Неужели никто не удосужился тебе это сказать, когда они забрали тебя домой?

В ответ на это лицо Джима немного смягчилось, и он медленно проделал один из тех жестов, что так забавляли тэрсгудских ребятишек.

– Боже мой, – пробормотал он, – так Хозяина, значит, больше нет. – И провел левой рукой снизу вверх – сначала по своим клыкообразным усам, а затем по волосам, словно побитым молью. – Бедный старый дьявол, – продолжал он. – От чего он умер, Джордж? Сердце? Сердце его доконало?

– Они что, даже это тебе не сказали, когда ты докладывал им после возвращения с задания?

При упоминании о том докладе Джим снова застыл, его взгляд опять стал злобным.

– Да, – ответил Смайли. – Из-за сердца.

– Кто занял его место?

Смайли рассмеялся:

– Боже праведный, Джим, о чем вы все там говорили в Саррате, если они не сообщили тебе даже этого?

– Черт побери, кто занял его место? Не ты же, в конце концов, раз тебя вышвырнули! Кто занял его место, Джордж?

– Аллелайн, – сказал наконец Смайли, очень осторожно наблюдая за Джимом, особенно внимательноразглядывая его правую руку, неподвижно-расслабленно лежащую на коленях. – А кого бы ты хотел видеть на его месте? У тебя есть подходящий кандидат, а, Джим? – И он добавил после долгой паузы:

– А они, случайно, не сказали тебе, что стало с сетью «Скорпион»? С Пршибылом, с его женой, с его шурином? А что стало с сетью «Платон»? С Ландкроном, Евой Крисгловой, Ханкой Биловой? Ты ведь кое-кого из них сам вербовал, не так ли? Еще в те давние времена, когда не было Роя Бланда? Старый Ландкрон даже работал на тебя во время войны.

С Джимом творилось что-то ужасное: он не мог двинуться ни вперед, ни назад. Его покрасневшее лицо перекосилось от напряженного недоумения, а пот бисеринками собрался над косматыми рыжими бровями.

– Черт бы тебя побрал, Джордж, какого дьявола тебе от меня нужно? Я закрыл для себя эту страницу, подвел черту. Именно это они мне посоветовали сделать: подведи, мол, черту, начни новую жизнь, забудь про все, что произошло.

– Кто это о н и , Джим? Рой? Билл? Перси? – Он ждал ответа. – Они сказали тебе, что стало с Максом, кто бы они ни были? Кстати, у Макса все в порядке. – Поднявшись, он проворно добавил водки в рюмку Джима, затем снова сел.

– Ну ладно, валяй, что стало с агентурой?

– Они все провалились. Официальная версия такова: ты сдал их, чтобы спасти свою шкуру. Я в это не верю. Но я должен знать, что произошло на самом деле. – Джордж продолжал не останавливаясь:

– Я знаю, Хозяин заставил тебя поклясться всем, что есть святого, что ты никому об этом не расскажешь, но Хозяина уже нет, и все давно позади. Я знаю, что тебя до смерти замучили допросами, знаю, что некоторые вещи ты запрятал так глубоко, что вряд ли сможешь теперь их извлечь на свет Божий, знаю, что тебе уже трудно отличить правду от легенды. Я знаю, что ты пытался подвести черту под этим всем и сказать, что ничего этого вообще не было. Я тоже пытался это сделать. Что ж, после сегодняшнего нашего разговора ты можешь подвести эту черту. У меня с собой есть письмо от Лейкона, и, если хочешь, можешь позвонить ему, он сейчас ждет у телефона. Я не хочу, чтобы ты молчал. Лучше бы ты рассказал мне все. Почему ты не пришел ко мне домой, когда вернулся оттуда? Ты же мог.

Ты же пробовал встретиться со мной перед отъездом, почему же ты не сделал этого, когда вернулся? Ведь не потому только, что таковы правила, или я ошибаюсь?

– Кому-нибудь удалось выбраться? – спросил Джим, – Нет. Их, кажется, всех расстреляли.

* * *

Они позвонили Лейкону, и теперь Смайли сидел один, потягивая содержимое своей рюмки. Он слышал, как в ванной бежит вода и Джим, покряхтывая, плещет себе в лицо.

– Ради всего святого, уедем куда-нибудь в другое место, здесь же вздохнуть спокойно нельзя, – вернувшись, прошептал Джим, будто ставя это условием их разговора.

Смайли забрал бутылку и вышел вслед за ним на асфальтированную площадку, где стояла машина.

Они двигались минут двадцать; за рулем сидел Джим. Въехав на горное плато, они остановились. В это раннее утро вершины холмов не были закрыты туманом, и перед ними открылся вид горной долины. Рассеянный свет фар терялся где-то далеко впереди. Джим сидел неподвижно, как изваяние, с приподнятым правым плечом и повисшими вдоль тела руками, всматриваясь через запотевшее лобовое стекло в тенистые силуэты холмов; уже начало светать, и на фоне неба четко выделялось его резко очерченное лицо. Смайли постарался построить беседу так, чтобы на его первые вопросы можно было давать краткие ответы. Злость постепенно начала покидать При-до, и мало-помалу говорить ему становилось все легче. Один раз, обсуждая профессиональную хитрость Хозяина, он даже рассмеялся, однако Смайли не позволял себе расслабиться ни на секунду, он был так осторожен, будто переводил через дорогу маленького ребенка. Когда Джим увлекался или, наоборот, проявлял чрезмерную сдержанность или демонстрировал вспышку раздражения, Смайли мягко направлял его в нужную сторону, пока тот снова не входил в колею и не продолжал двигаться в том же равномерном темпе и направлении. Когда Джим колебался, Смайли терпеливо помогал ему преодолеть препятствие. Начал же он с того, что, опираясь на свой инстинкт и дедуктивные способности, стал излагать Джиму свою версию событий, и тому оставалось только подтверждать либо опровергать ее.

Для первого инструктажа у Хозяина, предположил Смайли, они договорились встретиться за пределами Цирка? Да, так оно и было. Где? На служебной квартире у парка Сент-Джеймс, это место предложил Хозяин. Кто-то еще при этом присутствовал? Никто. И для того, чтобы войти в контакт с Джимом и условиться о месте встречи. Хозяин использовал Макфейдина, своего личного вахтера? Да, старина Мак приехал с «челноком» из Брикстона и привез записку, в которой Хозяин просил Джима о встрече этим же вечером. Джиму следовало сказать Маку «да» или «нет» и отдать записку обратно. Ни в коем случае нельзя было пользоваться для этого телефоном, даже спецсвязью. Джим сказал Маку «да» и приехал к семи часам.

– Первым делом Хозяин, я думаю, предостерег тебя?.

– Сказал, чтобы я никому не доверял.

– Он назвал кого-то конкретно?

– Он сделал это позже, – сказал Джим. – Не вначале. Сперва он просто сказал: не доверяй никому. Особенно из тех, кто считается самым благонадежным. Послушай, Джордж.

– Да?

– Их действительно всех расстреляли? Ландкрона, Криеглову, Пршибылов?

Прямо-таки взяли и расстреляли?

– Тайная полиция накрыла обе агентурные сети той же ночью. Что произошло потом, никто не знает, но ближайшим родственникам сказали, что они мертвы. Обычно это соответствует действительности.

С левой стороны от них целая череда сосен, похожих на застывшую армию, взбиралась по склону холма.

– А после этого, наверное, Хозяин спросил, какие у тебя есть подходящие чешские документы? – продолжал Смайли. – Так или нет? – Ему пришлось повторить вопрос.

– Я назвал ему имя Хайек, – в конце концов сказал Джим. – Владимир Хайек, чешский журналист, работающий в Париже. Хозяин спросил, сколько времени эти документы могут считаться хорошими. «Этого никто не может сказать, – ответил я. – Иногда они „горят" после первой же поездки». – Он вдруг заговорил громче, будто потеряв какую-то нить в своем рассказе. – Он иногда становился глух, как пень, если хотел этого.

– Ну а потом он сообщил, что от тебя требуется, – предположил Смайли.

– Сначала мы обсудили кое-какие спорные моменты. Он сказал, что, если меня схватят, мне следует вообще забыть, кто такой Хозяин. Мол, это все штучки «головорезов», что-то вроде частной инициативы. Уже тогда я подумал: какой идиот этому поверит? Каждое слово, которое он произносил, он будто от сердца отрывал, – сказал Джим. – От начала и до конца этого инструктажа я чувствовал, что он предпочел бы вообще ничего мне не говорить. Он хотел, чтобы я ничего не знал и в то же время ясно понял свою задачу. "Мне предложили одну услугу, – говорит Хозяин. – Высокопоставленный чиновник, условное имя «Свидетель». – «Чешский чиновник?» – спрашиваю я. «Военный, – отвечает он. – Ты ведь хорошо разбираешься в военных вопросах, Джим. Вы оба должны здорово с этим справиться». Вот такая у нас была беседа, черт возьми.

Я тогда подумал: ну ладно, ты не хочешь мне чего-то говорить – не надо, но хоть мозги мне не пудри.

Поводив его за нос еще немного, продолжал Джим, Хозяин объявил, что «Свидетель» – чешский генерал артиллерии. Зовут его Штевчек; в пражских военных кругах он известен как просоветски настроенный «ястреб» со всеми вытекающими отсюда последствиями; одно время он работал в Москве, занимался вопросами взаимодействия и вообще был одним из очень немногих чехов, которые пользовались у русских доверием. Через посредника, с которым Хозяин лично встречался в Австрии, Штевчек передал свою готовность встретиться с высокопоставленным офицером Цирка и обсудить с ним вопросы, представляющие взаимный интерес. Этот эмиссар должен знать чешский и быть наделенным полномочиями для принятия решений. 20 октября, в пятницу, Штевчек будет инспектировать научно-исследовательский центр по вооружению в Тишнове, рядом с Брно, около ста миль к северу от австрийской границы. После этого на выходные остановится в охотничьем домике, и там он будет один. Это место расположено глубоко в лесу неподалеку от Рачице. Он хотел бы встретиться с эмиссаром именно там, вечером в субботу, 21-го. Он также готов обеспечить сопровождение от Брно и обратно.

Смайли спросил:

– У Хозяина были какие-то предположения насчет того, какие у Штевчека имелись мотивы?

– Любимая девушка, – сказал Джим. – Студентка, с которой он встречался.

Поздняя любовь, двадцать лет разницы и все такое, сказал Хозяин. Она погибла во время восстания летом 68-го. До того, как это произошло, Штевчек из карьеристских соображений заглушал в себе антипатию к русским. Смерть девушки положила этому конец: его просто разрывало от желания отомстить.

Четыре года он, затаившись, вел себя довольно спокойно и запасался информацией, чтобы потом нанести по-настоящему сокрушительный удар. И теперь, как только мы предоставили бы ему гарантии и договорились о каналах доставки, он был готов начать продавать нам эту информацию.

– Хозяин проверял все это?

– То, что было возможно. Штевчек действительно имел широкий доступ к документации. Крайне честолюбивый штабной генерал с длинным послужным списком. Технократ. В промежутках между курсами, сулившими ему новое назначение, он оттачивал полученные

навыки за рубежом: Варшава, Москва, один год в Пекине, некоторое время работал военным атташе в Африке, потом снова Москва. Довольно молод для своего чина.

– Хозяин говорил, какого рода информации следует от него ожидать?

– Материалы оборонного значения. Ракетная техника. Вопросы баллистики.

– Еще что-нибудь? – Смайли передал ему бутылку, – Кое-что из области политики.

– Еще что-нибудь?

Уже не в первый раз у Смайли возникло отчетливое ощущение, что он натыкается не на неосведомленность Джима, но на явные признаки решительного нежелания вспоминать некоторые вещи. В темноте его дыхание казалось особенно тяжелым и жадным. Он поднял руки, положил их сверху на руль, опустил на них подбородок и отрешенно уставился на замерзшее лобовое стекло.

– Как долго их промучили, прежде чем расстрелять? – снова стал допытываться Джим.

– Боюсь, намного дольше, чем тебя, – признался Смайли.

– Боже праведный, – сказал Придо. Носовым платком, вытащенным из рукава, он вытер пот, блестевший у него на лице, если это вообще был пот.

– Да, так насчет разведданных, которые Хозяин надеялся получить от Штевчека… – как можно мягче напомнил Смайли.

– Вот об этом-то они и спрашивали меня во время допроса.

– В Саррате?

Джим отрицательно помотал своей косматой головой:

– Там, – и кивнул куда-то в направлении холмов. – Они знали, что эта операция разработана Хозяином от начала до конца. Я ничем не смог убедить их, что она моя. Они только смеялись в ответ.

И снова Смайли терпеливо ждал, когда Джим будет готов продолжать.

– Штевчек, – сказал Джим. – У Хозяина был какой-то пунктик в отношении его: с помощью Штевчека мы получим ответ, с помощью Штевчека мы получим разгадку. «Какую разгадку? – спрашивал я. – Какую такую разгадку?» У него был с собой портфель, эта его старая черная папка для нот. Достал оттуда какие-то таблицы, схемы, там и сям помеченные его почерком. Цветными чернилами, карандашами. «Шпаргалка для тебя, – говорит он. – Здесь все об этом субъекте, с которым тебе предстоит встретиться». Там была выстроена вся карьера этого Штевчека, год за годом: он провел меня через все военные академии, медали, через его жен. «Он любитель лошадей, – говорит Хозяин. – Ты ведь и сам любишь покататься верхом, а, Джим? Кое-что общее между вами неплохо бы запомнить». Я подумал: «Забавно, наверное, сидеть в Чехии, когда на тебя устроят облаву, и болтать о том, как правильно объезжать породистых скакунов». – Он немного неестественно засмеялся, и Смайли ничего не оставалось, как засмеяться в ответ.

– Назначения, помеченные красным, касались работы Штевчека в Москве, по вопросам взаимодействия. Зеленым была отмечена его служба в разведке. У него везде, оказывается, была своя рука. Четвертый человек в чешской армейской разведке, главный спец по вопросам вооружения, секретарь комитета национальной безопасности, военный советник какого-то ранга в Президиуме, начальник англоамериканского отдела в военной разведке Чехословакии. Потом Хозяин перешел к тому отрезку в середине шестидесятых, когда Штевчек во второй раз был в Москве, и там было примерно поровну помечено красным и зеленым. Официально он был направлен в группу по вопросам взаимодействия вооруженных сил стран Организации Варшавского Договора в чине генерал-полковника, но Хозяин сказал, что это просто прикрытие. В этой группе делать ему было нечего. Его настоящая работа была в английском отделе Московского Центра. Он действовал под оперативным псевдонимом Минин, и его задача заключалась в том, чтобы согласовывать направления работы чешской разведки с

Центром. «Это просто бесценный клад для нас, – сказал Хозяин. – Что Штевчек действительно хочет продать нам, так это имя „крота“ Московского Центра, работающего в Цирке».

Это может быть всего одно слово, подумал Смайли, вспомнив Макса, и снова почувствовал прилив какого-то смутного опасения. В конце концов, он знал, все будет так, как и должно было быть: имя «крота» Джералда, пронзительный вопль в темноте.

– «Это гнилое яблоко, Джим, – сказал Хозяин, – оно перепортит все остальные». – Джим продолжал говорить не останавливаясь. Его голос стал жестче, и вообще он весь как-то посуровел. – Хозяин все рассказывал о том, какую он проделал работу, каждый раз возвращаясь назад и двигаясь затем в другом направлении, применяя метод исключения, изучил всех и теперь оказался почти у цели. Осталось всего пять возможных кандидатов, сказал он. Только не спрашивай, как именно он до этого докопался. «Это один из нашей верхней пятерки, – сказал он. – Как пять пальцев на руке». Он налил мне, и мы сели, как парочка школьников, играющих в войну и придумывающих систему паролей и шифров. Мы воспользовались этой детской считалкой – «Кузнец, Скорняк…». И вот, значит, сидим мы так, пьем этот дешевый кипрский херес, которым любил угощать Хозяин, и продумываем всякие ситуации. Если я даже не смогу выбраться, говорит он, если после моей встречи со Штевчеком начнется какая-то возня, если мне придется уйти в подполье, одно слово ему, Хозяину, я обязан передать любым способом. Если нужно, пусть я даже приеду в Прагу и напишу это слово мелом на двери посольства или позвоню нашему резиденту в Праге и прокричу ему в трубку это слово. Кузнец, Скорняк, Солдат, Моряк.

Аллелайн был Кузнец, Хейдон – Скорняк, Бланд – Солдат, а Тоби Эстерхейзи – Нищий. Мы не использовали слово «Моряк», потому что на слух оно очень похоже на «Скорняк». Ты был Попрошайка, – сказал Джим.

– Да ну, неужели? И как тебе все это понравилось? Вся эта затея Хозяина? Небось произвела впечатление?

– Чертовски глупо. Просто бред собачий.

– Почему?

– Просто чертовски глупо, – повторил Джим с характерной упертостью военного человека. – Подумать только, кто-то из вас – «крот»! Полный идиотизм!

– Но ты поверил?

– Да нет же! Господи праведный, ты издеваешься, что ли, почему ты…

– Но почему нет? Мы же всегда трезво рассуждали, что рано или поздно это произойдет. Мы всегда предостерегали друг друга: будь начеку. Мы перевербовали довольно много народу из других разведок: русских, поляков, чехов, французов. Даже как-то случайно одного американца. Почему нельзя перевербовать англичанина, в конце концов?

Чувствуя неприятие Джимом такой постановки вопроса, Смайли открыл дверцу и впустил немного холодного воздуха.

– Как насчет того, чтобы пройтись? – сказал он. – По-моему, глупо сидеть взаперти, если можно прогуляться.

Движение, как и предполагал Смайли, подействовало на Джима благотворно; у него снова развязался язык.

Они находились у западной оконечности плато, где росло совсем мало деревьев, а некоторые из них лежали срубленными. Им попалась покрытая инеем скамейка, но они не обратили на нее внимания. Стояла совершенно безветренная погода, и звезды хорошо были видны в ясном небе. Джим продолжил свой рассказ, и они стали прохаживаться бок о бок, то удаляясь от машины, то снова приближаясь к ней, причем Джиму приходилось постоянно подстраиваться под шаги Смайли. Иногда они останавливались и стояли плечом к плечу, вглядываясь в перспективу горной долины.

Сначала Джим рассказал, как он договорился с Максом и на какие пошел ухищрения, чтобы скрыть свою миссию от всего остального Цирка. Он пустил слух, будто у него появилась возможность попробовать «зацепить» одного советского шифровальщика в Стокгольме, который любит шататься по разным злачным местам; и потом он заказал себе билет до Копенгагена на свой старый псевдоним Эллис. Вместо этого, однако, он улетел в Париж, там поменял документы и превратился в Хайека, и в десять утра в субботу приземлился в Праге. Таможенный и пограничный контроль прошел как по маслу. В здании вокзала Джим еще раз проверил по расписанию время отхода своего поезда и затем решил немного погулять: у него в запасе было еще несколько часов, и он подумал, что неплохо бы, перед тем как ехать в Брно, устроить небольшую проверку на наличие «хвоста». В ту осень погода выдалась мерзкая и капризная. На земле уже лежал снег, и он продолжал идти не переставая.

В Чехии обычно не возникало проблем с обнаружением «хвоста», сказал Джим. Секретные службы не обременяли себя какими-то ухищрениями при уличном наблюдении, возможно, потому, что власти, по крайней мере в обозримом прошлом, не испытывали по этому поводу излишних комплексов. До сих пор, как сказал Джим, там пользуются приемами в духе Аль Капоне: вокруг жертвы высаживают целый десант из автомобилей и «уличных художников». Поэтому Джим и стал первым делом высматривать черные «шкоды» и прогуливающихся по трое коренастых типов в фетровых шляпах. На таком холоде было хотя и не намного, но все же труднее обнаружить подобные вещи: движение замедлялось, люди, наоборот, двигались быстрее, чуть ли не все закутывали лица шарфами, так что только носы торчали. Тем не менее у Джима не было никаких причин для беспокойства, пока он не дошел до вокзала Масарика, или Центрального, как чехи с удовольствием стали его сейчас называть. Но там у него появилось легкое подозрение – чисто инстинктивное, пока что не подкрепленное никакими фактами – в отношении двух женщин, стоявших перед ним в очереди за билетами.

С бесстрастием настоящего профессионала Джим легко сумел прокрутить назад пленку сегодняшнего дня. В крытом пассаже рядом с Вацлавской площадью его обогнали три дамы. Шедшая посередине катила перед собой коляску. Та, что была ближе всего к бровке, несла в руке красную пластиковую сумочку, а та, что рядом с Джимом, вела собаку на поводке. Десятью минутами позже к нему приблизились две другие женщины: они держались под руку и очень торопились; ему пришло в голову, что, если бы операцией по наблюдению руководил Тоби Эстерхейзи, почерк был бы примерно тот же: быстрая смена людей, радиоприемник в коляске, запасные машины, где-нибудь неподалеку с коротковолновыми или спутниковыми передатчиками, со второй командой наблюдателей наготове – на тот случай, если первая слишком долго будет мозолить глаза преследуемому. На вокзале Масарика, взглянув на двух женщин впереди себя в очереди, Джим понял, что его догадки становятся реальностью.

В одежде шпика всегда есть один предмет, менять который у него обычно нет ни времени, ни желания, особенно в такую субарктическую погоду: это обувь. Из двух пар, представших перед искушенным взглядом Джима, одну он сразу узнал: отороченные мехом черные сапожки из кожзаменителя, с «молнией» на боку и толстой коричневой подошвой, которая на снегу жалобно попискивала. Сегодня утром такие он уже видел: в пассаже «Штерба» на женщине, толкавшей перед собой коляску; правда, верхняя одежда тогда на ней была другая. С этого момента Джим уже не подозревал. Он знал точно, как знал бы на его месте и Смайли.

В газетном киоске на вокзале Джим купил себе «Руде право» и сел в поезд до Брно. Если бы они хотели его арестовать, они бы это уже сделали. Должно быть, они намеревались выследить так называемые «побочные отростки», засечь его контакты. Джим решил, что документы на имя Хайека оказались проваленными и чехи зарядили капкан еще в тот момент, когда он заказывал билет на самолет; хотя, в общем-то, искать сейчас причины прокола особого смысла не было. Пока они не поняли, что он их засек, за ним сохранялся небольшой перевес, сказал Джим; и Смайли на мгновение перенесся в оккупированную Германию, в то

время, когда он сам работал агентом и жил в постоянном страхе, когда, казалось, любой мимолетный взгляд просвечивал его насквозь.

Джим собирался успеть на экспресс в 13.08, прибывающий в Брно в 16.27, однако его отменили, и поэтому ему пришлось сесть в какой-то чудный пригородный поезд, специально пущенный по случаю футбольного матча, который останавливался у каждого столба. Джим был уверен, что все время правильно вычисляет своих шпиков. Они заметно отличались друг от друга по уровню мастерства. Один раз Придо вышел на каком-то захолустном полустанке под названием Хоцснь, чтобы купить себе сосиску, и в этот раз он насчитал их не меньше пяти; все были мужчины, они разошлись по крошечной платформе, засунув руки в карманы, притворяясь, что болтают друг с другом, и при этом выглядели полными идиотами.

– Если есть такая вещь, что отличает хорошего наблюдателя от плохого, – сказал Джим, – то это изящное умение вести себя естественно в любой ситуации.

В Свитавы в его вагон вошли двое мужчин и женщина и начали разговаривать о предстоящем большом матче. Спустя некоторое время Джим присоединился к их разговору: перед этим он проштудировал газету и был в курсе дела. Переигрывали какой-то ключевой матч, и все просто с ума сходили от предвкушения. До самого Брно ничего примечательного не происходило, так что он спокойно вышел из вагона и стал прогуливаться по магазинам и другим оживленным местам, где они вынуждены были держаться поближе из боязни упустить его.

Он всячески старался убаюкать их, показать им, что ничего не подозревает. Сейчас он уже понял, что стал объектом того, что Тоби назвал бы грандиозной шумной операцией. При передвижении по городу они работали группами по семь человек. Машины менялись так часто, что Джим не успевал их сосчитать. Общее руководство велось из обшарпанного зеленого фургона, за рулем которого сидел какой-то тип с лицом бандюги. Фургон был снабжен рамочной антенной, а сзади на нем кто-то мелом нацарапал звезду, причем на такой высоте, что ни один ребенок туда не дотянулся бы. У всех машин, которые он успевал вычислить, на ящике для перчаток лежала дамская сумочка, а на месте пассажира был опущен солнцезащитный козырек. Он допускал, что существовали и другие отличительные признаки, но этих двух ему было вполне достаточно. Из рассказов Тоби он знал, что в подобных операциях может быть задействовано до сотни человек, но, если жертва вдруг начинает ускользать, вся эта армада обнаруживает свою неповоротливость. За это Тоби их терпеть не мог.

На главной площади Брно есть один универмаг, где продается все, сказал Джим. Вообще ходить по магазинам в Чехии – занятие довольно скучное, потому что у каждой из отраслей государственной промышленности совсем немного своих розничных магазинов. Но этот магазин был новым и довольно впечатляющим. Он купил там детских игрушек, шарф и какие-то сигареты, примерил туфли. Он полагал, что его преследователи все еще ждали, когда он вступит с кем-нибудь в тайный контакт. Он украл меховую шапку, белый синтетический плащ и полиэтиленовый пакет, чтобы положить туда все это. Он шатался по мужскому отделу достаточно долго, чтобы убедиться, что те две женщины, которые составляли главную пару наблюдателей, все еще держались за ним, хотя и не отваживались приближаться. Он предположил, что они уже дали сигнал мужчинам, чтобы те сменили их, и теперь ждали этого. В мужском туалете он действовал очень быстро: натянул на себя белый плащ поверх пальто, засунул в карман полиэтиленовый пакет и надел меховую шапку. Свои свертки с покупками он оставил там же, затем, как сумасшедший, сбежал вниз по пожарной лестнице, распахнул настежь дверь, пронесся по какой-то аллее, затем вышел на другую, с односторонним движением, и не спеша зашел в другой универмаг, который уже закрывался. Там он купил черный плащ и надел его вместо белого. Затесавшись в толпу выходящих из магазина покупателей, он протиснулся в переполненный трамвай, доехал до предпоследней остановки, погулял около часа и минута в минуту пришел на запасное свидание с Максом.

Он описал свой диалог с Максом и рассказал, как они чуть не поцапались.

Смайли спросил:

– Тебе ни разу не пришло в голову бросить это дело?

– Нет, не пришло, – резко ответил Джим, и его голос угрожающе повысился.

– Несмотря на то что с самого начала ты считал эту идею бредом собачьим? – Тон Смайли не выражал ничего иного, кроме почтительного уважения. Никакого давления, никакой попытки загнать Джима в угол: единственным желанием было узнать правду, чистую и ясную, как это ночное небо. – Ты продолжал идти напролом. Ты видел, что творится у тебя за спиной, ты считал свое задание абсурдным, но продолжал лезть вперед, что называется, в самые джунгли.

– Да, так оно и было.

– Может быть, ты переменил свое мнение об этом задании? Может, тобой двигало любопытство, нет? Тебе до смерти хотелось узнать, например, кто «крот»? Я просто рассуждаю, Джим, пойми меня правильно.

– Какая, к черту, разница? Какое имеет значение, что мною двигало во всей этой чертовой суматохе?

Половинка луны, не заслоняемая облаками, казалось, висит совсем близко.

Джим сел на скамейку. Она была установлена на насыпи из гравия, и по ходу разговора Придо иногда подбирал камешек и швырял его себе за спину в заросли папоротника. Смайли сидел рядом, неотрывно глядя на него. Один раз, Чтобы составить ему компанию, он глотнул водки из бутылки и подумал в этот момент о Тарре с Ириной, которые когда-то вот так же пили по очереди на холме в Гонконге. Это, должно быть, одна из привычек нашей профессии, решил он: мы рассказываем лучше, когда у нас перед глазами есть какая-то картина.

Через окошко стоящего на обочине «фиата», продолжал Джим, он услышал ответный пароль, который прозвучал легко и без запинки. Водитель оказался одним из этих крепких, чересчур мускулистых чешских мадьяров; он носил усы а-ля Эдуард VII, и от него просто-таки разило чесноком. Джиму он не понравился, впрочем, он это предвидел. Задние дверцы были заперты, и у них вышел спор, где ему сидеть. Мадьяр сказал, что Джиму небезопасно садиться назад. И кроме того, это недемократично. Джим посоветовал ему убираться к черту. Мадьяр спросил, есть ли у него пистолет, и Джим ответил «нет», что было не правдой; но если Мадьяр даже и не поверил, то сказать об этом не отважился. Вместо этого он спросил, привез ли Джим какие-нибудь инструкции для генерала. Джим сказал, что ничего он не привез и вообще он приехал, чтобы слушать.

Сейчас он признался, что немного нервничал. Они поехали, и Мадьяр объяснил ему, что нужно делать. Когда они подъедут к домику, там не будет ни света, ни каких бы то ни было признаков жизни. Генерал будет внутри. Если они увидят что-нибудь непривычное – велосипед, машину, свет, собаку, – короче, если снаружи будет заметно, что в хижине кто-то есть, тогда Мадьяр должен будет войти первым, а Джим останется ждать в машине. В противном случае Джиму следует идти одному, ждать будет Мадьяр. Ясно ему?

«Почему бы нам не войти вместе?» – спросил Джим. «Потому что генерал так не захотел», – ответил Мадьяр.

По часам Джима они ехали около получаса, двигаясь на северо-восток со скоростью примерно километров тридцать в час. Извилистая дорога, с обеих сторон к которой вплотную подступали деревья, круто уходила вверх. Луны не было, и он видел очень мало, кроме того, что иногда на фоне неба выступали силуэты холмов, поросших лесом. Джим заметил, что снег пришел с севера, и это сослужило ему потом добрую службу. Навстречу им никто не попадался, но дорога, видимо, была основательно изъезжена тяжелыми грузовиками. Они продолжали двигаться, не включая фар. Мадьяр начал рассказывать какую-то похабную историю, и Джим

понял, что таким образом он пытается совладать с нервами. Запах чеснока стоял просто невыносимый; казалось, он все время жевал его. Вдруг без всякого предупреждения он заглушил двигатель. Теперь они съезжали с холма, хотя и очень медленно. Они еще не остановились как следует, когда Мадьяр внезапно потянул ручной тормоз, и Джим, стукнувшись головой об оконную стойку, вытащил пистолет. Они стояли у отходящей вбок тропинки; метрах в тридцати внизу виднелась приземистая избушка. Никаких признаков жизни не наблюдалось.

Джим выложил Мадьяру, что от него требуется. Он хочет, чтобы Мадьяр надел его меховую шапку и плащ и пошел первым. Идти он должен медленно, посредине тропинки, и руки держать за спиной. Если он нарушит хотя бы одно из этих требований, Джим его застрелит. Когда он дойдет до избушки, он должен будет войти внутрь и объяснить генералу, что Джим просто элементарно решил подстраховаться. Затем ему следует медленно вернуться, доложить, что все в порядке и что генерал готов его принять. Или не готов, что тоже вполне возможно.

Мадьяр выслушал все это без особого восторга, но выбора у него, в общем-то, не было. Перед тем, как он вышел, Джим заставил его развернуть машину передом по направлению к избушке. Если тот вздумает выкинуть какой-нибудь фокус, пояснил ему Джим, он врубит фары и уж при таком свете не промажет, причем стрелять будет не один раз и отнюдь не по ногам. Итак, Мадьяр пошел. Он уже почти добрался до избушки, как вдруг мощный свет прожекторов залил и дом, и тропинку, и все вокруг. Затем одновременно произошло несколько вещей. Джим не видел всего, потому что был занят тем, что разворачивал машину. Он увидел, как из-за деревьев вывалились четыре человека и, насколько он успел заметить, один из них сбил Мадьяра с ног.

Началась стрельба, но никто из этих четверых не обращал на нее никакого внимания; они отступили слегка назад, пока кто-то щелкал фотоаппаратом.

Стрельба, казалось, была направлена в небо позади прожекторов. Все выглядело очень театрально. Вспыхивали осветительные бомбы, взлетали сигнальные ракеты, появились даже трассы пуль; и, когда Джим погнал «фиат» по дороге прочь, у него создалось впечатление, что он уезжает с военизированного праздника в самом его разгаре. Он почти успел спастись – ему даже показалось, что он уже спасся, – когда из-за деревьев справа кто-то в упор открыл стрельбу из пулемета. Первым взрывом оторвало заднее колесо и перевернуло машину. Он видел, как колесо перелетает через капот, и в этот момент машина слетела в левый кювет. Этот кювет, пожалуй, был метра три в глубину, однако снег смягчил падение. Машина не загорелась, и он залег позади нее и стал выжидать, высматривая через дорогу пулеметчика и надеясь его застрелить. Следующий взрыв раздался где-то позади и швырнул его на машину. Лес просто кишел войсками. Он знал, что в него попали дважды. Оба выстрела пришлись в правое плечо, и ему оставалось только изумляться, пока он лежал на земле и любовался этим театрализованным военным представлением, как ему вообще не оторвало руку. Раздался звук клаксона, сигналили два или три раза. Подкатила «скорая помощь»; по-прежнему вокруг стояла такая стрельба, что этого было бы достаточно, чтобы разогнать здешнюю дичь на долгие годы. «Скорая помощь» напомнила ему старые голливудские пожарные машины – такая она была высокая. Кругом шел самый настоящий учебный бой, а эти парни из «скорой помощи» стояли и глазели на него, и ничто в целом мире их больше не заботило. Он уже терял сознание, когда услышал, что подъехал еще один автомобиль, послышались чьи-то голоса и снова стали фотографировать, на этот раз того мужчину, что стоял справа. Кто-то отдавал приказы, но он не мог разобрать, какие именно, потому что говорили по-русски. Последняя его мысль, когда они погрузили его на носилки и огни погасли, была связана с возвращением в Лондон. Он представил себе, что сидит в кресле в квартире на Сент-Джеймс, рядом с ним лежат исписанные разноцветными карандашами схемы и целая стопка разных примечаний и он пытается объяснить Хозяину, как они оба в их-то годы умудрились вляпаться в самую громкую

и глупую авантюру за всю историю их профессии. Единственным утешением ему было то, что они завалили Мадьяра, но, оглядываясь назад, Джим пожалел, что сам не сломал ему шею: это он смог бы проделать очень легко и безо всякого сожаления.

Глава 32

Джим не испытывал потребности подробно описывать свою боль. Его стоицизм внушал Смайли благоговейный ужас, тем более что он, кажется, ранее и не подозревал этого в Джиме. Провалы в его рассказе главным образом соответствовали тем моментам, когда он «отключался», пояснил Джим. «Скорая помощь» повезла его, насколько он может судить, дальше на север. Он пришел к такому выводу, посмотрев на деревья, когда в машине открыли дверцу, чтобы впустить доктора: позади машины на деревьях, казалось, снега лежало гораздо больше. Дорога была хорошая; он решил, что они, вероятно, ехали по трассе на Градец. Доктор сделал ему укол; он пришел в себя в тюремной больнице, с зарешеченными до самого верха окнами; в его палате дежурили три охранника.

Снова Придо пришел в себя уже в другой камере после операции, окон там не было совсем. Он думает, что первый допрос прошел именно там, через семьдесят два часа после того, как они его «подлатали», хотя ориентироваться во времени ему тогда было уже трудно; кроме того, они, конечно, отобрали у него часы.

Они его очень много перемещали с места на место. Не только из комнаты в комнату, в зависимости от того, что с ним собирались делать, но и из одной тюрьмы в другую, в зависимости от того, кто его собирался допрашивать.

Иногда они таскали его туда-сюда единственно для того, чтобы он не заснул: просто водили его ночью по разным тюремным коридорам. Кроме того, иногда перевозили с места на место в грузовиках, а один раз даже на чешском транспортном самолете; во время полета, однако, Джима связали и закрыли голову капюшоном, он «отключился» почти сразу после взлета. Допрос, который состоялся после этого перелета, длился очень долго. В остальном он не замечал никакой последовательности между допросами. От того, что он пытался размышлять, яснее не становилось, скорее даже наоборот. Что сильнее всего отпечаталось у него в памяти – он помнит это и по сей день, так это вымышленный план всей операции, который он составил для себя, готовясь к первому допросу. Он знал, что молчать будет невозможно, и для того, чтобы остаться в здравом уме или попросту выжить, должен состояться диалог, и в конце этого диалога они должны будут прийти к заключению, что он рассказал им все, что знал. Лежа в больнице, он выстроил у себя в мозгу некие линии обороны, которые, если ему удастся, он будет после долгого сопротивления сдавать одну за другой, пока у них не сложится впечатление его полного поражения. Самой передовой линией, которой пожертвовать легче всего, будет суть операции «Свидетель». Любой на его месте догадался бы, что либо Штевчек – «подсадная утка», либо его предали. Однако, как бы там ни было, одно ясно определенно: чехи знают о Штевчеке больше, чем Джим. Поэтому его первым признанием должен быть рассказ о генерале, который им и без того известен; хотя он и должен заставить их немного потрудиться для этого. Сначала он будет все отрицать и придерживаться своей легенды. После некоторой борьбы он признает, что на самом деле британский Шпион, и назовет им свой оперативный псевдоним Эллис; так что, если это имя появится в печати, Цирк по крайней мере узнает, что он жив и продолжает сопротивляться. У него было мало сомнений в том, что тщательно подготовленная ловушка и фотографии в прессе вызовут в конце концов большой переполох. После этого, в соответствии со своей договоренностью с Хозяином, он представит эту операцию как свой собственный проект, созревший в нем без согласования с начальством и имевший целью заслужить ему расположение этого самого начальства. А вот все мысли о шпионе внутри Цирка он похоронит так глубоко, что им в жизни до них не докопаться, думал Джим.

– Никаких «кротов», – сказал Джим, отрешенно глядя на черные силуэты Коунтокса. – Никаких свиданий с Хозяином, никаких служебных квартир на Сент-Джеймс.

– Никакого Кузнеца и Скорняка.

Второй линией его обороны должен был стать Макс. Сначала он предполагал вообще отрицать, что брал с собой курьера. Затем он мог бы сказать, что взял его, но имени не знает. Затем, потому как все они любят, чтобы им выдавали имена, он назвал бы им его: сначала вымышленное, затем настоящее. К тому времени Макс либо уже будет в безопасности, либо в подполье, либо схвачен.

После этого в воображении Джима наступала очередь укреплений, удерживаемых уже не так сильно: недавние операции «головорезов», сплетни, которые ходят в Цирке, – короче, все, что могло заставить его мучителей подумать, будто он сломался и рассказывает совершенно свободно, будто это все, что он знает, и что они преодолели последнюю траншею. Он мог бы напрячь свою память и вспомнить более давние дела «головорезов»; если потребовалось бы, он бы дал им имена одного-двух советских или восточноевропейских чиновников, которых недавно перевербовали или «поджарили»; или других, с кем в прошлом совершали одноразовые сделки, и поскольку тогда они не стали перебежчиками, то сейчас могли бы считаться первыми кандидатами на «поджаривание» или повторную сделку. Он кинул бы им любую кость, которая бы пришла ему на память, продал бы, если потребовалось, всю эту ораву в Брикстоне. Все это служило дымовой завесой, призванной скрыть то, что Джим считал своим самым уязвимым местом, поскольку они определенно должны были рассчитывать на его осведомленность в этом вопросе: речь шла об именах членов чешских «филиалов» агентурных сетей «Скорпион» и «Платон».

– Ландкрон, Крисглова, Билова, Пршибылы, – сказал Джим.

– Почему ты расставил их именно в таком порядке? – поинтересовался Смайли.

Джим уже давно не нес никакой ответственности за эти сети. Много лет назад, еще до того, как он принял под свое крыло Брикстон, он помогал налаживать их, вербовать первых сотрудников; с тех времен с ними многое произошло, ими занимались Бланд и Хейдон, и об этом ему ничего не было известно. И тем не менее он был уверен, что до сих пор знал достаточно, чтобы загубить их подчистую. А больше всего его беспокоил страх, что Хозяин, или Билл, или Перси Аллелайн, или кто там еще в те дни имел решающее слово, пожадничает или просто не успеет эвакуировать сети до того, как Джим, под давлением мер принуждения, о которых он мог только догадываться, не будет иметь другого выхода, кроме как сломаться окончательно.

– Но в том-то и весь анекдот, – сказал Джим без какого бы то ни было намека на юмор, – что, если бы даже они хотели выказать большее безразличие к этим сетям, у них вряд ли бы это получилось. Они задали мне пяток вопросов о сети «Скорпион» и после этого совсем потеряли к ней интерес. Они, гады, прекрасно знали, что операция «Свидетель» не была моим детищем; они знали и то, как Хозяин покупал в Вене ключ к будущей встрече со Штевчеком, И начали оникак раз с того, на чем я хотел закончить: с инструктажа на Сент-Джеймс.

Они не стали спрашивать меня о курьере, их совсем не интересовало, кто привез меня на свидание с Мадьяром. Они собирались со мной говорить только о том, что касалось концепции Хозяина о гнилом яблоке.

Одно слово, опять подумал Смайли, это могло быть всего одно слово. Он сказал:

– Они знали и точный адрес на Сент-Джеймс?

– Дорогой мой, они знали даже марку этого паршивого хереса.

– И о схемах тоже знали? – быстро спросил Смайли. – Тех, что лежали в нотной папке?

– Нет. – Затем он добавил:

– Вначале не знали. Нет.

Стид-Эспри называл это «выворачивать вопрос наизнанку». Они знали, потому что им об этом сказал «крот» Джералд, подумал Смайли. «Крот» знал, что именно администрации

удалось вытянуть из старого Макфейдина. После чего Цирк выдает «посмертное заключение», и Карла получает возможность воспользоваться своей находкой как раз к тому моменту, когда ее можно испробовать на Джиме.

– Итак, ты уже должен начать догадываться. Теперь я думаю, что Хозяин таки был прав: «крот»действительно существует, – сказал Джордж.

* * *

Джим и Смайли стояли, опершись о деревянную калитку. Земля здесь круто уходила вниз, туда, где раскинулись заросли папоротника, переходящие в широкое поле. За ним лежала другая деревушка, там же виднелась бухта и тонкая полоска залитого лунным светом моря.

– Они сразу попали в самую точку: "Почему Хозяин действовал в одиночку?

Чего он надеялся этим достичь?" – «Вернуть себе былое положение», – отвечаю я. Это их просто рассмешило: «Получить второсортную информацию о расположении войсковых частей в районе Брно? Да он бы этим даже на обед в своем клубе не заработал». – «Может быть, он просто начал терять контроль над ситуацией», – сказал я. Если Хозяин теряет контроль, говорят они, кто в таком случае наступает ему на пятки? Аллелайн, говорю я; был такой слушок:

Аллелайн конкурирует с Хозяином по части добываемой информации. Но в Брикстон доносятся только сплетни, никто точно не знает. «И что удается добыть Аллелайну такого, что не удается Хозяину?» – «Не знаю». – «Но вы только что сказали, что Аллелайн конкурирует с Хозяином по части добываемой информации». – «Это сплетни. Я не знаю». И опять меня в каталажку.

Ощущение времени на этой стадии окончательно покинуло его, сказал Джим.

Он жил или в темноте мешка, который ему надевали на голову, или при искусственном свете тюремных камер. Для него перестали существовать понятия «день» и «ночь», а для того чтобы придать всему этому еще больший мистический оттенок, они почти все время делали так, чтобы отовсюду доносились разные шумы.

Они обрабатывали его по принципу конвейера, объяснил Джим: не давали спать, постоянно изматывали допросами, дезориентировали, применяли силу, пока дознание не стало казаться ему медленным соскальзыванием к тому, что он либо слегка свихнется, как он выразился, либо сломается окончательно.

Естественно, он надеялся, что скорее свихнется, но человек не может решать такие вещи за себя; в конце концов, у них были способы привести его в чувство. Чаще всего в таких случаях они применяли электричество.

– Итак, мы начинаем снова. Очередной заход. «Генерал Штевчек был важной птицей. Если он просил, чтобы прибыл старший офицер британской разведки, он рассчитывал, что тот будет всесторонне информирован обо всех аспектах своей работы. И вы говорите, что не обладаете подобной информацией?» – «Я говорю лишь то, что получил информацию от Хозяина». – «Вы читали досье на Штевчека в Цирке?» – «Нет». – «А Хозяин?» – «Не знаю». – «К каким выводам пришел Хозяин относительно второй командировки Штевчека в Москву? Говорил ли с вами Хозяин о роли Штевчека в Комитете по вопросам взаимодействия вооруженных сил стран Варшавского Договора?» – «Нет». Они уцепились за этот вопрос, а я, кажется, уцепился за свой ответ, потому что после нескольких моих «нет» они слегка вспылили. Кажется, у них кончилось терпение. Когда я «вырубился», они стали поливать меня из шланга, потом начали все заново.

Эти переезды, вспоминал Джим… Его повествование стало почему-то путаным и отрывочным. Камеры, коридоры, автомобиль… В аэропорту: сначала обращение как с особо важной персоной, потом перед самой посадкой в самолет стали бить… во время полета провалился в сон и был наказан за это.

– Пришел в себя снова в камере, еще меньшей, чем раньше, стены некрашеные. Иногда мне казалось, что я в России. Я вычислил по звездам, что мы перелетели на восток. А иногда я словно возвращался в Саррат, на курсы по поведению во время дознания.

На пару дней они оставили его в покое. В голове царила полная неразбериха. Он продолжал слышать стрельбу в лесу и снова видел этот праздничный военный фейерверк; и к началу этого большого заседания, которое ему запомнилось как нескончаемый марафон, преимущество было сразу на их стороне, потому что он с самого начала уже чувствовал себя наполовину побежденным.

– Когда ты нездоров, это сказывается больше, чем все остальное, – объяснил он очень напряженно.

– Мы могли бы сделать перерыв, если хочешь, – предложил Смайли; однако там, где был Джим, перерывов не существовало, и то, чего он хотел, не имело никакого значения.

Это длилось очень долго, сказал Джим. В какой-то момент он рассказал им о заметках Хозяина, о его схемах, о его разноцветных чернилах и карандашах.

Они тут же уцепились за это, как сумасшедшие; он только помнил большую аудиторию, где в дальнем конце комнаты собрались одни мужчины и пялились на него, как какой-нибудь паршивый врачебный консилиум на безнадежного больного, и переговаривались без конца друг с другом, и он стал рассказывать им о цветных карандашах только для того, чтобы что-нибудь говорить, чтобы заставить их помолчать и послушать. Они слушали, но разговаривать не переставали.

– Как только они услышали про разные цвета, так тут же захотели узнать, что эти цвета означали. «Что означал синий цвет?» – «У Хозяина не было синего». – "Ладно, что означал красный? Для чего использовался красный?

Приведите нам пример того, что было на схеме помечено красным. Что означал красный цвет? Что означал красный цвет? Что означал красный цвет?" Затем все вдруг вышли, кроме пары охранников и какого-то маленького седоватого типа с радикулитом, судя по всему, самого главного у них. Охранники подвели меня к столу, и этот коротышка сел рядом, сложив ручки, как какой-то паршивый гном.

Перед ним на столе лежали два карандаша – красный и зеленый, и схема всей карьеры Штевчека.

Нельзя сказать, что именно это доконало Джима, просто он был не в состоянии изобретать что-нибудь еще. Он не мог больше выдумывать никаких уловок. В этот момент почему-то именно та правда, которую он так далеко запрятал и запер на замок, громче всего просилась наружу.

– Итак, ты рассказал ему про «гнилое яблоко», – предположил Смайли. – И про Кузнеца со Скорняком.

Да, признался Джим, именно так. Он рассказал, как Хозяин надеялся, что Штевчек назовет имя «крота» в недрах Цирка. Он рассказал ему о шифре «Кузнец, Скорняк…» и о том, кто кому соответствовал, по именам.

– И какова была его реакция?

– Задумался ненадолго, потом предложил мне сигарету. Терпеть не могу эту гадость.

– Почему?

– Американские «Кэмел».

– А сам он курил? Джим коротко кивнул:

– Как паровоз, черт бы его подрал.

После этого он снова стал ощущать время, сказал Джим. Его поместили в лагерь, как он понял, где-то за городом. Он жил в барачном поселке, огороженном двумя рядами колючей

проволоки. С помощью охранника он вскоре смог передвигаться, один раз они даже прогулялись по лесу. Лагерь был очень большим: поселок Джима был лишь его частью. Ночью на востоке виднелись огни большого города. Охранники носили хлопчатобумажную униформу и не разговаривали, поэтому он никак не мог определить точно, где находится, в Чехии или в России, хотя почти уверен, что все-таки в России: когда однажды на его спину пришел взглянуть хирург, чтобы выразить презрение к работе своего предшественника, он привел с собой переводчика, который говорил по-русски и по-английски. Дознание время от времени возобновлялось, но без былой враждебности. С ним работала новая группа, и по сравнению с предыдущими одиннадцатью эта казалась просто веселой компанией. А однажды ночью его привезли на военный аэродром и на истребителе Королевских ВВС он улетел в Инвернесс. Оттуда маленьким самолетом его доставили в Элстри, а затем перевезли в фургоне в Саррат; обе поездки совершались ночью.

Рассказ Джима стремительно двигался к завершению. Он уже фактически перешел к событиям, произошедшим с ним в «яслях», когда Смайли вдруг спросил:

– А тот их главный начальник, ну седовласый маленький тип, как ты его назвал… с ним ты больше не виделся?

Один раз, признался Джим, как раз перед тем, как улетел домой.

– Для чего?

– Да, ерунда всякая. – Джим помолчал и добавил гораздо громче:

– Болтали о разной чепухе: о Цирке, о его людях, вот практически и все.

– О каких именно людях?

Джим попытался уклониться от ответа. О разной чепухе: кто наверху служебной лестницы, кто внизу. Кто следующий на очереди после Хозяина.

– «Откуда мне знать? – говорю я. – Паршивые вахтеры и те узнают об этом раньше, чем мы в Брикстоне».

– Ну а все-таки, о ком именно вы болтали?

В основном о Рое Бланде, угрюмо сказал Джим. Как Бланд умудряется сочетать свои левые взгляды с работой в Цирке? У него нет никаких левых взглядов, ответил Джим, вот как. Какое положение занимает Бланд по отношению к Эстерхейзи и Аллелайну? Каково мнение Бланда о картинах Билла? Потом про то, сколько Рой пьет и что с ним будет, если Билл перестанет его поддерживать. Джим старался давать скупые ответы.

– О ком-то еще упоминали?

– Об Эстерхейзи, – ответил Джим все тем же резким тоном. – Этот паршивец все хотел понять, как вообще можно доверять венгру.

– А что он сказал обо мне? – Смайли показалось, что с этим вопросом во всей чернеющей внизу долине воцарилась мертвая тишина. Он повторил:

– Что он сказал обо мне?

– Показал мне зажигалку. Сказал, что это твоя. Подарок от Энн. «Джорджу от Энн со всей любовью». Ее подпись. Выгравированная.

– А он не упоминал, как она ему досталась? Что он сказал, Джим? Ну, давай же, ты что, думаешь, у меня сразу коленки подогнутся, если я узнаю, что какой-то русский проходимец неудачно пошутил обо мне?

Ответ Джима прозвучал, как армейский приказ:

– Он высказался в том духе, что после того, как она стала крутить шашни с Биллом Хейдоном, могла бы позаботиться о том, чтобы поменять дарственную надпись. – Он резко отвернулся и шагнул к машине. – Я сказал ему, – выкрикнул он в бешенстве, – сказал ему прямо в его маленькую сморщенную физиономию: не стоит судить Билла по таким вещам.

Художники живут совершенно по другим законам. Они видят то, чего мы не видим. Чувствуют то, что нам не дано. Этот паршивый коротышка только рассмеялся: «Не знал, что его картины так хороши». Джордж, яему сказал: «Пошли вы к черту. Пошли вы ко всем чертям собачьим. Один Билл Хейдон стоит всей вашей поганой команды». Я сказал ему:

«Боже праведный, чем вы здесь руководите? Секретной службойили какой-нибудь паршивой Армией Спасения?»

– Это хорошо сказано, – заметил наконец Смайли, будто комментируя со стороны чей-то чужой спор. – А ты раньше его никогда не видел?

– Кого?

– Маленького седоватого типа. Он не показался тебе знакомым – из твоего давнего прошлого, например? Ну ладно, ты же знаешь нашу специфику. Нас обучают видеть много лиц, фотографий конкретных людей из Центра, и иногда они западают в память. Даже если мы и не всегда можем связать их с нужным именем. Этот тебе, однако, не запомнился. Ладно, мне просто было интересно. Мне ведь что пришло в голову: у тебя было много времени, чтобы думать, – продолжал он рассуждать вслух. – Ты лежал там, выздоравливал, восстанавливался, ждал, когда вернешься домой, и что еще тебе оставалось делать, кроме как думать? – Он подождал. – И вот мне стало интересно, о чем ты думал. Наверное, о своем задании. Так ведь?

– Временами.

– И какие выводы сделал? Что-нибудь полезное тебе пришло в голову?

Какие-нибудь подозрения, озарения, какие-нибудь догадки, подсказки, что-нибудь такое, чтобы мне сейчас сообщить?

– К черту все, благодарю покорно, – вспылил Джим. – Ты знаешь меня прекрасно, Джордж Смайли, я не мудрец какой-нибудь, а…

– Ты простой оперативный агент, который предоставляет думать другим умникам. И тем не менее: когда ты знаешь, что тебя заманили в чудовищную западню, предали, стреляли в спину и тебе нечего будет делать несколько месяцев, кроме как лежать или сидеть на койке или мерить шагами камеру в советской тюрьме, я бы предположил, что даже самый убежденный человек действия, – его тон ни на йоту не утратил своего дружелюбия, – мог бы пораскинуть мозгами, чтобы понять, как его угораздило вляпаться в такой переплет. Взять хотя бы операцию «Свидетель», – обратился Смайли к застывшей в неподвижности фигуре Джима. – «Свидетелем» закончилась карьера Хозяина. Он был опозорен, он так и не смог достать своего «крота», если считать, что «крот» все-таки существует. Цирк перешел в другие руки. Хозяин умер, почувствовав, что для этого пришло время. «Свидетель» повлек за собой еще кое-что. Он сделал для русских очевидными, – фактически С твоей помощью, – точные границы подозрений Хозяина. Иными словами, то, что он сумел сузить этот круг до пяти человек, но дальше пойти не смог. Я не говорю, что ты должен был сам до всего этого додуматься, пока ждал своей участи в камере. В конце концов, ты сидел в каталажке и тебе и в голову не могло прийти, что Хозяина отстранили. Но то, что русские неспроста затеяли этот показательный бой в лесу, ты мог бы догадаться. Или нет?

– Ты забыл про агентурные сети, – хмуро заметил Джим.

– Ну-у, у чехов они были на примете еще задолго до того, как ты вышел на сцену. А замели они их именно тогда, чтобы еще больше усугубить провал Хозяина.

Сбивчивый, почти дружеский тон, которым Смайли делился своими мыслями, не находил в Джиме нужного отклика. Подождав, не выскажет ли Придо какое-нибудь соображение, и увидев, что все напрасно, Смайли решил, что пора подводить итоги:

– Ну ладно, давай в двух словах о том, как тебя приняли в Саррате, да?

И на этом закончим.

Забывшись на мгновение, что бывало довольно редко, он отхлебнул из бутылки, перед тем как передать ее Джиму.

Судя по голосу, Джиму все это уже порядком надоело. Он говорил быстро, раздраженно и по-военному коротко, в чем, по-видимому, и выражался его отказ от различных умствований.

На четыре дня Саррат стал для него чем-то вроде чистилища, сказал Джим;

«До отвала ел, до отвала пил и до отвала спал. Гулял по крикетной площадке».

Он бы с удовольствием поплавал, но бассейн был на ремонте, как и полгода назад: ни черта делать не умеют. Он ходил на медосмотры, смотрел телевизор в своей казарме и иногда играл в шахматы с Кранко, офицером, ответственным за его прием.

Между тем он все ждал, что объявится Хозяин, но тот все не приходил.

Первым из Цирка его навестил офицер из отдела кадров, ведающий вопросами увольнения, который говорил ему что-то насчет приличного агентства по трудоустройству учителей; затем пришел какой-то парень из бухгалтерии поговорить о пенсионном пособии; затем снова доктор, чтобы освидетельствовать его на предмет наградных за ранение. Он ждал, когда же появятся следователи, но они вообще не пришли, что для него стало большим облегчением: он не знал, что станет им рассказывать, пока не получит «добро» от Хозяина; кроме того, у него и у самого оставалось много вопросов. Он предположил, что следователей не пускает к нему Хозяин. Что и говорить, смешно было бы с его стороны утаивать от них то, что он уже рассказал русским и чехам, но пока он не услышал от Хозяина подтверждения, что еще ему оставалось делать? Шли дни, от Хозяина, однако, не было ни слова, и тогда у него возникло намерение явиться на прием к Лейкону и рассказать все ему.

Потом он решил, что Хозяин просто ждет, когда его выпустят из «яслей». Затем у него на несколько дней наступил рецидив, а когда он закончился, появился Тоби Эстерхейзи в новом костюме. Впечатление было такое, что он хочет пожать ему руку и пожелать удачи на будущее. Но на самом деле Тоби пришел, чтобы рассказать, как обстоят дела.

– Мне показалось чертовски странным, что послали именно его, хотя впечатление было такое, что он поднялся по службе. Я потом вспомнил, что Хозяин говорил по поводу использования людей только с периферии.

Эстерхейзи рассказал ему, что Цирк в результате операции «Свидетель» чуть не загнулся и что от Джима сейчас будут шарахаться, как от прокаженного. Что Хозяин вышел из игры и что идет капитальная реорганизация всей службы, чтобы хоть как-то ублажить Уайтхолл.

– Потом он сказал, чтобы я не беспокоился, – сказал Джим.

– В каком смысле не беспокоился?

– Насчет моего особого дела. Он сказал, что только нескольким людям известны подлинные факты этой истории и что мне не стоит ни о чем беспокоиться, потому что те, кому надо, уже обо всем позаботились. Все факты известны. Затем он передал мне тысячу фунтов наличными вдобавок к моим наградным.

– От кого?

– Он не сказал.

– Он упоминал каким-либо образом о догадках Хозяина, связанных со Штевчеком? О шпионе Центра внутри Цирка?

– Факты известны, сказал он, – повторил Джим с нажимом, и в глазах его снова появилась злоба. – Он п р и к а з а л мне ни к кому не соваться и не пытаться сделать так, чтобы об этой истории кто-то заговорил, потому что обо всем позаботились на самом высоком уровне, и я могу только напортачить. Цирк снова входит в нормальную колею. Я могу забыть обо всех этих Кузнецах и Скорняках, о «кротах» и всей прочей ерунде. «Бросай это все, – сказал он мне. – Ты счастливый человек, Джим, – продолжал он мне вдалбливать. – Тебе приказали стать

лотофагом (Праздный мечтатель, сибарит; человек, не помнящий прошлого), жить припеваючи и забыть о прошлом!» Я мог забыть об этом, так?

Забыть, понимаешь. Просто делать вид, будто ничего не произошло! – Джим уже кричал, не помня себя. – Что я и делал все это время: подчинялся приказу и забывал потихоньку!

Ночной пейзаж вдруг показался Смайли таким чистым и непорочным, он стал похож на большое полотно, на котором никогда не рисовали ничего дурного или жестокого. Они стояли бок о бок и всматривались в долину, где поверх скоплений огоньков над горизонтом возвышался скалистый пик. На самой его верхушке стояла одинокая башня, и на мгновение она вдруг показалась Смайли символом окончания долгого путешествия.

– Да, – сказал он. – Я тоже пытался кое-что забыть. Значит, Тоби все-таки упоминал о Кузнеце и Скорняке. Каким же образом ему стало известно о той истории, если не… И ни слова от Билла? – продолжал он. – Даже открытки?

– Билл в то время был за границей, – коротко бросил Джим.

– Кто тебе это сказал?

– Тоби.

– Значит, после операции «Свидетель» ты ни разу не видел Билла: твой самый старый, самый близкий друг попросту исчез, да?

– Ты же слышал, что сказал Тоби. Доступ ко мне был закрыт. Карантин.

– Однако Билл не из тех, кто всегда строго следует правилам, разве нет? – сказал Смайли таким тоном, будто напоминая Джиму кое-что.

– А ты никогда не считал его порядочным, – рявкнул Джим.

– Жаль, что ты не застал меня, когда заходил ко мне перед отъездом в Чехию, – заметил Смайли после небольшой паузы. – Хозяин услал меня тогда в Германию с глаз долой, а когда я вернулся… Все-таки, чего ты тогда хотел?

– Ничего. Подумал, что поездка может оказаться веселенькой. Хотел кивнуть тебе на прощание.

– Перед таким заданием? – воскликнул Смайли, слегка ошарашенный. – Перед таким из ряда вон выходящим заданием? – Джим и бровью не повел. – А кому-нибудь еще ты кивнул на прощание? Кажется, мы все тогда были в разъездах. Тоби, Рой… Билл – его ты повидал?

– Никого я не повидал.

– Билл, по-моему, был в отпуске. Но у меня такое подозрение, что он все равно торчал где-то неподалеку.

– Никого я не видел, – упорствовал Придо, приступ боли заставил его приподнять правое плечо и повращать головой. – Никого не было.

– Это ведь очень не похоже на тебя, Джим, – продолжал Смайли все тем же мягким тоном, – обходить всех подряд и жать руки на прощание перед такими ответственными заданиями. Ты, должно быть, становишься сентиментальным, стареешь. Может, ты хотел… – он колебался, – может, ты хотел дать какой-то совет или что-то в этом роде? В конце концов, ты ведь считал это задание бредом собачьим, разве нет? Ты считал, что Хозяин теряет контроль над ситуацией. Возможно, ты чувствовал потребность поделиться с кем-то своей проблемой? Я согласен, это и вправду походило на какое-то сумасшествие…

Изучай факты, любил повторять Стид-Эспри, а затем примеряй все версии, как одежду.

Джим замкнулся в своей молчаливой ярости, и они вернулись к машине.

* * *

В мотеле Смайли вытащил откуда-то из складок своего необъятного пальто двадцать фотографий размером с почтовую открытку и разложил их в два ряда на столике с керамическим покрытием. Некоторые из них выглядели как репортажные снимки, другие были

явно портретные; на всех изображены мужчины, и ни один из них не похож на англичанина. С недовольной гримасой Джим выбрал две и передал их Смайли. Он абсолютно уверен в одной из них, пробормотал Джим, и не очень уверен в другой. На первой был изображен русский начальник – седовласый гном. На второй – один из этих откормленных гадов, которые наблюдали из полумрака, пока бандюги терзали Джима. Смайли положил фотографии обратно к себе в карман. И когда он наливал «на посошок», менее измученный наблюдатель, чем Джим, мог бы заметить, что делал он это если и не с видом победителя, то, во всяком случае, с некоторой торжественностью – так, будто скреплял что-то заключительной печатью.

– Так все-таки, когда ты последний раз видел Билла? Так, чтобы поговорить, – спросил Смайли таким тоном, каким спрашивают о старых общих друзьях, с которыми давно не виделись. Он, очевидно, потревожил Джима, погрузившегося в какие-то свои мысли, потому что тот, подняв голову, не сразу понял суть вопроса.

– А-а, да как-то в те дни еще, – ответил он равнодушно. – Столкнулись с ним, по-моему, где-то в коридоре.

– А так, чтобы поговорить? Ну, ладно, ладно. Джим снова ушел в себя.

Он попросил не подвозить его к самой школе. Смайли должен был высадить его в начале асфальтированной дорожки, ведущей через кладбище к церкви. Он там в часовне оставил кое-какие учебники, пояснил он. На мгновение Смайли почувствовал, что склонен усомниться, но не мог понять почему. Возможно, потому, что у него уже сложилось убеждение, что, несмотря на тридцать лет службы, Джим так и не научился как следует врать. Последнее, что ему запомнилось от свидания с Придо, был его черный перекошенный силуэт, шагающий к портику, выстроенному в нормандском стиле, и стук каблуков между могильными плитами, отдающийся звонким эхом, похожим на ружейные выстрелы.

Смайли доехал до Тонтона и сделал несколько звонков из местного отеля «Замок». Несмотря на крайнюю усталость, он спал неспокойно; его сон прерывали картины, в которых Карла сидел с двумя цветными карандашами за столом рядом с Джимом, а атташе по культуре Поляков, он же Викторов, уволенный из соображений безопасности его «крота» Джеральда, с нетерпением ждал, когда Джим окончательно сломается в следственной камере; и, наконец, Тоби Эстерхейзи приехал в Саррат вместо отсутствующего Хейдона и радостно посоветовал Джиму забыть обо всем, что касается Кузнеца, Скорняка и их умершего создателя, Хозяина.

* * *

В ту самую ночь Питер Гиллем гнал машину на запад, через всю Англию, в Ливерпуль. Кроме него в автомобиле сидел один лишь Рикки Тарр. Погода была мерзкая, и поездка оказалась очень утомительной. Большую часть времени Тарр не умолкая хвастался, что потребует поощрения и продвижения по службе за то, что успешно выполнил задание. Потом перешел на разговор о своих любимых женщинах: Дэнни, ее матери, Ирине. Он, кажется, вознамерился устроить себе menage a quatre (Жизнь вчетвером (ф р .)), где две вполне взрослые женщины будут проявлять совместную заботу о Дэнни и, конечно, о нем самом.

– В Ирине очень сильно развито материнское начало. В этом, конечно, причина всех ее расстройств.

Борис, сказал он, может убираться ко всем чертям; он. Тарр, лично скажет Карле, чтобы тот держал его у себя на привязи.

Когда они уже подъезжали к конечной цели своего путешествия, настроение Рикки снова изменилось, и он замолк. Рассвет обещал быть холодным и туманным. По пригороду они уже просто еле ползли, даже велосипедисты начали их обгонять. В машине повис удушливый запах копоти и горячего металла.

– Не вздумай шататься по Дублину, – вдруг сказал Гиллем. – Они ждут, что ты попытаешься воспользоваться каким-нибудь окольным маршрутом, так что лучше не светись. Садись в первый же самолет.

– Мы это уже проходили.

– Я это снова прохожу прямо сейчас, – резко оборвал его Гиллем, – Какой оперативный псевдоним у Макелвора?

– Ради Бога, – вздохнул Тарр и назвал его.

Когда ирландский паром отчаливал, было еще темно. Повсюду стояли солдаты и полицейские: как в эту войну, как в прошлую, как в ту, что была перед ней. С моря дул неистовый ветер, и отплывающий паром сильно качало.

Как только его огни пропали во мраке, маленькую толпу провожающих на пристани охватило мимолетное чувство товарищества. Где-то заплакала женщина, где-то веселился пьяный.

Назад Питер ехал медленно, пытаясь разобраться в самом себе; этот новый Гиллем стал вздрагивать от внезапных шумов, мучиться ночными кошмарами, он не только не может удержать возле себя любимую девушку, но еще и выдумывает совершенно идиотские поводы для недоверия. Недавно он вызвал Камиллу на разговор о Санде, о тех часах, которые она проводила без него, Гиллема, и о ее скрытности вообще. Выслушав его с застывшим взглядом своих серьезных карих глаз, она назвала его дураком и ушла. «Какой ты меня себе представляешь, такая я и есть», – сказала она, забирая свои вещи из спальни.

Из своей опустевшей квартиры он позвонил Тоби Эстсрхейзн и пригласил его на дружескую беседу в тот же вечер.

Глава 33

Смайли сидел рядом с Лейконом на заднем сиденье министерского «роллс-ройса». В семье Энн эту машину ненавидели за ее вызывающий блеск и называли не иначе как черным горшком. Шофера отправили где-нибудь позавтракать. Министр сел впереди, и все трое молча смотрели вдоль длинного капота на неясно различаемые в тумане по ту сторону реки башни Баттерсийской электростанции. Волосы Министра были зачесаны назад, вокруг ушей они слиплись в маленькие черные рожки.

– Если вы правы, – произнес наконец Министр после гробового молчания, – я не утверждаю обратного, но если вы правы, сколько посуды он нам может перебить напоследок?

Смайли не совсем понял, – Я говорю о скандале. Джералд уезжает в Москву. Ладно, что происходит дальше? Он вылезет на трибуну и будет смеяться до посинения, рассказывая всему миру о том, кого он здесь водил все это время за нос? Господи, да ведь мы все здесь замешаны, разве нет? Я не понимаю, почему мы должны его отпускать, рискуя, что он на прощание обрушит нам наголову крышу и похоронит нас под ней, а паршивая конкурсная комиссия загребет весь банк.

Спустя минуту он попробовал сделать новый заход:

– Я имею в виду вот что: пусть русские теперь знают наши секреты, но это вовсе не означает, что их должны узнать все остальные. У нас, кроме них, полно всякой другой добычи кругом прыгает, разве не так? Как насчет всех этих черномазых: им что, обязательно нужно будет через неделю прочитать в какой-нибудь своей «Мумбо-юмбо ньюс» все кровавые подробности этой истории?

«Да и твоим избирателям это совершенно ни к чему», – подумал Смайли.

– По-моему, русские всегда были готовы принять такую точку зрения, – сказал Лейкон. – В конце концов, если ты выставляешь своего противника дураком, ты лишаешься всякого оправдания для того, чтобы тратить на него время и деньги. – Он помолчал и добавил:

– Они ведь никогда в подобных ситуациях не злоупотребляют такими возможностями, не правда ли? В общем, сделайте так, чтобы они не выходили за рамки приличий. Изложите все в письменном виде. Хотя нет, не надо. Но, по крайней мере, дайте им понять, что правила

одинаковы для всех. Наша пресса ведь не исходит слюной, комментируя разгромные приказы Московского Центра, так пусть и они, паразиты такие, хоть раз сыграют по-честному.

Смайли отказался от предложения подвезти его, заметив, что пешая прогулка пойдет ему на пользу.

* * *

В этот день пришла очередь дежурить Тэрсгуду, и от этого его настроение с самого утра было скверным. По его мнению, директор должен быть выше таких низменных проблем, как дежурство; ему следует сохранять свой мозг ясным для выработки общей политики и стратегического руководства. Его не способен был утешить даже эффектный блеск его кембриджской мантии; стоя в спортивном зале, он наблюдал, как мальчишки собираются на утреннее построение, и сверлил их мрачным, если не сказать откровенно, враждебным взглядом.

Окончательно добил, однако, Марджорибэнкс.

– Он сказал, что это из-за матери, – пояснил он, еле слышно бормоча Тэрсгуду в левое ухо. – Он получил телеграмму и тут же навострился ехать.

Даже не остался на утренний чай. Я пообещал передать вам.

– Это чудовищно, просто чудовищно, – только и мог вымолвить Тэрсгуд.

– Я возьму его французский, если хотите. Мы можем объединить пятый и шестой классы.

– Я просто взбешен, – сказал Тэрсгуд. – Я так взбешен, что просто ничего не соображаю.

– А Ирвинг говорит, что может отсудить финал по регби.

– Отчеты надо писать, экзамены на носу, опять-таки финалы по регби. Что там стряслось с этой женщиной? Просто грипп, наверное, обыкновенный сезонный грипп. Мы все болеем, не только наши матери. Где она живет?

– Я только слышал, как он говорил Сью, что она при смерти.

– Ну, ладно, это единственная отговорка, которой он не сможет воспользоваться второй раз, – ответил Тэрсгуд, так и не смягчившись.

Свирепым окриком он оборвал шум и начал делать перекличку. – Роуч?

– Болен, сэр.

Это стало последней каплей. Самый богатый ученик в его школе заработал нервный срыв из-за своих проклятых родителей, а ведь его папаша уже давно угрожал перевести сына в другую школу…

Глава 34

Было уже почти четыре часа пополудни того самого дня. «Да, знавал я явочные квартиры на своем веку», – подумал Гиллем, оглядывая унылые комнаты.

Он мог бы написать о них книгу наподобие тех, что коммивояжеры пишут о гостиницах: от пятизвездочных зеркальных апартаментов в Белгрейвии с веджвудскими пилястрами и позолоченными резными дубовыми листьями до этого двухкомнатного сарая на Лексэм-Гарденс, числящегося на балансе «головорезов», где все пропахло пылью и канализацией и где в темной прихожей висел метровой длины огнетушитель. На каминной полке стояла статуэтка – рыцари в доспехах, пьющие из оловянных кружек. На каждом из серии разнокалиберных столиков кто-то заботливо расставил пепельницы из морских раковин, а в серой кухне висела анонимная инструкция, написанная аршинными буквами: Перед уходом не забудьте закрыть оба газовых крана!" Гиллем как раз шел в комнату из коридора, когда раздался звонок в дверь, точно в назначенное время. Он включил переговорное устройство и услышал искаженный завываниями голос Тоби, после чего нажал на кнопку, и электрический замок звонко щелкнул, отдавшись эхом на лестничной клетке. Он открыл входную Дверь, но не снял цепочку, пока не убедился, что Тоби пришел один.

– Как поживаем? – добродушно сказал Гиллем, впуская его.

– Хорошо, на самом деле, Питер, – ответил Тоби, стаскивая с себя пальто и перчатки.

На подносе в комнате стоял чай; Гиллем приготовил две чашки. Явочным квартирам присущи некие стандарты по части угощений. Либо ты делаешь вид, что живешь здесь, и заранее знаешь, как себя вести, либо тебе надо все время думать, как поступать и что говорить. В нашем ремесле естественное поведение становится искусством, решил Гиллем. Камилла этого попросту не могла оценить.

– На самом деле, довольно странная погода, – заметил Эстерхейзи, будто всерьез оценивая ее. Разговоры о житейских пустяках на явочных квартирах редко отличались большой содержательностью. – Пару шагов сделаешь и уже выбиваешься из сил. Итак, значит, мы ожидаем поляка? – сказал он, садясь в кресло. – Поляка – торговца мехом, который, ты думаешь, может работать для нас связным?

– Должен прийти с минуты на минуту.

– Мы его знаем? Мои люди искали такое имя, но не нашли никакого следа.

Мои люди, подумал Гиллем: надо будет запомнить, чтобы ввернуть при случае.

– Участники «Свободной Польши» пробовали пару месяцев назад подобраться к нему, но он стал от них бегать, – сказал Гиллем. – А потом Карл Стак закадрил его в районе оптовых складов и подумал, что он мог бы стать полезным для «головорезов». – Он пожал плечами. – Он мне понравился, но разве в этом дело? Мы даже своих людей не можем занять как следует, – Питер, ты очень великодушен, – почтительно отозвался Эстерхейзи, и у Гиллема возникло какое-то дурацкое ощущение, будто он только что дал ему на чай.

К его облегчению, раздался звонок в дверь, и Фон занял свое место в прихожей.

– Прошу прощения, Тоби, – сказал Смайли, слегка запыхавшись от подъема по лестнице. – Питер, где я могу повесить пальто?

Гиллем повернул Тоби лицом к стене, без всякого сопротивления подняв ему руки, и неторопливо обыскал на предмет оружия, которого у Тоби не оказалось.

– Он пришел один? – спросил Гиллем. – Или его там ждет такой приятель небольшого роста?

– Мне показалось, все чисто, – ответил Фон. Смайли стоял у окна, вглядываясь в глубину улицы.

– Выключи, пожалуйста, на минутку свет, – сказал он.

– Подожди в прихожей, – приказал Гиллем Фону, и тот удалился, унося пальто Смайли. – Видишь что-нибудь? – спросил он Джорджа, присоединившись к нему у окна.

День в Лондоне уже клонился к сумеркам; тут и там в тумане зажигались розоватые и желтоватые огни. Площадь была застроена жилыми особняками в викторианском стиле, а в центре нее располагался обнесенный железной оградой сад, уже погрузившийся в темноту.

– Я думаю, просто тень, – проворчал Смайли и снова обернулся к Эстерхейзи.

Часы на каминной полке пробили четыре. Должно быть, их перед этим завел Фон.

* * *

– Я хочу прочитать тебе, Тоби, своеобразный доклад. Так сказать, свою версию по поводу происходящего. Можно?

Эстерхейзи даже бровью не повел. Его маленькие ручки покоились на деревянных подлокотниках. Он устроился довольно удобно, но выглядел слегка настороженным, поставив ноги в своих полированных туфлях вместе.

– Тебе вообще не нужно будет ничего говорить. Слушая, ты ведь ничем не рискуешь, так?

– Может быть.

– Это насчет того, что произошло два года назад. Итак, Перси Аллелайн хочет заполучить место Хозяина, но в Цирке видного положения не занимает.

Хозяин об этом позаботился как следует. В то же время Хозяин болен, и, вообще говоря, лучшие его годы уже далеко позади, но Перси его сместить не в состоянии. Помнишь то время?

Эстерхейзи осторожно кивнул.

– Один из наших обычных мертвых сезонов, – продолжал Смайли спокойным, рассудительным тоном. – Настоящей оперативной работы мало, и мы начинаем плести интриги внутри своей службы, шпионя друг за другом. В одно прекрасное утро Перси сидит в своем кабинете, и делать ему нечего. У него есть письменное подтверждение того, что он назначен на должность руководителя оперативной службы, но на деле он не более чем промежуточный штамп в отчетах региональных секторов Хозяину, и это в лучшем случае. В этот момент открывается дверь и в кабинет входит некто. Назовем его, к примеру, Джералд.

«Перси, – говорит он, – я тут наткнулся на чертовски заманчивый русский источник. Это может стать золотой жилой». Хотя, возможно, он ничего этого не говорит, пока они не выйдут куда-нибудь наружу, потому как Джералд-то ведь старый опытный оперативный волк, он не любит говорить на такие темы, когда кругом стены и телефоны. Может быть, они пошли прогуляться по парку или поехали покататься на машине. Может быть, они зашли куда-нибудь пообедать, – неважно, главное, что в этот момент Перси ничего больше не оставалось делать, кроме как слушать. У Перси ведь очень маленький опыт в делах, происходящих в Европе, ты же знаешь, и меньше всего он разбирается в том, что случается в Чехии или на Балканах. Он съел зубы на Южной Америке и после этого обрабатывал наши старые владения – Индию, Ближний Восток. Он не знает почти ничего о русских или, скажем, о тех же чехах, он склонен видеть там лишь то, что лежит на поверхности. Что, не правда?

Эстерхейзи поджал губы и слегка насупился, будто хотел сказать, что никогда не обсуждает свое начальство.

– В то время как Джералд – настоящий специалист в этих вещах. Будучи оперативным агентом, он вдоль и поперек исколесил рынки Восточной Европы.

Перси далек от всех этих тонкостей и поэтому весь превратился в слух.

Джералд же – просто в своей стихии. Этот русский источник, говорит он, может стать самым ценным за все годы существования Цирка. Он не хочет пока обещать слишком много, но на днях он должен получить кое-какие образцы товара; и вот когда он их получит, он хотел бы, чтобы Перси взглянул на них краем глаза и оценил их качество. О деталях он узнает позже. «Но почему я? – говорит Перси. – О чем это все?» Тут Джералд ему отвечает. "Перси, – говорит он, – кое-кто из нас – те, кто работает в региональных отделениях, – очень болезненно переживают по поводу количества потерь в оперативной работе за последнее время. Такое впечатление, что над нами нависло проклятье. Слишком много болтовни вокруг Цирка и за его пределами. Слишком много людей задействовано в доставке информации. Там, на вражеской территории, наших агентов пачками ставят к стенке, наши агентурные сети в лучшем случае загребают подчистую, а каждое новое предприятие заканчивается катастрофой.

Мы хотим, чтобы ты помог нам положить этому конец". При этом Джералд вовсе не хочет поднять бунт, и он избегает внушить Перси мысль о том, что внутри Цирка есть предатель, который и проваливает все операции; и ты, и я знаем, что, стоит только возникнуть подобным разговорам, и жернова потом будет довольно трудно остановить. Джералду меньше всего нужно, чтобы началась охота за ведьмами. Что же он говорит? Он говорит, что все кругом начинает трещать по швам и что небрежность на самом верху приводит к провалам на более низких уровнях. Все это словно бальзам на душу Перси. Далее Джералд перечисляет недавние скандалы и не забывает при этом сделать особый акцент на ближневосточной авантюре самого Аллелайна, которая едва не стоила Перси карьеры. И после всего этого он объявляет свое предложение. Вот что он говорит – в моей версии, разумеется; все это лишь версия.

– Естественно, Джордж, – сказал Тоби и облизнул губы.

– Другой версией могло бы быть то, что сам Аллелайн – это и есть Джералд. Но факты таковы, что я этому не верю: я не верю, что Перси способен сам выйти на одного из ведущих русских шпионов и купить его, а потом самостоятельно набрать команду для своего корабля. Я думаю, он бы только напортачил.

– Естественно, – отозвался Тоби абсолютно уверенным тоном.

– И поэтому, по моей версии, Джералд говорит Перси следующее: "Мы – то есть я и те мои единомышленники, которые объединены этим проектом, – хотели бы видеть тебя чем-то вроде нашего покровителя, Перси. Мы не политики, мы лишь исполнители. Мы не разбираемся во всех этих хитрых маневрах Уайтхолла.

А ты – разбираешься. Ты руководишь комиссиями, а мы будем руководить Мерлином. Если ты сможешь действовать в качестве нашего представителя наверху и обезопасить нас от начавшегося разложения, что фактически означает ограничение до абсолютного минимума числа людей, знакомых с этой операцией, мы обеспечим поставку товара". Они обговаривают средства и методы, которыми все это должно осуществляться, после чего Джералд оставляет Перси, чтобы тот созрел для решения. На неделю, на месяц, я не знаю; Во всяком случае, достаточно надолго, чтобы Перси все обдумал. В один прекрасный день Джералд приносит первый образец. И, конечно, он очень хорош. Очень, очень хорош. И как нарочно, материал этот связан с военно-морскими делами, что как нельзя лучше подходит Перси, потому как он свой человек в Адмиралтействе; там у него чуть ли не клуб его сторонников. Итак, Перси устраивает своим флотским друзьям «закрытый просмотр», и у них начинают течь слюнки. «Откуда это поступило? Будет ли еще?» Будет, и очень много. А что касается личности источника – о, это пока большая, большая тайна, но без этого нельзя. Прости меня, Тоби, за немного вольную интерпретацию, но я излагаю свою версию лишь на основании досье, которые прочитал. Упоминание о досье, что, по сути, было первым признаком того, что Смайли, возможно, действует официально, вызвало у Тоби заметную реакцию. К привычному облизыванию губ добавилось какое-то странное движение головой вперед и появление на лице выражения осведомленности посвященного человека, будто всем этим Тоби пытался дать понять, что он тоже читал досье, какое бы из всех досье ни подразумевалось, и что он полностью разделяет все выводы, к которым пришел Смайли. Смайли же в это время прервал свой «доклад», чтобы выпить чаю.

– Тебе налить еще, Тоби? – спросил он, оторвавшись на секунду от чашки.

– Я займусь, – сказал Гиллем, голос которого выражал скорее решительность, чем радушие хозяина квартиры. – Чаю, Фон, – крикнул он через дверь, которая тут же открылась, и на пороге возник Фон с чашкой в руке.

Смайли снова стоял у окна. Он отодвинул на пару сантиметров край занавески и разглядывал то, что происходит на площади.

– Тоби?

– Да, Джордж?

– Ты привел с собой «няньку»?

– Нет.

– Совсем?

– Джордж, зачем я буду приводить «няньку», если я просто иду встречаться с Питером и несчастным поляком?

Смайли вернулся в свое кресло.

– Мерлин в качестве источника. На этом я, кажется, остановился? Да, все удобство заключалось в том, что Мерлин был не одним источником, не правда ли? Именно это мало-помалу Джералд и давал понять Перси и двум другим, которых он к тому времени вовлек в

этот магический круг. Мерлин был действительно советским агентом, но, совсем как Аллелайн, он к тому же являлся и представителем некой тайной группы инакомыслящих. Мы любим видеть в ситуациях других людей самих себя, и я уверен, Перси с самого начала проникся к Мерлину расположением. Эта группа, это тайное объединение заговорщиков, лидером которого стал Мерлин, состояло, скажем, из пяти-шести единомышленников, каждый из которых был видным советским официальным лицом.

Со временем, я подозреваю, Джералд дал своим заместителям и Перси довольно точное представление об этих вспомогательных источниках, хотя точно не уверен. Задачей Мерлина было сопоставлять их разведданные и выдавать на Запад конечный продукт, и на протяжении нескольких последующих месяцев он продемонстрировал свою исключительную универсальность. Был использован весь набор методов, и Цирк проявил безграничное усердие, снабжая его необходимым оборудованием. Тайное письмо, микрофотоснимки, нанесенные на точки совершенно невинных писем, тайники в западных столицах, пополняемые бог знает каким отважным русским и своевременно опорожняемые не менее отважными «фонарщиками» Тоби Эстерхейзи. Даже «живые» встречи, которые организовывали и держали под наблюдением «няньки»

Тоби, – минутная пауза, пока Смайли снова выглядывал из окна, – пара тайников в Москве, предоставленных местной резидентурой, хотя им никогда не разрешалось знать своего благодетеля. Но никакого секретного радиообмена;

Мерлин об этом и слышать не хотел. Сначала было предложение – оно дошло даже до Министерства финансов – развернуть в Финляндии постоянную радиостанцию с большим радиусом действия специально для того, чтобы обслуживать его, но все заглохло, когда Мерлин сказал: «Только через мой труп». Он, должно быть, брал уроки у самого Карлы, не правда ли? Ты же знаешь, как Карла ненавидит радио. Самая замечательная вещь во всем этом – вездесущность Мерлина. Это поистине огромный талант. Возможно, он из советского Министерства торговли и может использовать для своих целей торговых агентов. Как бы то ни было, у него большие возможности и он имеет выходы за пределы России. Вот почему его сообщники обращаются к нему с предложениями о сделках с Джералдом и через него уже согласовывают условия, я имею в виду финансовые условия. Потому что все они хотят денег. Много денег. Мне бы стоило об этом особо упомянуть. В этом отношении, боюсь, с Секретными службами и их клиентами мало кто сравнится. Они ценят больше то, что стоит больше, а Мерлин стоит целого состояния. Ты когда-нибудь покупал поддельные картины?

– Я как-то раз продал пару штук, – сказал Тоби с наигранной нервной улыбкой, но никто не засмеялся.

– Чем больше ты за нее платишь, тем меньше склонен сомневаться в ее подлинности. Глупо, но таковы мы все. Всех также греет мысль о том, что Мерлин продажен. Это мотив, который мы все очень хорошо понимаем, да, Тоби?

Особенно в Министерстве финансов. Двадцать тысяч франков в месяц на счет в швейцарском банке: да, трудно найти человека, который не пренебрег бы некоторыми идеями равенства ради таких денег. Итак, Уайтхолл платит ему целое состояние и называет его информацию бесценной. И кое-какая информация и в п р а в д у х о р о ш а , – признал Смайли. – Очень хороша, я не сомневаюсь в этом, так и должно быть. Затем в один прекрасный день Джералд доверяет Перси самый большой секрет из всех. У этой группы заговорщиков есть филиал в Лондоне. Должен тебе сказать, это начало очень хитроумного узелка.

Тоби отставил чашку и чопорно промокнул носовым платком уголки рта.

– По словам Джералда, сотрудник советского посольства в Лондоне может действовать как местный представитель Мерлина и уже фактически готов к этому. Более того, он находится в чрезвычайно выгодном положении для этого, так как может в редких случаях использовать аппаратуру посольства для переговоров с Мерлином в Москве, для отправления и получения

сообщений. И если будут соблюдены все необходимые меры предосторожности, Джералд впредь сможет устраивать тайные встречи с этим чудо-человеком, инструктировать его и выслушивать его доклады, задавать возникающие по ходу дела вопросы и получать ответы от Мерлина почти сразу по прибытии почты. Назовем этого советского чиновника, к примеру, Алексеем Александровичем Поляковым и представим, будто он сотрудник отдела по культуре в советском посольстве. Ты следишь за моей мыслью?

– Я ничего не слышал, – сказал Эстерхейзи. – Я оглох.

– Дело еще и в том, что он пребывал на своем посту сотрудника посольства в Лондоне уже довольно долгое время – если быть точным, девять лет, – но Мерлин только недавно пустил его в свою стаю. Скорее всего, когда Поляков был в отпуске в Москве, да?

– Я ничего не слышу.

– Очень быстро Поляков становится важной птицей, потому как вскоре Джералд назначает его ключевой фигурой операции «Черная магия», не считая других поручений. Тайники в Амстердаме и Париже, симпатические чернила, микрофотоснимки – это все используется своим чередом, но с минимальной интенсивностью. Иметь Полякова в любой момент у себя под рукой было слишком заманчиво, чтобы этим не воспользоваться. Часть лучших материалов Мерлина была переправлена в Лондон дипломатической почтой; все, что оставалось сделать Полякову, – это вскрыть конверты и передать их своему коллеге в Цирке: самому Джералду или человеку, им назначенному. При этом мы не должны забывать, что эта часть операции Мерлина представляет собой глубочайшую тайну. Комитет «Черной магии», конечно, тоже засекречен, но в нем слишком много народу. Это неизбежно. Сама операция велика по своему масштабу, велика и выручка от нес; только обработка и доставка требуют массы канцелярской рутины: переписчики, переводчики, шифровальщики, машинистки, эксперты и бог знает кто еще в этом задействован. Ничего из этого Джералда, естественно, не заботит: это ему, по сути дела, нравится, потому что искусство быть Джералдом состоит в том, чтобы не выделяться из толпы. Управляется ли комитет «Черной магии» снизу? Из середины? Может быть, сверху? Мне нравится определение, данное всяким комитетам Карлой. Вы его знаете? Китайская, по-моему, поговорка. Комитет – это животное с четырьмя задними ногами.

Но лондонский филиал – иными словами, нога Полякова – это часть, заключенная в исходный магический круг. Скордено, де Силски, вся эта команда – они могут рвануть за границу и пахать как оголтелые на Мерлина там, вдали от дома. Но здесь, в Лондоне, вся эта операция, в которую вовлечен братец Поляков, способ, которым завязан узелок, – это секрет совершенно особого рода, для совершенно особых задач. Ты, Перси, Билл Хейдон и Рой Бланд. Вы четверо и есть этот магический круг. Правильно? А теперь давай порассуждаем, как это все работает, в деталях. Есть некий дом, мы это знаем. Тем не менее организация встреч там продумывается очень тщательно, в этом мы можем быть уверены, не так ли? Кто встречается с ним, Тоби? Кто направляет все действия Полякова? Ты? Рой? Билл?

Достав широкий конец галстука, Смайли повернул его шелковой подкладкой наружу и начал протирать очки.

– Все понемногу, – сказал он, ответив на свой собственный вопрос. – Как это происходит? Иногда Перси встречается с ним. Я бы предположил, что Перси представляет авторитарного руководителя, проявляющего иногда заботу о подчиненном: «Не пора ли вам взять отпуск? Есть ли какие-нибудь известия от вашей жены на этой неделе?» Перси хорошо бы подошел для этой роли. Но комитет «Черной магии» использует его бережно. Перси – это большая шишка, и он должен иметь ценность раритета. Следующим идет Билл Хейдон; Билл встречается с ним, Я думаю, даже чаще, чем Перси. Билл производит на русских сильное впечатление, и он используется в качестве своеобразного лакомства. У меня такое впечатление, что они с Поляковым очень удачно подходят друг другу. Мне думается, Билл просто-таки сиял, когда приходило время инструктажа и возникающих по ходу дела вопросов,

когда нужно было удостоверить, что в Москву идут правильные сообщения, да? Иногда он берет с собой Роя Бланда, иногда он посылает Роя одного. Я полагаю, они решают это между собой. А Рой, конечно же, в данном случае выступает в роли экономического эксперта, как, впрочем, и в роли самого осведомленного в делах Восточно-Европейских стран, так что и здесь есть о чем поговорить. А иногда – я представляю себе это в виде всяких там дней рождений, или Рождества, или специальных случаев для выражения благодарности с вручением денег: на поощрения, я знаю, выделена порядочная сумма, не говоря уже о премиях, – иногда, чтобы получилась настоящая вечеринка, вы все четверо заявляетесь туда и поднимаете бокалы за своего короля по ту сторону моря, то бишь за Мерлина, через его доверенное лицо – Полякова. И, наконец, я полагаю, самому Тоби есть о чем поговорить со своим другом Поляковым. Есть разные тонкости профессионального ремесла, есть всякие полезные обрывки сведений о том, как идут дела в посольстве, которые могут оказаться так кстати «фонарщикам» в их каждодневных рутинных операциях по надзору за местной резидентурой. Так что и у Тоби бывают с Поляковым заседания с глазу на глаз. В конце концов, нам ведь не следует пренебрегать потенциалом Полякова, который можно использовать здесь, в Лондоне, независимо от его роли представителя Мерлина. Не каждый день у нас есть советский дипломат в Лондоне, который приручен настолько, что ест у нас с рук. Небольшая подготовка в обращении с фотокамерой – и Поляков может стать очень полезным на своем месте. При условии, что все мы помним о наших приоритетах. – Смайли не отрываясь продолжал смотреть прямо в лицо Тоби. – Мне представляется, что Полякову могло потребоваться довольно изрядное количество катушек с пленкой, не так ли? И одной из задач того, кто шел на встречу с ним, было пополнить его запасы: иными словами, передать ему маленькие запечатанные пакеты.

Пакеты с пленкой. Незаснятой, конечно, поскольку она шла из Цирка. Скажи мне, пожалуйста, Тоби, имя «Лапин» тебе что-нибудь говорит?

Облизывание губ, нахмуренные брови, улыбка, движение головой вперед:

– Естественно, Джордж, я знаю Лапина.

– Кто приказал уничтожить рапорты «фонарщиков», касающиеся Лапина?

– Я приказал, Джордж.

– По собственной инициативе? Улыбка Тоби стала чуть шире.

– Послушай, Джордж, я ведь с некоторых пор поднялся по лестнице на пару ступенек.

– А кто распорядился выпихнуть Конни Сейшес?

– Знаешь, я думаю, это Перси, о'кей? Скажем так, это был Перси, а может быть, Билл. Ты знаешь, как это бывает перед большой операцией. Ботинки починить, котелок почистить, всегда что-нибудь такое. – Он пожал плечами. – А может, это был Рой, а?

– Значит, ты получаешь приказы от них от всех, – быстро среагировал Смайли. – Это ведь говорит о твоей неразборчивости, Тоби. Тебе бы следовало знать лучше.

Эстерхейзи такой поворот вовсе не понравился.

– Тоби, а кто велел тебе утихомирить Макса? Тоже эти трое? Мне ведь просто нужно доложить Лейкону, пойми правильно. Он ужасно на меня нажимает.

По-моему, ему здорово достается от Министра. Так кто это был?

– Джордж, ты разговаривал не с тем, с кем нужно.

– Один из нас уж точно, – весело согласился Смайли. – Это уж вне всякого сомнения. Кстати, насчет Уэстерби: кто именно заткнул ему рот? Это тотже человек, который отправил тебя в Саррат с тысячей фунтов и указанием успокоить Джима Придо?

Мне просто нужны факты, Тоби, я не жажду ничьей крови. Ты же знаешь меня, я не из тех, кто любит мстить. Должен заметить, однако, ты не слишком-то лоялен. Вопрос только, по отношению к кому. – Он помолчал и добавил:

– Но только они всерьез намерены узнать все это, видишь ли. Ходят даже какие-то мерзкие разговоры о том, чтобы обратиться к конкурсной комиссии. Никто ведь из нас этого не хочет, правда? Это все равно что после ссоры с женой идти к адвокатам: последствия необратимы. Кто отдал тебе поручение для Джима насчет Кузнеца и Скорняка? Ты знал, что это значит?

Может, ты получил его непосредственно от Полякова?

– Ради Бога, – прошипел Гиллем, – дай мне потолковать с этим сукиным сыном.

Смайли сделал вид, что не услышал его.

– Давай поговорим о Лапине. Какие у него здесь были обязанности?

– Он работал на Полякова.

– Секретарем в отделе культуры?

– Связным.

– Но, дорогой мой Тоби, на кой черт атташе по культуре нужен связной?

Теперь уже Эстерхейзи не сводил взгляда со Смайли. Он похож на собаку, подумал Гиллем, которая не знает, чего ожидать в следующий момент: пинка или брошенной кости. Глаза Тоби постоянно бегали, останавливаясь то на лице Смайли, то на его руках, будто пытаясь по каким-то признакам понять серьезность его намерений.

– Не будь дураком, Джордж, – сказал наконец Тоби с деланной небрежностью. – Поляков работает на Московский Центр. Ты знаешь это так хорошо, как я. – Он скрестил свои маленькие ножки и, будто в нем проснулось его былое высокомерие, откинулся в кресле и глотнул холодного чаю.

А Смайли между тем, как показалось Гиллему, будто поспешил удалиться в тень, из чего Гиллем в замешательстве пришел к заключению, что он, без всякого сомнения, очень доволен собой. Наверное, потому, что Тоби наконец заговорил.

– Ну, в самом деле, Джордж, – сказал Эстерхейзи. – Ты же не ребенок.

Подумай, сколько операций мы провели таким способом. Мы покупаем Полякова, о'кей? Поляков – московский шпион, но он наш агент. Но он же должен делать вид, что шпионит за нами. Как еще ему выйти из такого положения? Как он приходит в этот дом и уходит оттуда все время, и нет никаких горилл, никаких «нянек», все так просто? Он заходит в магазин, так ведь домой надо принести какие-то покупки. Вот мы и даем ему покупки. Всякие отбросы, которые он может передать своим, и все в Москве хлопают его по плечу и говорят, что он молодец, и так каждый день.

Если у Гиллема к этому моменту голова уже просто шла кругом от какого-то дикого внутреннего трепета, то у Смайли, кажется, мозги оставались ясными, как никогда.

– Ив кругу четверых посвященных все это принято считать достаточно стандартной заурядной ситуацией, правильно?

– Ну, насчет стандартной я не знаю, – сказал Эстерхейзи, очень характерным венгерским жестом вытянув ладонь и покачав ею в разные стороны, – Ну и кто агент Полякова?

Этот вопрос, как ясно видел Гиллем, очень многое значил для Смайли: он разыграл всю эту длинную партию, чтобы в конце концов подойти к самому главному. И пока Гиллем переводил взгляд то на Эстерхейзи, который выглядел уже совсем не так уверенно, то на Смайли, лицо которого сейчас напоминало маску китайского мандарина, он почувствовал, что тоже начинает постигать всю сущность хитроумного узелка Карлы, как назвал его Смайли, и той изнурительной беседы, которую он вел с Аллелайном.

– То, о чем я тебя спрашиваю, на самом деле очень просто, – настаивал Смайли. – А именно: кто является агентом Полякова внутри Цирка? Господи ты Боже мой, Тоби, да не будь ты таким бестолковым! ЕСЛИ прикрытие Полякова для встречи с вами состоит в том, что он

шпионит за Цирком, у него в Цирке должен быть шпион, так? Ну и кто же он? Он ведь не может вернуться в посольство после встречи с вами, загруженный пленками с этими, как ты выразился, отбросами из Цирка и сказать: «Мне это передали какие-то ребята».

Должна быть легенда, и притом очень хорошая. Целая история, в которой все продумано: обхаживание, вербовка, тайные встречи, деньги, мотивация. Разве не так? Господи, да это не просто «крыша» для Полякова, это волосок, на котором он висит. Эта легенда должна быть очень тщательно состряпана. Она должна быть убедительной; я бы сказал, это ключевой момент всей игры. Так кто же он? – Смайли продолжал допытываться, испытывая явное удовольствие от процесса. – Ты? Тоби Эстерхейзи маскируется под предателя Цирка с целью задействовать Полякова? Снимаю шляпу, Тоби, это стоит целой пригоршни медалей.

Они ждали, пока Тоби подумает.

– Ты на чертовски длинной дороге, Джордж, – наконец сказал он. – Что будет, если ты не дойдешь до ее конца?

– Даже если учесть, что за мной стоит Лейкон?

– Ты говоришь о Лсйконе. О Перси тоже, о Билле. Почему ты пришел к маленькому несчастному парню? Иди к этим большим и приставай к ним со своими вопросами.

– А я думал, что сегодня ты тоже большой человек. Ты бы хорошо сгодился для этой роли, Тоби. Венгерское происхождение, чувство обиды за недостаточное продвижение по службе, вполне приличный допуск, хотя и не самый большой… сообразителен, любит деньги… в общем, с тобой в качестве агента Поляков и впрямь заимел бы убедительную, действенную «крышу». Большая «тройка» снабжает тебя «отбросами», ты передаешь их Полякову, в Центре думают, что Тоби целиком «свой», каждый получил, что хотел, все остались довольны. Единственная проблема возникает, если вдруг обнаруживается, что ты таскаешь Полякову бриллианты из королевской короны, а взамен тебя кормят русскими «отбросами». Если выясняется, что это и в п р а в д у имеет место, без хороших друзей тебе придется туговато. Без таких, как мы, например. Вот в этом-то и состоит вся суть моего сегодняшнего доклада. Я уже заканчиваю.

Итак, Джералд – это русский «крот», курируемый Карлой. И он вывернул Цирк наизнанку.

Теперь Эстерхейзи уже выглядел совсем больным.

– Послушай, Джордж. Если ты ошибаешься, я не хочу ошибаться вместе с тобой, ты меня понимаешь?

– Но если он прав, ты тоже хочешь оказаться правым, так? – предположил Гиллем, впервые вмешавшись за такой долгий промежуток времени. – И чем быстрее ты окажешься прав, тем больше тебе повезет.

– Естественно, – сказал Тоби, не улавливая никакой иронии. – Естественно. Я имею в виду, Джордж, у тебя хорошая мысль, но, Боже мой, у всего есть две стороны, Джордж, особенно у агентов, и, может быть, ты как раз ухватился не за ту. Послушай: кто хоть раз называл «Черную магию» отбросами? Никто. Никогда. Это высший сорт. У тебя есть какой-то парень с длинным языком, который рассказывает всякие гадости, и ты уже перерыл пол-Лондона. Понимаешь? Слушай, я делаю, что они мне говорят. О'кей? Они говорят: сыграй роль подставного для Полякова. Я играю. Передай ему эту пленку – я передаю. Я в очень опасной ситуации, – объяснил он. – Для меня она действительно очень опасна.

– Я сожалею, – сказал Смайли, стоя у окна, где сквозь маленькую щелку между занавесками он снова изучал площадь. – Должно быть, это доставило тебе очень много беспокойства.

– Чрезвычайно, – согласился Тоби. – У меня появилась язва, я не могу есть. Очень плохое положение.

На минуту, к неописуемой ярости Гиллема, они все трое будто были объединены молчаливым сочувствием по поводу скверного положения, в которое попал Тоби Эстерхейзи.

– Тоби, ты бы не стал мне лгать насчет «нянек», правда? – продолжал допытываться Смайли, все еще стоя у окна.

– Джордж, вот тебе крест, клянусь тебе.

– Чем бы ты воспользовался для подобной работы? Машинами?

– «Уличными художниками». Подогнал бы автобус к аэровокзалу, они бы прохаживались изнутри вдоль окон, возвращались, менялись.

– Сколько человек?

– Восемь-десять. В это время года, может быть, шесть. Сейчас много больных. Рождество, – мрачно сказал он.

– А одного человека?

– Никогда. Ты с ума сошел! Один человек! Ты думаешь, я держу кондитерскую лавочку?

Отойдя от окна, Смайли снова сел.

– Послушай, Джордж, у тебя ужасная идея, ты знаешь это? Я же патриот, клянусь Богом, – повторил Тоби.

– В чем состоит работа Полякова в лондонской резидентуре? – спросил Смайли.

– Полли работает соло.

– Курирует своего напарника в Цирке?

– Естественно. Они освободили его от обычной работы, развязали ему руки, так что он может работать с Тоби, своим напарником. Мы все это разработали, часами сидели в том доме с ним. «Послушай» – говорю я, – Билл меня подозревает, моя жена меня подозревает, мой ребенок болеет корью, и я не могу заплатить доктору". Всякую чушь, которую агенты тебе передают, я передаю Полли, так что он может отправить это домой как настоящую информацию.

– А кто такой Мерлин?

Эстерхензи отрицательно помотал головой.

– Но по крайней мере ты слышал, что он находится в Москве, – сказал Смайли, – и что он входит в руководство советской разведки, и неважно, кем именно он является?

– Ну, это-то они мне говорили, – согласился Тоби.

– И таким образом Поляков может связываться с ним? В интересах Цирка, конечно. Тайно, не вызывая подозрений у своих коллег?

– Естественно. – И Тоби принялся за свои жалобы, но Смайли, судя по всему, прислушивался не к тем звукам, которые раздавались в этой комнате.

– А что насчет Кузнеца-Скорняка?

– Я не знаю. Что это за ерунда? Я делаю то, что мне говорит Перси.

– А уладить дело с Джимом Придо тебе тоже велел Перси?

– Естественно. А может, Билл или Рой; послушай, это был Рой. Я маленький человек, Джордж, понимаешь? Я не хочу никаким образом себе навредить, ты согласен?

– Да-а, это идеальная ловушка: теперь ты видишь, Тоби, или нет? – заметил Смайли тихо и как-то отрешенно. – Если принять за данность, что это д е й с т в и т е л ь н о ловушка. Все, кто на самом деле прав, оказываются обманутыми: Конни Сейшес, Джерри Уэстерби… Джим Придо… даже Хозяин.

Любого сомневающегося можно заставить молчать еще до того, как он попытается раскрыть рот… Бесконечные перестановки, как только удалась изначальная ложь. Московский Центр нужно заставить думать, что у него есть уникальный источник внутри Цирка; Уайтхолл же ни в коем случае не должен пронюхать об этом изобретении. Если довести это до своего логического конца, Джералд добился бы того, что мы стали бы душить в кроватках наших

собственных детей. Это могло бы быть замечательным при других обстоятельствах, – заметил он чуть ли не мечтательно. – Бедный Тоби: да, теперь я вижу, что тебе довелось пережить, пока ты бегал между ними всеми.

У Тоби уже была готова очередная тирада:

– Конечно, если я могу что-нибудь сделать практически, ты знаешь меня, Джордж, я всегда рад помочь, нет проблем. Мои ребята здорово подготовлены, я тебе могу доложить, может быть, мы сделаем дело. Конечно, я должен сначала поговорить с Лей-коном. Все, что я хочу, я хочу, чтобы все прояснить. Ради Цирка, ты же знаешь. Это все, что я хочу. Чтобы было хорошо для нашей фирмы.

Я скромный парень, я ничего не хочу для себя, о'кей?

– Где находится эта явочная квартира, которую вы держите исключительно для Полякова?

– Кэмден-Таун, Лок-Гарденс, пять.

– Там есть сторож?

– Миссис Маккрейг.

– Та, что из «слухачей»?

– Да, конечно.

– Там есть встроенная аппаратура?

– А ты как думаешь?

– Значит, Милли Маккрейг содержит дом и обслуживает записывающую аппаратуру, так?

Да, все правильно, сказал Тоби, проворно закивав головой.

– Я хотел бы, чтобы ты сейчас же позвонил ей и сказал, что я остаюсь там на ночь и что мне потребуется оборудование. Скажи, что меня пригласили для специальной операции и ей следует делать все, что я ее попрошу. Я буду там около девяти. Как вы связываетесь с Поляковым, если нужна срочная встреча с ним?

– У моих ребят есть комната на Хаверсток-Хилл. Полли каждое утро на пути в посольство едет мимо окна, и каждый вечер едет домой. Если они повесят желтый плакат, на котором протест против уличного движения, это ему сигнал.

– А ночью или в выходные?

– Звонок по телефону и извинение за то, что не правильно наберут номер.

Но этого никто не любит.

– Таким способом когда-нибудь пользовались?

– Не знаю.

– Ты хочешь сказать, что не прослушиваешь его телефон?

Ответа не последовало.

– Мне нужно, чтобы ты в эти выходные нигде не появлялся. У кого-нибудь в Цирке это может вызвать удивление? – Эстерхейзи энергично помотал головой.

– Тем более что я уверен, ты все равно предпочел бы остаться в стороне от этого, правда? – Эстерхейзи кивнул. – Скажи, что у тебя проблемы сдевушкой или что-нибудь в этом роде. Ты проведешьздесь ночь, возможно, две. Фон за тобой присмотрит, на кухне есть кое-какие продукты. Как насчет твоейжены?

Гиллем и Смайли стояли рядом, пока он набирал номер Цирка и просил позвать Фила Портсса. Свою роль он сыграл идеально: в его голосе пробивались то жалобные, то заговорщические, то шутливые нотки. Мол, одна девушка, которая живет где-то в северной провинции, без ума от него и грозится сделать что-то ужасное, если он не приедет и не приласкает ее.

– Не рассказывай мне сказки, Фил, я знаю, у тебя это случается каждый день. Эй, как там поживает эта твоя роскошная новая секретарша? И еще, слушай, Фил, если Мара позвонит из дому, скажи ей, что у Тоби важные дела, о'кей? Поехал взорвать Кремль, назад вернется в понедельник. Сделай все в лучшем виде, ладно? Ну пока, Фил.

Он нажал на рычаг и набрал номер северного Лондона.

– Миссис М.? Привет, это ваш любимый дружок, узнаете голос? Очень хорошо. Я отправляю к вам сегодня вечером посетителя, старого-старого друга, выбудете приятно удивлены. Она меня терпеть не может, – пояснил он, зажав трубку рукой. – Он хочет проверить электропроводку, – продолжал он в трубку.

– Посмотреть везде, убедиться, что все работает, никаких замыканий, хорошо?

Когда они уходили, Гиллем сказал Фону с неподдельной злобой в голосе:

– Если будут какие-нибудь проблемы, свяжи его по рукам и ногам.

На лестничной площадке Смайли легонько тронул его за плечо:

– Питер, я хотел бы, чтобы ты последил у меня за спиной. Сделаешь? Дай мне пару минут, чтобы я ушел, затем пристраивайся на углу Марлоуз-роуд; движемся в северном направлении. Держись западного тротуара.

Гиллем подождал немного, затем вышел на улицу. В воздухе повисла мелкая морось, и вообще было как-то жутко тепло, похоже на оттепель. Вокруг фонарей влага собиралась в красивые клубы пара, но в тени он не видел и не чувствовал их: эти капельки лишь затуманивали зрение, вынуждая Гиллема слегка прикрывать глаза. Он обошел кругом садика и пошел через симпатичные и уютные внутренние дворы, забирая южнее условленного места. Дойдя до Марлоуз-роуд, он перешел на западный тротуар, купил вечернюю газету и прогулочным шагом двинулся вдоль особняков, расположенных в глубине сквера.

Он считал пешеходов, велосипедистов, машины, пока вдруг далеко впереди не заметил Джорджа Смайли, который степенно брел по противоположному краю тротуара и ничем не отличался от самого обычного лондонца, возвращающегося домой с работы. «Это будет целая команда?» – спросил его Гиллем перед тем, как они расстались в подъезде. Смайли тогда не смог ответить определенно.

«Не доходя до Абингдон-Виллас, я перейду дорогу, – сказал он. – Высматривай одиночку. Но смотри в оба!»

Пока Гиллем наблюдал за ним, Смайли внезапно резко остановился, будто как раз сейчас что-то вспомнил, рискованно шагнул на дорогу и засеменил между машинами, несущимися стремительным потоком, перейдя улицу, он тут же исчез в дверях винного магазинчика. И когда он это проделывал, Гиллем увидел или ему показалось, что увидел, высокую сгорбленную фигуру в темном пальто, шагнувшую вслед за ним, но в этот момент проехал автобус, заслонив и Смайли, и его преследователя; отъехав, он, должно быть, увез его с собой, потому что единственным, кто остался на этой узкой полоске тротуара, был какой-то старик в черном синтетическом плаще и матерчатой кепке. Он стоял, лениво облокотившись об автобусную остановку, и читал вечернюю газету; и когда Смайли снова появился в дверях винного магазинчика со своей коричневой сумкой, он даже головы не поднял, углубившись в чтение спортивного репортажа. Через минуту Гиллем снова шел за Смайли по пятам через опрятные улочки Кенсингтона, сохранившие былой облик со времен королевы Виктории; и так они переходили из одного тихого квартала в другой, забредая во внутренние дворики и выходя обратно той же дорогой. И только один раз, когда Гиллем позабыл о Смайли и, следуя скорее инстинкту, обернулся назад, ему показалось, что за ними идет кто-то третий: на кирпичный узор стен опустевшей улицы упала чья-то клыкастая тень… Однако стоило Гиллему двинуться вперед, как она тут же исчезла.

Ночь после этого выдалась и без того сумасшедшей; события развивались слишком быстро, чтобы ухватиться за какое-то конкретное из них и сосредоточиться хоть на секунду. Лишь в один из следующих дней Питер осознал, что та фигура или, скорее, тень от нее задела какую-то знакомую струнку в его воспоминаниях. Но даже и после этого он еще долго не мог найти то место, где она находится. Затем как-то рано утром он внезапно проснулся, и в мозгу у него совершенно четко выкристаллизовалось: рявкающий командный голос, с трудом скрываемая мягкость манер, ракетка для сквоша, завалившаяся между сейфом и стенкой в его кабинете в Брикстоне, которая вызвала целый поток слез у его обычно бесстрастной секретарши.

Глава 35

Выражаясь классическим профессиональным языком, пожалуй, единственным проколом Стива Макелвора в тот самый вечер было то, что он стал винить себя за оставленную незапертой правую дверцу своего автомобиля. Садясь на место водителя и увидев, что кнопка замка пассажирской дверцы торчит вверх, он отнес это на счет своей небрежности. Способность к выживанию, любил повторять Джим Придо, есть не что иное, как способность к безграничной подозрительности. Следуя буквально этому принципу, Макелвор должен был бы заподозрить, что в самый разгар этого чрезвычайно мерзкого часа пик, в этот чрезвычайно мерзкий вечер, в одном из этих утопающих в шуме и реве переулков, выходящих на Елисейские поля, Рикки Тарр может внезапно открыть дверцу с пассажирской стороны и приставить к виску дуло пистолета. Однако жизнь в парижской резидентуре в те дни не слишком располагала к поддержанию мозгов в работоспособном состоянии: большая часть прошедшего рабочего дня Макелвора ушла на составление ведомости расходов за неделю и дописывание еженедельных отчетов по своим сотрудникам для Административно-хозяйственного отдела. И только слегка затянувшийся обед с каким-то подозрительным англофилом из французской службы безопасности немного скрасил монотонное течение этой пятницы.

На его машине, припаркованной под увядшей от выхлопных газов липой, были дипломатические номера и наклейка с двумя большими буквами "С" на багажнике: «крышей» для резидентуры была консульская работа, хотя никто всерьез этого не воспринимал. Макелвор принадлежал к старшему поколению Цирка; коренастый светловолосый йоркширец с длинным списком назначений на консульском поприще, что в глазах его коллег не давало ему никаких преимуществ. Париж стал последним из этих назначений. Он не настаивал именно на Париже, более того, из своего оперативного прошлого на Дальнем Востоке он сделал вывод, что французский образ жизни не для него. Но в качестве прелюдии к выходу на пенсию придумать что-то получше было трудно. Приличное жалованье, удобная должность; а все что от него потребовалось за те десять месяцев, что он был здесь, так это помочь деньгами одному «транзитному» агенту, сделать несколько отметок мелом в условленных местах, сыграть роль почтальона в какой-то очередной затее Лондонского Управления и, наконец, организовать прием одной важной делегации.

Так было до сегодняшнего вечера; сейчас он сидел в своей собственной машине, и в ребро ему упиралось дуло пистолета, а правое плечо нежно обнимала рука Тарра, готовая сейчас же свернуть ему шею, если только он вздумает выкинуть какой-нибудь фокус. Всего в каком-то метре от них девушки торопливо шагали к метро, а совсем рядом поток машин застрял в уличной пробке: это могло затянуться на добрый час. Ни одна душа не выказала ни малейшего интереса к теплой дружеской беседе двух мужчин, сидящих в припаркованной на обочине машине.

Тарр заговорил сразу, как только Макелвор сел на место водителя. Ему нужно отправить радиограмму Аллелайну, сказал он. Это должно быть личное послание с пометкой «расшифровать лично»; пока Стив работает с аппаратом, Тарр будет стоять около него с пистолетом.

– В какую чертовщину ты вляпался, а, Рикки? – недовольно осведомился Макелвор, пока они под руку возвращались в здание резидентуры. – Вся контора тебя ищет, ты знаешь это или нет? Они же с тебя шкуру живьем сдерут, если найдут. Нам приказано при первом твоем появлении оставить от тебя мокрое место.

Он подумывал о том, чтобы извернуться и двинуть Тарра по шее, но решил, что не успеет и Тарр убьет его быстрее.

Шифровка будет состоять примерно из двухсот групп, сказал Тарр, пока Макелвор отпирал наружную дверь и включал свет. Когда Стив передаст ее, они останутся сидеть рядом с аппаратом и дождутся ответа Перси. Если Тарра не подводит его чутье, Перси завтра же примчится в Париж, чтобы лично встретиться с Рикки. Эта встреча состоится здесь же, в резидентуре, потому что, как считает Тарр, вероятность того, что русские попытаются убить его в здании британской дипломатической миссии, может быть сведена почти к нулю.

– Ты идиот, Рикки. Не русские собираются тебя убить, а мы.

На двери первой комнаты висела табличка «Приемная»; это было все, что осталось от «крыши». Там стояла старая деревянная стойка, а на замызганной стене висела устаревшая «Памятка гражданина Великобритании». Здесь Тарр левой рукой обыскал Макелвора на предмет оружия, но ничего не нашел. Здание было построено с внутренним двором, и большая часть секретных помещений и оборудования – шифровальная комната, сейфы и кладовые, а также специальная аппаратура – располагались по другую сторону двора.

– Ты совсем спятил, Рикки, – продолжал монотонным голосом увещевать его Макелвор, нажимая на кнопку звонка в шифровальную комнату, после того как они прошли через вереницу пустых кабинетов. – Ты всегда мнил себя Наполеоном Бонапартом, и теперь это доконало тебя окончательно. Твой папаша в свое время перекормил тебя религией.

Стальная заслонка на двери отодвинулась в сторону, и в окошечке появилось недоуменное, слегка глуповатое лицо.

– Можешь идти домой, Бен. Ступай к своей благоверной, но от телефона далеко не отходи. На случай, если ты мне понадобишься, будь на месте. Оставь книги там, где они лежат, и вставь ключи в машину. Я сейчас буду говорить с Лондоном, без посторонней помощи.

Лицо исчезло, и они подождали, пока юноша откроет дверь изнутри: один ключ, другой, пружинный замок.

– Этот джентльмен прибыл прямо с Востока, Бен, – объяснил Макелвор, когда дверь наконец открылась. – Это один из моих самых лучших связных.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Бен. Он оказался высоким интеллигентного вида юношей в очках и с немигающим взглядом.

– Ну, давай, убирайся поживее, Бен. Я не собираюсь ничего удерживать у тебя из зарплаты. Впереди выходные, и отрабатывать потом ничего не нужно будет. Давай-давай, шагай.

– Бен остается здесь, – сказал Тарр.

* * *

В кембриджском здании Цирка освещение было тускло-желтым, и оттуда, где стоял Мэндел, а именно с третьего этажа магазина одежды, казалось, Что влажный асфальт блестит, как дешевая позолота. Близилась полночь, и уже часа три он находился между тюлевой занавеской и длинной одежной вешалкой. Он стоял так, как стоят «легавые» всего мира: слегка расставив прямые ноги в стороны и чуть отклонившись назад. Он низко надвинул шляпу и поднял воротник, чтобы белизна его лица как можно меньше была заметна с улицы, но он вот уже три часа наблюдал за главным входом внизу, и его глаза блестели, как глаза кошки в угольной шахте. Мэндел прождал бы так еще три или шесть часов: он снова был в деле, и запах снова щекотал ему ноздри. Кроме того, Мэндел был по натуре совой; темнота этой

примерочной как нельзя лучше поддерживала его в бодром состоянии. Свет, попадавший в комнату с улицы, ложился на потолок бледными пятнами. Все остальное – столы для раскроя, рулоны ткани, отделочные машины, паровой утюг, фотографии принцев крови с автографами, – все эти вещи, конечно, остались на своих местах, потому что он видел их во время своей рекогносцировки сегодня днем, но свет туда не попадал, и даже сейчас он едва различал все это во мраке.

Большинство подъездных путей находилось в поле его зрения: восемь или девять неравнозначных дорог и аллей, которые, неизвестно из каких соображений, выбрали кембриджский Цирк местом своей встречи. Между ними – призрачная мишура зданий, дешево отделанных осколками империи: римский банк, театр, похожий на громадную оскверненную мечеть. За ними – тянущиеся ввысь кварталы, выстроившиеся в шеренги, словно армия роботов. А над всем этим розоватое небо, медленно заволакивающееся туманом.

Почему так тихо? – недоумевал он. Театр опустел уже давно, но почему вся эта индустрия развлечений в Сохо, которая находится всего в двух шагах отсюда, не наполняет все кругом шумом разъезжающихся такси и прогуливающихся компаний? И ни одного грузовика с фруктами, которые обычно с грохотом носятся по Шефтсберн-авеню по пути на Ковент-гарденский рынок.

Мэндел еще раз поднес к глазам бинокль и осмотрел здание, что стояло прямо через дорогу напротив. По сравнению с соседними оно, казалось, спит совсем уж беспробудным сном. Двойные двери портика были закрыты, из цокольного этажа не пробивалось ни лучика. Только на четвертом этаже из второго окна слева струился бледный свет; Мэндел знал, что там находится комната дежурного офицера – об этом его предупредил Смайли. Он на секунду вскинул бинокль вверх, направляя его на крышу, где целая плантация антенн образовывала на фоне неба причудливые узоры; затем на один этаж вниз, где чернели четыре окна узла связи.

«Ночью все пользуются парадной дверью, – говорил ему Гиллем. – Это было сделано, чтобы сэкономить на вахтерах».

За эти три часа только три события вознаградили Мэндела за его бдение: по одному в час.

В половине десятого синий «форд-транзит» доставил двоих мужчин, которые несли что-то похожее на ящик с боеприпасами. Они сами открыли дверь и, как только вошли, тут же заперли ее за собой, а Мэндел тем временем бормотал в телефонную трубку, комментируя происходящее. В десять часов прибыл «челнок»:

Гиллем и об этом его предупреждал. «Челнок» объезжал по очереди все периферийные подразделения Цирка и собирал там самые свежие документы, чтобы затем сдать их на выходные на хранение. Очередность, по словам Гиллема, была следующей: Брикстон, Эктон, Саррат и, наконец, Адмиралтейство; часам к десяти машина обычно прибывала в Цирк. В этот вечер они приехали минута в минуту; двое мужчин вышли изнутри, чтобы помочь разгрузить «челнока»; Мэндел передал и об этом, за что Смайли отблагодарил его терпеливым «спасибо».

Интересно, Джордж сейчас сидит в кресле? И в такой же темноте, как и он, Мэндел? Ему почему-то казалось, что да. Из всех чудаковатых типов, которых ему довелось встречать, Смайли, пожалуй, был самым колоритным чудиком. Посмотреть на него, кажется, он и дорогу-то сам перейти не в состоянии; но с таким же успехом можно предложить свое покровительство ежу.

Чудик, размышлял Мэндел. Всю жизнь гонялся за преступниками и до чего в результате дошел? Взламывает замок, проникает ночью в магазин, стоит здесь в темноте и шпионит за чудиками. Он никогда раньше не снисходил до общения с ними, пока не познакомился со Смайли. Считал, что все они – сборище любителей и вчерашних студентов, сующих нос везде, где их не просят; считал, что они действуют противозаконно; считал, что самое большее, до

чего может снизойти его отдел, так это в интересах своего и общественного блага сказать: Да, сэр, нет, сэр" – и дальше этого в общении не заходить. Если подумать, то он и до сих пор так считал, правда, Смайли и Гиллем в его глазах представляли заметное исключение из общего правила.

Незадолго до одиннадцати, то есть около часа назад, подъехало такси.

Обычное лондонское такси, которое остановилось у театра. Даже об этом его предупредил Смайли: почти у всех в Цирке сложилась привычка не подъезжать на такси к самым дверям. Некоторые высаживались у магазина «Фойлз», другие на Олд-Комптон-стрит или где-нибудь рядом; в общем, большинство из них для отвода глаз объявляли таксисту при посадке какое-нибудь привычное место поблизости; для Аллелайна таким был театр. Мэндел ни разу до этого не видел Аллелайна, зато ему дали довольно подробный словесный портрет Перси, и сейчас, когда он поднес к глазам бинокль, то тут же без всяких сомнений узнал его: крупный неповоротливый мужчина в темном пальто; Мэндел разглядел даже, как у таксиста недовольно вытянулась физиономия в ответ на чаевые Перси, и он крикнул что-то ему вслед, пока Аллелайн рылся в карманах в поисках ключей.

Гиллем объяснил Мэнделу, что у парадной двери нет охраны, она просто запирается на замок. Охранники сидят внутри, сразу за поворотом налево в конце коридора. Кабинет Аллелайна – на пятом этаже. Мэндел не мог со своей позиции видеть свет в его окне, но там был еще и люк в потолке, так что отблеск света должен попасть на трубу дымохода. И верно; через несколько минут Мэндел увидел, как желтое пятно упало на закопченную кладку: Аллелайн вошел к себе.

А молодому Гиллему нужно отдохнуть, подумал Мэндел. Он уже сталкивался с этим раньше: такие стойкие и крепкие иногда надрываются к сорока годам.

Они прячут это где-то внутри себя, делают вид, что ничего не происходит, пытаются найти поддержку у более взрослых и опытных, которые в конце концов вдруг оказываются не такими уж взрослыми и опытными; и в один прекрасный день на них все сваливается, а их кумиры рассыпаются на глазах, и им ничего больше не остается, кроме как сидеть за столом у себя в кабинете и лить слезы, вытирая их промокательной бумагой.

Трубка телефона лежала на полу. Подняв ее, он сказал:

– Похоже, Кузнец прибыл на место.

Он назвал номер такси и снова стал ждать.

– Как он выглядел? – пробормотал Смайли.

– Озабоченно, – ответил Мэндел.

– Что ж, немудрено.

А вот этот никогда не надорвется, с удовольствием решил Мэндел; этот Смайли – один из тех самых хилых дубов. Ты думаешь, что он свалится от первого же дуновения, но, когда дело доходит до урагана, он оказывается единственным, кто выстоял до конца. В этот момент его размышления прервал шум второго такси, которое остановилось прямо у парадного входа, и высокая фигура неторопливо и аккуратно стала подниматься по ступенькам, шагая осторожно, как человек, который бережет свое больное сердце.

– Приехал ваш Скорняк, – пробормотал Мэндел в трубку. – Постой-ка, а вот и Солдатик тут как тут. Прямо собрание почтенных старейшин, ни дать ни взять. Только не бери это близко к сердцу.

Старенький «Мерседес-190» выскочил из-за угла Эрлам-стрит, повернул прямо под окном, у которого стоял Мэндел, и, с трудом вписавшись в поворот, остановился у начала Чаринг-Кросс-роуд. Грузный рыжеволосый молодой человек выбрался из машины, хлопнул дверцей и тяжело зашагал через улицу к входу в здание, не потрудившись даже вытащить ключи из замка

зажигания. Минутой позже еще одно окно зажглось на четвертом этаже: к компании присоединился Рой Бланд.

Все, что нам теперь остается узнать, это кто выйдет оттуда, подумал Мэндел.

Глава 36

Улица Лок-Гарденс, которая, по-видимому, получила свое название от Кэмден и Хэмпстед-роуд-Локс, пролегавших неподалеку, представляла собой ряд из четырех домов девятнадцатого века с плоскими фронтонами, выстроенных полукругом. В каждом из них было по три этажа плюс цоколь, а позади тянулся сад, обнесенный оградой и спускающийся к каналу Регента. Отсчет шел со второго по пятый; номер один либо уже снесли, либо его вообще никогда не существовало. Дом под номером пять замыкал ряд с северной стороны, и в качестве конспиративной квартиры лучший вариант придумать было трудно: примерно в тридцати метрах от дома расходились в разные стороны три подъездные дороги, а тропинка, что шла вдоль канала, предоставляла, по сути дела, еще две возможности подхода к зданию. Севернее пролегала Кэмден-Хай-стрит, оживленная транспортная магистраль, на юге и западе парки и Примроуз-Хилл (Небольшая возвышенность в северной части Риджентс-парка (букв. – холм примул)). Кроме того, этот район не нес на себе признаков какой-то определенной социальной принадлежности и не требовал этого от своих обитателей. Некоторые дома здесь перестроили под многоквартирные; почти все квартиры были однокомнатными, а у входа было столько звонков, что панель смахивала на клавиатуру печатной машинки. Другие дома явно относились к разряду более шикарных; там перед дверью красовалась всего одна кнопка, В номере пятом их было две: одна для Милли Маккрейг, другая для ее постояльца мистера Джеффсрсона.

Миссис Маккрейг была женщиной богомольной и постоянно собирала разные пожертвования, что, помимо прочего, предоставляло ей отличную возможность приглядывать за местными жителями, которые, однако, вряд ли могли в полной мере оценить ее усердие. О Джефферсонс, ее постояльце, знали мало: вроде бы иностранец, вроде бы занят в нефтяном бизнесе и часто бывает в разъездах.

Лок-Гарденс был для него чем-то вроде pied-a-terre (Временное, непостоянное жилище, пристанище). Те из соседей, кто удосуживался обратить на него внимание, нашли его скромным и респектабельным. Точно такое же впечатление, пожалуй, они составили бы и о Джордже Смайли, если бы случайно заметили его в тусклом свете крыльца в девять часов того самого вечера, когда Милли впустила его в гостиную и задернула свои пуританские занавески.

Это была сухая и жилистая шотландская вдова: она носила коричневые чулки и коротко стриглась, а ее морщинистая кожа была, как у многих стариков, словно отполирована. В интересах Господа и Цирка она в свое время вела занятия в христианских школах в Мозамбике, а также занималась миссионерской деятельностью среди моряков Гамбурга, и хотя с тех пор вот уже двадцать лет работала профессиональным «слухачом», до сих пор была склонна считать весь мужской род грешниками. Для Смайли оставалось загадкой, что она думает по поводу его прихода. Ее поведение с самого начала было проникнуто глубоким скорбным спокойствием; она показывала ему дом, словно смотритель замка, обитатели которого уже давным-давно умерли.

* * *

Сперва она провела его по цокольному этажу, сплошь заставленному комнатными растениями, там жила она сама; старые открытки, попадающиеся на глаза то тут, то там, медные столешницы, черная резная мебель – все это с некоторых пор, кажется, стало характерным для обиталищ повидавших мир англичанок определенного возраста и социального положения. Совершенно верно, подтвердила она, если Цирку требуется связаться с ней ночью, они звонят ей по телефону, установленному здесь, в цокольном этаже. Совершенно верно, наверху есть отдельный телефон, но он предназначен только для исходящих звонков. К телефону внизу дополнительно подключен еще один аппарат в столовой

наверху. Затем они поднялись на первый этаж, где вся обстановка будто нарочно была подобрана так, чтобы продемонстрировать дурной вкус администрации, преклоняющейся перед дорогими вещами: кричащие полосатые портьеры в стиле ампир, золоченые стулья под старину, древние плюшевые диваны с бахромой по углам. Кухня хранила свою изначальную убогость: судя по всему, хозяйка сюда почти никогда не заходила. Оттуда они вышли на застекленную террасу – что-то среднее между буфетной и оранжереей, из окон которой был виден неухоженный сад и канал. На кафельном полу вперемешку стояли старый отжимной каток для белья, медные тазы и ящики с тоником.

– А где «жучки», Милли? – Смайли вернулся в гостиную.

– Они установлены попарно под обоями, – пробормотала Милли. – По две пары на каждую из комнат первого этажа и по одной – на каждую из верхних комнат. Каждая пара подключена к отдельному магнитофону.

Смайли поднялся вслед за ней по крутой лестнице. На верхнем этаже мебели не было совсем, за исключением того, что в спальной комнате на чердаке стоял стальной стеллаж с восемью ленточными магнитофонами в два яруса.

– А Джефферсон знает обо всем этом?

– С мистером Джефферсоном, – поджав губы, сказала Милли, – сотрудничают на основе взаимного доверия. – Это было самым сильным для нее способом выразить Смайли свое неодобрение либо свою приверженность христианской этике.

Когда они снова сошли вниз, старуха показала ему, как управляется вся система. В каждый настенный выключатель света вмонтированы дополнительные контакты. В любое время, когда Джефферсон или кто-нибудь из ребят, как она выразилась, хотели записать что-нибудь, им достаточно встать и повернуть вниз левый рычажок выключателя света. С этого момента система начинала работать в режиме акустической активации: иными словами, катушки вращались только тогда, когда кто-нибудь говорил.

– А где обычно находитесь в это время вы, Милли?

Она остается внизу, сказала она так, будто только там и положено всегда быть женщине.

Смайли начал выдвигать разные ящики комодов, открывать шкафчики, переходить из комнаты в комнату. Затем он снова вышел на террасу, откуда открывался вид на канал. Достав из кармана фонарик, он коротко мигнул в темноту сада.

– Каковы сигналы безопасности? – спросил Смайли, вернувшись в гостиную и сосредоточенно ощупывая выключатель у двери.

Ее монотонный ответ прозвучал как заупокойная проповедь:

– Две полные бутылки с молоком на крыльце – можно входить, все в порядке. Нет бутылок с молоком – входить нельзя.

Из глубины террасы донеслось едва слышное постукивание. Вернувшись туда, Джордж открыл застекленную дверь и после торопливого приглушенного диалога появился вместе с Гиллемом.

– Вы ведь знаете Питера, не так ли, Милли?

Может быть, и знает, а может, и нет; ее маленькие колючие глаза презрительно сверлили новоприбывшего. Он осматривал крышку выключателя, шаря при этом в кармане.

– Что он делает? Он не имеет права этого делать. Остановите его.

Смайли сказал, что, если у нее есть какие-то опасения, пусть позвонит Лейкону из своей цокольной комнаты. Милли Маккрейг не пошевелилась, но на ее словно задубелых щеках вдруг проступили красные пятна, и она в гневе начала нервно щелкать суставами пальцев. Гиллем осторожно вывернул винтики по обе стороны пластмассовой крышки и, сняв ее, стал пристально изучать проводку.

Потом очень аккуратно поменял контакты, перекрутив между собой проводки, и прикрутил крышку на место, оставив остальные выключатели нетронутыми.

– Давай попробуем, – сказал Гиллем, и, когда Смайли поднялся наверх, чтобы проверить работу магнитофона, Питер зарычал низким хриплым голосом Поля Робсона его знаменитую песню о Миссисипи.

– Спасибо, – с содроганием произнес Смайли, снова сойдя вниз, – этого больше чем достаточно.

Милли спустилась в свою комнату, чтобы позвонить Лейкону. Смайли же начал устанавливать декорации. Поставил телефон рядом с креслом в гостиной, затем расчистил себе путь отхода на террасу. Он принес две бутылки молока из холодильника, что стоял на кухне, и выставил их на крыльцо, чтобы обозначить, как эклективно выразилась Маккрейг, что можно входить, все, мол, в порядке. Он разулся, оставив туфли на террасе, и, выключив везде свет, занял свой пост в кресле. Как раз Мэндел сделал пробный звонок.

Тем временем Гиллем возобновил свое дежурство у тротуара рядом с каналом. Эта пешеходная дорожка закрывается для публики за час до наступления темноты; после этого она может превратиться во что угодно: начиная от места свидания для влюбленных и заканчивая ночным пристанищем для бродяг; и тех и других по разным причинам привлекала кромешная тьма под мостом. В эту холодную ночь, однако, Гиллем никого не заметил. Время от времени мимо, грохоча, пролетал пустой поезд, оставляя после себя еще большее ощущение пустоты. Нервы Питера были так напряжены, а ожидания так разнообразны, что на какое-то мгновение все предметы этой ночи предстали перед ним в каком-то зловещем обличье: семафоры на мосту превратились в виселицы, железнодорожные склады, расположенные в зданиях викторианской эпохи, – в гигантские тюрьмы с зарешеченными сводчатыми окнами, высившиеся на фоне туманного неба. Где-то рядом слышалось шуршание крыс и воняло застоявшейся водой. Затем огни в гостиной погасли; теперь весь дом погрузился в темноту, и лишь узкие желтые полоски светились по краям занавесок в цокольной комнате Милли. С застекленной террасы, пробившись через запущенный сад, ему мигнул узкий лучик. Вытащив из кармана фонарик, Гиллем снял дрожащими пальцами серебристый колпачок, направил фонарь так, чтобы с террасы было видно, и посигналил в ответ. С этого момента им оставалось только ждать.

* * *

Тарр швырнул Бену пришедшую в ответ шифровку из Лондона, прихватив заодно из сейфа одноразовый шифроблокнот.

– Давай, – сказал он, – отработай свою зарплату. Разгрызи этот орех.

– Это лично для вас, – возразил Бен. – Посмотрите: «Тарру от Аллелайна, расшифровать лично». Я не имею права прикасаться к этому. Здесь гриф сверхсекретности.

– Делай, что он говорит, Бен, – сказал Макелвор, наблюдая за Тарром.

За десять минут ни один из них не проронил ни слова. Тарр стоял в противоположном конце комнаты и очень нервничал из-за того, что приходится ждать. Он засунул пистолет за пояс рукояткой внутрь. Его пиджак лежал на стуле. Рубашка взмокла от пота и прилипла к спине. С помощью линейки Бен считывал группы цифр и затем аккуратно выписывал то, что у него получалось, в разграфленный блокнот, лежащий перед ним на столе. Сосредоточившись, он уперся языком в кончики зубов и, закончив работу, легонько прищелкнул им.

Отложив в сторону карандаш, он вырвал листок и протянул его Тарру.

– Читай вслух, – сказал Рикки.

Голос Бена звучал мягко и слегка взволнованно:

– "Тарру от Аллелайна расшифровать лично. Я настоятельно требую разъяснений и/или образцы материала прежде чем ответить на ваш запрос.

Цитата информация жизненно важная для жизнедеятельности Службы конец цитаты не соответствует квалификационным нормативам. Позвольте напомнить о вашем тяжелом положении ставшем результатом вашего позорного исчезновения запятая приказываю немедленно перейти в подчинение Макелвору повторяю немедленно запятая Шеф".

Бен еще не успел дочитать до конца, как Тарр начал как-то странно нервно смеяться.

– Вот так так, ну, Перси, ну, молодец! – воскликнул он. – Да, да, повторяю – нет! Знаешь, почему он увиливает, дорогуша Бен? Он, паразит этакий, примеривается, как бы мне в спину выстрелить! Так он и мою русскую девушку угробил. Он хочет проделать со мной тот же фокус, сукин сын. – Он ерошил Бену волосы, кричал и смеялся. – Смотри, Бен, в этой чертовой конторе есть несколько вшивых ублюдков, так что не доверяй одному из них, предупреждаю тебя, или никогда не будет из тебя толку!

* * *

Одиноко сидя в темноте гостиной, в неудобном, по милости хозяйственников, кресле, Смайли продолжал ждать, неловко прижав плечом к уху телефонную трубку. Иногда он бормотал что-то, и Мэндел бормотал ему в ответ; но большую часть времени они хранили молчание. Настроение у Джорджа было подавленным, даже немного мрачным. Подобно актеру, он испытывал разочарование перед выходом на сцену, ощущение того, что какие-то вещи, казавшиеся когда-то значительными и великими, в конце концов становятся маленькими и ничтожными; как и сама смерть казалась ему теперь чем-то маленьким и ничтожным после всех ударов и столкновений, которые принесла ему жизнь. Он уже не испытывал того желания завоевать, покорить, которое он знал когда-то. Его мысли, как это часто случалось, когда он чего-то боялся, были заняты людьми. У него не было суждений или мнений относительно какого-то отдельного человека. Ему просто хотелось знать, как воспримут то, что должно произойти, и потому он чувствовал небывалую ответственность. Он думал о Джиме и Сэме, о Максе, Конни и Джерри Уэстерби и о том, что, вероятно, какие-то личные отношения будут безвозвратно утеряны. Особое место в его воспоминаниях занимала Энн, он думал о безнадежной неразберихе того разговора среди утесов Корнуолла; ему было интересно, может ли вообще существовать такая любовь между двумя разумными существами, которая не основывалась бы так или иначе на самообмане; он бы многое отдал за то, чтобы сейчас встать и уйти до того, как все произойдет, но это было невозможно. Он переживал за Гиллема, и в этом чувстве было даже что-то отеческое; он не знал, как тому удастся перенести запоздалые трудности взросления. Он снова думал о том дне, когда он хоронил Хозяина. Он думал о предательстве, и ему стало интересно, существует ли на свете бездумное предательство в том смысле, в котором существует, скажем, бездумное насилие. Его беспокоило то, что он чувствовал себя лишенным чего-то очень существенного, что те интеллектуальные и философские заповеди, которых он придерживался, терпят полный крах, когда он сталкивается с конкретной человеческой ситуацией.

– Что-нибудь есть? – спросил он Мэндела по телефону.

– Парочка каких-то пьяниц, – ответил тот, – распевают: «Перед глазами джунгли, стоит лишь пойти дождю».

– Ни разу не слышал.

Переложив трубку на левую сторону, он достал из внутреннего кармана пистолет, который уже успел испортить отличную шелковую подкладку пиджака.

Он нащупал предохранитель и какое-то мгновение не мог сообразить, в каком положении он находится, что его очень позабавило. Он выдернул магазин и потом снова его вставил, вспомнив, как проделывал это совершенно механически сотни раз на ночном стрельбище в Саррате еще до войны; он вспомнил: «вы всегда стреляете двумя руками, сэр, одной держите пистолет, а другой магазин, сэр», и как среди новичков Цирка существовала легенда: якобы настоящий профессионал должен класть указательный палец вдоль ствола, а средним

нажимать на спусковой крючок. Но когда он попробовал так сделать, ощущение было довольно необычным, и он тут же забыл об этом.

– Пройдусь немного, разомну ноги, – пробормотал он, и Мэндел ответил:

– Валяй.

Все еще держа в руке пистолет, он вернулся на террасу, прислушиваясь, не скрипят ли половицы, что могло подвести его в решающий момент; однако под плохоньким ковриком, скорее всего, был бетон; оказалось, что он может даже попрыгать, не вызывая никакой вибрации. Подойдя к окну, он посигналил фонариком: две короткие вспышки, длинная пауза, затем еще две. Гиллем тут же ответил тремя короткими.

– Я на месте.

– Понял, – ответил Мэндел.

Он постарался сесть поудобнее, обуреваемый тоскливыми мыслями об Энн: ему хотелось помечтать о невозможном. Он положил пистолет обратно в карман.

Со стороны канала донеслось завывание гудка. Ночью? Разве ночью там ходят суда? Должно быть, автомобиль. Что, если у Джеральда на случай чрезвычайной ситуации есть какая-то особая процедура, о которой он, Смайли, и не подозревает? Скажем, связь между двумя телефонными кабинами, а затем подсадка в автомобиль? Что, если у Полякова, в конце концов, есть такой связной или помощник, которого Конни не вычислила? Ему уже приходилось с этим сталкиваться. Та система создается таким образом, чтобы она не давала осечек, чтобы обеспечивала встречу при любых непредвиденных ситуациях. Что касается профессиональной тщательности, то тут Карла просто-таки педант.

А его навязчивая идея о том, что за ним следят? Что с этим делать? Что делать с этой тенью, которую он ни разу не видел, а только ощущал, да так, что его спина, казалось, начинала ныть под взглядом его преследователя; он ничего не видел, ничего не слышал, он только чувствовал. Но он слишком стар, чтобы просто так отмахнуться от этого. Скрип лестницы, которая никогда до этого не скрипела; скрежет ставня, когда ветра и в помине нет; автомобиль с другим номерным знаком, но с той же царапиной на правом крыле; лицо в метро, которое ты видел уже где-то раньше: на протяжении долгих лет эти признаки помогали ему выжить; любой из них был достаточным поводом для того, чтобы сорваться с места, переехать в другой город, поменять документы. И все потому, что в этой профессии не существовало такой вещи, как простое совпадение.

– Один вышел, – вдруг сказал Мэндел. – Алло?

– Я здесь.

Кто-то только что вышел из Цирка, сказал Мэндел. Через парадную дверь, однако, он не может точно определить, кто именно. В плаще и шляпе. Большой, двигался быстро. Скорее всего, заранее вызвал такси к самому подъезду, потому что сразу сел в машину.

– Уехал в северном направлении, туда, где ты.

Смайли посмотрел на часы. Дадим ему десять минут, подумал он. Дадим двенадцать, он должен будет по дороге остановиться и позвонить Полякову.

Затем он подумал: не будь идиотом, он сделал это еще в Цирке, – Я кладу трубку, – сказал Смайли.

– Пока, – ответил Мэндел.

По-прежнему стоя у пешеходной дорожки, Гиллем принял сигнал из трех длинных вспышек. «Крот» едет сюда.

* * *

Смайли еще раз проверил пути отхода через террасу, отодвинул в сторону какие-то шезлонги и прикрепил к отжимному катку нитку, чтобы она служила ему неким ориентиром:

он плохо видел в темноте. Нитку он протянул в открытую дверь кухни; две двери оттуда, расположенные рядом, вели в гостиную и столовую. Кухня представляла собой довольно длинную комнату, раньше она, по сути дела, была пристройкой к дому, пока не появилась застекленная терраса.

Он подумал о том, не воспользоваться ли столовой, но решил, что, это слишком рискованно, и, кроме того, из столовой он не сможет подавать сигналы Гиллему. Так что он остался ждать на террасе, чувствуя себя довольно нелепо в одних носках и то и дело протирая очки: его лицо просто пылало, и они все время запотевали. На террасе было гораздо холоднее по сравнению с жаркой и душной гостиной, что, в общем-то, и немудрено: наружные стены сделаны из стекла; да еще бетонный пол, прикрытый тонким ковриком, отчего ноги стали совсем сырыми. «Крот» приедет первым, подумал Смайли; «крот» играет роль хозяина дома: это протокол, часть всей легенды, по которой Поляков является агентом Джеральда.

Шум такси в Лондоне похож на падающие бомбы. Это сравнение пришло ему на ум не сразу, оно медленно поднималось из глубин его воспоминаний.

Нарастающий гул, по мере того как машина приближалась по изогнутой улице, равномерное «тик-так» вместе с постепенным повышением звука. И внезапный обрыв: где она остановилась, у какого дома, когда мы все здесь ждем, затаившись в темноте улицы или зажав в руке конец нитки, у какого дома?

Затем хлопает дверца, подобно взрыву, приносящему разрядку: если ты слышишь, то это не к тебе.

Но Смайли слышал, и тем не менее это к нему.

Он услышал, как по гравию кто-то быстро и энергично шагает. Затем шаги смолкли. Это не та дверца, нелепо подумал Смайли, уходи отсюда. Он сжимал в руке пистолет, теперь уже сняв его с предохранителя. Он продолжал прислушиваться, но ничего не слышал. А ты подозрителен, Джеральд, подумал он.

Ты старый, опытный «крот», наверное, ты уже почуял что-то неладное. Милли, вдруг подумал он, Милли убрала бутылки с молоком, предупредила его, не дала ему шагнуть в капкан. Милли испортила всю охоту. Потом он услышал, как поворачивается ключ в замке: один раз, другой; это же замок «Банэм», вспомнил он, Боже мой, неужели у нас не нашли ничего получше, чем «Банэм»?

Ну, конечно, «крот» ведь просто ощупывал перед этим свои карманы в поисках ключа. Нервный человек уже держал бы его наготове, сжимал бы его своей рукой, перебирал пальцами всю дорогу, пока они ехали в такси; кто угодно вел бы себя именно так, но только не «крот». «Крот» может волноваться, но он никогда не станет нервничать. В тот самый момент, когда поворачивался ключ, зазвенел звонок – очередное свидетельство вкуса хозяйственников: высокий звук, низкий, потом снова высокий. Это должно означать, что это один из наших, говорила Милли, кто-то из ребят: ее ребят, ребят Конни, ребят Карлы.

Парадная дверь открылась, и кто-то вошел в дом; он услышал шуршание шагов по коврику, услышал, как закрылась дверь, услышал, как щелкнули выключатели, и увидел, как под кухонной дверью появилась бледная полоска света. Он положил в карман пистолет и вытер ладонь о пиджак, затем снова достал его. и в этот самый момент услышал звук второй падающей бомбы: подъехало второе такси и раздались быстрые шаги. Поляков тоже не держал наготове ключи, видимо, его рука была занята деньгами, которыми он расплачивался с таксистом.

«Интересно, русские дают чаевые, – подумал Смайли, – или это считается недемократичным?» Снова зазвенел звонок, открылась и закрылась парадная дверь, и Смайли услышал, как дважды звякнули бутылки с молоком, когда тот поставил их на стол в прихожей, исходя из профессиональных соображений о порядке.

«Господи помилуй, – в ужасе подумал Смайли, когда взгляд его упал на стоящий рядом старый холодильник, – это мне и в голову не пришло. Вдруг он снова захочет поставить сюда молоко?»

Полоска света над кухонной дверью внезапно стала ярче: в гостиной включили свет. Дом погрузился в какое-то невероятное оцепенение. Держась за нитку, Смайли подошел поближе, ступая по ледяному полу. Потом он услышал голоса. Поначалу невозможно было ничего разобрать. Они, должно быть, все еще в дальнем конце комнаты, подумал он. Или, может быть, они всегда вначале говорят тихо. Теперь Поляков подошел поближе: он стоял у сервировочного столика, наливая выпить.

– Какое у нас прикрытие на тот случай, если нас потревожат? – спросил он на хорошем английском.

«Приятный голос, – припомнил Смайли, – бархатный, как у тебя. Я часто дважды прокручивала пленку, только чтобы послушать, как он говорит». Конни, Конни, слышала бы ты его сейчас.

Из дальнего конца комнаты по-прежнему доносился приглушенный голос, отвечающий на вопросы. Смайли ничего не мог разобрать. «Где перегруппируемся?», «Каковы запасные варианты?», «Есть ли у вас при себе что-нибудь такое, что вы предпочли бы отдать мне на время нашего разговора, имея в виду мою дипломатическую неприкосновенность?».

Должно быть, это стандартная прелюдия, подумал Смайли, дань заведенному порядку, разработанному Карлой.

– Выключатель стоит в нижнем положении? Не будете ли так добры проверить? Спасибо. Что вы будете пить?

– Виски, – ответил Хейдон. – Самую большую порцию, черт бы ее подрал.

Отказываясь верить своим ушам, Смайли слушал, как знакомый до боли голос вслух читает ту самую телеграмму, которую Смайли сам написал для Тарра всего сорок восемь часов назад.

Затем на какое-то время одна половинка его естества в открытую восстала против другой. Волна яростного недоумения, которая охватила его еще тогда, в саду у Лейкона, и все это время, подобно могучему течению, мешала ему продвигаться вперед, швырнула его о скалы отчаяния; сознание взбунтовалось: я отказываюсь. Уничтожение другого человеческого существа ничем не может быть оправдано. Долгий путь страданий и предательства должен где-то закончиться. Но пока этого не случилось, будущего не было; было только казавшееся бесконечным соскальзывание ко все более ужасным предположениям относительно настоящего. Этот человек был моим другом и любовником Энн, другом Джима и, насколько я понимаю, его любовником тоже; измена, не человек, а именно измена, относилась к области общественных явлений.

Хейдон предал. Предал как любовник, как коллега, как друг, как патриот, как член того бесценного общества людей, которых Энн расплывчато называла «своими»; в каждый из моментов своей деятельности Хейдон открыто преследовал одну цель, а тайно достигал совершенно противоположной. Смайли очень ясно отдавал себе отчет, что даже сейчас он не был в состоянии охватить умом всех масштабов этой чудовищной двуликости; более того, какая-то клеточка в его мозгу уже поспешила встать на защиту Хейдона. Разве Билла самого не предали?

Всхлипывания Конни эхом отдались у него в ушах: «Бедняжечки. Привыкли к Империи, привыкли повелевать миром». С мучительной ясностью он видел честолюбивого человека, рожденного стать великим художником, воспитанного на правиле «разделяй и властвуй», чьи грезы и тщеславные устремления были сосредоточены, как и у Перси, на вселенских замыслах; для кого реальность представляла собой жалкий островок, с которого и человеческий голос едва ли долетит через отделяющую его от суши воду. Так что Смайли чувствовал не только

отвращение, но и, несмотря на все то, что для него значил этот момент, острую обиду и негодование на те общественные установки, которые, вообще говоря, он должен был бы защищать. «Общественный договор – это палка о двух концах, знаете ли», – сказал Лейкон. Высокопарная лживость Министра, молчаливое добродетельное самодовольство Лейкона, пугающая алчность Перси Аллелайна – эти люди считают несостоятельными любые договоры. Так почему кто-то другой должен хранить им верность?

Он знал, конечно. Он всегда знал, что это Билл. Точно так же, как это знал Хозяин, и Лейкон тогда знал в доме Мэндела. Точно так же, как знали и Конни, и Джим, и Аллелайн с Эстерхейзи; все они молчаливо разделяли это не высказанное никем, подспудное, половинчатое знание; они были похожи на людей, которые считают, что болезнь пройдет сама собой, если ее не признавать, если не пробовать ставить диагноз.

А Энн? Энн тоже знала? Было ли это знание той тенью, что опустилась на них, когда они гуляли среди утесов Корнуолла?

Некоторое время он так и стоял в темноте и выжидал, зажав в одной руке пистолет, а в другой кусок нитки; толстый босой шпион, как непременно назвала бы его Энн, обманутый в любви и оказавшийся неспособным к ненависти.

Затем, все так же держа в руке пистолет, он на цыпочках подошел к окну, откуда просигналил пятью короткими вспышками – быстро, одна за другой.

Подождав довольно долго ответного сигнала, подтверждающего правильный прием, он вернулся на свой пост и продолжал слушать.

* * *

Гиллем бежал по асфальтовой дорожке вдоль канала, и фонарик дико плясал у него в руке; наконец он поравнялся с низким арочным мостом и стальной лестницей, зигзагами поднимающейся к Глостер-авеню. Калитка оказалась закрытой, ему пришлось перелезть через нее; при этом он до локтя разодрал себе рукав. Лейкон, одетый в какое-то старое деревенское пальто, стоял на углу Принсез-роуд с портфелем в руке.

– Он там. Он приехал, – прошептал Гиллем. – Джералд у него.

– Мне не нужно, чтобы вы устроили кровавую бойню, – предупредил Лейкон.

– Я хочу, чтобы все было абсолютно тихо и спокойно.

Гиллем не удосужился ответить. В тридцати метрах по дороге их ждал Мэндел в нанятом на всю ночь такси. Они ехали минуты две, не больше, и остановили такси, немного не доезжая до изогнутой улицы. Гиллем уже держал наготове ключ от двери, который ему дал Эстерхейзи. Дойдя до дома номер пять, Мэндел с Гиллемом перелезли через калитку, чтобы лишний раз не шуметь, и приблизились к дому, ступая по траве вдоль кромки дорожки. Пока они шли, Гиллем коротко обернулся, и ему на мгновение показалось, что за ними кто-то наблюдает в тени дверного проема через дорогу; он не мог различить, мужчина или женщина; но когда он обратил внимание Мэндела на черный силуэт, там уже ничего не было, и Мэидел довольно грубо приказал ему взять себя в руки. Свет на крыльце не горел. Гиллем пошел вперед, Мэндел остался ждать под яблоней.

Гиллем вставил ключ в замок, повернул его и почувствовал, что дверь открыта.

«Идиот несчастный, – торжествующе подумал он, – что ж ты даже защелку не опустил?» Он приоткрыл дверь на пару сантиметров и замешкался. Он медленно и глубоко дышал, набирая в легкие побольше воздуха перед решающим броском.

Мэндел приблизился еще на несколько шагов. По улице прошли двое молодых парней, громко смеясь, чтобы было не так страшно идти поздно ночью. Гиллем еще раз оглянулся, но так никого больше и не заметил. Он шагнул в прихожую.

На ногах у него были замшевые туфли, и они неожиданно скрипнули по паркету, который, как назло, никто не догадался накрыть ковриком. Стоя у двери в гостиную, он довольно долго слушал, что там происходит, пока в нем не закипела безумная ярость.

Его зверски замученные агенты в Марокко, его изгнание в Брикстон, его ежедневные бесплодные усилия, после которых у него оставалось лишь чувство опустошенности оттого, что он стареет, а юность, словно вода, ускользает между пальцами; унылая тоска, которая с каждым днем все сильнее сжимала вокруг него свои тиски, а способность в полную силу любить, смеяться и наслаждаться жизнью постепенно истощалась; постоянное размывание когда-то таких ясных критериев героизма, на которые он старался ориентироваться; препятствия и испытания, он взвалил их на себя во имя молчаливой преданности делу всей своей жизни – все это он сейчас готов был швырнуть в ухмыляющуюся рожу Хейдона. Хейдон, когда-то бывший его исповедником; Хейдон, с которым было так хорошо вместе посмеяться, поболтать, выпить чашечку этого вечно пережженного кофе; Хейдон, образец, по которому он строил свою жизнь.

И даже более того. Теперь он это видел, теперь он это понимал. Хейдон был для него больше, чем просто образец, он был для него источником вдохновения, путеводной романтической звездой, хотя романтика давно вышла из моды. Он был для него воплощением понятия «истинный англичанин», которое – именно по причине своей неопределенности, расплывчатости и неоднозначности – до сих пор придавало смысл всей жизни Гиллема. Питер чувствовал, что сейчас его не просто предали, но сделали сиротой. Его подозрения и обиды, так долго бывшие направленными на внешний мир – на его женщин, на его неудавшиеся любовные опыты, – сейчас тугим узлом завязались вокруг Цирка и его магического очарования, которое долгие годы поддерживало в нем веру, а теперь разбилось вдребезги. Со всей силой, на какую был способен, он отшвырнул дверь и влетел в комнату с пистолетом в руке. По разные стороны низкого столика там восседали Хейдои и грузный мужчина с черной челкой.

Поляков – Гиллем узнал его по фотографиям – курил трубку, как истый англичанин. Он был одет в серый кардиган с «молнией» сверху донизу, похожий на куртку от спортивного костюма. Он даже не успел вынуть трубку изо рта, как Гиллем уже схватил Хейдона за отвороты пиджака и выдернул его из кресла одним рывком. Отбросив в сторону пистолет, он стал трясти Хейдона, как щенка, из стороны в сторону и орать на него, будто в беспамятстве. Потом вдруг он понял, что это бессмысленно. В конце концов, это ведь все тот же Билл, с которым они так много сделали вместе. Гиллем сам отпустил его и отошел назад, и лишь после этого Мэндел крепко схватил его за руку, и он услышал, что Смайли, как всегда вежливо, попросил «Билла и полковника Викторова», как он их назвал, положить руки за голову, пока не приедет Перси Аллелайн.

– Там снаружи никого не было, ты не заметил? – спросил Смайли Гиллема, пока они ждали.

– Там все тихо и спокойно, как в могиле, – ответил Мэндел за двоих.

Глава 37

Бывают в жизни моменты, столь насыщенные событиями, что то время, в которое они происходят, кажется нереальным. Для Гиллема, как, впрочем, и для всех остальных присутствующих, этот вечер был одним из таких моментов.

Непрекращающаяся тревога Смайли и его частые настороженные взгляды из окна; безразличие Хейдона; не ставшая ни для кого неожиданностью вспышка негодования Полякова, его требования, чтобы с ним обращались сообразно его дипломатическому статусу – требования, которые Гиллем со своего места на диване с нескрываемой угрозой в голосе пообещал «удовлетворить», – прибытие слегка сбитых с толку Аллелайна и Бланда; новые протесты и всеобщее паломничество наверх, где Смайли прокрутил им пленку; долгое мрачное

молчание, последовавшее после их возвращения в гостиную; прибытие Лейкона, а потом и Эстерхейзи с Фоном; хлопоты Милли Маккрейг, безмолвно приготовившей им чай, – все эти события разворачивались с театральной неестественностью, которая, совсем как та поездка в Аскот целую вечность назад, усугублялась неестественностью времени суток. С другой стороны, все происходящее, включавшее в себя поначалу и физическое принуждение Полякова, и поток отборных русских ругательств в адрес Фона за то, что тот непонятно в какой момент успел ударить его, несмотря на бдительность Мэндела, – все это служило каким-то нелепым фоном единственному намерению Смайли посовещаться и убедить Аллелайна, что Хейдон предоставил им шанс провести с Карлой переговоры на предмет спасения того, что осталось от агентурных сетей, проваленных им, Хейдоном, – и сделать это нужно если не из профессиональных, то хотя бы из чисто гуманных соображений. Сам Смайли не был уполномочен руководить такими переговорами, да он, кажется, и не стремился к этому; возможно, потому, что Эстерхейзи, Бланд и Аллелайн лучше других осведомлены о том, кто из агентов еще может существовать хотя бы теоретически. Так или иначе, он вскоре поднялся наверх; Гиллем снова услышал, как он неутомимо ходит из комнаты в комнату, продолжая наблюдать из окон.

Итак, пока Аллелайн и его заместители удалились с Поляковым в столовую, чтобы отдельно от всех обсудить свои дела, все остальные молчаливо сидели в гостиной; одни смотрели на Хейдона, другие подчеркнуто в другую сторону. Он же, казалось, вообще никого не замечал. Подперев подбородок рукой, он сидел в углу под присмотром Фона и выглядел при этом так, будто все происходящее ему смертельно наскучило. Когда совещание наконец закончилось, все разом вышли из столовой и Аллелайн объявил Лейкону, который решительно отказался от присутствия на этих переговорах, что они условились встретиться здесь же через три дня: за это время «полковник успеет проконсультироваться со своим начальством». Лейкон кивнул. Все это было очень похоже на какое-нибудь деловое совещание.

Отъезды выглядели еще более странно, чем прибытия. В частности, между Эстерхейзи и Поляковым произошла чрезвычайно курьезная сцена прощания.

Эстерхейзи, который всегда был скорее джентльмен, чем шпион, по всей видимости, решил это изящно продемонстрировать и подал Полякову руку, которую тот с недовольным видом оттолкнул в сторону. Эстерхейзи обиженно оглянулся в поисках Смайли, будто надеясь снискать у него поддержку, потом пожал плечами, отвернулся и обнял широкую спину Бланда. Вскоре после этого они уехали вместе. Они ни с кем не попрощались, но Бланд выглядел ужасно потрясенным, и Эстерхейзи, судя по всему, утешал его, как мог, хотя его собственные перспективы сейчас вряд ли представлялись ему радужными. Через некоторое время за Поляковым приехало вызванное такси, и он также отбыл, ни с кем не попрощавшись. Разговор, который и до этого-то не слишком клеился, сейчас и вовсе заглох; без присутствия русского представление потеряло свою значительность. Хейдон по-прежнему сидел в знакомой скучающей позе, все так же под присмотром Фона и Мэндела, только теперь на него с безмолвным смущением уставились еще и Лейкон с Аллелайном. Было сделано еще несколько телефонных звонков, главным образом насчет машин. В один из моментов сверху снова спустился Смайли и напомнил о Тарре. Аллелайн позвонил в Цирк и продиктовал две телеграммы в Париж: одну непосредственно Тарру, в которой говорилось, что он может возвращаться в Англию с почестями (не совсем ясно, правда, что имелось в виду), другую Макелвору, в которой говорилось, что Тарр отныне полностью реабилитирован, что опять-таки показалось Гиллему довольно спорным.

В конце концов, ко всеобщему облегчению, из «яслей» прибыл фургон без окон, и оттуда вышли двое мужчин, которых Гиллем до этого ни разу не видел: один высокий, прихрамывающий, другой – рыжеволосый с одутловатым лицом.

Гиллем содрогнулся, догадавшись, что это следователи. Фон принес из прихожей пальто Хейдона, обыскал карманы и почтительно помог его владельцу одеться. В этот момент Смайли

мягко вмешался и настоял, чтобы, когда Хейдона будут вести к фургону, свет в прихожей погасили, а сопровождение усилили. Гиллему, Фону и даже Аллелайну пришлось несколько секунд поработать телохранителями, и вся эта разномастная толпа с Хейдоном в центре проследовала через сад к фургону. «Это просто мера предосторожности», – настаивал Смайли. Спорить с ним никто не осмелился. Хейдон залез в фургон первым, за ним следователи, которые заперли решетку изнутри. Перед тем, как закрылись двери, Хейдон, взглянув на Аллелайна, поднял руку в дружеском прощальном жесте, будто отпуская его с миром.

И лишь впоследствии какие-то отдельные фрагменты и детали этого вечера всплыли в памяти у Гиллема, и отдельные люди выступили в этих воспоминаниях на первый план: например, безграничная ненависть Полякова по отношению ко всем присутствующим, в том числе и к бедной маленькой Милли Маккрейг, – ненависть, которая целиком преобразила его черты: рот искривился в злобной, ехидной ухмылке, он просто не мог сдержать ее, он весь побелел и мелко дрожал, но отнюдь не от страха и не от ярости. Это была обычная ненависть, которой Гиллем, однако, не обнаружил в Билле: в конце концов, Хейдон ведь был довольно неординарной личностью. Что же касается Аллелайна, то в момент его поражения Гиллем, как ни странно, почувствовал по отношению к нему смутное восхищение: Аллелайн по крайней мере продемонстрировал определенную выдержку. Однако позже Гиллем усомнился, что в тот момент, когда были представлены первые факты, Перси вообще в полной мере осознал их значение: в конце концов, он по-прежнему вел себя просто как Шеф, а Хейдон был для него воплощением Яго.

Но самой странной вещью для Питера, настоящим озарением, которое не покидало его еще долго после того, как все разошлись, и которое повергло его в гораздо более глубокие раздумья, чем это обычно бывало, стал тот факт, что, несмотря на разгоревшуюся в нем ярость в тот момент, когда он вламывался в комнату, ему потребовалось сделать над собой усилие, если не сказать насилие, чтобы перебороть свою дружескую привязанность к Биллу Хейдону. Возможно, как сказал бы сам Билл, он наконец повзрослел. А самым лучшим в тот вечер стало то, что, когда он поднимался по лестнице в свою квартиру, он услышал знакомые звуки флейты, эхом отдающиеся на лестничной площадке. И пусть Камилла в эту ночь потеряла что-то от своей тайны, по крайней мере, к утру ему удалось освободить ее от переживаний, связанных с ложным положением, в которое он ее недавно поставил.

Буквально за несколько последующих дней жизнь для него стала ярче и во всех других отношениях. Перси Аллелайна отправили в отпуск на неопределенный срок; Смайли попросили на какое-то время вернуться и помочь навести порядок.

Что касается самого Гиллема, то состоялся разговор о его «освобождении» из Брикстона (В пригороде Лондона Брикстоие находится известная тюрьма). И лишь намного, намного позже он узнал, что у всей этой истории был еще заключительный акт; и только после этого та знакомая тень, что преследовала Смайли на ночных улочках Кенсингтона, обрела для него имя, и ему стали ясны намерения ее обладателя.

Глава 38

Последующие два дня Джордж Смайли жил, словно отшельник. Его соседям, когда они видели его, показалось, что он повергнут в глубокое горе. Он поздно вставал и бесцельно слонялся по дому в домашнем халате, вытирал пыль, чистил какие-то безделушки, готовил себе разные блюда, к которым даже не притрагивался. Днем он разжигал камин, что противоречило местным законам, садился рядом и читал что-нибудь из своих любимых немецких поэтов или писал письма Энн, которые редко заканчивал и никогда не отправлял. Когда звонил телефон, он спешил подойти к нему, чтобы всякий раз испытать разочарование.

За окном по-прежнему стояла мерзкая погода, и редкие прохожие – Смайли постоянно наблюдал за ними – выглядели настолько жалко, что были похожи на балканских беженцев. Один раз позвонил Лейкон и передал просьбу Министра, чтобы Смайли «не погнушался помочь

навести порядок в кембриджском здании Цирка, если к нему обратятся с просьбой это сделать», то есть, по сути дела, побыть главным администратором, пока не найдут замену Перси Аллелайну. Не ответив ничего определенного, Смайли снова стал убеждать Лейкона, чтобы была проявлена максимальная забота о физической безопасности Хейдона, пока он находится в Саррате.

– Не слишком ли вы драматизируете ситуацию? – едко заметил Лейкон. – Единственное место, куда он может сбежать, – это Россия, а мы и так его туда отправим.

– Когда? Как скоро?

– Требуется еще несколько дней, чтобы уладить кое-какие детали, – ответил Лейкон.

Смайли, по-прежнему пребывая в меланхолическом настроении, счел ниже своего достоинства спрашивать о том, как продвигается дознание, хотя Лейкон всем своим поведением и так уже дал понять, что плохо.

Мэндел принес более существенные для него новости.

– Вокзал в Иммингеме сейчас закрыт, – сказалон. – Тебе придется выйти в Гримсби и топать пешком или сесть на автобус.

Чаще же Мэндел просто сидел рядом и присматривал за ним, как за инвалидом.

– Своим ожиданием ты не заставишь ее вернуться, – сказал он как-то раз.

– Пришло время горе идти к Магомету. Робким сердцем прекрасную даму не покоришь, если можно так сказать.

На третий день утром зазвенел звонок у входной двери, и Смайли тут же бросился ее открывать в надежде, что это Энн, которая, как всегда, потеряла свои ключи. Но это был Лейкон. Смайли нужен в Саррате, сказал он; Хейдон настаивает на встрече с ним. Следователям ничего не удастся, а время уходит.

Достигнута договоренность, что, если Смайли выступит в роли исповедника, Хейдон, возможно, кое-что расскажет о себе.

– Я уверен, физическое воздействие к нему не применяют, – сказал Лейкон.

Саррат представлял собой жалкое зрелище по сравнению с той роскошью, которую помнил Смайли. Большинство вязов зачахли из-за какой-то болезни; столбики на старой крикетной площадке поросли травой. Само здание – вытянутый кирпичный особняк – тоже сильно обветшало со времен расцвета «холодной войны» в Европе, а почти вся приличная мебель, казалось, исчезла, как он подозревал, в один из домов Аллелайна. Хейдона он нашел в сборном ниссеновском бараке (Ниссеновский барак – сборно-разборный барак из рифленого железа, спроектирован полковником П.Ниссеном, впервые был использован во время персон мировой войны), скрытом за деревьями.

Внутри барака стояла вонь, как в армейской гауптвахте, стены были выкрашены в черный цвет, а высокие окна забраны решетками. У входа в каждую комнату стояли охранники; они уважительно встретили Смайли, называя его «сэр». Это слово, по всей видимости, было здесь распространено. Хейдон, одетый в хлопчатобумажную робу, слегка дрожал и жаловался на головокружение.

Несколько раз он вынужден был лечь на койку, чтобы остановить кровотечение из носа. У него отросла щетина: очевидно, бритвой ему пользоваться не разрешили.

– Привет, – сказал Смайли. – Тебя скоро отсюда выпустят.

По дороге сюда он пытался вспомнить Придо, Ирину, чешские агентурные сети, и, когда он входил в комнату к Хейдону, у него было смутное ощущение того, что он выполняет некий общественный долг; он думал, что каким-то образом должен выразить порицание от имени благомыслящей части человечества.

Вместо этого он почувствовал нерешительность, он понял, что никогда не знал Хейдона как следует, а теперь уже слишком поздно. Кроме того, его возмутило физическое состояние Билла, но, когда он начал выговаривать охранникам, они стали изображать непонимание. Еще больше он разозлился, когда узнал, что дополнительные меры безопасности, на которых он так настаивал, были ослаблены на второй же день. Когда он потребовал встречи с Краддоксом, начальником «яслей», оказалось, что его сейчас нет на месте, а от его помощника толку было мало – он попросту прикинулся дурачком.

Первая беседа часто прерывалась и прошла банально.

Не составит ли Смайли труда переслать ему почту из его клуба и передать Аллелайну, чтобы пошевеливался в переговорах с Карлой? И еще ему нужны салфетки, бумажные салфетки для носа. Его слезящиеся глаза ничего общего не имеют с угрызениями совести или страданиями, объяснил Хейдон, это чисто физическая реакция на то, что он назвал низостью следователей, которые почему-то вбили себе в голову, что Хейдон знает имена других людей, завербованных Карлой, и решили во что бы то ни стало заполучить эти имена, перед тем как отпустить его. А еще нашлись умники, которые уверены, что тот самый Фаншоу из «Патриция» вербовал для Московского Центра не хуже, чем для Цирка: «В самом деле, что сказать этим ослам?» Несмотря на слабость, Хейдон всем своим видом пытался показать, что головы такого уровня, как у него, здесь больше нет.

Они вышли прогуляться, и Смайли обнаружил, что по внешней границе даже не выставлялась охрана не только днем, но и ночью, что привело его почти к отчаянию. После того, как они один раз обошли территорию, Хейдон попросил вернуться в барак, где он вынул кусок половицы и извлек несколько листков бумаги, исписанных неразборчивыми каракулями.

Они тут же напомнили Смайли о дневнике Ирины. Сидя на кровати с поджатыми ногами, Хейдон перебирал их, просматривая один за другим; в такой же позе, при таком же тусклом свете, с длинной прядью волос, свисающей почти до самого листка бумаги, он мог сидеть и в комнате Хозяина – еще тогда, в середине шестидесятых, предлагая замечательно правдоподобные, но на самом деле неэффективные хитроумные планы, способные возродить былую славу Англии.

Смайли не стал утруждать себя записью их разговора, так как у них у обоих не было сомнений в том, что его и так записывают на пленку те, кому надо.

Рассказ Хейдона предваряла длинная апология, из которой Смайли впоследствии мог припомнить несколько предложений;

"Мы живем в такую эпоху, когда лишь фундаментальные вопросы имеют какое-то значение…

Соединенные Штаты уже не в состоянии совершить коренной переворот в своей системе…

Политическое положение Великобритании таково, что в международных делах она не обладает ни значительностью, ни духовной жизнеспособностью…"

Со многим из этого Смайли мог бы при других обстоятельствах вполне согласиться: не музыка сама по себе, а характер ее исполнения отталкивал его.

"В капиталистической Америке экономическое угнетение народных масс законодательно закреплено на таком уровне, которого даже Ленин не мог предвидеть.

«Холодная война» началась в 1917 году, однако самая жестокая борьба ждет нас впереди-; это произойдет, когда предсмертная паранойя, которая охватит Америку, толкнет ее к крайностям во внешней политике…"

Он говорил не просто об упадке Запада, но о смерти от жадности и обжорства. Он ненавидит Америку до глубины души, сказал он, и Смайли нисколько в этом не сомневался. Хейдон также считал очевидным, что лишь Секретные службы являются единственным

реальным критерием политического здоровья нации, единственным реальным выражением ее подсознания.

В конце концов он перешел к своему собственному случаю. В Оксфорде он был истинным правым, признался он, а во время войны вряд ли кого-то интересовало, на какой платформе ты стоял, если ты воевал против немцев.

Какое-то время после сорок пятого года он оставался удовлетворенным тем местом, какое занимала Британия на мировой арене, пока постепенно до него не дошло, насколько оно незначительно. Как и когда это произошло, для него оставалось загадкой. В исторической мясорубке, что происходила во всем мире на протяжении его жизни, он не мог отыскать ни одного явного повода для такого умозаключения: просто для него стало ясно, что если вдруг Англия вообще выйдет из игры, в мире ровным счетом ничего не изменится. Он часто задавался вопросом, на чьей стороне он окажется, если придет время испытаний; и после продолжительных раздумий ему пришлось в конце концов признать, что, если одному из монолитов выпадет победить, он бы предпочел, чтобы это был Восток.

– Это суждение большей частью эстетического свойства, – пояснил Хейдон, оторвав взгляд от своих записок. – Отчасти, конечно, и морального.

– Конечно, – вежливо согласился Смайли.

С этих пор, сказал он, направить усилия в русло своих умозаключений было для него лишь делом времени.

Этим добыча первого дня исчерпывалась. У Билла на губах выступил белый налет, и снова начали слезиться глаза. Они условились встретиться завтра в это же время.

– Было бы очень хорошо немного углубиться в детали, если это возможно, Билл, – сказал Смайли перед тем, как уйти.

– Да, послушай, зайди, пожалуйста, к Джен, если тебе не трудно, а? – Хейдон лежал на кровати, пытаясь остановить кровь из носа. – Не важно, что ты ей будешь говорить, главное – поставить точку. – Привстав на кровати, он выписал чек и положил его в коричневый конверт. – Отдай ей это, пусть оплатит счета за молоко.

Видимо, сообразив, что Смайли не вполне понимает, о чем он его просит, Билл добавил;

– Ну я же не могу взять ее с собой, верно? Даже если они разрешат ей приехать, это будет такая обуза, что хоть сразу вешайся.

Этим же вечером, следуя инструкциям Хейдона, Смайли доехал на метро до Кентиш-Тауна и разыскал там маленький домик в старых конных дворах, которые ни разу не перестраивали. Ему открыла дверь светловолосая девушка с блеклым лицом и в джинсах; в комнате пахло масляными красками и маленьким ребенком.

Он не мог припомнить, приводил ли ее Билл на Брайуотер-стрит, и поэтому начал с того, что сказал:

– Я от Билла Хейдона. С ним все в порядке, ноу меня есть для вас некоторые поручения от него.

– Господи, – тихо сказала она. – Долго же он не объявлялся.

Жилая комната представляла собой убогое зрелище. Через кухонную дверь он увидел кучу грязной посуды и понял, что Джен из тех женщин, что моют тарелки только тогда, когда чистых уже не остается. Пол ничем не был застелен, зато весь расписан замысловатыми психоделическими узорами из змей, цветов и насекомых, которые могли бы явиться в бредовых снах их творца.

– Это все Билл – вроде того, как Микеланджело расписал потолок, – словоохотливо поделилась девушка. – Только Билл не хотел, чтобы у него так болела спина, как у Микеланджело. Вы из государственных органов? – спросила она, закуривая. – Он говорил мне,

что работает в государственных органах. – Ее рука дрожала, а под глазами залегли желтоватые тени.

– Ох, знаете, сначала я должен отдать вам вот это, – сказал Смайли и, сунув руку во внутренний карман, извлек оттуда конверт с чеком.

– На пропитание, – понимающе кивнула девушка и положила конверт рядом с собой.

– На пропитание.

Смайли ответил на ее усмешку, и что-то в его лице или в том тоне, которым он повторил это слово" заставило ее взять конверт и вскрыть его. Там не было записки, один только чек, но чека было вполне достаточно: даже с того места, где он сидел, Смайли увидел, что сумма выражается четырехзначным числом.

Она чисто механически подошла к камину и положила чек в старую жестянку со счетами из бакалейного магазина, что стояла на полке. Затем она ушла в кухню и приготовила две чашки растворимого кофе, но вернулась в комнату только с одной.

– Где он? – спросила она, стоя прямо передним. – Снова ухлестывает за своим сопливым морячком, да? А этим он вроде как рассчитался со мной, да? Ну вот что, передайте этому паршивому сукину сыну от меня…

Смайли уже приходилось переживать подобные сцены, и теперь по нелепому стечению обстоятельств ему на память пришли старые фразы.

– Билл выполняет работу государственной важности. Боюсь, не могу вам рассказать подробнее, да и вам не стоит об этом нигде упоминать. Несколько дней назад он уехал за границу с секретным заданием. Он будет отсутствовать некоторое время. Может быть, несколько лет. Ему нельзя было никому говорить, что он уезжает. Он хочет, чтобы вы забыли его. Поверьте, мне действительно ужасно жаль, что так вышло.

Он успел это сказать до того, как она разразилась потоком брани. Он не слышал всех ее слов, потому что она при этом визжала и вопила так, что звон стоял, и когда ребенок услышал ее с верхнего этажа, он тоже начал орать. Она ругалась на. чем свет стоит, причем ругань ее была направлена не на него, и даже не на Билла, она просто ругалась в пустоту с сухими глазами, недоумевая, каким идиотом, каким последним кретином надо быть, чтобы сегодня верить правительству. Затем ее настроение изменилось. Смайли заметил, что по всем стенам развешаны картины Билла, главным образом, портреты этой девушки: некоторые были уже закончены, и все они несли на себе отпечаток какой-то ограниченности, обреченности по сравнению с его более ранними работами.

– Вы ведь не любите его или я не права? Я же вижу, – сказала она. – Почему же вы делаете за него эту грязную работу?

На этот вопрос у него, кажется, тоже не было готового ответа.

Возвращаясь на Байуотер-стрит, он снова заподозрил, что за ним следят, и позвонил Мэнделу, чтобы назвать ему номер такси, которое сегодня уже дважды попалось ему на глаза, и попросить немедленно навести справки. На этот раз у Мэндела никто не отвечал до глубокой ночи; Смайли спал тяжело и проснулся в пять часов. К восьми он снова приехал в Саррат и застал Хейдона в приподнятом настроении. Следователи его больше не беспокоили; Краддокс сказал ему, что уже достигнута договоренность об обмене и завтра или послезавтра он сможет уехать. В его просьбах уже слышались прощальные нотки; остаток его зарплаты, а также суммы, положенные ему за некоторые разовые работы, следует перечислить через Московский Народный банк, который, кроме этого, должен будет распорядиться его почтой. В бристольской галерее Арнольфини есть несколько его картин, среди которых ранние акварельные зарисовки из Дамаска, которые он очень хотел бы вернуть себе. Не может ли Смайли ему это устроить? Затем легенда о его исчезновении.

– Тяни время, – посоветовал он. – Говори, что меня отправили в командировку, придай этому всему больше таинственности, растяни на пару лет, а потом как-нибудь выведи меня из игры…

– О, я думаю, мы как-нибудь сообразим, спасибо, – прервал его Смайли.

За то время, что Смайли знал его, Хейдон впервые побеспокоился об одежде. Он хотел по приезде туда выглядеть более или менее прилично, сказал он, первые впечатления ведь так важны.

– Эти московские портные – нечто невообразимое. Оденут тебя как какого-нибудь паршивого кладбищенского сторожа.

– Это точно, – подтвердил Смайли, чье мнение о лондонских портных было ничуть не лучше.

Ах да, есть один парнишка, добавил он небрежно, его дружок, морячок, живет в Ноттинг-Хилле (Бедный район в западной части Лондона).

– Лучше всего дай ему пару сотен, чтобы заткнулся. Это ведь можно как-нибудь провернуть через специальный фонд?

– Думаю, можно.

Он нашел адрес. После всего этого, поддерживая дух дружеской беседы, Хейдон перешел к тому, что Смайли назвал деталями.

Он отказался обсуждать какие бы то ни было подробности как его вербовки, так и вообще его отношений с Карлой, длящихся всю жизнь.

– Всю жизнь?! – тут же переспросил Смайли. – Когда же вы познакомились?

Все заявления, которые он услышал вчера, показались ему вдруг абсурдными, но Хейдон ни за что не хотел развивать дальше эту тему.

Начиная примерно с 1950-го, если верить Хейдону, он в качестве подарков время от времени передавал Карле кое-какую избранную информацию. Эти его первые попытки ограничивались тем, что, как он рассчитывал, даст русским в отдельных моментах преимущество над американцами; он «очень скрупулезно следил за тем, чтобы не отдать им чего-нибудь такого, что может принести вред нам», равно как и нашим агентам, работающим в стане противника.

Суэцкая авантюра в 1956-м окончательно убедила его в незначительности места, занимаемого Великобританией на мировой арене и в ее неспособности воспользоваться историческим шансом, не говоря уже о том, чтобы вносить весомый вклад в мировые дела. Срыв американцами британской акции в Египте парадоксальным образом послужил дополнительным стимулом его решения. Таким образом, можно сказать, что с пятьдесят шестого он по идейным соображениям окончательно стал советским «кротом» с неограниченными перспективами. В шестьдесят первом он официально получил советское гражданство, а на протяжении следующих десяти лет – два советских ордена; самое интересное, что он не мог вспомнить, какие именно, хотя и утверждал, что это были «высшие награды». К сожалению, постоянные заграничные командировки в этот период ограничивали его допуск; и поскольку он добивался того, чтобы его информация использовалась, где только возможно, – «а не попадала в какой-нибудь дурацкий советский архив», – его работа в то время была столь же опасной, сколь и неровной. Когда он вернулся в Лондон, Карла прислал ему в качестве помощника Полли (очевидно, так Полякова называли все его близкие знакомые), но Хейдон посчитал неудобным находиться под постоянным прессом тайных свиданий, особенно если учесть то количество материала, которое ему приходилось фотографировать.

Он отказался обсуждать фотокамеры, оборудование, свою оплату и другие тонкости ремесла в период, когда еще не появился Мерлин, и Смайли все время отчетливо чувствовал,

что даже то малое, что ему рассказывал Хейдон, тщательно отбиралось им из гораздо более обширной и, вероятно, несколько другой правды.

Тем временем и Карла, и Хейдон по некоторым признакам убедились, что Хозяин учуял неладное. Хозяин, конечно, был уже болен, но совершенно ясно, что добровольно он ни за что не уступил бы никому бразды правления, пока оставался шанс преподнести Карле профессиональный подарок. Это была гонка на выживание между расследованием Хозяина и его здоровьем. Дважды он уже почти накрыл цель – Хейдон снова не стал уточнять, когда и как, – и, если бы Карла тогда не проявил проворство, «крот» Джералд угодил бы в капкан. И вот в результате этой нервной ситуации и родились сперва Мерлин, а потом и операция «Свидетель». «Черная магия» задумывалась прежде всего для того, чтобы обеспечить смену власти: сделать Аллелайна главным претендентом на трон и ускорить отречение Хозяина. Во-вторых, конечно, «Черная магия» давала Центру неограниченные возможности в манипулировании информацией, поступающей в Уайтхолл. В-третьих – ив конечном счете, как утверждал Хейдон, это самое важное, – она делала Цирк главным орудием для поражения американской цели.

– И какова же была доля правды в этом материале? – спросил Смайли.

Очевидно, она варьировалась в зависимости от того, чего требовалось достичь, сказал Хейдон. Теоретически сфабриковать подделку было очень легко.

Хейдону стоило лишь обрисовать Карле те области, в которых Уайтхолл был некомпетентен, и московские умельцы составляли прекрасные донесения. Пару раз Хейдон и сам ради развлечения писал такие отчеты. Очень это забавно – получать плоды собственной фантазии, делать их экспертизу и затем пускать в дело, сказал он. Преимущества «Черной магии» в профессиональном плане были, конечно, неоценимыми. Хейдон стал фактически недосягаем для Хозяина, а кроме того, у него появилось железное прикрытие для встреч с Полли в любое время, когда он только пожелает. Иногда они не встречались целыми месяцами. Хейдон фотографировал секретные документы, уединившись в своем кабинете – под предлогом приготовления «отбросов» для Полли, – передавал их Эстерхейзи со множеством другого хлама, и тот отвозил это все в явочную квартиру на Лок-Гарденс.

– Классическая схема, – бесхитростно пожал плечами Хейдон. – Перси руководит, я держусь у него за спиной, а Рой и Тоби делают черновую работу.

Тут Смайли осторожно спросил, не подумывал ли Карла о том, чтобы Билл принял руководство Цирком на себя: в самом деле, зачем нужны все эти хлопоты с подставным лицом? Хейдон уклонился от ответа, и Смайли пришло в голову, что Карла, как, впрочем, и Хозяин, вероятно, предпочитал думать, что Хейдон лучше подходит для роли подчиненного. Операция «Свидетель», продолжал Хейдон, стала скорее актом отчаяния. Билл прекрасно знал, что Хозяин и в самом деле почти подобрался к разгадке. Анализ изучаемых им досье приводил к появлению полного списка операций, либо проваленных Хейдоном, либо прерванных в результате его деятельности, что становилось довольно тревожным. Ему также удалось сильно сузить круг подозреваемых, оставив в нем лишь офицеров определенного ранга и возраста…

– Кстати, было ли из ряда вон выходящее предложение Штевчека подлинным? – спросил Смайли.

– Бог ты мой, конечно нет! – сильно удивившись, воскликнул Хейдон. – Это была ловушка от начала до конца. Сам по себе Штевчек, конечно, существовал, действительно есть такой высокопоставленный чешский генерал. Но он ни к кому ни с какими предложениями не обращался.

Смайли почувствовал, что Хейдон колеблется. Впервые за время их разговора ему, кажется, стало как-то неловко. В его манере повествования стали проскальзывать отчетливые оборонительные нотки.

– Само собой разумеется, нам нужно было точно знать, что Хозяин клюнет… и как он клюнет… и кого он отправит на встречу. Мы не могли допустить, чтобы он выбрал какого-нибудь мелкого тупоголового «уличного художника»: чтобы концы сходились с концами, поехать должна была крупная «шишка». С другой стороны, мы знали, что он доверит это дело только кому-нибудь их тех, кто не входит в высшее руководство и, кроме того, не имеет допуска к «Черной магии». Поскольку мы выбрали Чехию, он должен был, естественно, найти такого, кто бы говорил по-чешски.

– Естественно.

– Мы хотели, чтобы это был опытный волк, кто-нибудь такой, кто может сам принимать решение.

– Да, – сказал Смайли, вспоминая тяжело дышащую, обливающуюся потом фигуру на вершине холма. – Да, я вижу в этом несомненную логику.

– Черт возьми, я ведь вернул его! – вспылил Хейдон.

– Да, это делает тебе честь. Скажи, пожалуйста, Джим приходил к тебе повидаться перед тем, как отправиться на это задание?

– По правде говоря, да.

– И что он сказал?

Хейдон очень долго колебался и в конце концов так и не ответил. Но ответ был ясен без слов: он читался в его внезапно опустевших глазах, в тени вины, которой подернулось его похудевшее лицо. Он пришел предостеречь тебя, подумал Смайли, потому что любил тебя. Чтобы предостеречь тебя; точно так же как он приходил ко мне, чтобы сказать, что Хозяин сошел с ума, но я был в Берлине и он не мог меня разыскать. Да, Джим оберегал тебя до самого конца.

Кроме всего прочего, продолжал Хейдон, нужно было выбрать страну с недавней попыткой контрреволюционного выступления: Чехословакия, по сути дела, оказалась единственным таким государством.

Смайли, похоже, не очень внимательно слушал, потому как снова вернулся к разговору о Джиме.

– Зачем ты его вернул? – спросил он. – Из соображений дружбы? Или потому, что он не представлял вреда, а все карты были в твоих руках?

Не совсем так, пояснил Хейдон. Пока Джим оставался бы в чешской тюрьме (он не сказал «в русской»), людей волновала бы его судьба, они бы рассматривали его в качестве некоего символа. Но как только он вернулся, все в Уайтхолле, словно сговорившись, предпочли, чтобы он помалкивал: так почти всегда бывает с репатриантами.

– Меня удивило, что Карла не расстрелял его. Может быть, он удержался от этого из деликатности по отношению к тебе?

Но Хейдона снова потянуло в дебри его доморощенных политических концепций.

Потом он начал говорить о себе, и теперь уже, по мнению Смайли, он совершенно явно скатился к чему-то мелкому и убогому. Он был тронут, узнав, что Ионеско недавно поделился планами о будущей пьесе, в которой главный герой безмолвствует, а все вокруг него говорят без умолку. Если психологи и модные историки удосужатся когда-нибудь написать свои апологии о нем, он надеется, они не забудут упомянуть, что именно так он себя и представлял.

Как художник он еще в семнадцать лет сказал все, что должен был сказать, а ведь и в более зрелом возрасте нужно чем-то заниматься. Ему ужасно жаль, что он не может взять с собой кое-кого из своих друзей. Он надеется, Смайли будет вспоминать о нем с теплотой.

В этот момент Смайли хотел сказать, что в таких категориях вообще не станет о нем вспоминать, как, впрочем, и во многих других, но в этом, похоже, не было особого смысла, к тому же у Хейдона снова пошла кровь из носа.

– Да, кстати, я хотел бы попросить тебя избегать огласки. Майлз Серкомб придает этому большое значение.

Хейдон едва удержался от смеха. Перевернув вверх дном весь Цирк в одиночку, сказал Билл, он совсем не горит желанием повторить этот процесс на публике.

Перед уходом Смайли задал ему вопрос, который все это время не переставал его волновать.

– Я вынужден буду рассказать все Энн. Может быть, ты хочешь передать ей что-нибудь особенное?

Смысл вопроса не сразу дошел до Хейдона, и ему пришлось переспрашивать.

Сначала ему показалось, что Смайли сказал «Джен», и он никак не мог понять, почему тот вчера не зашел к ней.

– Ах, т в о я Энн, – наконец сказал он так, будто вокруг них было еще с десяток разных Энн. Это была идея Карлы, объяснил он. Карла давно знал, что Смайли представляет самую большую угрозу для «крота» Джеральда.

– Он сказал, что ты очень умен.

– Спасибо.

– Но у тебя оставалась эта единственная ценность: Энн. Последняя иллюзия человека, лишенного иллюзий. Он посчитал, что, если всем вокруг станет известно, что я любовник Энн, ты не слишком объективно будешь оценивать другие вещи. – Его глаза, как заметил Смайли, вдруг словно остекленели. Энн называла их оловянными. – Не то чтобы я должен был добиваться этого любой ценой, но, если получится, просто встать в очередь.

Логично?

– Логично, – ответил Смайли.

К примеру, Карла настоял, чтобы в ночь операции «Свидетель» Хейдон во что бы то ни стало предавался с Энн любовным утехам. Так сказать, в качестве подстраховки.

– А не случилось ли в ту ночь маленькой промашки с твоей стороны? – спросил Смайли, вспомнив Сэма Коллинза и удивление Билла, когда он узнал, что в Джима стреляли.

Хейдон согласился, что маленький прокол был. Если бы все шло по плану, первые сообщения из Чехии поступили бы примерно в десять тридцать. Хейдон еще успел бы прочитать телетайпные сводки в своем клубе между звонком Сэма Коллинза к Энн и своим приездом в Цирк. Но из-за того, что в Джима стреляли, чехи слишком долго копошились, и сводки вышли в эфир уже после того, как клуб был закрыт.

– К счастью, никто на это не обратил внимания, – сказал он, угощаясь еще одной сигаретой у Смайли. – Кем я, кстати, был? – Он, видимо, разговорился. – Как-то вылетело из головы.

– Скорняк. Я был Попрошайкой.

Смайли уже все это порядком надоело, и он потихоньку вышел, не удосужившись даже попрощаться. Он сел в машину и ездил по каким-то дорогам не меньше часа, совершенно отключившись от внешнего мира, пока вдруг не обнаружил, что мчится по объездной оксфордской трассе на скорости около 130 км. Он остановился, чтобы перекусить в придорожном кафе, и затем направился в Лондон. Но на Байуотер-стрит возвращаться не хотелось, и он пошел в кино, затем поужинал где-то, и когда приехал таки домой около полуночи слегка навеселе, то обнаружил у своей двери Лейкона и Майлза Серкомба. Здесь же рядом стоял дурацкий «роллс» Серкомба, этот его черный ночной горшок, во всей красе своих пятнадцати метров, заехав одним колесом на бровку и перегородив таким образом тротуар.

Они на бешеной скорости помчались в Саррат и там под открытым чистым небом этой ясной ночи, освещенный несколькими ручными фонарями, под обалдевшими взглядами

бледных как полотно заключенных «яслей», на садовой скамейке лицом к залитой лунным светом крикетной площадке сидел Билл Хейдон.

На нем была полосатая пижама, больше похожая на тюремную робу, а поверх нее накинуто пальто. Глаза были широко открыты, а голова как-то неестественно перекошена набок, как у птицы, которой умелой рукой свернули шею.

Каких-то особых разногласий по поводу того, что произошло, не возникло.

В половине одиннадцатого Хейдон пожаловался на бессонницу и тошноту и попросился выйти подышать свежим воздухом. Его дело считалось закрытым, и никто и не подумал сопровождать его, так что он вышел на улицу один. Один из охранников вспомнил, как Билл пошутил, что проверит, «правильно ли расставлены воротца». Другой в этот момент слишком увлекся телевизором, чтобы вообще что-то помнить. Через полчаса они забеспокоились, и начальник смены пошел его искать, а помощник остался на тот случай, если Хейдон вернется. Хейдона нашли там, где он сейчас сидел; охранник подумал сначала, что он заснул. Нагнувшись к нему, он почуял запах алкоголя – как ему показалось, джина или водки – и решил, что Хейдон пьян, чему очень сильно удивился; в «яслях» официально запрещено употреблять спиртное. Он так и не понял, что произошло, пока не попытался его приподнять; и тут голова Билла, словно соскочив с подставки, свалилась набок, увлекая за собой тело, которое шлепнулось на землю, как куль с песком. Охранника тут же вырвало – следы блевотины до сих пор были видны под деревом, – после чего он снова усадил труп на скамейку и поднял тревогу.

– Получал ли Хейдон какие-нибудь записки в этот день? – спросил Смайли.

Нет. Но его костюм сегодня вернули из прачечной, и в принципе там могла быть спрятана записка – к примеру, приглашение на рандеву.

– Стало быть, это сделали русские, – с удовлетворением заметил Министр, обращаясь к безмолвной фигуре Хейдона. – Чтобы не сболтнул чего-нибудь лишнего, надо полагать. Мерзавцы паршивые.

– Нет, – возразил Смайли. – Для них дело чести сначала вернуть своих людей домой.

– Так какой же дьявол это сделал?

Все выжидательно смотрели на Смайли, но ответ так и не прозвучал.

Фонари погасли, и вся группа нерешительно двинулась по направлению к машине.

– Мы сможем избавиться от него? – спросил Министр по дороге назад.

– Он был советским гражданином. Пусть они его и забирают, – сказал Лсйкон, не переставая смотреть в темноте на Смайли.

Они сошлись во мнении, что об агентурных сетях теперь остается только пожалеть. Но лучше все-таки попробовать договориться с Карлой: может быть, он пойдет на сделку?

– Не пойдет, – сказал Смайли.

* * *

Вспоминая все это в уединении своего купе первого класса, Смайли испытал любопытное чувство, будто он разглядывает Хейдона через перевернутый телескоп. Он практически не ел с прошлого вечера, но в поезде был бар, который работал почти все время.

Когда поезд отходил от вокзала Кингс-Кросс, Смайли тоскливо подумал, что, несмотря ни на что, любил и уважал Хейдона: в конце концов, тому было что сказать, и он сказал это. Однако ум Смайли не хотел примириться с этим удобным упрощением. Чем больше он ломал голову над беспорядочным рассказом Хейдона о самом себе, тем глубже утопал в противоречиях. Сначала он пытался представить его в свете романтических иллюзий одного газетчика-интеллектуала тридцатых годов, для которого Москва была настоящей Меккой. «Москва ведь была предметом изучения Билла, – сказал Смайли самому себе. – Ему не хватало гармонии между историческим и экономическим решениями». Этого показалось слишком мало,

и он добавил в этот образ больше черт такого человека, какого он пытался полюбить: «В Билле уживались романтик и сноб. Он хотел присоединиться к элитной части человечества, к его авангарду, чтобы вывести народные массы из тьмы к свету». Затем он вспомнил недописанные картины в гостиной девушки из Кентиш-Тауна: ограниченные, выспренние и обреченные. Еще он вспомнил призрак властного, строгого отца Билла – Энн называла его просто Монстром – и предположил, что марксизм вполне мог возместить Биллу его художническую несостоятельность, а может, даже и лишенное любви детство.

Потом уже, конечно, вряд ли играло какую-то роль то обстоятельство, что великое учение обнаружило свою неубедительность. Билл твердо стоял на этом пути, и Карла знал, что нужно делать, чтобы он с него не свернул.

Предательство, в сущности, дело привычки, подумал Смайли, будто снова увидев Билла растянувшимся на полу комнаты на Байуотер-стрит, в то время как Энн ставила пластинку.

Биллу, конечно, нравилось это. Смайли не сомневался в этом ни секунды.

Стоять посреди невидимой сцены, разыгрывая столкновение двух миров; герой и драматург в одном лице: да, несомненно, Биллу нравилось это делать.

Смайли и от этого отмахнулся, усомнившись, как обычно, в истинности общепринятых представлений о человеческих побуждениях, и вместо этого представил себе деревянную русскую куклу-матрешку, которая, открываясь, обнаруживает внутри себя другую куклу, а та, в свою очередь, третью и так далее. Из всех живущих на этой земле, пожалуй, лишь Карла видел самую последнюю и самую маленькую куклу внутри Билла Хейдона. Когда и как Карла завербовал его? Были ли его праворадикальные убеждения в Оксфорде всего лишь притворством или же, парадоксальным образом, состоянием греха, от которого Карла избавил его, даровав прощение?

Спроси Карлу: жаль, что я не сделал этого.

Спроси Джима: я никогда не сделаю этого.

На фоне плоского пейзажа Восточной Англии, проплывающего за окном, перед глазами Смайли возникло непреклонное лицо Карлы, сменив перекошенную посмертную маску Билла Хейдона. «Но у тебя оставалась эта единственная ценность: Энн. Последняя иллюзия человека, лишенного иллюзий. Он посчитал, что, если всем вокруг станет известно, что я любовник Энн, ты не слишком объективно будешь оценивать другие вещи».

Иллюзия? Неужели и вправду Карла называл этим словом любовь? И Билл тоже?

– Эй, послушайте, – очень громко окликнул его кондуктор, видимо, уже не в первый раз. – Выходите, вам ведь до Гримсби, разве нет?

– Нет-нет, мне до Иммингема. – Затем он вспомнил об указаниях Мэндела и выбрался на платформу. Поблизости не было видно ни одного такси"так что, справившись в кассе, он перешел через пустую привокзальную площадь и встал у зеленого столбика с табличкой «Очередь». Он вообще-то надеялся, что она встретит его, но, видно, она не успела получить телеграмму. Ну да, конечно, Рождество на носу: кто же сейчас станет ругать почту? Ему было интересно, как она воспримет новость насчет Билла, и тут он вдруг понял, вспомнив ее испуганное лицо, когда они гуляли среди утесов Корнуолла, что уже тогда Билл умер для нее. Она почувствовала его холодную отчужденность и каким-то образом догадалась, что за этим стоит.

«Иллюзия», – все повторял он про себя. Лишен иллюзий?

Было зверски холодно; он очень надеялся, что этот ее паршивый любовник, по крайней мере, подыскал ей теплое жилье.

Он пожалел, что не взял с собой ее меховые ботики из чулана под лестницей.

Он вспомнил, что до сих пор не забрал из клуба Мартиндейла своего Гриммельсгаузена.

И тут он увидел ее: прямо по полосе, помеченной «Только для автобусов», к нему приближалась ее потрепанная машина; Энн сидела за рулем и смотрела в другую сторону. Он увидел, как она выходит из машины, оставив включенным указатель поворота, и направляется к зданию вокзала: высокая, с озорным блеском в глазах, непередаваемо красивая женщина, все время принадлежавшая кому-нибудь другому.

* * *

Весь остаток семестра Джим Придо, по наблюдениям Роуча, вел себя примерно так, как его мать вела себя, когда от них ушел отец. Он тратил уйму времени на разные мелочи, как, например, установка освещения для школьной пьесы или починка сеток для футбольных ворот; а на французском он прилагал неимоверные усилия, исправляя все их ошибки, включая самые незначительные.

Но от больших дел, таких, как долгие прогулки или игра в гольф в одиночку, он отказался совсем, оставаясь по вечерам в своем фургоне и даже не помышляя о том, чтобы сходить в деревню. Хуже всего был его пустой, остекленевший взгляд, когда Роучу случалось застать его врасплох, и еще то, что он иногда забывал о важных вещах на уроке; он забывал даже ставить поощрительные красные отметки в журнале: Роучу приходилось каждую неделю напоминать ему об этом.

Чтобы хоть как-то поддержать его, Роуч взял на себя обязанности помощника осветителя сцены. Во время репетиций Джим подавал ему условные сигналы – ему, Биллу Роучу, и никому другому. Например, когда он хотел, чтобы огни рампы постепенно угасли, ему стоило лишь поднять руку и махнуть в сторону Билла.

Со временем, однако, Джим, похоже, стал поправляться. Его взгляд становился все яснее, а сам он – живее и проворнее. Тень его умершей матери, кажется, рассеялась. В тот вечер, когда играли пьесу, он был таким добродушным, каким Билл его еще никогда не видел. «Эй, Слоник, глупый ты лягушонок, где твой плащ, ты что, не видишь – дождь идет?» – крикнул он ему, когда они, уставшие, но ликующие, возвращались после представления в главное здание школы. «Его на самом деле зовут Билл, – услышал он, как Джим пояснил кому-то из приехавших родителей. – Мы вместе когда-то были здесь новичками».

В конце концов Билл Роуч убедил себя, что пистолет ему просто-напросто померещился.
